

Боевые Подвиги Кавказскихъ Войскъ.

Б. С. Эсадзе.

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ КАВКАЗСКИХЪ ВОЙСКЪ.

АЛЬБОМЪ

Картинной галлереи Кавказскаго Военно-Историческаго Музея

съ описаніемъ замѣчательныхъ событій, наиболѣе выдающихся сраженій и отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ за время двухвѣковой борьбы русскихъ на Кавказѣ.

Составилъ штабсъ-ротмистръ 43-го драгунскаго Тверского полка

Б. С. Эсадзе.

ТИФЛИСЪ.

Типографія тифлисскаго Метехскаго тюремнаго замка.

1899

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 30-го октября 1899 г.

ПРИ СОСТАВЛЕНІИ АЛЬБОМА ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ПОЛЬЗОВАЛСЯ СЛѢДУЮЩИМИ ИСТОЧНИКАМИ:

Акты. Кавказской археографической комиссіи.

Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ.

Новоселовъ. Кавказцы.

Бобровскій. Исторія 13-го лейбъ гренадерскаго Эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка

Зиссерманъ. Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка.

Богуславскій. Исторія пѣхот. Апшеронскаго полка.

Потто. Исторія 44-го др. Нижегородскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

Яновскій. Исторія 156 пѣх. Елисаветпольскаго полка.

Махлаюкъ. Исторія 14-го гренадер. Грузинскаго полка.

Зыковъ. Война въ азіатской Турціи.

Гиппіусъ. Осада и штурмъ кр. Карса въ 1877—78 г.г.

Кишмишевъ. Война въ турецкой арменіи 1877—78 г.г.

Романовскій. Кавказъ и Кавказская война.

Фодѣевъ. 60 лѣтъ Кавказской войны и письма съ Кавказа

Сборникъ. Иллюстрированная хроника войны 1877—78 г.г.

Б. и С. Эсадзе. Тверскіе драгуны на Кавказѣ.

Казбекъ. Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Берже. Разныя статьи

Зиссерманъ. Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ.

Попко. Терскіе казаки стародавнихъ временъ.

Баратовъ. Исторія Грузіи.

Царевичъ Давидъ. Краткая исторія Грузіи.

Бакрадзе и Берздеповъ. Тифлисъ въ историческомъ отношеніи.

Муравьевъ. Грузія и Арменія.

Баронъ фонъ-Гакстгаузенъ. Закавказскій край.

Надеждинъ. Природа и люди на Кавказѣ.

Кавказскій сборникъ.
Военный сборникъ.
Русская старина.
Энциклопедическій словарь
Газета Кавказъ.

Оглавленіе

ПРЕДИСЛОВІЕ.

26 ноября 1899 года исполнится ровно сто лѣтъ съ того знаменательнаго дня, когда на защиту Грузіи, въ столицу ея Тифлисъ, навсегда вступилъ 17 егерскій, нынѣ лейбъ-гренадерскій Эриванскій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкъ—событіе, положившее начало русскому владычеству въ Грузіи, а затѣмъ и на всемъ Кавказѣ. Событіе это должно быть радостно встрѣчено войсками кавказскаго военнаго округа, отъ генерала до рядового включительно вмѣстѣ съ благодарной Грузіей.

Кавказская война, покрывшая неувядаемой славой русское оружіе, составляетъ безпримѣрную страницу въ исторіи. Съ цѣлью увѣковѣчить въ народной памяти подвиги, совершенные кавказскими войсками, въ гор. Тифлисѣ сооруженъ кавказскій военно-историческій музей, гдѣ собираются портреты героевъ, картины замѣчательныхъ событій и наиболѣе выдающихся сраженій за время двухвѣковой борьбы русскихъ на Кавказѣ.

Подвиги кавказскихъ войскъ, изображенные на этихъ картинахъ, достойны вниманія и изученія и должны составлять драгоцѣнное и вѣчное наше наслѣдіе. Нѣтъ, кажется, такой преграды, которая могла бы удержать кавказскаго воина на пути къ достиженію побѣды, и нѣтъ, кажется, такого подвига, котораго онъ не совершилъ-бы. Кавказъ для него замѣнялъ далекую родину, семью, родныхъ; для него праздники проходили въ тревогахъ и схваткахъ съ непріятелемъ. Совершалъ онъ великія дѣла свои не хвастливо, не ожидая ни наградъ, ни славы, встрѣчая въ борьбѣ громадныя лишенія, и ежеминутно шелъ на вѣрную смерть.

Война была продолжительная и упорная. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, оставляя въ наслѣдіе обагренныя кровью и дивныя, увлекательныя преданія, не утратившія и донынѣ захватывающаго интереса.

Преемники старыхъ воиновъ кавказскихъ обязаны знать про доблестныя дѣла отцовъ и дѣдовъ своихъ. Авторъ рѣшается издать альбомъ фототипій съ картинъ, хранящихся въ кавказскомъ военно-историческомъ музеѣ, съ описаніемъ каждой картины.

Цѣль настоящаго изданія—освѣжить воспоминанія о несокрушимой богатырской силѣ русской арміи, предъ которою поверглись во прахъ не только полчища враговъ, но и неприступныя твердыни Кавказа. Въ подвигахъ этой удивительной арміи таится благородное, высоконравственное и любовное начало, возвышающее духъ и способное воспитать прекрасными примѣрами молодое поколѣніе. Ничто такъ не трогаетъ нашего сердца, не врѣзывается такъ глубоко въ нашу душу, какъ картины, въ которыхъ просто и живо переданы кистью художника исполненіе долга, самоотверженіе, побѣдное торжество и доблестная кончина воиновъ, «душу свою положившихъ за други своя».

Краткій очеркъ
двухвѣковой борьбы русскихъ на Кавказѣ.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
...Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья.....
....И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война.

Лермонтовъ.

Кавказъ. Кавказъ съ незапамятныхъ временъ былъ извѣстенъ народамъ, проникавшимъ сюда еще въ эпоху, о которой сохранились въ исторіи одни лишь смутныя свѣдѣнія. Здѣсь была колыбель возрожденнаго человѣка послѣ всемірнаго потопа. Тутъ возникаютъ царства и города въ тѣ отдаленныя времена древности, когда исторія не знала Аѳинъ и Рима, когда самое имя Европы не произносилось никѣмъ. Евреи, напримѣръ, поселяются на Кавказѣ задолго до плѣненія Навуходоносоромъ. Здѣсь Римъ оспаривалъ владычество надъ міромъ. Сюда на зарѣ христіанства ученики Божественнаго Учителя принесли слово Божіе. Здѣсь, черезъ Кавказъ, проходили племена, которымъ суждено было населить Европу и обновить древній міръ. Сюда же въ средніе вѣка проникъ промышленный духъ генуэзцевъ. Со времени Геродота многіе изъ греческихъ, римскихъ, арабскихъ, византійскихъ и турецкихъ писателей повѣствуютъ о Кавказѣ, Иверіи, Колхидѣ, Албаніи, и всѣ они восхищаются величавой природой Кавказа, съ любопытствомъ останавливаясь на разнообразіи его населенія. Съ самыхъ древнихъ временъ проходившимъ народамъ нельзя было миновать Кавказа, нельзя было и не замѣтить его. Кавказъ знали всѣ,—эти вѣчно сіяющія, недоступныя, отовсюду видныя, надъ всѣмъ владычествующія снѣговыя вершины гигантскаго хребта приковывали взоры народовъ. Недаромъ владычества надъ Кавказомъ поперемѣнно искали: съ запада греки, македоняне, византійцы, турки; съ юга персы, арабы, монголы; съ сѣвера скифы, готы, хозары, гунны, половцы, печенѣги, славяне и русскіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокой древности отдаленныя ущелья и вершины кавказскихъ горъ не представляли никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья, но когда предѣлы древняго міра сдѣлались тѣсными, народы двинулись изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію черезъ Кавказъ, частью застревая на немъ. Притѣсненіе сильныхъ и успѣвшихъ уже утвердиться тамъ племенъ впослѣдствіи принуждало ихъ къ большему и большему удаленію въ трущобы и вершины горъ, постепенно способствуя образованію тамъ малолюдныхъ отдѣльныхъ обществъ, столь разнообразныхъ между собою.

Прельстившись суровыми красотами Кавказа и будучи утомлены дальнимъ путешествіемъ, племена гунновъ, хозаровъ, скифовъ и другія задерживались и оставались въ кавказскихъ горахъ. Вотъ почему Кавказскій край представляетъ такое разнообразіе въ населеніи, какого нельзя найти въ цѣломъ свѣтѣ. Здѣсь иногда не только сосѣднія селенія говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ, но бывали случаи, когда одна часть одного и того же селенія не понимала другой.

Самые походы крестоносцевъ содѣйствовали нѣкоторому увеличенію свѣдѣній о Кавказѣ. Ополчившіеся для освобожденія Святаго Града, воины эти, потерпѣвъ въ Палестинѣ и Сиріи различныя бѣдствія и неудачи, толпами спѣшили возвращаться оттуда на родину, и нѣкоторые изъ нихъ избирали себѣ путь въ Европу черезъ Персію, Арменію и Иверію. Многія обстоятельства подтверждаютъ эту истину, и между горскими племенами нѣкоторыя до сихъ поръ сохранили память о европейскомъ своемъ происхожденіи вмѣстѣ съ обликомъ, а также различными обычаями.

Грузинскій царь Миріанъ, жившій во II вѣкѣ, по сказаніямъ грузинскихъ лѣтописей, уже засталъ извѣстныя въ древности «Кавказскія ворота», находящіяся въ Дарьяльскомъ ущельѣ, и приказалъ заложить ихъ наглухо, чтобы вовсе не пропускать въ Грузію кочевниковъ и горскихъ разбойниковъ, и тутъ же, надъ воротами, на одномъ утесѣ, построилъ крѣпкій замокъ. Кто не зналъ въ древности этихъ воротъ и замка, владѣть которыми значило владѣть всѣмъ За-

кавказьемъ! Славныя времена Кавказа живутъ еще въ памяти грузинскаго народа въ сказаніяхъ о Тамарѣ, въ пѣсняхъ Руставели, въ особенности въ безчисленныхъ развалинахъ крѣпостей, такъ живописно расположенныхъ по всему краю Великая царица грузинской земли строила ихъ повсюду, гдѣ требовалась защита отъ варваровъ; говорятъ, что крѣпости эти расположены отъ моря до моря, такъ что если съ высоты птичьяго полета взглянуть на Кавказскій перешеекъ и провести мысленно линію между этими крѣпостями, то получится грузинское слово «Тамара».

Необозримая дѣвственная гладь тучныхъ степей, богатыхъ травами, стелется съ сѣвера къ подножью Кавказскаго хребта, прорѣзываемая насквозь многоводными рѣками: Терекомъ, Кубанью, Дономъ и Волгою. Такая же безконечная степь, но уже сухихъ, выжженыхъ долинъ, стелется на востокъ къ суровому Каспію, къ развалинамъ древнихъ азіатскихъ царствъ, къ гнѣзду былой, монгольской силы. И съ третьей стороны, съ запада, примыкая къ Черному морю опять рѣки и долины,—полный растительности край. Съ юга—величественны горные хребты съ безконечными отрогами и рѣками: Курою, Арагвою, Алазанью, орой и Араксомъ. И стоитъ величаво Кавказъ среди своихъ границъ грознымъ стражемъ, на рубежѣ двухъ морей, двухъ исторій и двухъ міровъ: стараго азіатскаго и новаго европейскаго. Какъ неприступный замокъ, раздвинулъ онъ кругомъ себя цѣпь отроговъ въ видѣ фортовъ и лишь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ грозно шумитъ Терекъ, оставилъ надежныя Дарьяльскія ворота среди своихъ укрѣпленныхъ твердынь.

И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ.....

Кавказъ былъ ключемъ, безъ котораго невозможно было овладѣть обширными плодородными равнинами и запереть ихъ отъ вторженій все новыхъ и новыхъ племенъ и народовъ.

Географическое положеніе Кавказскаго перешейка придаетъ этой странѣ господствующее, всемірное политическое и торговое значеніе. Кто владѣетъ Кавказомъ, тотъ будетъ безпрекословно господствовать надъ Азіатской Турціей, Персіей, Закаспійскимъ краемъ, перешагнетъ къ Аральскому морю и на Аму-Дарью, которая судоходнымъ путемъ доведетъ его и до границъ Индіи.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ и Грузіей. Какъ извѣстно, юго-восточныя славянскія племена вели обширную торговлю съ азіатскими народами; въ древности русскіе люди плавали по Каспійскому морю не только съ торговыми цѣлями, но даже для грабежа, когда они, по выраженію поэта:

Византію громили
И съ коссоговъ брали дань...

Въ 943 году русскіе сдѣлали набѣгъ по Каспійскому морю до провинціи Адербейджанъ, зайдя даже въ долину рѣки Куры, въ нынѣшнюю Елисаветпольскую губернію.

Въ лѣтописяхъ Нестора, подъ датой 965 года, отмѣченъ походъ храбраго великаго русскаго князя Святослава Игоревича противъ царства хозаровъ на Дону, который затѣмъ простеръ свое оружіе противъ яссовъ и коссоговъ, т. е. осетинъ и черкесовъ, жившихъ по предгорьямъ кавказскихъ горъ къ востоку отъ Азовскаго моря. Онъ опустошилъ землю ихъ около 967 года и перенесъ русскую границу на самую Кубань, утвердивъ господство русскихъ на берегахъ этой рѣки, на полуостровѣ Тамани, подъ названіемъ Тмутараканскаго княжества.

Въ 1036 году это княжество перешло во власть Ярослава, затѣмъ Тмутараканью правилъ сынъ Святослава Владимировича, Глѣбъ, съ которымъ изъ Кіева прибылъ преподобный Никонъ, устроившій здѣсь монастырь.

Въ 1064 году двоюродный братъ князя, Ростиславъ Владимировичъ, будучи обдѣленъ удѣломъ, собралъ удальцовъ и прибылъ на Тамань, выгналъ Глѣба, а самъ занялъ его мѣсто. По смерти Ростислава Тмутараканью правилъ Давидъ Игоревичъ, а послѣ 1111 года княжество это было завоевано половцами. Въ лѣтописяхъ говорится также, что Изяславъ Мстиславовичъ, внукъ Владимира Мономаха, былъ женатъ на абадзехской княжнѣ, безъ сомнѣнія христіанкѣ. Грузинскія лѣтописи говорятъ, что когда юная Тамара, дочь царя грузинскаго, въ 1171 году наслѣдовала престолъ родителя, то духовенство и бояре искали ей жениха, и выборъ палъ на сына русскаго князя Андрея Боголюбскаго—Георгія. И дѣйствительно, вскорѣ бракъ этотъ состоялся, но, къ сожалѣнію, онъ былъ неудаченъ и расторгнутъ.

Набѣги русскихъ на каспійскія и черноморскія страны, а также къ подножіямъ кавказскихъ горъ неоднократно совершались и впослѣдствіи. Такія нападенія предпринимались даже при распаденіи Руси на удѣлы; послѣдній изъ набѣговъ того времени на Каспій, весьма опустошительный, относится къ 1175 году. Такимъ образомъ, сношенія Россіи съ кавказскими народами, обитавшими какъ по сѣверную сторону Кавказскаго хребта, такъ и за нимъ, начались съ давнихъ временъ.

Въ 1185 году совершенъ былъ походъ Игоря Святославича на половцевъ съ цѣлью возврата Тмутаракани; тогда же русскій отрядъ проникъ въ глубину степей Сѣвернаго Кавказа, къ рѣкѣ Егорлыкъ. Русскихъ привлекала сюда обширная торговля съ богатыми народами, обитавшими у береговъ Каспія. Русскіе стремились также на Кавказъ и ради спасенія единовѣрной Грузіи, которая, съ ея святыми монастырями, вѣковыми башнями и развалинами, уже давно изнывала подъ гнетомъ исламизма.

Въ Закавказьѣ издревле жили православные народы картвельскаго племени,

покоряемые и разоряемые поочередно аравитянами, монголами, персіянами и турками, но сумѣвшіе сохранить свою религію и народность. Особенно въ періодъ славнаго царствованія грузинскаго царя Давида-Возобновителя и славной грузинской царицы Тамары имя Иверіи было грознымъ для Закавказья, отъ предѣловъ Чернаго до Каспійскаго морей, когда Тамара побѣждала армянъ, турокъ и персіянъ, покорила подъ свою власть всѣ горныя племена и распространяла между ними христіанство. Свѣдѣнія о православныхъ жителяхъ иверійской земли получались въ Россіи отъ ѣздившихъ въ Грузію, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ монаховъ, привозившихъ вѣсти объ этихъ христіанахъ и сообщавшихъ о варварствахъ, совершаемыхъ надъ ними.

Бѣдственное положеніе этой многострадальной страны, принявшей христіанство еще въ IV вѣкѣ и не имѣвшей достаточно силъ для огражденія отъ посягательства враговъ православія, вынудило ее искать покровительства родственной ей по вѣрѣ Россіи.

До принятія христіанства Грузія находилась во власти персидскихъ царей, которые водили грузинъ въ военные походы противъ грековъ и скиѳовъ. Во мракѣ слѣдовавшихъ затѣмъ вѣковъ, полныхъ невзгодъ, проходило время,—и Грузія понемногу стала возрождаться и крѣпнуть. Затѣмъ страна вступаетъ въ эпоху царей, и первымъ царемъ иверійской земли является Фарнаозъ, царствовавшій за 300 лѣтъ до Р. Х.

Въ многовѣковой борьбѣ Грузія, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, во имя Святаго Креста, одна, на своихъ плечахъ, вынесла всѣ бѣдствія и ужасы нашествія хищныхъ завоевателей и уже съ IV вѣка могла молиться мученикамъ своей вѣры; врядъ ли найдется другая страна, вынесшая столько невзгодъ, разореній, опустошеній и нравственныхъ страданій.

Въ 1221 году монголы сдѣлали нашествіе на Кавказъ; въ 1225 году былъ разоренъ Тифлисъ шахомъ Хорезомъ, разрушившимъ до основанія грузинскую святыню Сіонскій соборъ, а въ 1289 году послѣдовала мученическая смерть грузинскаго царя Дмитрія I. Бѣдствія продолжались и послѣ, когда Тамерланъ, покоривъ персовъ, овладѣлъ Грузіей и дошелъ до подошвы Эльборуса. Такія нашествія онъ дѣлалъ шесть разъ.

Начиная съ XVI вѣка, въ Москву одну за другою привозили грузинскія святыни, спасаемыя отъ поруганія мусульманъ. И московскіе цари, и народъ съ одинаковою скорбью слушали разказы о неистовствахъ, совершенныхъ надъ православными христіанами. Самыя святыя чувства были задѣты и влекли русскихъ на путь, указанный ихъ предками. Россія видѣла, что Грузія выбивается изъ силъ и стоитъ на краю гибели за право не отрекаться отъ вѣры Христовой, а потому православное царство не могло хладнокровно смотрѣть на страданія единовѣрныхъ братьевъ, и русскіе цари, желая спасти Грузію, стали посылать туда войска и посольства. Съ появленіемъ въ Россіи ордъ монголовъ, Чингисхана и татаръ, на время прекратилось было прямое вліяніе ея на кавказскія страны, но когда Московское государство достигло уже значительной крѣпости и почуяло силы, сношенія съ Иверіей стали расти. Внутренняя и духовная связь между Москвой и Грузіей уже не прекращалась. Сильное тяготѣніе къ единовѣрнымъ братьямъ было далеко не случайнымъ, и рука помощи сѣвернаго великана какъ бы виднѣлась въ туманной дали грядущихъ событій. Закрѣпляя связь съ Грузіей, цари московскіе начали именоваться государями Иверской, Карталинской, Грузинской и Кабардинской земель.

Въ царствованіе Іоанна III на сѣверномъ Кавказѣ образовалась первая русская колонія выходцами отъ рязанской вольницы, занявшими мѣста по сунженскимъ и терскимъ предгоріямъ—гребнямъ и назвавшимися гребенцами; впослѣдствіи они пополнялись многими бѣглыми изъ Россіи, а также шайкою атамана Андрея, одного изъ товарищей Ермака, поселившихся около аула Эндери, названнаго потомъ по имени атамана «Андреевой деревней».

Покореніе при Іоаннѣ Грозномъ Астраханскаго царства впервые привело русскихъ въ непосредственное сосѣдство съ Кавказомъ, вступленіе же его въ бракъ съ кабардинскою княжною Маріею Темрюковною сблизило еще болѣе Россію съ кавказскими народами. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный, въ 1567 году, повелѣлъ основать при устьѣ рѣки Сунжи сильное укрѣпленіе, подъ названіемъ Терки, необходимое царю для защиты новой кабардинской вотчины. Здѣсь было основано терское казачье войско и учреждено терское воеводство. Казаки до сихъ поръ, вспоминая время Іоанна Грознаго, такъ воспѣваютъ царя въ своихъ казачьихъ пѣсняхъ:

Ой ты, батюшка, нашъ православный царь!
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь!

Такъ обращались они къ царю. И царь, отвѣчая словами этой же пѣсни, жаловалъ ихъ Терекомъ:

Подарю я васъ, казаченки, да пожалую
Рѣкою вольною, что ни быстрымъ
Терекомъ Горыновичемъ, онъ отъ самаго гребня
До синяго моря, до синяго моря, до Каспійскаго.

Отдавая Терекъ казакамъ, царь повелѣлъ имъ: «служить свою службу государству и беречь свою вотчину кабардинскую». Такимъ образомъ первыми русскими поселенцами на Кавказѣ были селившіеся по гребнямъ горъ гребенскіе и терскіе казаки, которымъ приходилось вести непрерывную борьбу, отстаивая свободу. Гребенцы держались за свои земли крѣпко, ихъ поддерживали кабардинскіе князья, а царскіе воеводы неоднократно писали въ Москву: «Если казаковъ по Тереку и въ гребеняхъ не будетъ, то Терскому городу будетъ большая тѣснота».

Іоаннъ Грозный, простирая виды на востокъ, принялъ подъ свою защиту грузинскаго царя Леонида, а вслѣдъ за этимъ и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ,

тронутый бѣдствіями Иверіи, оказалъ ей помощь противъ сильнаго владѣльца Дагестана—шамхала тарковскаго. Царь принималъ даже въ Москвѣ грузинскихъ пословъ, прибывшихъ въ 1586 году съ изъявленіемъ покорности и благодарности, послѣ чего онъ отправилъ въ Грузію своихъ пословъ съ жалованною грамотой и съ «висячею золотою печатью», обнадеживая грузинскаго царя Александра II своею помощью. Одновременно съ этимъ царь отправилъ другого посла, къ персидскому шаху Абассу Великому, съ просьбою не обижать грузинъ. Въ 1588 году въ устьѣ р. Терека основана новая крѣпость, названная Терскимъ городкомъ, а прежнія Терки переименованы въ Сунженскій городокъ. Къ этому же времени относится экспедиція воеводъ Засѣкина и князя Хворостинина, который хотя и взялъ шамхальскую столицу—Тарки, но во время вылазки потерпѣлъ сильное пораженіе. Въ 1604 году воевода Бутурлинъ повторилъ походъ, взялъ Тарки, былъ также въ нихъ осажденъ, но, довѣрившись коварнымъ клятвамъ шамхала, вышелъ изъ города и погибъ со всѣмъ своимъ 7-тысячнымъ отрядомъ. При Борисѣ Годуновѣ также было отправлено въ Грузію посольство; при немъ же на Терекъ ссылались опальные воеводы, бояре, приказные и вольные люди, а самая крѣпость пополнялась стрѣльцами изъ Москвы.

Съ этого времени Московское государство стало болѣе обращать вниманія на Грузію, и мысль о господствѣ на Кавказѣ становится какъ бы преобладающею въ русской исторіи. Когда Годуновъ узналъ, что Иверія опустошается персами, онъ немедленно принялъ ее подъ свое покровительство. Царь даже обѣщалъ прибывшимъ въ Москву грузинскимъ посламъ отправить полторы тысячи человѣкъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а въ письмѣ грузинскому царю сообщалъ, что отнынѣ онъ будетъ вѣдать всѣ дѣла Грузіи, посланному же въ 1604 году въ Грузію русскому послу, думному дворянину Татищеву, для большаго утвержденія союза, было поручено отъ царя Бориса, между прочимъ, «тайное дѣло—сосватать среди грузинскихъ царевичей и царевенъ дочери царя, Ксеніи, жениха, а сыну его, Θеодору—невѣсту», о чемъ 10 мая 1605 году была учинена запись. Грузины просили этихъ пословъ: «предложить государю, дабы онъ въ грузинской землѣ избралъ одинъ городъ или два и, для вящшаго укрѣпленія, посадилъ бы тамъ русскихъ людей, дабы турки и персіяне имъ не грозили»,—но кончина Годунова разстроила начатые переговоры и дѣло сватовства.

Политическія потрясенія и перевороты въ Россіи XVII вѣка, начавшееся смутное время, отвлекли на время вниманіе русскаго правительства отъ Кавказа. Воспользовавшись этимъ, персидскій шахъ Абасъ Великій опустошилъ Кахетію,—и цвѣтущая страна обращена была въ развалины; онъ залилъ ее кровью и спалилъ ея города, села, монастыри и церкви. Не скоро оправилась Грузія отъ этого погрома, но когда обстоятельства въ Россіи перемѣнились, вліяніе ея возобновилось, и послы грузинскіе вновь начали являться въ Москву, прося помощи, «умоляя спасти христіанское наслѣдіе». Царь Теймуразъ I, прося защиты у царя Михаила Θеодоровича, писалъ: «Вамъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша превратилась во тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился почью, и таковое мнѣ нынѣ учинилось, что лучше бы у матери моей утроба пересохла и азъ бы не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра, Иверская земля при моихъ очахъ разорилася, въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ всѣ пусты». Царь Михаилъ Θеодоровичъ также отправилъ въ Грузію пословъ и въ жалованной грамотѣ къ царю грузинскому писалъ: «Грузинскіе цари и князья въ послушаніи были за много лѣтъ у прародителей нашихъ, у великихъ государей и великихъ князей россійскихъ, а принялъ дѣдъ нашъ блаженной памяти и великій государь царь подъ высокую руку грузинскаго царя въ оборону для православныя христіанскія вѣры». Алексѣй Михайловичъ также покровительствовалъ грузинамъ; онъ отправилъ въ Грузію своего посла, который, явившись въ Кутаисъ, скрѣпилъ присягу въ вѣрности и подданствѣ имеретинъ русскому государю. Къ этому же времени относится путешествіе въ Россію грузинскаго царя Теймураза I, принятаго съ необыкновеннымъ радушіемъ и особеннымъ торжествомъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Къ концу XVII вѣка, когда гребенскіе и терскіе казаки болѣе окрѣпли, правительство, чтобы приковать ихъ къ далекимъ окраинамъ, высылало сюда стрѣлецкіе полки съ женами и дѣтьми «на вѣчное житье». Терскій городъ вначалѣ процвѣталъ и казаки были многолюдны, но скоро болѣзни и тяжелая борьба значительно сократила ихъ число. Въ 1688 году кубанскій сераскиръ Казы-Гирей сдѣлалъ нападеніе на Терки съ многочисленной ордой, но, несмотря на отчаянныя усилія, былъ отбитъ; такія нападенія продолжались часто.

Начало завоеванія Кавказа. Но вотъ вступилъ на престолъ императоръ Петръ Великій, который, окончивъ сѣверную войну и «прорубивъ окно въ Европу», сейчасъ же началъ войну за обладаніе Каспійскимъ моремъ; царю хотѣлось непремѣнно прорубить окно и въ Азію. Съ этого времени вліяніе Россіи на Кавказскій край становится болѣе опредѣленнымъ и почти безпрерывнымъ. Петръ, простирая свои виды далеко на востокъ, стремился быть единственнымъ обладателемъ Каспійскаго моря, чтобы открыть непосредственный торговый путь въ Персію, Индію и другія азіатскія страны. Для этого необходимо было, если не совсѣмъ покорить Кавказъ, то, по крайней мѣрѣ, до такой степени на немъ утвердиться, чтобы оттуда уже оказать сильное давленіе на персидскія провинціи, лежащія по берегу Каспійскаго моря. Извѣстно, что во время несчастнаго прутскаго похода въ 1711 году губернаторъ Апраксинъ съ ратными людьми и калмыками сдѣлалъ удачный поискъ къ Кубани: онъ разгромилъ большую толпу татаръ, возвращавшуюся съ набѣга изъ приволжскихъ земель, затѣмъ отвлекъ турецкія силы, разорилъ всю страну по Кубани

и блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Въ этомъ поискѣ участвовали кабардинцы и гребенскіе казаки, охотно ходившіе съ нимъ на Кубань и сослужившіе хорошую службу. Апраксину приписываютъ переселеніе гребенскихъ казаковъ съ Сунжи на лѣвый берегъ Терека, гдѣ они основали свои городки: Червленый, Гладковскій и другіе, сохранившіеся донынѣ. Этимъ было положено основаніе будущей Терской линіи, развернувшейся впослѣдствіи въ Кавказскую линію, которая прославилась безчисленными подвигами, «проходящими сіяющей полосою, какъ млечный небесный путь, черезъ всю исторію кавказской войны».

Съ заключеніемъ прутскаго мира, когда Россія вынуждена была уступить Турціи Азовъ—этотъ ключъ къ Черному морю, Петръ рѣшилъ предварительно изслѣдовать берега Каспійскаго моря. Съ этою цѣлью, по его повелѣнію, приступлено было къ печатанію карты этого моря, сѣверная и восточная стороны котораго описаны были Кожинымъ, Бековичемъ, Верденомъ и Соймоновымъ. Петру непремѣнно хотѣлось отыскать торговый путь въ Индію. Исполнителемъ этой могучей мысли былъ избранъ князь Бековичъ-Черкасскій, который въ 1716 году отплылъ изъ Астрахани къ г. Яику. Въ слѣдующемъ году русскія войска двинулись по необъятнымъ и невѣдомымъ средне-азіатскимъ степямъ къ Аму-Дарьѣ, въ предѣлы Хивинскаго ханства. Экпедиція эта была неудачна, но все же она не отвлекла видовъ Петра отъ Каспійскаго моря, и царь сталъ самъ готовиться къ походу въ персидскія страны. Непріязненныя отношенія между Россіей и Персіей начались еще съ 1712 года, когда заключенный торговый трактатъ и права русскихъ купцовъ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ Персіи, были нарушены. Петръ Великій потребовалъ удовлетворенія, а затѣмъ, въ 1722 году, совершилъ знаменитый персидскій походъ на берега Каспійскаго моря, предварительно условившись съ грузинскимъ царемъ Вахтангомъ разбить персовъ соединенными силами. Многочисленная русская флотилія во главѣ съ Петромъ отплыла изъ Астрахани въ море; 23-го іюля государь осматривалъ Терки, а 28-го числа высадился съ войсками у Аграханской косы, гдѣ для склада провіанта приказалъ выстроить «ретраншементъ». Затѣмъ армія съ Петромъ двинулась сухимъ путемъ и 12-го августа подошла къ Таркамъ, гдѣ 13-го числа Петръ принялъ въ подданство шамхала, чѣмъ положилъ начало русскому владычеству на Каспійскомъ морѣ. Затѣмъ царь занялъ Дербентъ, но, не дойдя до Баку, возвратился обратно, оставивъ въ Дербентѣ и другихъ крѣпостяхъ гарнизоны. На Сулакѣ государь построилъ крѣпость Святого Креста, куда перевелъ весь гарнизонъ изъ крѣпости Терки, и гдѣ изъ переведенныхъ съ Дона тысячи казаковъ съ семействами образовалось казачье войско.

Въ 1723 году продолжателемъ успѣховъ русскаго оружія и петровскихъ завоеваній былъ генералъ-майоръ Матюшкинъ, покорившій весь приморскій Дагестанъ, Апшеронскій полуостровъ, Баку, области Гилянъ, Мазандеранъ, Астрабадъ и другія прикаспійскія земли. Въ 1724 году Петръ Великій повелѣлъ генералу Матюшкину построить на южномъ берегу нижней Куры, вблизи Сальянъ, «ретраншементъ Межигорскаго двора», гдѣ предполагалось сосредоточить всѣ восточные торговые пункты, но кончина Петра I въ 1725 году совершенно измѣнила осуществленіе его первоначальныхъ плановъ. Императрица Екатерина I хотя и отправила войска на усиленіе персидскаго корпуса, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было необходимо, такъ какъ Турція домогалась вытѣснить русскихъ съ Кавказа, постоянно возбуждая Персію къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Кромѣ этого, шамхалъ сталъ проявлять враждебныя дѣйствія: онъ подошелъ къ Аграханскому редуту, но былъ съ большимъ урономъ отбитъ небольшою командою полковника Маслова. Для наказанія шамхала Матюшкинъ приказалъ Кропотову въ мартѣ 1725 года идти въ шамхальскія владѣнія, жечь и истреблять аулы, забирать скотъ и «всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть въ свои руки». Кропотовъ въ точности исполнилъ приказаніе. Осенью экспедиція повторилась, и полковникъ Еропкинъ разгромилъ уже самыя Тарки вмѣстѣ съ шамхальскимъ дворцомъ. Шамхалъ, явившись съ повинною, былъ арестованъ и сосланъ въ Архангельскую губернію.

Послѣ тяжело заболѣвшаго Матюшкина главнокомандующимъ на Кавказскую линію былъ назначенъ въ 1726 году князь Долгорукій, извѣстный въ русской исторіи какъ усмиритель булавинскаго бунта на Дону.

По пріѣздѣ на Кавказъ, Долгорукій ознакомился со своими войсками, а затѣмъ отправился изъ крѣпости Св. Креста въ Дербентъ, Баку и далѣе въ Гиляны не моремъ, какъ это дѣлалось прежде, а сухимъ путемъ верхомъ. Объѣздъ его принесъ огромную пользу краю. Вскорѣ кн. Долгорукій былъ произведенъ въ фельдмаршалы и отозванъ въ Россію. Уѣзжая, онъ раздѣлилъ въ 1728 году командованіе войсками на двѣ части: въ Дагестанъ назначилъ генерала Румянцева, а въ Гилянахъ остался Левашовъ, которому удавалось успѣшно отражать неоднократные набѣги персовъ.

Въ 1729 году Левашовъ, по повелѣнію Петра II, заключилъ съ Персіей договоръ. Полки, входившіе въ то время въ составъ персидскаго (Низоваго) корпуса, позднѣе прославились въ рядахъ кавказской арміи.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны Іоанновны послѣдовали новые взгляды въ отношеніи Кавказа: правительство смотрѣло на военные успѣхи, какъ на дѣло, имѣвшее цѣлью только славу русскаго оружія, а потому воздерживалось отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Разумѣется, подобное положеніе не приносило никакой пользы, влекло за собою одни денежные расходы и потери въ людяхъ. Тридцатитысячный Низовый корпусъ, растянутый вдоль морского берега отъ Астрахани до Решта, долженъ былъ бороться съ врагами и съ тяжелыми климатическими условіями. Хотя казалось, что Россія стала твердою ногою на Каспіи, но завоеванія эти ее отягощали, и она добровольно уступила Персіи по

ращенскому договору, заключенному въ 1732 году, гилянскую провинцію до р. Куры. Семейные казаки переведены были къ устью Терека. Тогда-же прекратилось вліяніе на Грузію, куда вскорѣ даже нахлынули персы во главѣ со своимъ грознымъ завоевателемъ шахомъ Надиромъ.

Послѣ Левашова командиромъ Низоваго корпуса былъ назначенъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, во время командованія котораго черезъ русскія владѣнія прошли два раза въ Персію крымскія войска. Послѣ принца Гомбургскаго былъ снова назначенъ Левашовъ, заключившій, по повелѣнію императрицы Анны, 10-го марта 1735 года, съ шахомъ Надиромъ ганжинскій трактатъ, по которому всѣ петровскія завоеванія были возвращены Персіи и русская граница снова отошла на Терекъ. Въ 1736 году, во время турецкой войны, былъ произведенъ на Кубань опустошительный набѣгъ 40-ка тысячъ калмыковъ подъ начальствомъ хана Дундукъ-Омба, и масса ногайскихъ скопищъ, преверженныхъ Турціи, была имъ разбита; взята также сильная крѣпость Копылъ, занятая турецкимъ гарнизономъ. Въ набѣгѣ этомъ противъ турокъ участвовали донскіе и терскіе казаки.

Еще въ 1735 году Надиръ, овладѣвъ Тифлисомъ, изгналъ турокъ, а страну ввѣрилъ царю Теймуразу I, въ залогъ же его покорности взялъ у него сына Ираклія, который, пройдя школу этого полководца, управлялъ потомъ со славою грузинскимъ царствомъ. Побѣда, одержанная царемъ Иракліемъ надъ персами близъ Эривани, и смерть Надира, послѣдовавшая въ 1747 году, освободили Грузію отъ ненавистнаго персидскаго ига, но страна эта вновь подверглась набѣгамъ и разореніямъ со стороны лезгинъ и хана аварскаго.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II воскресли мысли о Кавказѣ и сдѣланъ былъ огромный шагъ для утвержденія русскаго владычества въ этой странѣ: казаки начали строить новыя станицы по Тереку, а въ 1763 году былъ основанъ моздокскій форпостъ. Въ 1769 году сюда были переселены по повелѣнію императрицы болѣе шестисотъ семействъ волжскихъ казаковъ и сто семействъ съ Дона, которые водворились въ станицахъ: Мекенской, Наурской, Ищерской и Галюгаевской, образовавъ «моздокскій казачій полкъ». Основаніемъ Моздока кабардинцы были недовольны и неоднократно совершали набѣги на станицы. Для усмиренія кабардинцевъ Екатерина Великая въ 1769 году повелѣла инспектору Кавказской линіи, генералъ-маіору де-Медему, съ находившимися въ его распоряженіи 10-ю тысячами калмыковъ и регулярными войсками, совершить походъ и привести ихъ въ русское подданство.

Екатерина поддерживала, кромѣ того, все время непрерывныя сношенія съ Грузіей и отправила въ 1769 году на помощь грузинамъ, сражавшимся съ турками, особый отрядъ въ составѣ полка пѣхоты, двухъ эскадроновъ карабинеровъ, двухъ эскадроновъ грузинскихъ гусаръ, 500 казаковъ при 12 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала графа Тотлебена, который, пройдя по пути нынѣшней военно-грузинской дороги, черезъ Дарьялъ, направился въ Имеретію. Согласившись, въ 1770 году, съ Иракліемъ разбить ахалцихскаго пашу, Тотлебенъ, не доходя кр. Ацхуръ, повернулъ назадъ и пошелъ въ Сурамъ, несмотря на просьбы Ираклія не покидать его, и грузинскому царю пришлось одному разбить турокъ въ достопамятной аспиндзской битвѣ

Одновременно съ этимъ русскія войска дѣйствовали на сѣверномъ Кавказѣ; такъ, напримѣръ, 3-го апрѣля 1774 года была отбита атака крымскаго хана Девлетъ-Гирея съ 25-тысячной арміей отрядомъ полковника Платова, у котораго находилось только два донскихъ казачьихъ полка. Платовъ отразилъ восемь атакъ и держался до прибытія Бухвостова, съ которымъ разбилъ на голову многотысячное турецкое скопище. Затѣмъ обращаетъ на себя особое вниманіе выдающаяся оборона станицы Наурской моздокскими казаками и женщинами-казачками, 11-го іюня того же года, отъ 9-ти тысячнаго скопища татаръ, кабардинцевъ и турокъ, предводимыхъ Шабазъ-Гиреемъ. Въ лѣтописяхъ царствованія Екатерины II этотъ эпизодъ долженъ занять мѣсто на ряду съ славнѣйшими подвигами, прославившими кавказскія войска.

По кучукъ-кайнарджійскому договору, заключенному Россіей съ Турціей въ 1774 году, Порта отказалась отъ своихъ притязаній на Грузію, и страна эта поступила подъ покровительство Россіи; тогда же уничтожена была постыдная дань, уплачивавшаяся султану грузинскимъ народомъ. Кромѣ того, Турція уступила Россіи Азовъ съ нѣсколькими опорными пунктами въ проливѣ, соединяющемъ Азовское море съ Чернымъ. Въ 1777 году Медемъ былъ замѣненъ генераломъ Якоби, энергично принявшимся за устройство линіи отъ Моздока до кр. Св. Дмитрія. Въ 1778—1780 г.г. были основаны крѣпости Екатериноградская, Ставропольская, Константиногорская, Георгіевская и др. Въ это время великій Суворовъ со своимъ кубанскимъ корпусомъ находился на Кубани, гдѣ имъ сооружены были вдоль праваго берега крѣпости: Александровская, Марьинская, Копылъ и Новотроицкая и 20 редутовъ. Возникновеніе этихъ крѣпостей, разумѣется, было крайне непріятно закубанскимъ черкесамъ и ногайцамъ, кочевавшимъ и производившимъ набѣги по Кубани. Въ 1782 году свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій возложилъ усмиреніе ногайской орды на Суворова, и дѣйствительно орда за Кубанью въ 1783 году была не только усмирена имъ и приведена въ русское подданство, но и выселена въ Крымъ и въ астраханскія степи.

Императрица Екатерина, покровительствуя Грузіи, приняла подъ свою верховную власть грузинскаго царя Ираклія II, вслѣдствіе чего въ 1783 году былъ подписанъ въ Георгіевскѣ торжественный актъ, по которому Ираклій призналъ себя зависимымъ отъ власти императрицы. При заключеніи трактата въ Георгіевскъ съѣхались уполномоченные: со стороны Россіи—П. С. Потемкинъ и подполковникъ Тамара, а со стороны Грузіи—князь И. Багратіонъ и князь Герсеванъ Чавчавадзе. Новыя отношенія къ Грузіи заставили позаботиться объ установленіи удобнаго и безопаснаго пути сообщенія съ нею. По распоряженію

П. С. Потемкина, назначеннаго еще въ 1772 году начальникомъ кавказскаго корпуса, была разработана дорога, по которой самъ онъ проѣхалъ въ 1785 году въ Тифлисъ въ коляскѣ восьмерикомъ. Еще въ 1783 году были отправлены въ Тифлисъ горскій и бѣлорусскій батальоны. Императрица подарила царю Ираклію 24 орудія съ зарядами, позволила чеканить грузинскія монеты съ изображеніемъ грузинскихъ царей и двуглавыхъ орловъ и приказала изготовить, въ знакъ особаго покровительства, медаль въ честь царя Ираклія съ надписью: „Вѣра и Вѣрность".

По указаніямъ императрицы, П. С. Потемкинъ окончательно устроилъ моздокскую линію, проходившую изъ Екатеринодара, черезъ Георгіевскъ, до Азова; затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ охранѣ границъ и построилъ, кромѣ Моздока и Владикавказа, еще крѣпость Ставрополь. Въ 1785 году было учреждено кавказское намѣстничество, а въ слѣдующемъ году произошло открытіе присутственныхъ мѣстъ.

Въ это самое время на Кавказѣ появился проповѣдникъ новаго мусульманскаго ученія Шейхъ-Мансуръ, выдававшій себя за пророка, вокругъ котораго собирались массы послѣдователей. Вслѣдствіе этого, П. С. Потемкинъ приказалъ полковнику Пьери захватить Шейхъ-Мансура, но отрядъ Пьери на обратномъ пути изъ Чечни былъ почти весь уничтоженъ. Въ числѣ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, былъ унтеръ-офицеръ князь Петръ Багратіонъ, впослѣдствіи герой отечественной войны. Вслѣдъ за этимъ Шейхъ-Мансуръ сталъ терпѣть неудачи: 2-го ноября 1785 года онъ былъ на голову разбитъ, а въ слѣдующемъ году потерпѣлъ пораженіе отъ войскъ, предводимыхъ генераломъ Текелли, и бѣжалъ въ Анапу.

Послѣ П. С. Потемкина, съ 1787 года, кавказскими войсками командовалъ генералъ Текелли, затѣмъ, спустя годъ послѣ смерти его, былъ назначенъ генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отозванный въ Финляндію. На Кавказѣ остались войска безъ общаго начальника, и въ это время одинъ изъ корпусныхъ командировъ, генералъ-поручикъ Бибиковъ, задумалъ овладѣть Анапою; но предпріятіе это кончилось полной неудачей,—отрядъ вернулся домой, потерявъ тысячу человѣкъ изъ своего состава. Пользуясь этою неудачею, Баталъ-паша, начальствовавшій всѣми турецкими войсками, назначенными для обратнаго завоеванія Крыма, рѣшилъ обрушиться на Кавказскую линію. И дѣйствительно, 18-ти тысячная турецкая армія высадилась на берегу Чернаго моря и двинулись вверхъ по Кубани, желая вторгнуться въ Кабарду, но 30-го сентября 1790 года, на рѣкѣ Кубани, русскія войска подъ начальствомъ генералъ-маіора Германа одержали блистательную побѣду надъ турками и взяли въ плѣнъ самого турецкаго начальника, сераскира Баталъ-пашу.

Въ это время шла вторая турецкая война. Для облегченія дѣйствій дунайской арміи, новый намѣстникъ Кавказа, графъ Гудовичъ, рѣшилъ дѣйствовать наступательно и уничтожить оплотъ турецкихъ силъ на Кавказѣ, крѣпость Анапу. Собравъ 19 батальоновъ пѣхоты и 54 эскадрона съ 50 орудіями, Гудовичъ 16-го іюня 1791 года обложилъ Анапу, а 22-го штурмовалъ и взялъ ее послѣ чрезвычайно упорнаго боя; это происходило одновременно съ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ на Дунаѣ и на морѣ, послѣ чего Турція заключила миръ, по которому вновь подтверждались всѣ постановленія кучукъ-кайнарджійскаго договора.

Съ окончаніемъ второй турецкой войны, Гудовичъ обратилъ вниманіе на усиленіе Кавказской линіи, для чего устроилъ много новыхъ станицъ и укрѣпленій на Кубани. Но въ то время, какъ дѣла Россіи на Кавказской линіи шли довольно успѣшно и границы все болѣе и болѣе обезпечивались отъ вторженій безпокойныхъ сосѣдей, въ Грузіи дѣла осложнялись. Россія, принявшая обязательство по отношенію къ этой странѣ должна была дѣйствовать теперь уже болѣе энергично, а потому Кавказская линія была вновь усилена войсками. Съ одной стороны воздвигались укрѣпленія на Терекѣ, а съ другой устраивался правый флангъ линіи на берегу Кубани. Городъ Екатеринодаръ былъ назначенъ главнымъ городомъ кавказскаго намѣстничества. Въ 1792 году полуостровъ Тамань и все пространство отъ устьевъ Кубани до крѣпости Усть-Лабинской отданы были подъ поселеніе черноморскихъ казаковъ. Такимъ образомъ, къ концу царствованія Екатерины II границу Россіи на Кавказѣ составляла Кавказская линія, шедшая отъ устьевъ р. Терека до впаденія р. Лабы въ Кубань и отъ этого пункта до впаденія Кубани въ Черное море. Эта линія состояла изъ ряда казачьихъ станицъ и поселеній, за которой до главнаго Кавказскаго хребта русскихъ поселеній еще не существовало. Пространство между Кавказской линіей и главнымъ хребтомъ было населено частью мирными, но большею частью враждебными племенами. Берега Чернаго моря принадлежали Турціи, которая держала гарнизоны въ Анапѣ и Поти.

Съ 1783 года въ Грузіи, какъ извѣстно, находились два батальона русскихъ войскъ, сперва подъ начальствомъ генерала Самойлова, а послѣ Бурнашова. Этимъ слабымъ отрядамъ трудно было удерживать буйныхъ сосѣдей, а съ объявленіемъ второй турецкой войны войскамъ этимъ было приказано очистить Тифлисъ и возвратится на Кавказскую линію для усмиренія горцевъ. Выводомъ русскихъ войскъ изъ Грузіи воспользовался грозный персидскій шахъ Ага-Магомедъ-ханъ, который въ 1795 году взялъ Тифлисъ, обратилъ его въ груду развалинъ, разорилъ страну, разрушилъ святыни и увелъ въ плѣнъ до 30-ти тысячъ грузинъ. Разореніе Грузіи, находившейся въ русскомъ покровительствѣ, не могло быть оставлено безъ возмездія, а потому императрица Екатерина отправила корпусъ въ предѣлы Персіи, подъ начальствомъ генерала графа Валеріана Зубова, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ бригадъ.

Въ теченіе 1796 года Зубовъ успѣлъ завоевать персидскія прикаспійскія страны съ городами: Дербентомъ, Кубой, Баку и Ганжей. Затѣмъ онъ направился къ низовьямъ Куры, откуда послѣ смерти Екатерины былъ отозванъ обратно на линію воцарившимся въ 1796 году на русскомъ престолѣ императоромъ Павломъ I. Имя графа Зубова извѣстно на Кавказѣ подъ названіемъ Кизилъ-аягъ, т. е. золотая нога, и до сего времени памятно въ Дагестанѣ, вмѣстѣ съ великимъ именемъ Петра. Съ уходомъ русскихъ войскъ границы Грузіи остались совершено открытыми для вторженій враговъ. Турки, персы и лезгины, сознавая, что Грузія ускользаетъ изъ-подъ ихъ вліянія, начали напрягать послѣднія силы, чтобы оказать давленіе и противовѣсъ вліянію Россіи. И дѣйствительно, въ это время бѣдствія Грузіи достигаютъ своего апогея. Въ такомъ положеніи царь Ираклій обратился къ императору Павлу о покровительствѣ и «даровании грузинскому царю и народу всероссійскаго закона для управленія государствомъ».

Закончивъ на этомъ краткій очеркъ военныхъ событій эпохи завоеванія Кавказа, непосредственно слѣдующей за временемъ геніальнаго преобразователя Россіи, нельзя не отмѣтить, что посѣянныя имъ сѣмена отнюдь не заглохли, несмотря на неблагопріятныя условія, и въ концѣ концовъ войска кавказскія, дѣйствуя въ направленіи, указанномъ Петромъ, стали извѣстны и страшны не только дикимъ кочевникамъ Востока, но и Турціи и Персіи. Императоръ Павелъ въ началѣ своего царствованія желалъ держаться миролюбивой политики и далекъ былъ отъ мысли о новыхъ расширеніяхъ Россіи. Въ началѣ 1797 года посолъ царя Ираклія князь Герсеванъ Чавчавадзе прибылъ въ Петербургъ и неоднократно обращался съ просьбой о защитѣ Грузіи, но всякій разъ получалъ уклонные отвѣты. Грузинскій посолъ обратился тогда лично къ императору Павлу съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Великій государь, удостой расторгнуть недоумѣніе мое и ожиданіе всей Грузіи милостивѣйшимъ на сіе отвѣтомъ,» чтобы царь Грузіи и народъ его, не оставались въ недоумѣніи, «въ какомъ и я по сіе время нахожусь....» Затѣмъ посолъ просилъ удостоить Ираклія и его наслѣдника грамотою, въ уваженіе престарѣлыхъ лѣтъ царя, который «сколько отъ глубокихъ лѣтъ своихъ», столько же и отъ «снѣдавшей» его сердце скорби о разоренномъ отечествѣ, лежалъ на смертномъ одрѣ.

Въ концѣ 1797 года получено было въ Петербургѣ извѣстіе о продолжительной и опасной болѣзни царя Ираклія. Безпрестанные военные походы, глубокое горе, причиненное сердцу вѣнценосца вторженіемъ Ага-Магомедъ-хана, и внутреннія смуты окончательно подорвали крѣпкій организмъ царя. Грустно протекли послѣдніе дни престарѣлаго Ираклія; звѣзда его угасла, и онъ, удрученный, не дождавшись отвѣта на свою просьбу, отправленную съ кн. Чавчавадзе, скончался 11-го января 1798 года въ Телавѣ, славно процарствовавъ 52 года.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи. По смерти Ираклія, среди борьбы, начавшейся въ кругу царской семьи, на грузинскій престолъ вступилъ сынъ его отъ второго брака Георгій XII. Его мачиха, царица Дарья, и сыновья ея не хотѣли признавать верховной власти царя и искали покровительства въ Персіи. въ виду этого сынъ покойнаго царя Ираклія—царевичъ Миріанъ въ письмѣ отъ 10-го марта 1798 года, между прочимъ, писалъ императору Павлу: «Въ Грузіи на прародительскій наслѣдственный престолъ царемъ поставленъ старшій мой братъ Георгій. Отъ внутренняго сердца моего, съ горячими слезами дерзаю я о семъ всеподданнѣйше донести, что ежели въ скоромъ времени не подкрѣпится наше отечество, то можетъ попасть вся Грузія въ руки магометанскія».

Не имѣя достаточной твердости и силы, чтобы противостоять интригамъ, а также не видя лучшаго исхода, царь Георгій рѣшилъ присоединить Грузію на вѣчныя времена къ Россіи, для чего отправилъ въ Петербургъ полномочное посольство, съ княземъ Герсеваномъ Чавчавадзе во главѣ, ѣздившимъ еще при Ираклiѣ въ Петербургъ. Находясь въ Петербургѣ, Чавчавадзе вручилъ императору Павлу письмо Георгія отъ 30-го іюля 1798 года, въ которомъ царь писалъ, что съ раннихъ лѣтъ желаетъ повергнуть себя «священнымъ стопамъ» русскаго императора, но до сихъ поръ мѣшали ему многія обстоятельства. «Нынѣ зрю васъ моимъ государемъ, моимъ монархомъ и уповаю, что простертыя руки мои отвергнуты не будутъ.» Посольству вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось просить императора прислать въ Грузію для охраны границъ и водворенія спокойствія въ странѣ войска: «три тысячи россійскихъ солдатъ съ оружіемъ и со всею воинскою принадлежностью.» Георгій умолялъ Павла о помощи и выражалъ готовность: «предать себя и свое царство великому государю всероссійскому навсегда въ полную зависимость и подданство».

Императоръ Павелъ, поздравляя Георгія съ восшествіемъ на престолъ, внялъ просьбѣ и объявилъ, что онъ: «жалуетъ Грузіи свой покровъ», затѣмъ повелѣлъ командующему Кавказской линіей генералъ-лейтенанту Кноррингу отправить съ линіи 17-й егерскій, нынѣ лейбъ-гренадерскій эриванскій Его Величества полкъ, который 26-го ноября 1799 года торжественно вступилъ въ Тифлисъ, во главѣ со своимъ шефомъ, генералъ-маіоромъ Лазаревымъ.

Съ приходомъ въ Грузію полка Лазарева спокойствіе водворилось. 12 го декабря царь Георгій былъ коронованъ, а послѣ литургіи приказалъ прочесть высочайшую грамоту, утверждающую его на престолѣ.

Вмѣстѣ съ егерями въ Грузію прибылъ въ качествѣ полномочнаго министра статскій совѣтникъ Коваленскій. Такимъ образомъ, царя Георгія окружали два представителя Россіи и русскія войска, перешедшія кавказскія горы. Между тѣмъ интриги царевичей и домогательство персовъ дали Георгію поводъ опасаться новыхъ несчастій въ своей странѣ, тѣмъ болѣе, что персы вторглись въ нынѣшнюю Эриванскую губернію. Въ виду этого, царь вновь обратился къ императору Павлу

съ просьбой о помощи, и государь приказалъ отправить съ Кавказской линіи еще карабинерный полкъ, подъ командой генералъ-маіора Гулякова. Прибытіе полка было какъ нельзя болѣе кстати, потому что Тифлису дѣйствительно угрожала серьезная опасность со стороны Омара, хана аварскаго, вторгнувшагося въ Кахетію. Омаръ славился отвагой и храбростью, и извѣстіе о его вторженіи съ 20-тысячнымъ отрядомъ лезгинъ произвело всеобщее смятеніе въ Грузіи. Генералъ Лазаревъ съ двумя батальонами русской пѣхоты поспѣшно двинулся въ Сигнахъ, гдѣ къ отряду этому присоединилась грузинская милиція царевичей Баграта и Іоанна въ 3 тысячи человѣкъ. Столкновеніе съ непріятелемъ было неизбѣжно, и дѣйствительно, 7-го ноября 1800 года русскимъ и грузинамъ пришлось, въ славномъ бою съ лезгинами на рѣкѣ Іорѣ, запечатлѣть кровью братскій союзъ. Іорское сраженіе навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны.

Когда войска возвратились въ Тифлисъ послѣ побѣды, то самъ царь Георгій выѣхалъ за городъ встрѣчать ихъ, но, къ сожалѣнію, это былъ послѣдній его выѣздъ, такъ какъ онъ, простудившись, слегъ въ постель, и врачи не подавали уже никакой надежды на его выздоровленіе. Между тѣмъ для всѣхъ было ясно, что немедленно по кончинѣ царя начнутся смуты между сыновьями и братьями его.

Предчувствуя скорую кончину, Георгій просилъ императора Павла о принятіи грузинскаго царства подъ власть Россіи и писалъ: «Грузія такъ или иначе должна покончить свое самобытное политическое существованіе, и грузинскій народъ желаетъ теперь же вступить единожды и навсегда въ подданство Россійской имперіи, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца.» Императоръ Павелъ, внявъ просьбѣ, подписалъ, 18-го декабря 1800 года, манифестъ о присоединеніи Грузіи, а 28-го декабря скончался въ Тифлисѣ царь Георгій XII.

Сынъ царя Георгія, царевичъ Давидъ, немедленно оповѣстилъ народъ, что онъ принимаетъ управленіе грузинскимъ наслѣдственнымъ престоломъ. Лазаревъ не противился этому, тѣмъ болѣе, что императоръ Павелъ обратился къ царевичу въ письмѣ какъ къ законному наслѣднику Грузіи. Признаніе царевича Давида первенствующимъ въ царскомъ грузинскомъ домѣ еще болѣе разъединило обѣ враждебныя партіи. Братья покойнаго царя, съ матерью своею царицею Дарьею, хлопотали о возведеніи на престолъ царевича Юлона, а сыновья Георгія XII и супруга его, царица Марія, желали утвержденія царевича Давида. Обѣ партіи дѣйствовали единодушно каждая въ свою пользу.

Между тѣмъ, во время происходившихъ междоусобій, полученъ былъ въ Тифлисѣ манифестъ императора Павла отъ 18-го декабря 1800 года о присоединеніи Грузіи. Въ виду этаго для принятія присяги 16-го февраля 1801 года, по приглашенію Лазарева стали собираться въ Сіонскій соборъ царевичи и жители Тифлиса. Послѣ литургіи, Лазаревъ объявилъ присутствующимъ о манифестѣ, который тутъ же былъ прочтенъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Грузины въ этотъ же день присягнули на вѣрность новому своему императору, Павлу I. Католикосъ грузинскій отслужилъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ. Въ теченіе цѣлаго дня колокольный звонъ оглашалъ улицы Тифлиса; народъ радовался, что «желанія ихъ достигли вожделѣннаго конца». На другой день присягало армянское населеніе, находившееся въ столицѣ грузинскаго царства. Въ оба этихъ дня русскіе офицеры, сопровождаемые казачьимъ конвоемъ, ѣздили по улицамъ Тифлиса и читали народу императорскій манифестъ на русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ.

Между тѣмъ царевичи продолжали интриги и возбуждали народъ; требовались рѣшительныя мѣры, и Лазаревъ принужденъ былъ производить аресты лицъ царскаго дома. Междоусобіе грозило Грузіи. При такихъ обстоятельствахъ, 11-го марта 1801 года, скончался императоръ Павелъ I.

Со смертью Павла положеніе дѣлъ въ Грузіи измѣнилось, и всѣ ожидали новыхъ указаній изъ Петербурга.

Между тѣмъ, съ линіи начали прибывать въ Тифлисъ новыя войска, и въ Грузіи образовался отрядъ изъ одного гренадерскаго, двухъ мушкатерскихъ, одного егерскаго и одного казачьяго полковъ при 18 орудіяхъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I началась усиленная переписка по поводу дѣлъ въ Грузіи. Императоръ Александръ не рѣшался на присоединеніе ея и приказалъ вопросъ этотъ подвергнуть самому внимательному пересмотру. Хотя государственный совѣтъ высказалъ мнѣніе о необходимости принятія Грузіи въ подданство, но императоръ не соглашался и вторично предложилъ обсудить вопросъ, заявивъ при этомъ о «крайнемъ своемъ отвращеніи на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой собственности.» Въ это время Кноррингу, уже находившемуся въ Тифлисѣ, предписывалось собрать болѣе подробныя свѣдѣнія и на мѣстѣ изслѣдовать вопросъ: дѣйствительно-ли народъ грузинскій желаетъ русскаго подданства и нѣтъ-ли замысловъ какой либо одной партіи. Кноррингъ собралъ въ Тифлисѣ всѣхъ главныхъ князей и представителей народа и, убѣдившись въ полномъ сочувствіи ихъ, донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Тогда только императоръ Александръ присоединился къ мнѣнію государственнаго совѣта и объявилъ 12-го сентября 1801 года манифестъ, которымъ подтверждалось принятіе Грузіи въ русское подданство. Въ манифестѣ этомъ находятся, между прочимъ, слѣдующія высокознаменательныя строки: «Не для приращенія силъ, не для корысти и распространенія предѣловъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы бремя управленія царствомъ Грузинскимъ, а чтобы учредить правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, безопасность и каждому защиту

закона». Въ этихъ высочайшихъ словахъ высказались искреннее убѣжденіе государя и любовь къ грузинскому народу. Такимъ образомъ, съ первымъ годомъ XIX столѣтія надъ Грузіей зажглась новая заря. Русская граница перенесена была въ Закавказье, и этимъ рѣшился важный государственный вопросъ надъ которымъ много трудились русскіе цари и императоры совмѣстно съ грузинскими царями. Грузія, вступивъ въ 1801 году въ вѣчное подданство, склонила на всегда передъ Русской Державой свою покорную, но не покоренную корону.

И Божья благодать сошла
На Грузію! она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

Исполнители великихъ намѣреній русскихъ государей извлекли ее изъ неволи, и грузинскій народъ никогда не забудетъ своихъ освободителей. Вслѣдъ за этимъ императоръ Александръ назначилъ первымъ главноначальствующимъ Грузіи генералъ-лейтенанта Кнорринга, который, вновь прибывъ съ Кавказской линіи въ Тифлисъ, открылъ верховное грузинское правительство, чѣмъ положилъ начало гражданскому устройству края. Но Кноррингъ и Коваленскій, назначенные управлять Грузіей, сразу очутились какъ въ лѣсу; притомъ Коваленскій не отличался тактичностью и вскорѣ былъ отозванъ въ Россію, а затѣмъ и Кноррингъ не долго правилъ Грузіей. Утомленная многовѣковою борьбою, Грузія требовала болѣе энергичнаго правителя, и вмѣсто Кнорринга былъ назначенъ, въ 1802 году, генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ.

Борьба за обладаніе Закавказьемъ. Присоединеніе Грузіи привело Россію къ упорной борьбѣ, имѣвшей цѣлью съ одной стороны упроченіе и распространеніе русскаго владычества, а съ другой обезпеченіе сообщенія съ Грузіей, отдѣленной отъ Россіи грознымъ Кавказскимъ хребтомъ съ его многочисленными развѣтвленіями, населенными хищническими горскими племенами. Кромѣ того, борьба осложнялась еще усиленнымъ вмѣшательствомъ сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ—Турціи и Персіи, оказывавшихъ горцамъ-единовѣрцамъ помощь, какъ явную, такъ и тайную. Съ занятіемъ Грузіи начинается война за обладаніе Закавказьемъ; до того русскія войска оберегали Кавказскую линію, какъ оберегали Оренбургскую и другіе государственные рубежи. Въ Закавказьѣ Россіи принадлежала только одна единовѣрная Грузіи, на югѣ которой лежали персидскія и турецкія провинціи: ахалцихская и эриванская и свободныя ханства: шекинское, ширванское, кубинское, талышинское и карабахское. Эти ханства хотя и были подвластны Россіи, но имѣли своихъ наслѣдственныхъ правителей.

Начало владычества русскихъ въ Закавказьѣ положено княземъ Циціановымъ, который принадлежалъ къ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ грузинскихъ фамилій и былъ родственникомъ супруги покойнаго царя Георгія. Съ назначеніемъ Циціанова Грузія могла ожидать для себя самыхъ благихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что онъ былъ тогда извѣстенъ и въ Россіи, какъ одинъ изъ видныхъ генераловъ. Прибывъ въ 1803 году въ Тифлисъ, князь Циціановъ засталъ Грузію раздираемою внутренними смутами. Здѣсь ему предстояла крайне щекотливая задача—уничтожить интриги лицъ царской фамиліи, доходившихъ числомъ до 90 человѣкъ. И дѣйствительно, онъ принялся за дѣло съ свойственными ему энергіей и настойчивостью. Единственнымъ средствомъ прекратить борьбу партій было отправленіе въ Россію всѣхъ членовъ царскаго дома, и Циціановъ, получивъ на то разрѣшеніе изъ Петербурга, началъ приводить планъ въ исполненіе. Но это оказалось не легкимъ: царицы притворялись больными и вмѣстѣ съ другими членами семей скорѣе рѣшались бѣжать изъ Тифлиса, нежели ѣхать въ Россію. Генералъ Лазаревъ, которому было поручено арестовать царицу Марію, 19-го апрѣля, рано утромъ, прибылъ въ домъ ея и объявилъ ей объ этомъ. Царица приняла его въ постели и сказала, что ѣхать не желаетъ. Она была не расположена къ Лазареву: «за разныя оскорбленія, причиняемыя ей при всякихъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи». Отвѣтивъ отрицательно, она добавила: «прежде лишу себя жизни, чѣмъ соглашусь на отъѣздъ въ Петербургъ». Тогда Лазаревъ оставилъ при ней одного офицера, а самъ удалился изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій по арестованію царицы. Но не успѣлъ онъ отдать приказъ, какъ необычайный шумъ въ покояхъ заставилъ его вернуться, и когда Лазаревъ вошелъ въ комнату и подошелъ къ кровати царицы, сидѣвшей на постели, съ просьбой унять царевичей, какъ вдругъ въ рукахъ самой царицы сверкнулъ кинжалъ, и Лазаревъ, пораженный въ бокъ, палъ мертвымъ, едва добѣжавъ на порогъ комнаты. Извѣстіе объ убійствѣ Лазарева поразило все населеніе Тифлиса; грузины пришли въ уныніе; всѣ высшіе сановники тотчасъ же съѣхались къ царицѣ, уговаривая ее не противиться волѣ русскаго государя. Этотъ ужасный случай, однако, не повліялъ на ухудшеніе отношеній русскихъ къ грузинамъ. Царица Марія была арестована и заключена въ воронежскій монастырь. Успокоивъ страну отъ продолжавшихся внутреннихъ раздоровъ между грузинскими князьями, Циціановъ цѣлымъ рядомъ экспедицій покорилъ различныя владѣнія къ западу и востоку отъ Грузіи. Отлично понимая духъ азіатскихъ народовъ, онъ былъ строгъ, но никогда не расточалъ своихъ угрозъ напрасно. Первыми испытали на себѣ его тяжелую руку джаро-белоканскіе лезгины, у которыхъ скрывались бѣглые грузинскіе царевичи. Циціановъ потребовалъ ихъ выдачи, но, получивъ отказъ, отправилъ генерала Гулякова, который разбивъ лезгинъ на рѣкѣ Алазани, взялъ Белокани, и такимъ образомъ всю область присоединилъ къ Россіи, и Кахетія была освобождена отъ вѣчнаго страха лезгинскихъ погромовъ. Въ то же время Мингрелія и Имеретія добровольно присоединились къ Россіи. Послѣ этого Циціановъ готовился

къ походу на персидскую границу, гдѣ дѣла осложнялись. Войска уже были назначены къ выступленію, какъ получилось извѣстіе о новомъ возмущеніи джарскихъ лезгинъ. Отправивъ туда Гулякова, Циціановъ самъ, съ 6-ю батальонами пѣхоты, нарвскимъ драгунскимъ полкомъ и 12-ю орудіями, двинулся къ Ганжѣ. Къ этому времени изъ Россіи стали прибывать полки за полками. Вступивъ въ предѣлы ганжинскаго ханства—Джеватъ-хана, того самаго, который вмѣстѣ съ Ага-Магомедъ-ханомъ грабилъ Тифлисъ, Цицiановъ потребовалъ покорности и сдачи города, но, получивъ отказъ, приступилъ къ выполненію одного изъ наиболѣе выдающихся предпріятій: 3 января 1804 г. взялъ крѣпость Ганжу, славившуюся своими укрѣпленіями. Насколько самоувѣренны были ганжинцы, доказываетъ отвѣтъ хана Джевата на предложеніе Цицiанова сдаться: «Вы гордитесь своими пушками,—писалъ Джеватъ,—и я тоже могу дать отпоръ не меньшими пушками. Ваши пушки въ одинъ аршинъ, а мои—въ четыре». Въ слѣдующемъ, 1805 году закавказскимъ владѣніямъ угрожала большая опасность, такъ какъ 70-тысячная персидская армія, подъ начальствомъ самого шаха и сына его Аббаса-Мирзы, двинулась изъ Тегерана къ русскимъ предѣламъ. Цицiановъ немедленно выступилъ навстрѣчу персамъ. Побѣды Булгакова, Портнягина, Котляревскаго, Тучкова, Карягина, Гулякова, Несвѣтаева, геройская смерть Монтрезора вполнѣ достаточны, чтобы судить о молодецкомъ духѣ войскъ, ввѣренныхъ Цицiанову, которыхъ къ тому времени находилось въ Закавказьѣ до 20-ти тысячъ человѣкъ. Шахъ потерпѣлъ вездѣ пораженія и поспѣшно удалился за Араксъ.

Въ началѣ 1806 года, при осадѣ города Баку, Цицiановъ былъ измѣннически убитъ во время переговоровъ съ непріятелемъ. Преемникомъ его на Кавказѣ былъ назначенъ графъ Гудовичъ, которому въ 1807 году пришлось имѣть дѣло еще съ новымъ врагомъ. Онъ предпринялъ походъ противъ турокъ, объявившихъ войну Россіи, штурмовалъ Ахалцихъ, разбилъ ихъ на Арпачаѣ, а въ слѣдующемъ 1808 году открылъ военныя дѣйствія и противъ Персіи, штурмовавъ Эривань.

Послѣ Гудовича, уволеннаго по болѣзни, правителемъ Грузіи сдѣлался въ 1810 году Тормасовъ, который вмѣстѣ съ мужественными сподвижниками своими—Котляревскимъ, кн. Орбеліани и маркизомъ Паулуччи—велъ успѣшно войну одновременно противъ турокъ, персовъ и различныхъ кавказскихъ племенъ. Котляревскій взялъ крѣпость Мигры, Орбеліани—Поти, а одержанная Паулуччи блестящая побѣда подъ Ахалкалаками надъ соединенными персидско-турецкими силами покрыла русскія войска новою славою. Въ 1811 году Тормасовъ былъ отозванъ въ Россію, и на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи. Въ его управленіе краемъ персы, мстившіе за Мигры, дѣлали неоднократные набѣги на Грузію. Котляревскій взялъ турецкую крѣпость Ахалкалаки. Въ 1812 году главнокомандующимъ Грузіи назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, основательно устроившій гражданское управленіе края. За это время Котляревскимъ была одержана надъ персіянами новая побѣда за Араксомъ, въ Асландузѣ, гдѣ онъ разсѣялъ цѣлую персидскую армію.

На Черномъ морѣ лежала у турокъ крѣпость Анапа, которую русскіе неоднократно брали штурмомъ. Ее, какъ извѣстно, штурмовалъ Бибиковъ и Текелли, и Ушаковъ со своей эскадрой, намѣревавшійся истребить на ея рейдѣ турецкія суда Затѣмъ ее бралъ Гудовичъ, однако же, возвращенная по яскому миру туркамъ, крѣпость эта продолжала служить для нихъ не только опорнымъ пунктомъ, откуда распространялось вліяніе ихъ на всю Черкесію и часть Закавказья, но и главнѣйшимъ притономъ черкесскихъ набѣговъ, всегда находившихъ въ Анапѣ и защиту, и поощреніе, и даже прямое подстрекательство. Въ 1807 году эскадра Пустошкина, подойдя къ Анапѣ, открыла бомбардированіе съ моря, а затѣмъ удалилась, и турки возобновили разрушенныя укрѣпленія; черезъ два года послѣ этого опять явилась въ Анапу эскадра, и турецкій паша бѣжалъ въ горы, гдѣ поднялъ черкесовъ; затѣмъ Анапа осталась въ рукахъ русскихъ. Въ 1810 году изъ нея посланъ былъ отрядъ полковника Рудзевича къ турецкой крѣпости Суджукъ-Кале, игравшей ту-же роль, что и Анапа. Съ потерею Анапы всѣ жизненные нервы закубанскихъ горцевъ сосредоточились здѣсь; черкесы дорожили этою крѣпостью не менѣе турокъ, потому что изъ нея они получали оружіе, боевые припасы, деньги и хлѣбъ; здѣсь они продавали своихъ дочерей, невольниковъ и отсюда могли эмигрировать въ Турцію. Однако, Рудзевичъ, разбивъ скопища горцевъ, взялъ Суджукъ и разорилъ его до основанія. Анапа оставалась въ рукахъ русскихъ до заключенія въ 1812 году бухарестскаго мира, когда она была вновь возвращена Турціи.

Для окончательнаго очищенія отъ персіянъ Закавказья необходимо было взять Ленкорань, сильно укрѣпленную подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ крѣпость. Сюда былъ посланъ Котляревскій съ отрядомъ войскъ, который, прибывъ къ крѣпости, приказалъ штурмовать, для чего отдалъ свой знаменитый приказъ, слова котораго: «отступленія не будетъ», имѣютъ всеобщую извѣстность. Штурмъ дѣйствительно увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и 31-го декабря 1812 года крѣпость была взята, несмотря на 4-тысячный гарнизонъ. Ленкоранская побѣда Котляревскаго быстро склонила Персію къ миру, который и былъ заключенъ въ 1813 году въ Гюлистанѣ. По этому миру ханства: карабахское, ганжинское, шекинское, ширванское дербентское, кубинское, бакинское и талышинское уступлены Россіи, и персіяне отказались отъ всякихъ притязаній на Грузію и земли, занятыя русскими въ Закавказьѣ. Съ появленіемъ на Кавказѣ кн. Цицiанова, когда резиденція главнокомандующаго была перенесена въ Тифлисъ, начальникомъ Кавказской линіи былъ назначенъ въ 1803 году, послѣ Кнорринга, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ. Прибывъ въ Георгіевскъ, служившій мѣстопребываніемъ тогдашнихъ властей, Глазенапъ всецѣло посвятилъ свои силы устройству ввѣреннаго ему края. На линіи было тогда восемь полковъ: казанскій, суздальскій и

вологодскій пѣхотные, 16-й егерскій и драгунскіе: нижегородскій, борисоглѣбскій, владимірскій и таганрогскій. Сверхъ того, начальнику линіи подчинялись казачьи войска: терско-семейное, кизлярское, гребенское и линейные казачьи полки: моздокскій, волжскій, хоперскій, кубанскій и кавказскій. За время управленія линіей Глазенапъ неоднократно отражалъ нападенія горцевъ, а въ 1804 году, около станицы Прохладной, разбилъ кабардинцевъ. На кабардинскихъ боевыхъ поляхъ началъ тогда, отличаться прославившійся затѣмъ на Кавказѣ, нижегородскій драгунскій полкъ; при этомъ невольно вспоминается, какъ драгунъ Кривошея въ единоборствѣ изрубилъ кабардинца, закованнаго въ панцырь, какіе носили жители Кабарды. Эти кольчуги представляютъ теперь археологическую рѣдкость; онѣ имѣли видъ мелкой стальной сѣтки, вѣсомъ не болѣе пяти фунтовъ.

Узнавъ объ убійствѣ кн. Циціанова, Глазенапъ отправился въ походъ на Дербентъ и Баку. Прибывъ въ Тарки, онъ присоединилъ къ своему отряду милицію шамхала и направился въ предѣлы дербентскаго ханства. Дербентъ былъ взятъ, казикумыхскій ханъ Сурхай покоренъ, и русскія войска заняли Баку и Кубу. Послѣ Глазенапа начальникомъ Кавказской линіи былъ назначенъ генералъ Булгаковъ, участвовавшій во взятіи Анапы. По возвращеніи изъ похода, войска Кавказской линіи принимали неоднократно участіе въ усмиреніи горцевъ сѣвернаго Кавказа. Въ теченіе этого періода русскія владѣнія расширились отъ Каспійскаго до Чернаго морей, а границы были обезпечены отъ вторженія со стороны Турціи и Персіи.

Нельзя не отмѣтить, что перечисленныя успѣхи были одержаны тогда, когда Россія была на краю гибели, и когда Наполеонъ двигался къ Москвѣ. Невольно является въ умѣ параллель между войнами Россіи на сѣверѣ и на югѣ: въ обѣ эти войны Россія дѣйствительно оборонялась на смерть и съ честью вышла побѣдительницей на обоихъ театрахъ войны.

Начало войны съ горцами. Послѣ ряда перечисленныхъ побѣдъ, утвердившись въ Закавказьѣ, Россія поняла, что Грузія составляетъ лучшій брилліантъ въ ея державной коронѣ, и сознала необходимость въ силу государственныхъ интересовъ, присоединить Грузію и укрѣпить южныя границы, но для этого надо было покорить безпокойныхъ горцевъ; одно безъ другого не имѣло значенія. Такимъ образомъ Россія, выходившая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, побѣдительницей въ войнахъ съ сильными государствами, вынуждена была вести продолжительную систематическую борьбу со сравнительно незначительнымъ контингентомъ кавказскихъ горцевъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ народцевъ-полудикарей. Какъ извѣстно Закавказье, и русскія станицы на Кубани и Терекѣ неоднократно подвергались набѣгамъ этихъ хищниковъ. Окончивъ персидскую войну, русское правительство энергично принялось за усмиреніе непокорныхъ горскихъ племенъ, которыя, видя рѣшительныя дѣйствія русскихъ, стали волноваться и взялись за оружіе. Закубанскіе черкесы, а именно шапсуги и абадзехи, начали производить набѣги на линію, захватывать людей и сбывать ихъ въ Турцію. За Кубань нельзя было ѣздить казакамъ не только по одиночкѣ, какъ прежде, но даже и цѣлыми командами, которыя никогда не возвращались назадъ безъ убитыхъ и раненыхъ. Не разъ вторгались большія черкесскія партіи громить казацкія станицы, но казаки геройски защищались. Шапсугія стала обширнымъ разбойничьимъ притономъ для сосѣднихъ племенъ и осталась до конца злѣйшимъ врагомъ Россіи, покорившись послѣднею. Анапа, возвращенная Турціи, опять послужила мѣстомъ, откуда распространялось ея вліяніе, и всѣ горскіе народы, обитавшіе за Кубанью, вновь поступили подъ турецкую опеку.

Затѣмъ кабардинцы на рѣкѣ Малкѣ, племена чеченцевъ на Терекѣ, осетины и другіе безпокойные враждебные народы, населяющіе почти весь горный поясъ Кавказскаго перешейка, отъ Чернаго до Каспійскаго моря, отъ Кубани и Терека до южнаго склона хребта, поднялись на ноги и возстали на общую борьбу. Горцы всѣ были вооружены, отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика до дряхлаго старика; они знали, что цѣль похода русскихъ — покореніе, а потому крѣпко стояли за свои земли. Вскорѣ во всѣ мѣста Кавказа потянулись отряды, заблестѣло оружіе, въ ущельяхъ послышались раскаты орудій и свистъ пуль. Началась кавказская война съ горцами, продолжавшаяся болѣе полувѣка. Покорить дикій и неприступный Кавказъ съ его отмѣнно-храбрымъ населеніемъ было не легко.

По окончаніи персидской войны, кавказскія войска были переименованы въ отдѣльный грузинскій корпусъ, командовать которымъ въ 1816 году былъ назначенъ генералъ Ермоловъ. Съ его назначеніемъ главнокомандующимъ, на Кавказѣ начинается новый славный періодъ войны. Поставивъ себѣ задачей рѣшительное завоеваніе кавказскихъ горъ, онъ лучшимъ средствомъ считалъ силу оружія. Зная отлично азіатскій народъ, онъ создалъ прекрасную систему дѣйствій, выразивъ свою программу слѣдующими словами: «Кавказъ, — говорилъ онъ, — это есть огромная крѣпость, защищаемая многочисленнымъ, полумилліоннымъ гарнизономъ; надо штурмовать ее или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого, такъ поведемъ же осаду». Въ словахъ этихъ дѣйствительно заключалась вся сущность великой дѣятельности на Кавказѣ Ермолова и его начальника штаба, генерала Вельяминова. Съ тѣхъ поръ русскія войска стали шагъ за шагомъ подвигаться въ дебри горъ. Бодро переходили они высокіе, покрытые снѣгомъ хребты, углубляясь въ дремучіе лѣса, гдѣ во всякую минуту можно было ожидать внезапнаго нападенія. Начало военныхъ дѣйствій было открыто на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, гдѣ въ 1818 году Ермоловъ оттѣснилъ чеченцевъ за Сунжу и построилъ на ней крѣпость Грозную. Завоевывая горы, онъ создавалъ горцамъ гражданское управленіе. Зная, что снисходительность принимается у азіатовъ за слабость, Ермоловъ былъ строгъ: эту строгость знали всѣ, а горцы въ особенности, которые именемъ его пугали даже своихъ дѣтей. Строгость и справедливость Ермолова взяли верхъ, и послѣ ряда экспедицій,

включительно до 1822 года, народы Чечни, Дагестана, Кабарды, Акуши были надломлены и обузданы распоряженіями его и Вельяминова, а также и дѣйствіями князя Мадатова, который въ 1819 году покорилъ Табасарань, а черезъ годъ нанесъ окончательное пораженіе Сурхай-хану казикумыхскому. Рядъ сильныхъ укрѣпленій, а именно: Внезапная, Нальчикъ, Старый Юртъ и другія, возведенныя на притокахъ Терека, обезпечивали положеніе русскихъ на восточномъ Кавказѣ.

Хуже происходили дѣла на западномъ Кавказѣ, который принадлежалъ тогда Турціи. Воинственныя закубанскія племена продолжали попрежнему дѣлать набѣги на казачьи станицы, держа населеніе въ страхѣ. Такое упорство ихъ объяснялось постоянною помощью, получавшеюся ими отъ Турціи.

Въ январѣ 1826 года Ермоловъ двинулся вновь въ Чечню, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ экспедицій, заставилъ горцевъ смириться и на время притихнуть, но какъ разъ въ это время въ Чечнѣ началъ сильно распространяться мюридизмъ, или газаватъ, т. е. война съ невѣрными, завѣщанная кораномъ.

Ермолову пришлось первому начать военныя дѣйствія противъ мюридовъ, или, какъ себя называли горцы, «послѣдователей истины»,—но вторженіе персіянъ въ закавказскіе предѣлы отвлекло его вниманіе въ другую сторону.

Такимъ образомъ, благодаря выдающемуся уму и особой политикѣ Ермолова, умѣвшаго раздроблять силы враговъ и ослаблять ихъ, почти весь Дагестанъ былъ въ русскихъ рукахъ. Горцы и сѣдыя вершины Кавказа и понынѣ хранятъ память о томъ,

Чье имя, какъ завѣтъ священный,
Штыками врѣзано въ горахъ.

Персидская война 1826—1828 гг. Послѣ гюлистанскаго договора, Россія хотя и была въ мирѣ съ Персіею, но этотъ непрочный миръ скорѣе походилъ на продолжительное перемиріе, готовое ежеминутно прерваться. Въ то время, когда происходило усмиреніе горцевъ, Персія, лишенная навсегда права на свои закавказскія провинціи, не оставалась спокойною зрительницею успѣховъ русскаго оружія и рѣшилась вновь открыть военныя дѣйствія. Несмотря на то, что, по вступленіи на престолъ, императоръ Николай I отправилъ въ Персію своего чрезвычайнаго посла князя Меньшикова съ грамотою о желаніи русскаго двора поддерживать съ нею миръ, Персія, втайнѣ подстрекаемая англичанами, сдѣлалась крайне упорна въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ. Меньшиковъ, принятый сперва со всѣми подобающими почестями, былъ даже заключенъ подъ стражу. Послѣ этого война сдѣлалась неизбѣжною, и эта первая война въ царствованіе императора Николая I породила цѣлый рядъ другихъ войнъ, почти безпрерывно веденныхъ Россіею въ теченіе всего царствованія покойнаго императора.

Въ 1826 году, въ іюлѣ, персидскія полчища совершенно неожиданно, безъ объявленія войны, во главѣ съ Аббасъ-Мирзой, перейдя границы, обратили въ развалины рядъ селеній и обложили Гумры, нынѣшній Александрополь. Персидскихъ войскъ насчитывалось до 50 тысячъ при 24 орудіяхъ, русскихъ же было, кромѣ казаковъ, всего до 28 тысячъ, при 100 орудіяхъ. Съ началомъ войны распространилось броженіе среди мусульманскаго населенія пограничныхъ областей, а 27-го іюля татары, жители Елисаветполя (Ганжи), ночью предательски перерѣзали часть русскаго населенія, и небольшой отрядъ принужденъ былъ отступить изъ города, который заняли персіяне. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторыя провинціи одна за другою стали переходить на сторону Персіи, а русскіе гарнизоны въ Баку, Шемахѣ и Кубѣ были блокированы непріятелемъ. Тѣмъ временемъ войска быстро стягивались къ персидской границѣ. Генералъ Ермоловъ 10-го августа прибылъ въ Джелалъ-оглы, а генералъ Мадатовъ, занявъ 4-го сентября Елисаветполь, перенесъ военныя дѣйствія въ предѣлы эриванскаго ханства. Къ этому времени на Кавказѣ находился присланный императоромъ Николаемъ въ качествѣ помощника Ермолову генералъ-адъютантъ графъ Паскевичъ, который, соединившись съ Мадатовымъ и двинувшись навстрѣчу непріятельской арміи, расположенной въ 9-ти верстахъ отъ города Елисаветполя, 13-го сентября одержалъ блестящую побѣду.

При такихъ обстоятельствахъ, въ самый разгаръ войны, Ермоловъ, благодаря проискамъ враговъ, которыхъ онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ своею откровенностью и прямотою, былъ удаленъ отъ командованія войсками,—но десятилѣтнее славное управленіе его Кавказомъ навсегда будетъ памятно въ исторіи этого края. Ермоловъ принадлежалъ къ числу наиболѣе видныхъ кавказскихъ дѣятелей, а потому понятны выраженныя въ слѣдующихъ строкахъ чувства, которыя воодушевляли тогдашнее русское общество:

....Хоть дѣлъ великихъ окончанья
Рукою ты не довершилъ,
Но духъ твой изъ глуши изгнанья
Другихъ къ побѣдамъ приводилъ.
Свершить—тебѣ не дали время,
Но всюду тамъ твои слѣды;
Тобою брошеннаго сѣмя
Россія соберетъ плоды...

При отъѣздѣ съ Кавказа Ермолову даже не оказали должнаго вниманія, и по этому поводу вотъ что онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «По увольненіи отъ должности, болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ и, наконецъ, оставилъ страну. Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его

выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали мнѣ его начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ».

Въ 1827 году на мѣсто Ермолова главнымъ начальникомъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса былъ назначенъ графъ Паскевичъ, который, вступивъ въ командованіе войсками, принялся дѣлать распоряженія къ продолженію войны и въ первыхъ числахъ апрѣля открылъ наступательныя дѣйствія противъ персіянъ движеніемъ войскъ къ Эривани. Благодаря этимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ его, были взяты крѣпости: Аббасъ-Абадъ, Сардаръ-Абадъ и 1-го октября Эривань, за что Паскевичъ пожалованъ былъ титуломъ графа Эриванскаго. Эпизодъ взятія Эривани характерно выраженъ въ слѣдующей пѣсни, распѣваемой солдатами и теперь:

Не туманъ изъ за моря тучей поднялся,
Не туманъ, не дождичекъ, нѣтъ, орелъ взвился......
Бѣлый, какъ лебедушка, зоркій, какъ соколъ,
Онъ полки россійскіе въ Персію повелъ.
А потомъ ребятушки, какъ пришла пора,
Крикнули по нашему русское «ура!»
Крикнули, ударили, понеслись на брань—
И въ секунду съ четвертью взяли Эривань.
Графъ же Иванъ Ѳедоровичъ,—наша голова,
Тотчасъ въ ней отпраздновалъ праздникъ Покрова
И Мирзѣ-Мирзовичу снова далъ трезвонъ,
Царство басурманское захватилъ въ полонъ.

Вслѣдъ за взятіемъ Эривани войска перешли Араксъ, быстро вторглись въ Персію, взяли города: Тавризъ, Марагу, Ардебиль и Урмію. Послѣ ряда побѣдъ, Паскевичъ, 10-го февраля 1828 года, окончательно склонилъ персовъ къ заключенію туркманчайскаго трактата, по которому Россія получила ханства Эриванское и Нахичеванское, 20 милліоновъ рублей денежной контрибуціи, и ей предоставлено было исключительное право плаванія по Каспійскому морю.

Турецкая война 1828-1829 гг. Еще не былъ заключенъ миръ съ Персіей, какъ въ Европѣ произошло событіе, послужившее поводомъ къ новой русско-турецкой войнѣ. Поводъ этотъ заключался въ томъ, что Турція не только не выполняла условій бухарестскаго мира, по которому она обязывалась защищать сербовъ, грековъ и другихъ христіанъ, но даже, несмотря на вмѣшательство Россіи, Франціи и Англіи, оставляла безъ отвѣтовъ ноты державъ. Турки, воюя съ греками, овладѣли Аѳинами и все больше и больше свирѣпствовали въ несчастной странѣ. Греки, послѣ шестилѣтней геройской борьбы, уже не въ состояніи были долѣе сопротивляться и обратились къ державамъ съ воззваніемъ о помощи. Россія первая заступилась за нихъ и немедленно отправила войска изъ персидскихъ предѣловъ въ турецкіе. Султанъ Махмудъ II издалъ, 8-го декабря 1827 г., «хатти-шерифъ», въ которомъ приглашалъ мусульманъ къ священной войнѣ съ Россіей. Послѣ этого и императоръ Николай I также объявилъ, 14-го апрѣля 1828 года, манифестъ о войнѣ съ Турціей, которая началась на европейской и азіатской границахъ. Дѣйствующій кавказскій корпусъ перешелъ съ одного театра войны на другой. Военныя дѣйствія открылись 14-го іюня движеніемъ войскъ отъ Гумровъ (Александрополь) къ Карсу. По распредѣленіи необходимаго числа войскъ на Кавказской линіи, для обезпеченія отъ набѣговъ горцевъ, всего было двинуто на турецкую границу до 12-ти тысячъ человѣкъ. Вотъ съ какими силами предстояло Паскевичу дѣйствовать противъ многочисленныхъ турецкихъ полчищъ, находившихся въ такихъ первоклассныхъ крѣпостяхъ, какъ Карсъ и Ахалцихъ.

Прибывъ съ войсками къ Карсу и сдѣлавъ тщательную рекогносцировку, Паскевичъ рѣшилъ овладѣть имъ и, послѣ четырехдневной осады, на пятый день, произвелъ штурмъ, и 23-го іюня Карсъ палъ. Затѣмъ онъ взялъ Ахалкалаки, паденіе котораго развязывало руки для дѣйствій подъ Ахалцихомъ. Крѣпость эта была взята 15-го августа княземъ Чавчавадзе, несмотря на отчаянное сопротивленіе турокъ, которые были настолько убѣждены въ неприступности своей твердыни, что даже говорили: «Прежде надо снять мѣсяцъ съ неба, а потомъ луну съ ахалцихской мечети», никакъ не думая, что эта позолоченная луна, сорванная русской бомбой съ минарета мечети, будетъ лежать на землѣ, какъ знакъ побѣды русскихъ войскъ.

Въ 1829 году, несмотря на появленіе чумы, кавказскія войска должны были продолжать военныя дѣйствія, такъ какъ турки перешли въ наступленіе и осадили геройски обороняемую, въ теченіе двухъ недѣль, княземъ Бебутовымъ крѣпость Ахалцихъ. Вслѣдъ за этимъ Паскевичъ двинулся къ Ардагану и, быстро перейдя трудно доступный Саганлугскій хребетъ, вышелъ въ тылъ туркамъ. Затѣмъ непріятельскія войска, 19-го іюня, потерпѣвъ полное пораженіе у м. Катанлы, бѣжали, преслѣдуемыя русской кавалеріей. Не давая туркамъ опомниться, Паскевичъ двинулся на Эрзерумъ, оборонять который они уже были не въ состояніи.

Этимъ закончились блестящія военныя дѣйствія на Кавказѣ. За подвиги на Саганлугѣ и взятіе Эрзерума Паскевичу пожалованы были орденъ Георгія 1-й степени и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Такимъ образомъ и въ 1829 году русскія войска одержали славныя и блистательныя дѣла: они дошли до Трапезунда, взяли нѣсколько крѣпостей и захватили въ плѣнъ даже самого сераскира съ знатнѣйшими сановниками. Русскимъ досталось 262 пушки, 65 знаменъ, 10 бунчуковъ, жезлъ сераскира и много другихъ трофеевъ.

Успѣхи русскихъ на европейскомъ и азіатскомъ театрѣ войны и славныя дѣйствія черноморскаго флота сильно обезпокоили не только султана, но и всѣ

европейскія державы, заставляя ихъ бояться окончательнаго паденія Турціи, а взятіе Адріанополя, Эрзерума и высадка русскаго отряда при Иніадѣ произвели на Порту удручающее впечатлѣніе. Въ Константинополѣ началось къ тому же народное волненіе. Султанъ, зная твердость русскаго государя, убѣдился, что дальнѣйшія сопротивленія будутъ гибельны, и согласился на переговоры о заключеніи мирнаго договора, который и былъ подписанъ въ Адріанополѣ въ 1829 году. По этому миру Турція уступила Россіи, между прочимъ, крѣпости: Анапу, Поти, Ахалцихъ, Ацхуръ и Ахалкалаки. Восточною границею опредѣлена была рѣка западный Арпачай, а Босфоръ и Дарданеллы были признаны открытыми для торговли всѣхъ народовъ. Императоръ Николай I великодушно возвратилъ султану всѣ занятыя въ Европейской Турціи земли, но зато Порта обязалась исполнять во всей силѣ прежніе трактаты о равенствѣ своихъ христіанскихъ подданныхъ съ мусульманскими.

Продолженіе войны съ горцами. Вслѣдствіе войны съ Персіей, а затѣмъ и съ Турціей, почти всѣ кавказскія войска были направлены на югъ, въ составъ дѣйствующей арміи. Противъ горцевъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій не предпринималось, за исключеніемъ экспедиціи, отправленной въ 1828 году, подъ начальствомъ генерала Эммануэля, для покоренія карачаевцевъ.

Когда же обѣ эти войны окончились, Паскевичъ рѣшилъ продолжать войну съ горцами, но неожиданно былъ отозванъ съ Кавказа для командованія русской арміей, мобилизованной въ 1830 году противъ польскихъ мятежниковъ. На мѣсто Паскевича на Кавказъ прибылъ въ 1831 году генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ.

Вспыхнувшій въ концѣ двадцатыхъ годовъ мюридизмъ къ этому времени уже окрѣпъ. Ученіе это имѣло цѣлью сплотить горцевъ въ одно цѣлое, съ тѣмъ, чтобы совокупными силами противодѣйствовать распространенію русской власти и отстаивать свою независимость. Проповѣдники газавата успѣли соединить вмѣстѣ многія племена, жившія до того отдѣльно. Мюридизмъ внушилъ имъ идею политической независимости. Общему возстанію способствовала также и величавая, суровая и недоступная мѣстность, пріучившая горца съ малолѣтства презирать всѣ опасности, а отсутствіе промышленности и торговли заставило его прибѣгать къ грабежу. Лихой джигитъ, какъ отважный купецъ среднихъ вѣковъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Кавказскій горецъ весь состоялъ изъ страсти,—она совершенно поглощала его, даже въ ущербъ разсудку. Для него не было доступно понятіе о государствѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, и, страстно привязанные къ мѣсту своего рожденія, они не признавали ничего выше своей маленькой родины; выше этого горцы ставили только свободу. Война, набѣгъ и грабежъ возведены были въ принципъ, а за малѣйшее личное оскорбленіе они платили пулей или кинжаломъ.

Кавказская администрація, поглощенная политическими дѣлами съ Персіей и Турціей, сначала не замѣтила религіозно-политическаго движенія горцевъ, когда же мюридизмъ охватилъ Чечню и вольныя общества всего Дагестана, то стала принимать рѣшительныя мѣры; но уже было поздно, такъ какъ знамя газавата было поднято и разомъ увлекло за собой почти всѣхъ горцевъ, которые, собираясь въ аулахъ и призывая на брань, свободно пѣли грозно-унылымъ голосомъ:

О братья, творите молитву,
Съ кинжалами ринемся въ путь!
Ломай ихъ о русскую грудь.....
По трупамъ—безстрашнаго путь!
Слава намъ, смерть врагу!
Алла-га! Алла-гу!

Такъ пѣли горцы на своемъ языкѣ эту пѣсню, приготовляясь къ кровавой борьбѣ съ русскими. Мюридизмъ образовалъ въ горахъ политическое общество въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Населеніе переродилось, мирныя деревни обращались въ укрѣпленныя позиціи. Мюриды безпрестанно разжигали въ краѣ пожаръ, и мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь вырваться на волю. Недоставало только искры, чтобы воспламенить народную массу. И искра эта вскорѣ же вспыхнула въ лицѣ неограниченнаго повелителя правовѣрныхъ горцевъ—имама; титулъ этотъ достаточно показывалъ, куда мѣтило новое ученіе. Первымъ носителемъ этого званія былъ мулла Магомедъ, глубокій знатокъ корана, жившій въ кюринскомъ ханствѣ. Убѣжденный ненавистникъ «гяуровъ», владѣвшій къ тому же даромъ слова, онъ безъ особеннаго труда вселилъ въ своихъ единовѣрцевъ непримиримую вражду къ русскимъ и поднялъ къ возстанію весь Дагестанъ. И теперь еще, проѣзжая по Дагестану, можно видѣть деревню Ярагларъ, гдѣ нѣсколько муллъ держали совѣтъ, на которомъ рѣшено было непремѣнно изгнать русскихъ съ Кавказа.

Съ этого времени начинается рядъ кровопролитныхъ экспедицій въ горы. Но несмотря на блестящіе успѣхи, русскіе не подвигались впередъ, такъ какъ разоренные аулы, по уходѣ войскъ, вновь укрѣплялись, и стойкіе горцы постоянно готовы были къ набѣгамъ.

...«Въ табунъ, въ табунъ»!—бѣгутъ, шумятъ:
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони:
Къ набѣгу весь аулъ готовъ...

Преемникомъ муллы Магомета сдѣлался Кази-мулла, родомъ аварецъ. Искусно пользуясь обстоятельствами, онъ все время силою слова и оружіемъ навязывалъ горцамъ свое ученіе и, смѣло проповѣдуя мюридизмъ, торжественно объя-

вилъ: «Говорю вамъ! Пока Дагестанъ попирается ногами русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ вамъ счастья. Солнце сожжетъ наши поля, не орошенныя небесной влагой; сами вы будете умирать, какъ мухи, и горе вамъ, когда вы предстанете на судъ Всевышняго. Я посланъ отъ Бога, чтобы спасти васъ. И такъ, во имя его и пророка, призываю васъ на брань съ невѣрными. Газаватъ русскимъ!» Кази-Мулла рѣшилъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы овладѣть Аваріей, не поддавшейся его власти; но попытка его взять главный городъ Аваріи—Хунзахъ оказалась неудачною: аварцы въ 1830 году разбили и прогнали толпы мюридовъ, и Кази-Мулла удалился изъ предѣловъ Аваріи. Въ слѣдующемъ, 1831 году Кази-Мулла съ 8-ю тысячами горцевъ осадилъ крѣпость Бурную, около Тарку, но тоже былъ отбитъ русскими войсками, оставивъ на мѣстѣ полторы тысячи тѣлъ. Тщетно пытаясь взять крѣпость Внезапную, онъ въ августѣ появился въ Табасарани, поднялъ тамъ возстаніе и восемь дней держалъ въ осадѣ Дербентъ. Затѣмъ онъ разгромилъ Кизляръ, а весною 1832 года началъ производить изъ Чечни набѣги на Кавказскую линію и даже угрожалъ Владикавказу и Грозной.

Такимъ образомъ, русскіе отряды нанесли горцамъ нѣсколько значительныхъ пораженій, и Кази-Мулла принужденъ былъ укрыться въ сильно укрѣпленномъ на берегу аварскаго Койсу, аулѣ Гимры, который вскорѣ же былъ осажденъ русскими. Начался упорный бой. Кази-мулла, видя невозможность далѣе сопротивляться русскимъ войскамъ, собралъ своихъ приверженцевъ и, желая воодушевить горцевъ, сказалъ: «Чувствую, что приближается конецъ мой.... умираю за истину и за свой шаріатъ. Кто хочетъ такъ же умереть, тотъ останется со мною!» Но это воззваніе не помогло, и послѣ кровопролитной битвы, 17-го октября 1832 года, Гимры были взяты. Кази-мулла заперся въ башнѣ съ 16 мюридами. Не видя спасенія, онъ предпринялъ отчаянную вылазку и съ шашкой на-голо, надвинувъ на глаза папаху, первый бросился изъ башни, но тутъ же былъ поднятъ на штыки. Здѣсь-же былъ тяжело раненъ въ грудь насквозь другъ Кази-муллы и самый главный сподвижникъ его—Шамиль.

Смерть Кази-муллы еще болѣе воодушевила горцевъ на войну съ гяурами, и послѣ его смерти, черезъ полгода, преемникомъ его былъ избранъ уроженецъ Аваріи, сел. Гоцатля—Гамзадъ-бекъ. Новый имамъ Чечни и Дагестана не отличался особыми дарованіями,—это былъ набожный, молчаливый и безжалостный честолюбецъ. Въ три года укрѣпивъ мюридизмъ въ горахъ, на трупахъ своихъ друзей и недруговъ, онъ, какъ и его предмѣстникъ, началъ съ уничтоженія аристократіи и прежде всего аварскихъ хановъ, а затѣмъ силою оружія заставилъ подчиниться шамхальцевъ, мехтулинцевъ и акушинцевъ, не желавшихъ принимать участія въ мятежѣ. Такимъ образомъ, Гамзадъ-бекъ взбунтовалъ всѣ области, покоренныя до того русскими, и могъ располагать 20-ю тысячами войска. Однако истребленіе аварскихъ хановъ было причиной собственной гибели Гамзадъ-бека, такъ какъ въ Хунзахѣ, куда онъ подступилъ, составленъ былъ противъ него заговоръ, и 19-го сентября 1834 года онъ былъ убитъ въ хунзахской мечети съ главными своими сообщниками. Но его смерть не принесла русскимъ войскамъ облегченія, нисколько не поколебавъ мюридизма.

На смѣну Гамзадъ-бека появляется вновь избранный имамъ, Шамиль, какимъ то чудомъ излечившійся отъ тяжелой раны, полученной имъ при защитѣ аула Гимры. Шамиль былъ уроженецъ аула Гимры; онъ имѣлъ живой характеръ, любилъ зимою ходить босымъ и, отличаясь страстью къ различнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, закалилъ свое здоровье. Какъ администраторъ, онъ обнаружилъ необыкновенныя способности, правя своимъ импровизированнымъ царствомъ по строго обдуманному плану. Хотя на первыхъ порахъ имамства Шамиль и находился въ затруднительномъ положеніи, но, благодаря необыкновенной силѣ воли и энергіи, скоро устранилъ всѣ неблагопріятныя условія и въ нѣсколько лѣтъ достигъ высшей степени могущества. Всю подвластную территорію онъ раздѣлилъ на нѣсколько округовъ подъ управленіемъ наибовъ. Нести военную службу обязаны были всѣ горцы, способные носить оружіе, и благодаря этому у Шамиля образовалось до 60-ти тысячъ человѣкъ. Въ Веденѣ и Гунибѣ устроены были пороховые погреба, холодное оружіе приготовлялось мѣстными мастерами, а ружья пріобрѣтались въ Турціи. Шамиль опредѣлилъ даже денежные сборы съ жителей; кромѣ того, его казна пополнялась случайными «доходами», а именно грабежами въ Грузіи.

Мюридизмъ къ этому времени охватывалъ уже не отдѣльную партію, а разросся въ общее массовое движеніе. Кавказскія войска всюду встрѣчали единодушное сопротивленіе горцевъ. Въ то самое время, когда они безъ всякой системы дѣйствовали въ горахъ и сотнями гибли въ борьбѣ съ мюридами, подъ звуки боевого марша, съ аккомпаниментомъ пѣсни:

Эхъ, матушка родимая, прости, прости, прости!
Ахъ, дѣвица-красавица, о павшемъ не грусти!
Эй, дьяволы лохматые, вставайте на пути!
И-ихъ, душенька солдатская, рости, рости, рости!..

—Шамиль въ это время дѣлалъ свое дѣло. Принявъ подъ свою власть Дагестанъ и Чечню, имамъ выказалъ себя не только отличнымъ воиномъ, но еще болѣе замѣчательнымъ администраторомъ. Борьба была трудная, и каждая пядь земли доставалась русскимъ дорогой цѣной. Въ теченіе этого періода экспедиціи были почти безрезультатны: нѣсколько сожженныхъ домиковъ стоили нѣсколькихъ сотенъ, а иногда и тысячи солдатъ. Эта безпрерывная и почти безвредная для горцевъ война до того подняла ихъ духъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ, засѣвшихъ въ ущельѣ или на вершинѣ горы, не боялись завязывать дѣло съ нѣсколькими

батальонами. Кругъ, охваченный мюридизмомъ, постоянно расширялся; приходилось дѣйствовать уже не отрядами, а цѣлыми корпусами, а потому потребовалось увеличеніе числа войскъ, и изъ Россіи были двинуты на Кавказъ 40 тысячъ солдатъ.

Въ 1837 году Шамиль уже господствовалъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, а потому въ этомъ же году, подъ начальствомъ генерала Фези, была предпринята большая экспедиція въ аварское ханство, гдѣ были взяты селенія Ашильта и Ахульго. Затѣмъ Фези направился къ укрѣпленному селенію Тилитлю, мѣстопребыванію Шамиля. Здѣсь, послѣ ожесточеннаго боя, русскія войска овладѣли частью селенія. Шамиль вступилъ въ переговоры и поклялся на коранѣ не волновать болѣе горцевъ, но это ему было необходимо, чтобы затянуть время и дѣлать свое дѣло. Экспедиція генерала Фези существенныхъ результатовъ не дала.

Въ 1837 году императоръ Николай I пріѣхалъ на Кавказъ и, высадившись 20-го сентября на черноморскомъ берегу, около Сухума, въ Геленджикѣ, прибылъ 7-го октября въ Тифлисъ, а затѣмъ, объѣхавъ Кавказскій край, государь лично заложилъ крѣпость въ Гумрахъ, назвавъ ее Александрополемъ. Недовольный дѣйствіями Розена, императоръ смѣнилъ его, и въ томъ же 1837 году на Кавказъ былъ назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ.

Во время проѣзда императора Николая I изъ Грузіи при возвращеніи въ Россію генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау устроилъ свиданіе съ Шамилемъ и всячески убѣждалъ его присягнуть государю, но Шамиль рѣшительно отказался, говоря, что имамъ, глава правовѣрныхъ, не можетъ быть ничьимъ подданнымъ.

Вслѣдъ за этимъ, вблизи разрушеннаго стараго Ахульго, Шамиль выстроилъ новый Ахульго; сильно укрѣпивъ его, онъ основалъ тамъ свою резиденцію, а въ Дагестанъ послалъ воззваніе, въ которомъ объявилъ себя «владыкою горъ».

Генералъ Головинъ, прибывъ на Кавказъ, представилъ въ 1838 году свой обширный проектъ военныхъ дѣйствій Въ виду этого, весною 1839 года были образованы два самостоятельныхъ отряда: первый у крѣпости Внезапной—чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, и у укрѣпленія Хунзаха второй отрядъ—самурскій, подъ начальствомъ самого корпуснаго командира. Генералъ Граббе, устроивъ мостъ на андійскомъ Койсу и перейдя на правый берегъ подступилъ къ Ахульго и, послѣ двухмѣсячной правильной осады и жесточайшаго штурма, 22-го августа 1839 года, взялъ и совершенно разрушилъ его. Самъ Шамиль былъ раненъ и, едва спасшись, бѣжалъ къ шатоевцамъ въ Аргунское ущелье. Въ этомъ же году генералъ Головинъ привелъ въ повиновеніе весь Самурскій округъ, жители котораго вслѣдствіе этого прекратили сношенія съ Шамилемъ, а 5-го іюня занялъ безъ выстрѣла Ахты—главное селеніе края. При взятіи Ахульго погибли лучшіе сподвижники Шамиля, и значеніе его въ горахъ значительно ослабѣло. Паденіе твердыни имама произвело до того подавляющее впечатлѣніе на горцевъ, что Шамилю не было уже возможности оставаться въ Дагестанѣ.

Къ этому времени Кавказская линія была уже раздѣлена на четыре части: правый и лѣвый фланги, центръ и черноморскую береговую линію, а для защиты Грузіи отъ нападеній лезгинъ немного ранѣе образовалась Лезгинская линія, тянувшаяся вдоль южнаго склона главнаго хребта; главный центръ этой линіи былъ въ Закаталахъ.

Такъ шли дѣла на восточномъ Кавказѣ; не менѣе удачны они были и на западномъ. Политическое устройство западныхъ горцевъ, жившихъ по побережью Чернаго моря и на Кубани, отличалось отъ устройства восточныхъ тѣмъ, что западные горцы имѣли привилегированныя сословія, а у восточныхъ, и въ особенности у чеченцевъ, оно было совершенно демократическое, въ которомъ полнѣйшее равенство было непремѣннымъ условіемъ.

Какъ извѣстно, черноморская береговая линія была устроена съ цѣлью сооруженія укрѣпленій около устьевъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, чтобы тѣмъ лишить пристанища турецкія и англійскія суда, привозившія черкесамъ товары, порохъ и оружіе. Собранный въ Тамани отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго, въ концѣ апрѣля 1839 года былъ посаженъ на эскадру черноморскаго флота и, высадившись на берегъ при устьѣ рѣки Субаши, построилъ укрѣпленіе, названное Головинскимъ фортомъ. Окончивъ это укрѣпленіе, отрядъ высадился при устьѣ рѣки Псезуапе, гдѣ построилъ фортъ Лазарева, и, наконецъ, въ промежуткѣ между Анапою и Новороссійскомъ возведенъ былъ фортъ Раевскаго, въ память этого замѣчательнаго генерала, любимца солдатъ, сложившихъ про него слѣдующую пѣсню:

Какъ по морю, по волнамъ,
Да бурливыми водами
Корабли идутъ съ полками
Къ дикимъ берегамъ.
Въ Туапсе пришли они,
Чинно рядышкомъ всѣ стали;
Тамъ ихъ горцы ожидали,
Разложивъ огни.
Нашъ Раевскій, храбръ и смѣлъ,
Льва сомнетъ за Русь святую;
На скалу куда крутую
Соколомъ взлетѣлъ....

Черноморская линія стоила огромныхъ денегъ и большихъ жертвъ: солдаты массами умирали отъ лихорадокъ, господствующихъ въ этомъ краѣ, и гибли въ стычкахъ съ врагами. Достаточно вспомнить гибель форта Лазарева, подавленнаго въ 1840 году многочисленнымъ непріятелемъ, такую же гибель урочища Вельяминовскаго, геройскую защиту незначительнаго гарнизона Михайловскаго укрѣп-

ленія противъ 11-тысячной толпы горцевъ, погибшихъ вмѣстѣ съ гарнизономъ укрѣпленія, въ которомъ рядовой тенгинскаго пѣхотнаго полка, Архипъ Осиповъ, въ минуту вторженія непріятеля взорвалъ пороховой погребъ и «погибъ во славу русскаго оружія», затѣмъ гибель форта Николаевскаго, блестящую оборону абинскаго укрѣпленія противъ свыше 10 тысячъ человѣкъ, въ которой русскими три раза былъ отбитъ штурмъ горцевъ съ величайшимъ для нихъ урономъ,— чтобы понять, какимъ необычайнымъ героизмомъ были проникнуты кавказскія войска.

Въ такомъ положеніи находились военныя дѣйствія съ горцами до 1840 года. Въ этомъ году на восточномъ Кавказѣ вспыхнуло новое возстаніе, вслѣдствіе того, что населенію предложено было генераломъ Пулло произвести уплату податей не деньгами, а оружіемъ. Шамиль, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сталъ руководить мятежемъ, снова сдѣлавшись полновластнымъ повелителемъ горъ. Резиденцію свою онъ устроилъ въ ичкеринскомъ селеніи—Дарго. Отсюда начинается блистательная эпоха правленія Шамиля, вновь мечтавшаго о завоеваніи всего Дагестана. Какъ разъ въ это время къ нему явился Хаджи-Муратъ, безстрашный джигитъ, который ранѣе былъ заклятымъ врагомъ мюридизма, но совершенно несправедливо обвиненный въ 1840 году въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, бѣжалъ къ имаму. Можно себѣ представить, съ какою радостью Шамиль встрѣтилъ храбраго джигита, сдѣлавшагося теперь непримиримымъ врагомъ русскихъ. И послѣ этого почти не было сколько-нибудь замѣчательнаго дѣла, гдѣ впереди всѣхъ не отличался бы Хаджи-Муратъ, подъ предводительствомъ котораго собирались удальцы и производили отчаянные набѣги. И дѣйствительно за это время горцы нанесли русскимъ нѣсколько сильныхъ пораженій, какъ, напримѣръ, отряду генерала Галафѣева при р. Валерикѣ, 11-го іюля 1840 года; но вскорѣ-же войска генералъ-маіора Клюге-фонъ-Клугенау, преслѣдуя скопища Шамиля, 14-го сентября, подъ Гимрами, завязали упорный бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ имама. Разгромъ этотъ настолько отрезвляющимъ образомъ подѣйствовалъ на умы населенія Дагестана, что партія одного изъ наиболѣе даровитыхъ сподвижниковъ его, Кабиты-Магомы, узнавъ о происшедшемъ, разсѣялась, и самъ фанатикъ-казій притихъ.

Къ этому времени для военныхъ дѣйствій были собраны четыре отряда: въ Темиръ-Ханъ Шурѣ — дагестанскій, подъ начальствомъ генерала Головина, при крѣпости Внезапной- чеченскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, назрановскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Барятинскаго и, наконецъ, лабинскій отрядъ—въ Прочномъ-окопѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса. Но несмотря на дѣйствія этихъ отрядовъ, власть Шамиля все-же распространилась далеко за предѣлы аварскаго Койсу, казикумыхскаго ханства и почти до главнаго Кавказскаго хребта.

Въ 1842 году главнокомандующимъ на Кавказъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Нейгардтъ.

Вскорѣ послѣ этого обстоятельства борьбы перемѣнились въ пользу русскихъ. Начальникъ сѣвернаго Дагестана генералъ Фези въ теченіе марта 1842 года рядомъ блистательныхъ дѣлъ поправилъ всѣ предшествовавшія неудачи. Затѣмъ Шамиль потерпѣлъ пораженіе отъ войска князя Аргутинскаго-Долгорукова въ казикумыхскомъ ханствѣ. Но вслѣдъ за этимъ генералъ Граббе совершилъ бѣдственный переходъ черезъ ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ потерялъ до двухъ тысячъ убитыми и ранеными. Такимъ образомъ, счастье мѣнялось. Въ послѣдующіе годы перевѣсъ былъ на сторонѣ Шамиля. Наступилъ 1843 годъ, и, вмѣсто успокоительныхъ извѣстій, начали отовсюду доноситься слухи о новыхъ замыслахъ Шамиля. Русскіе бились отчаянно, но безуспѣшно. Командовавшій тогда войсками въ Дагестанѣ генералъ Клюгенау, лично храбрый, растерялся и, несмотря на помощь прибывшаго черезъ главный хребетъ кн. Аргутинскаго, экспедиція его была неудачна. Затѣмъ Гергебиль былъ взятъ на глазахъ генераловъ Гурко и Клюгенау, стоявшихъ близи, у Кутиши. Генералъ Пассекъ, видя невозможность удержать укрѣпленіе Хунзахъ, очистилъ его, устроивъ такъ, что горцы, кинувшіеся въ укрѣпленіе по уходѣ русскихъ, при взрывѣ порохового погреба взлетѣли на воздухъ; но по дорогѣ Пассекъ былъ запертъ въ Зырянахъ, гдѣ геройски выдержалъ мѣсячную осаду, пока генералъ Гурко не выручилъ его.

Таковъ былъ для русскихъ 1843 годъ. Онъ оставилъ страшное впечатлѣніе: съ 27-го августа по 22-е декабря у русскихъ было убито и ранено 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и до $2^1/_2$ тысячъ нижнихъ чиновъ, къ тому же Шамиль разрушилъ до 12 укрѣпленій. Теперь его считали непобѣдимымъ и полновластнымъ обладателемъ почти всего Дагестана и Чечни. Въ рукахъ русскихъ остались только часть шамхальства тарковскаго, прибрежье Каспія и часть Дагестана. Несчастный 1843 годъ показалъ необходимость сосредоточенія власти на Кавказѣ въ однѣхъ рукахъ, и званіе главнокомандующаго въ слѣдующемъ году было возстановлено.

Недовольный постоянными неудачами генерала Чернышева, недолго управлявшаго Кавказомъ послѣ генерала Нейгардта, императоръ Николай I замѣнилъ его въ концѣ 1844 года княземъ Воронцовымъ, человѣкомъ испытанной военной и административной дѣятельности, и облекъ его званіемъ намѣстника.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, князь Воронцовъ, на котораго возлагались большія надежды, прибывъ на Кавказъ, предпринялъ въ 1845 году походъ въ Дарго—для уничтоженія скопищъ Шамиля, съ войсками, снабженными всѣми средствами и одушевленными личнымъ предводительствомъ знаменитаго генерала. Но, къ сожалѣнію, этотъ даргинскій походъ, прозванный «сухарной экспедиціей», кончился потерею пяти тысячъ

человѣкъ и трехъ орудій, безъ малѣйшаго результата, хотя и была разрушена резиденція Шамиля. Въ эту страшную экспедицію и въ еще болѣе страшное отступленіе назадъ, черезъ ичкеринскій лѣсъ, на протяженіи 15-ти верстъ, понесены были самыя большія потери: были убиты три генерала —Викторовъ, Бѣлевскій и храбрѣйшій Пассекъ, много штабъ и особенно оберъ-офицеровъ и громадное число солдатъ. Самъ Воронцовъ вынужденъ былъ взять солдатское ружье для собственной защиты, и не явись, какъ спаситель, Фрейтагъ со своимъ отрядомъ,—вѣроятно, печальная участь постигла-бы оставшіяся войска. Урокъ былъ жестокій; но урокъ этотъ былъ и послѣднимъ. Даргинская экспедиція произвела въ кавказской войнѣ переворотъ: съ этого времени рѣшено было не производить дальнихъ экспедицій и дѣйствовать болѣе осторожно. И Воронцовъ систематически, по высказанному еще Вельяминовымъ предложенію, сталъ охватывать горы желѣзнымъ кольцомъ, чтобы запереть мюридовъ въ ущельяхъ. Такой способъ борьбы обѣщалъ хотя и медленный, но вѣрный успѣхъ,—и дѣйствительно, горцы почувствовали себя вскорѣ совершенно отрѣзанными отъ остального Кавказа. Шамиль хотя и переселился въ Ведено и сильно его укрѣпилъ, но мюридизмъ уже не могъ распространиться далеко. Трудное дѣло покоренія горцевъ становилось на твердую почву, хотя о скоромъ умиротвореніи ихъ нельзя было и думать: Шамиль въ это время тоже подготовлялся къ дальнѣйшей борьбѣ.

Изъ наиболѣе выдающихся эпизодовъ войны за это время, кромѣ даргинскаго похода, слѣдуетъ отмѣтить неудачный штурмъ Гергебиля въ 1847 году, гдѣ, несмотря на чудеса храбрости, оказанныя войсками, предводимыми Воронцовымъ, Бебутовымъ и Евдокимовымъ, русскіе потеряли около 600 человѣкъ, и только въ слѣдующемъ году аулъ этотъ былъ взятъ и разрушенъ. Послѣ этого Шамиль бѣжалъ и въ 1848 году обложилъ укрѣпленіе Ахты, храбро защищаемое войсками, находившимися подъ начальствомъ Ротта. Геройскій гарнизонъ крѣпости былъ спасенъ отрядомъ князя Аргутинскаго, солдаты котораго, подходя къ аулу, распѣвали:

Горе, горе вамъ, ахтынцы:
Князь ведетъ отрядъ!
Скалы, крѣпости и горы
Васъ не защитятъ.

Къ началу пятидесятыхъ годовъ положеніе русскихъ на Кавказѣ улучшилось, но конца борьбы съ горцами ожидать было еще нельзя, тѣмъ болѣе, что проповѣдникъ мюридизма на западномъ Кавказѣ Магомедъ-Аминъ сильно началъ волновать племена, жившія въ этой части Кавказа.

Одновременно съ этимъ Россіи предстояло готовиться едва-ли не къ самой ожесточенной войнѣ—противъ европейскаго союза.

Восточная война 1853—1856 гг. Война 1828—29 гг. достаточно выяснила слабость Турціи, а потому Англія, опасаясь за свое могущество на Востокѣ, стала недовѣрчиво относиться къ Россіи, подозрѣвая ее въ намѣреніи посягнуть на цѣлость Порты. Въ то же время Наполеонъ III, незадолго до того провозглашенный французскимъ императоромъ, недовольный императоромъ Николаемъ, рѣшился объявить войну Россіи. Пререканія начались между Франціей и Россіей изъ за правъ на церкви въ Св. Землѣ. Турки же, подстрекаемые европейскими дворами, стали тоже выказывать чрезвычайное упорство въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ. Видя это, императоръ Николай приказалъ привести въ военное положеніе войска, а 14-го іюня 1853 года послѣдовалъ манифестъ о предстоящемъ занятіи дунайскихъ княжествъ—«доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливыхъ требованій Россіи», какъ говорилось въ немъ. Гроза приближалась. Враги Россіи хорошо понимали, что императоръ Николай никогда не отступится отъ завѣщаннаго предками охраненія вѣры православной, и всѣми силами подговаривали султана притѣснять православное богослуженіе у гроба Господня, въ Іерусалимѣ. Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ осложненій, съ осени 1853 года возгорѣлась война между Россіей и Турціей, а съ весны 1854 года къ Турціи присоединились Франція, Англія, да и Австрія выставила на русской границѣ свою армію.

Такимъ образомъ въ самый разгаръ войны съ горцами часть русскихъ войскъ была передвинута для отраженія значительныхъ, до 40 тысячъ, турецкихъ силъ, вторгшихся въ Ахалцихскій и Александропольскій уѣзды. Намѣстникъ кавказскій, престарѣлый свѣтлѣйшій князь Воронцовъ, не могъ самъ участвовать въ походѣ, а потому начальникомъ корпуса былъ назначенъ кн. Бебутовъ.

Изъ эпизодовъ этой выдающейся войны необходимо отмѣтить извѣстныя блистательныя дѣла 1853 года: князя Бебутова, князя Андроникова, князя Орбеліани, князя Чавчавадзе и Муравьева; баяндурское, башкадыкларское, ацхурское и ахалкалакское сраженія хорошо извѣстны въ лѣтописяхъ кавказской войны. Къ началу 1854 года Россія осталась безъ союзниковъ и должна была разсчитывать только на свои силы, такъ какъ почти всѣ европейскія державы дѣйствовали противъ нея.

Въ то время, когда шли военныя дѣйствія на Дунаѣ, когда соединенный англо-французскій флотъ подошелъ къ Севастополю и началась осада его, кавказскія войска, предводительствуемыя кн. Бебутовымъ, продолжали войну и къ началу весны 1854 года они были расположены у Александрополя, Ахалциха, въ Гуріи и другихъ мѣстахъ Закавказья. 60-ти тысячная анатолійская армія стояла подъ стѣнами Карса, а отдѣльные ея корпуса находились въ Батумѣ, Озургетахъ и Баязетѣ. Военныя дѣйствія начались на правомъ флангѣ, гдѣ 4-го іюня князь Андрониковъ быстрымъ наступленіемъ съ 11 тысячами

человѣкъ разбилъ турокъ на голову у рѣки Чолока, въ Гуріи; затѣмъ произошло сраженіе войскъ генерала Врангеля на Чингильскихъ высотахъ и, наконецъ,— была одержана замѣчательная побѣда, княземъ Бебутовымъ 24-го іюля у селенія Кюрукъ-Дара надъ главнымъ турецкимъ отрядомъ.

Между тѣмъ, 18-го февраля 1855 года, Россію, въ самый разгаръ достославной севастопольской обороны, постигло горе: скончался давно уже недомогавшій императоръ Николай I. На всероссійскій престолъ вступилъ сынъ его, императоръ Александръ II, который рѣшилъ во чтобы то ни стало продолжать Восточную войну.

Въ 1855 году на малоазіатскомъ театрѣ войны турецкая армія состояла изъ 40 тысячъ человѣкъ. Военныя дѣйствія начались съ мая наступленіемъ на Карсъ и Ардаганъ, занятый безъ боя. Въ Сухумъ-Кале въ октябрѣ высадился Омаръ-паша съ 30-ти тысячнымъ корпусомъ и дошелъ почти до Кутаиса, который защищали только 10 тысячъ русскихъ солдатъ, находившихся подъ начальствомъ кн. Багратіонъ-Мухранскаго, не имѣвшихъ даже провіанта. Генералъ Муравьевъ, дѣйствуя со стороны Карса и зная о недостаткѣ продовольственныхъ запасовъ въ крѣпости послѣ блокады, рѣшился на штурмъ и еще 17-го сентября атаковалъ карсскія укрѣпленія, приведенныя въ оборонительное положеніе англійскимъ генераломъ Виліамсомъ. Началась блокада, и русскія войска еще тѣснѣе обложили Карсъ, гарнизонъ котораго терпѣлъ громадныя лишенія.

Затѣмъ кавказскія войска, перейдя два раза Саганлугскій хребетъ, дошли до Кирпикея, гдѣ туркамъ было нанесено новое пораженіе, а сдачею на капитуляцію 16-го ноября графу Муравьеву крѣпости Карсъ окончена была Восточная война. Весною 1856 года заключенъ былъ Императоромъ Александромъ II Парижскій трактатъ, въ силу котораго границы въ Закавказьѣ остались прежними.

Россія въ эту тяжелую войну выдержала великое испытаніе.

Окончаніе войны съ кавказскими горцами. Кампанія 1853—1856 гг. доказала необходимость принятія болѣе энергическихъ мѣръ къ окончательному покоренію кавказскихъ горцевъ, все время не перестававшихъ безпокоить съ тыла. Можно было ожидать, что Шамиль и Магомедъ-Аминъ, пользуясь ослабленіемъ русскихъ войскъ на Кавказѣ, двинутыхъ въ Турцію, примутъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы отнять занятыя области. Однако ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ, чему много способствовало удачное отраженіе княземъ Чавчавадзе скопищъ Шамиля, двинувшагося въ іюнѣ 1854 года въ Джаро-Белоканскій округъ для дальнѣйшаго движенія къ Тифлису. Затѣмъ Шамиль со своими многочисленными скопищами переправился черезъ рѣку Алазань, вторгся въ Кахетію, напалъ на имѣніе Цинондалы и грабя въ продолженіе 3-го и 4-го іюля жителей, увезъ съ собою въ плѣнъ двухъ грузинскихъ княгинь съ ихъ дѣтьми, послѣ того переправившись обратно черезъ Алазань онъ удалился въ горы и ничего уже не предпринималъ за все время Восточной войны.

На западномъ же Кавказѣ горцы, поддерживаемые турками, дѣйствовали энергичнѣе. Поэтому, когда была окончена турецкая война войска были вновь направлены для дѣйствія противъ горцевъ восточнаго и западнаго Кавказа, чтобы окончательно упрочить въ горахъ русское владычество.

Для окончанія войны съ горцами нужны были не однѣ силы, къ этому времени доходившія до 270 тысячъ,—нужно было найти полководца, молодого и рѣшительнаго.

И вотъ, едва окончилась турецкая война, какъ въ 1856 году намѣстникомъ Кавказа, послѣ временно исправляющаго эту должность генерала Реада, былъ назначенъ генералъ, князь Барятинскій. Хорошо зная Кавказъ, онъ учредилъ постъ командующихъ войсками, облеченныхъ правами корпусныхъ командировъ, и выбралъ помощникомъ себѣ генерала Милютина, который развилъ въ краѣ, по идеѣ Барятинскаго, систему военнаго управленія. Барятинскій составилъ планъ покоренія Кавказа, заключавшійся въ правильной осадѣ горъ, въ устройствѣ дорогъ и вѣрно выбранныхъ путей наступленія; кромѣ того, при Барятинскомъ перевооружена была кавказская армія.

Дѣйствія на западномъ Кавказѣ начались занятіемъ оставленныхъ русскими въ Восточную войну Анапы, Новороссійска, Сухумъ-Кале и другихъ пунктовъ по черноморскому берегу, чтобы лишить горцевъ возможности сношеній съ Турціей и Англіей.

Энергично взявшись за дѣло покоренія горцевъ, Барятинскій совмѣстно съ графомъ Евдокимовымъ настолько подвинулъ его впередъ, что Шамиль, окруженный въ своихъ горахъ, затихъ. При этомъ Евдокимовъ, съ рѣдкимъ совершенствомъ исполнявшій всѣ планы и виды главнокомандующаго, почти всегда успѣвалъ рѣшать дѣла спокойно, безъ особенныхъ жертвъ. Въ 1856 году началось со всѣхъ сторонъ постепенное наступленіе отрядовъ вглубь Чечни и Дагестана. Сами жители, видя постоянные успѣхи русскихъ, начали постепенно изъявлять покорность. Стѣсненные горцы лишились прежняго пыла, и имамъ, самою силою обстоятельствъ, изъ пророка превратился въ обыкновеннаго азіатскаго деспота; на призывъ его стекались уже неохотно и дезертировали при всякомъ удобномъ случаѣ. Весь 1857 годъ Барятинскій употребилъ на разработку просѣкъ и дорогъ. Отряды подвигались впередъ медленно, укрѣплялись на удобныхъ пунктахъ, и выбить ихъ становилось невозможнымъ. Послѣ этихъ подготовительныхъ мѣръ, въ слѣдующемъ году произведено было окончательное наступленіе въ горы, которое одновременно сдѣлано было съ трехъ сторонъ: отъ Чечни двинулся командиръ лѣваго фланга генералъ Евдокимовъ, изъ прикаспійскаго Дагестана—генералъ

Врангель и съ лезгинской линіи—баронъ Вревскій. Къ концу года Черныя горы были пройдены русскими войсками, и Чеченская плоскость была очищена. Напрасно Шамиль бросался изъ стороны въ сторону, думая вновь сплотить горцевъ,—его усилія были тщетны, такъ какъ, утомленные безпрерывною войною, нѣкоторые тысячами переселялись на плоскость, другіе же посылали къ начальствующимъ лицамъ депутаціи, прося пощады.

Въ 1859 году Евдокимовъ со своимъ чеченскимъ отрядомъ, послѣ правильной осады, 1-го апрѣля, взялъ сильно укрѣпленный аулъ Ведень—столицу Шамиля, и имамъ вынужденъ былъ бѣжать въ Дагестанъ, въ аулъ Килятль. Русскія войска, окружая непокорные аулы, неотступно преслѣдовали Шамиля, который съ необычайной энергіей употреблялъ послѣднія средства, чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе. Килятль онъ сильно укрѣпилъ; на правомъ берегу андійскаго Койсу укрѣплены были также и другіе аулы. Но счастье окончательно измѣнило ему: тѣснимый со всѣхъ сторонъ и потерявъ лучшихъ сподвижниковъ, онъ ясно видѣлъ, что дѣло его проиграно, а потому удалился съ 400-ми мюридами и 4-мя орудіями въ заранѣе приготовленное имъ убѣжище, на гору Гунибъ, на вершинѣ которой находился богатый аулъ. Русскія войска, во главѣ съ главнокомандующимъ, 10-го августа подступили къ этому послѣднему оплоту имама и, послѣ чрезвычайныхъ усилій, произвели 25-го августа 1859 года штурмъ. Гунибъ былъ взятъ, Шамиль плѣненъ, и восточный Кавказъ палъ. Князь Барятинскій принялъ имама сидя на камнѣ въ березовой рощѣ, которая носитъ названіе рощи «князя Барятинскаго». Шамиль со всею семьею былъ отправленъ въ Петербургъ, затѣмъ поселенъ въ Калугѣ и наконецъ уѣхалъ въ Мекку, гдѣ и окончилъ свою бурную жизнь. Послѣ этого хотя мюридизмъ уже болѣе не оживалъ, но надо замѣтить, что Шамиль, боровшійся противъ русскихъ цѣлыхъ 24 года, палъ, какъ падаютъ герои.

Одновременно съ Евдокимовымъ въ Прикаспійскомъ краѣ дѣйствовалъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и любовью войскъ, генералъ-адъютантъ князь Орбеліани, вслѣдъ за нимъ—генералъ Врангель, а на лезгинской линіи—Вревскій, сложившій голову въ борьбѣ съ лезгинами, и послѣ него молодой генералъ, князь Маликовъ.

Со сдачей Шамиля, чему сначала съ трудомъ вѣрили въ Россіи, окончилась война съ горцами на лѣвомъ флангѣ, на восточномъ Кавказѣ. Прежде всего, послѣ его паденія, необходимо было окончить покореніе западнаго Кавказа, который нужно было покорить безотлагательно, не боясь никакихъ жертвъ. Западные горцы, обитавшіе за Кубанью и по берегу Черпаго моря отъ Анапы до Гагры, номинально считавшіеся подданными Турціи, все время тревожили кордонныя линіи на правомъ флангѣ: они дѣлали набѣги на казацкія поселенія, которыя постоянно находились въ тревожномъ состояніи, и даже Екатеринодаръ не былъ въ безопасности. Въ отмщеніе хищникамъ и казаки опустошали черкесскія земли, захватывали плѣнниковъ, отгоняли скотъ и табуны. Такими дѣйствіями обыкновенно ограничивались небольшія экспедиціи; но эти мѣры не укрощали горцевъ, а, наоборотъ, каждая экспедиція вызывала нѣсколько отвѣтныхъ набѣговъ. Попытка установить спокойствіе не привела ни къ чему.

Князь Барятинскій, тотчасъ-же по вступленіи въ должность, усилилъ линію постройкой Майкопа и возобновилъ укрѣпленія Анапы. Прекративъ временно набѣги, горцы, считая себя совершенно независимыми, продолжали борьбу и не пропускали ни одного русскаго въ свои предѣлы; кромѣ того, они ютили у себя иностранныхъ политическихъ агентовъ.

Въ виду этого послѣ 1859 года военныя дѣйствія всецѣло перенесены были на правый флангъ, гдѣ противъ шапсуговъ, абадзеховъ, натухайцевъ были сформированы нѣсколько отрядовъ, производившіе наступательное движеніе какъ на югъ отъ Кубани до берега моря, такъ и со стороны рѣкъ Лабы и Бѣлой. Систематическая колонизація Закубанскаго края казаками и дѣйствія отрядовъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Филипсона, заставили, наконецъ, абадзеховъ, 20-го ноября 1859 года, принести присягу на вѣрность Россіи. То же самое сдѣлали племена, селившіяся близъ устьевъ Кубани: бжедухи и натухайцы. Жившій здѣсь наибъ Шамиля Магомедъ-Аминъ не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ не имѣлъ и тѣни той власти, которою пользовался знаменитый имамъ, а потому онъ вскорѣ же принужденъ былъ уѣхать въ Турцію.

Въ 1860 году начальникомъ войскъ праваго фланга назначенъ былъ переведенный съ лѣваго фланга и пожалованный графскимъ достоинствомъ генералъ Евдокимовъ. Осенью 1861 года Императоръ Александръ II совершилъ путешествіе по Кубанской области и вполнѣ остался доволенъ достигнутыми результатами. Вслѣдъ за этимъ былъ составленъ планъ заселенія Закубанской плоскости и переселенія покорившихся племенъ, которымъ были предложены хорошіе земельные надѣлы; не согласившіеся на это стали добровольно выселяться въ Турцію. Въ теченіе года по закубанскимъ рѣкамъ устроено было до 35 казацкихъ станицъ.

На мѣсто князя Барятинскаго въ 1862 году Намѣстникомъ Кавказа былъ назначенъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Въ это время жившія по верховьямъ притоковъ Кубани и берегамъ Чернаго моря нѣкоторыя племена горцевъ стали приготовляться къ новой войнѣ съ русскими. Противъ нихъ начали дѣйствовать войска адагумскаго и пшехскаго отрядовъ, предводимыя лично Его Императорскимъ Высочествомъ; отряды, пройдя черезъ земли шапсуговъ и убыховъ отъ укр. Крымскаго къ Майкопу, проводили все время на бивакахъ, зачастую не имѣя возможности даже обогрѣться. Днемъ солдаты находились подъ непріятельскими пулями, рубили просѣки, а ночью спали у огня, причемъ одна половина тѣла нагрѣвалась, а другая леденѣла. Осенью 1863 года совершенно неожиданно появились шапсуги и убыхи; они штурмовали русскія укрѣп-

ленія, и вся мѣстность наполнилась ихъ шайками. Поселенцамъ казакамъ грозила новая опасность; все пришло въ уныніе,— не унывалъ одинъ графъ Евдокимовъ, хорошо, знавшій, что съ наступленіемъ зимы горцы уйдутъ къ себѣ обратно въ горы. Такъ и случилось. Они созвали было чрезвычайный союзъ, на которомъ рѣшили отправить посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ, но между ними не нашлось ни одной личности, способной выполнить подобную миссію. Послѣ этого сопротивленіе ихъ настолько ослабѣло, что почти уже не было серьезныхъ столкновеній, и паденіе западнаго Кавказа становилось вопросомъ ближайшаго времени.

Наконецъ, къ началу 1864 года оставалось покорить только убыховъ и шапсуговъ, занимавшихъ мѣстность между главнымъ хребтомъ кавказскихъ горъ и Чернымъ моремъ. Для этого войсками даховскаго отряда предпринято было движеніе отъ р. Пшиша къ Туапсе, черезъ Гойхтскій перевалъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, при которомъ находился самъ командующій войсками Кубанской области графъ Евдокимовъ. Генералъ Гейманъ занялъ Туапсе и, простоявъ здѣсь до 4-го марта, двинулся по берегу моря. Горцы хотѣли было оказать сопротивленіе, но Гейманъ атаковалъ ихъ, и они, послѣ незначительной перестрѣлки, 18-го марта, у рѣки Годликъ, разсѣялись. Вскорѣ послѣ того отрядъ этотъ занялъ навагинское укрѣпленіе, расположенное при устьѣ рѣки Сочи. Горцы боролись съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ, но должны были шагъ за шагомъ отступить къ морю. Наконецъ окрестные старшины явились съ изъявленіемъ покорности, причемъ многіе просили нѣсколько дней срока для выселенія въ Турцію. Этими дѣйствіями завершились военныя дѣйствія на западномъ Кавказѣ, и вмѣстѣ съ паденіемъ его окончилась упорная 60-лѣтняя война съ кавказскими горцами. 21-е мая 1864 года былъ днемъ этого радостнаго событія, когда, въ присутствіи Намѣстника Кавказа, Великаго Князя Михаила Николаевича, на полянѣ Кбааде, на землѣ общества Ахчинсау, было отслужено благодарственное молебствіе.

Великое дѣло покоренія горцевъ совершилось безповоротно, штурмъ гигантской крѣпости навсегда кончился.

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа горные сыны!
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь.

Но не одни кавказскіе герои радовались окончанію войны,— съ ними нераздѣльно ликовали все населеніе Кавказа и Закавказья и весь русскій народъ, посылавшій на борьбу лучшихъ сыновъ своихъ.

Одна Европа не могла смотрѣть равнодушно на покореніе Кавказа. Для нея независимый Кавказъ такъ-же былъ желателенъ, какъ независимая Польша. Не даромъ въ Константинополѣ одинъ изъ европейскихъ посланниковъ негодовалъ на то, что Черное море географически сдѣлалось русскимъ моремъ. «Теперь господствующая роль въ Турціи,—воскликнулъ посланникъ,—принадлежитъ русскимъ!»

Ровно черезъ годъ послѣ покоренія горцевъ западнаго Кавказа, а именно въ 1865 году, былъ учрежденъ кавказскій военный округъ и одновременно съ этимъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ по гражданскому устройству кавказскаго намѣстничества.

Въ 1871 году Императоръ Александръ II вторично посѣтилъ Кавказъ, но Кавказъ уже покоренный, лишенный военныхъ бурь и мирно лежавшій у ногъ Монарха.

Турецкая война 1877—1878 гг. Миръ и тишина въ Кавказскомъ краѣ продолжались до 1877 года, когда дальнѣйшее спокойствіе было нарушено турецкою войною 1877—1878 гг. Война эта была вызвана тѣми же причинами, которыми обусловливались военныя дѣйствія русскихъ съ этой державой какъ въ 1828 году, такъ и въ тяжелые годы Восточной кампаніи. Родственная славянамъ Балканскаго полуострова, какъ по племени, такъ и по религіи, Россія не могла быть равнодушною зрительницей угнетенія этихъ племенъ. Поэтому, когда положеніе славянъ стало особенно невыносимымъ, русское правительство не только указывало турецкому на причины, вызывавшія возстанія, но приглашало и другія державы воздѣйствовать на Турцію въ смыслѣ удовлетворенія справедливыхъ требованій христіанъ. Къ несчастью, всѣ эти усилія разрѣшить затрудненія мирнымъ путемъ не приводили къ желательнымъ послѣдствіямъ. Оставалось единственное средство—силою оружія заставить турокъ выполнить законныя требованія.

Изъ Константинополя, между тѣмъ, сообщали о необходимости оказать, по ходу дипломатическихъ переговоровъ, нѣкоторое давленіе на Порту, и съ этою цѣлью признано было полезнымъ придвинуть къ турецкой границѣ свободныя войска кавказскаго военнаго округа. Въ силу этого на берегахъ Арпачая собиралась кавказская армія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, оставленныхъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ и на Кубани.

12-е апрѣля 1877 года было днемъ объявленія манифеста о войнѣ съ Турціей. Кавказскія войска, перейдя турецкую границу въ трехъ различныхъ пунктахъ, двинулись по направленіямъ къ Баязету, Карсу и Батуму. Всѣхъ войскъ было собрано до 50 тысячъ человѣкъ подъ общимъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова. Двигаясь въ глубь непріятельскихъ владѣній, войска 15-го апрѣля безпрепятственно

дошли до Кюрукъ-Дара, а 23-го числа летучій отрядъ занялъ гор. Кагызманъ, расположенный къ югу отъ Карса. Вскорѣ послѣ этого, 28-го апрѣля, эриванскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Теръ-Гукасова занялъ безъ выстрѣла Баязетъ, затѣмъ выступилъ на западъ, въ долину Ефрата, и разбилъ турецкій отрядъ Махмедъ-паши.

Одновременно кавалерія дѣйствующаго корпуса имѣла нѣсколько удачныхъ дѣлъ, и турки были отброшены къ карсскимъ укрѣпленіямъ. Важный успѣхъ былъ достигнутъ также и ахалцихскимъ отрядомъ генерала Девеля, войска котораго 5-го мая взяли штурмомъ Ардаганъ. Здѣсь отличились генералы Гейманъ и Духовской, взявшіе 92 орудія и множество оружія. Послѣ взятія Ардагана войска перешли къ Карсу, и вскорѣ же приступлено было къ обложенію его. Турки оставили въ немъ значительный гарнизонъ, а затѣмъ стали стягивать свои войска къ Зивину и заняли тамъ сильныя позиціи. Назначивъ для бомбадированія Карса часть корпуса, генералъ Лорисъ-Меликовъ съ колонной Геймана перешелъ Саганлугскій хребетъ, а 13-го іюня занялъ зивинскія высоты. Когда въ концѣ іюня бомбардированіе Карса было оставлено, турецкія войска, предводительствуемыя Мухтаръ-Ахмедъ-пашою, заняли аладжинскія высоты.

Въ это время происходило знаменитое двадцатитрехдневное баязетское сидѣніе команды майора Штоквича, малочисленный гарнизонъ котораго энергично отражалъ всѣ попытки турокъ и былъ предметомъ вниманія всего русскаго общества, съ напряженіемъ слѣдившаго за ходомъ войны.

Между тѣмъ, русскія войска, перейдя въ наступленіе, имѣли 20-го сентября блистательное дѣло подъ Авліаромъ, а 3-го октября Мухтаръ-паша былъ совершенно разбитъ на Аладжѣ подъ личнымъ предводительствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, при чемъ были взяты въ плѣнъ 31 непріятельскій батальонъ и 44 орудія. Турки, преслѣдуемые русскими, бѣжали къ Эрзеруму. Тѣмъ временемъ войска Измаила-паши, соединившись съ главными силами Мухтара, заняли укрѣпленную позицію близъ Эрзерума, на Деве-Бойну. Здѣсь, 23-го октября, нанесено было туркамъ новое блистательное пораженіе, а въ ночь съ 5-го на 6-е ноября предпринятъ доблестный штурмъ Карса, и эта замѣчательная малоазіатская твердыня вновь пала подъ ударами русскаго оружія. При взятіи Карса участвовали нѣсколько колоннъ, во главѣ которыхъ находились: подполковникъ князь Меликовъ, генералъ Комаровъ, и генералъ графъ Граббе, который тутъ же палъ, пораженный пулею въ сердце.

7-го ноября совершился торжественный въѣздъ въ Карсъ Главнокомандующаго кавказскою арміею, Великаго Князя Михаила Николаевича.

Послѣ паденія Карса дѣйствія кавказскихъ войскъ ограничились блокадою Эрзерума, который въ слѣдующемъ 1878 году, въ силу адріанопольскаго перемирія, былъ занятъ безъ боя.

Что касается войскъ кобулетскаго отряда, ввѣренныхъ генералу Оклобжіо, то войска этого отряда, взявъ приступомъ позицію у Хуцубани, атаковали затѣмъ, 18-го января 1878 года, цихидзирскія позиціи турокъ.

Одновременно съ дѣйствіями въ азіатской Турціи русскія войска одержали рядъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ: паденіе Плевны, зимній переходъ черезъ Балканы и бой въ окрестностяхъ Филиппополя принудили турокъ къ заключенію мира. Русскія войска стояли уже подъ самыми стѣнами Константинополя, когда 19-го февраля подписанъ былъ санъ-стефанскій договоръ, освободившій многострадальный болгарскій народъ отъ турецкаго ига.

Съ окончаніемъ турецкой войны на берлинскомъ конгрессѣ опредѣлены были новыя границы Россіи съ Турціей: къ русскимъ владѣніямъ присоединены двѣ обширныя области—Карсская и Батумская, а также земли на нижнемъ Дунаѣ.

Такимъ образомъ, въ XIX столѣтіи Турція четыре раза становилась для русскихъ театромъ военныхъ дѣйствій, и каждый разъ вниманіе Россіи одновременно было отвлечено двумя театрами войны.

Война въ Средней Азіи. Кавказскимъ войскамъ пришлось сражаться и въ Средней Азіи. Приступая къ краткому очерку военныхъ дѣйствій въ этой странѣ, необходимо упомянуть, что еще со времени Петра Великаго Россія, роковою силою исторической необходимости, вынуждена была двинуться въ самую глубь Средней Азіи, въ «страну песковъ», стремясь открыть торговые пути въ Индію и достигнуть естественныхъ рубежей. Перейдя въ XVIII столѣтіи закавказскія горы и за рѣку Уралъ и принявъ въ подданство съ одной стороны Грузію, а съ другой—кочевавшихъ къ востоку отъ Урала киргизовъ, русскіе постепенно дошли до Эмбы, сѣверныхъ береговъ Аральскаго моря, низовьевъ Аму-Дарьи, Сыръ-Дарьи, Туркестана и Кушки, куда въ настоящее время даже проведена желѣзная дорога.

Все болѣе и болѣе выяснялась необходимость нанести полудикимъ племенамъ серьезный ударъ, но соперничество Англіи въ этихъ краяхъ долго не позволяло русскому правительству приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Наконецъ въ 1839 году былъ совершенъ хивинскій походъ, послѣ котораго до 1847 года со стороны русскихъ не предпринималось никакихъ серьезныхъ дѣйствій. Но зато въ этомъ году занято было нѣсколько пунктовъ на р. Сыръ-Дарьѣ, а затѣмъ, въ 1853 году, была взята крѣпость Акъ-Мечеть, нынѣшній фортъ Перовскій, и тогда-же было возведено укрѣпленіе Вѣрное. Въ 1860 году колонна полковника Циммермана разбила 5-ти тысячное скопище коканцевъ, неожиданно вторгшихся въ русскіе предѣлы.

Въ 1864 году генералъ Черняевъ неудачно штурмовалъ городъ Ташкентъ, взятый штурмомъ только черезъ годъ. Въ 1868 году генералъ Кауфманъ занялъ Самаркандъ. Затѣмъ начались непріязненныя дѣйствія съ бухарцами.

Съ 1869 года Бухара, Хива и Коканъ стали обнаруживать враждебныя

отношенія къ русскимъ, а потому изъ Кавказскаго округа были двинуты отряды, которые, высадившись въ этомъ году на берегу Красноводскаго залива, построили укрѣпленіе, названное впослѣдствіи городомъ Красноводскомъ. Въ теченіе 70-хъ годовъ завоеваны были значительныя части хивинскихъ и бухарскихъ владѣній и все Коканское ханство.

Въ 1873 году русскія войска овладѣли Хивою. По ея покореніи, у могущественнаго русскаго государства явились новая забота и новыя обязанности: необходимо было обезпечить торговый путь изъ Хивы въ Красноводскъ отъ набѣговъ и грабежей. Бухара и Хива хотя и сохранили самостоятельность, но взамѣнъ того подверглись сильному политическому вліянію и зависимости отъ русскаго правительства. Спокойствіе на границахъ было возстановлено. Лишь населеніе территоріи, тянущейся между Аму-Дарьей и Каспійскимъ моремъ и извѣстное подъ общимъ именемъ туркменъ, привыкнувъ къ привольной жизни въ степяхъ, не только не признавало власти Россіи, но занималось грабежемъ, уводило иноплеменниковъ для продажи на рынкахъ и все время нарушало спокойствіе. Россія, соприкасаясь своими границами съ этими народами, должна была предпринять съ 1877 и по 1881 гг. рядъ экспедицій для прекращенія этихъ безпорядковъ.

Послѣдняя экспедиція, въ 1880—1881 году, подъ начальствомъ генерала Скоболева, благодаря искусству и храбрости его, окончилась блистательнымъ штурмомъ, 12-го января 1881 года, крѣпости Геокъ-Тепе. Послѣ этого текинцы заявили о своей покорности и признали власть Бѣлаго Царя. Россія пріобрѣла новую территорію, и цѣлая область была открыта мирному труду.

Съ занятіемъ ахалъ-текинскаго оазиса границы Россіи съ двухъ сторонъ придвинулись къ воинственнымъ и безпокойнымъ обывателямъ мервскаго оазиса, которые, пораженные въ 1885 году на р. Кушкѣ отрядомъ генерала Комарова, тоже принуждены были покориться.

Огромныя предпріятія эти необходимы были для Россіи въ виду того, что они приводили русскихъ къ разрушенію «великой нейтральной земли, Средней Азіи», препятствовавшей Россіи имѣть какое-либо вліяніе на событія въ Индіи, а также и для того, чтобы оказывать давленіе на Англію, доступную только здѣсь русскому оружію. Съ этой точки зрѣнія русскимъ было бы крайне выгодно придвинуться вплотную къ Герату, занять на границахъ Афганистана прочное стратегическое положеніе и опереться на этомъ средне-азіатскомъ рубежѣ, чтобы воспользоваться своею близостью къ Индіи, въ случаѣ если англичане вздумаютъ проявить вражду, подобную той, которую они выказали во время крымской войны и въ эпоху берлинскаго конгресса.

Въ 1881 году Государь Императоръ Александръ III назначилъ Великаго Князя Михаила Николаевича Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, и въ 1882 году, вмѣсто Его Высочества, на Кавказъ прибылъ генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, но уже въ званіи Главноначальствующаго.

Въ 1888 году Кавказъ посѣтилъ покойный Императоръ Александръ III съ Августѣйшимъ семействомъ.

Въ 1890 году Главноначальствующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Шереметьевъ, а въ 1896 году—генералъ-адъютантъ князь Голицынъ.

Со времени послѣдней русско-турецкой войны и кушкинскаго боя и до настоящаго времени кавказскимъ войскамъ не приходилось браться за оружіе; но эта армія, имѣя за собою громкую боевую славу, традиціи, завѣщанныя предками въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ, всегда готова, во славу Державнаго своего Вождя, стать, когда явится надобность, на защиту Родины и Царя.

Заключеніе. За многовѣковое свое существованіе Россія вела не мало войнъ, но война на Кавказѣ была выдающаяся по своей продолжительности. Здѣсь были всевозможныя большія и малыя сраженія, отдѣльныя стычки и геройскія дѣла. «Тутъ прошли цѣлыя поколѣнія героевъ,—говоритъ Соллогубъ,—тутъ были битвы баснословныя. Тутъ сложилась цѣлая лѣтопись молодецкихъ подвиговъ, цѣлая изустная русская Иліада, еще ожидающая своего пѣснопѣвца. И много тутъ въ горномъ безмолвіи принесено безвѣстныхъ жертвъ, и много тутъ улеглось людей, коихъ имена и заслуги извѣстны только одному Богу. Но всѣ они, прославленные и незамѣченные, имѣютъ право на нашу благодарность».

Перелистывая страницы военной исторіи Кавказа, мы видимъ и образы доблестныхъ генераловъ и офицеровъ, и скромную фигуру беззавѣтно храбраго, выносливаго, преданнаго и на все идущаго русскаго солдата. Кажется, нѣтъ такого военнаго подвига, который не былъ бы испытанъ кавказскими войсками. Они дрались на равнинахъ и въ лѣсахъ Кубани, въ горахъ Дагестана, въ дикихъ трущобахъ Турціи и Персіи, на берегахъ Ефрата и у подошвы Арарата. Дрались на моряхъ, на болотахъ; дрались лѣтомъ и зимой, при невыносимой жарѣ, при трескучихъ морозахъ; они нападали, защищались и преслѣдовали, брали штурмомъ неприступныя крѣпости,—словомъ, прошли богатую по невзгодамъ и опасностямъ боевую военную школу. Берега Каспія, неприступныя скалы Дагестана, громады западнаго Кавказа, выси Аваріи, Кубань, Сулакъ, Салты, укр. Михайловское, Гергебиль, Ахалцихъ, Ахты, Башкадыкларъ, Баяндуръ, Кюрукъ-Дара, Ардаганъ, Баязетъ, Карсъ, Бегли-Ахмедъ, Эрзерумъ,—вотъ мѣста, гдѣ проливалась русская кровь, гдѣ сражался кавказскій воинъ. Мѣста эти были безмолвными свидѣтелями геройской отваги, удали и мужества славной кавказской арміи, оказавшей Россіи огромныя и неоцѣнимыя услуги.

Благодаря этой удивительной арміи Россія прочно утвердилась на Кавказѣ, въ чемъ ей много способствовала и православная Грузія, которую она спасла отъ гибели. И благодарная Грузія всегда будетъ сопутствовать своей освободитель-

ницѣ, если Россіи придется вновь бороться со врагами провославія. Кто знаетъ, —если Россія не встрѣтилась бы на Кавказѣ со своими единовѣрцами-грузинами, то, вѣроятно, и замиреніе края шло-бы не такъ быстро и не такъ успѣшно. Грузія составляетъ сердце Кавказскаго перешейка, и Россія, занявъ ее безъ выстрѣла, по доброй волѣ грузинскаго народа, образовала здѣсь, за кавказскими горами, вполнѣ надежный пунктъ, откуда направляла свои войска во всѣ уголки непокорнаго Кавказа.

Россія, посылавшая сюда, на горный рубежъ Азіи, своихъ вѣрныхъ сыновъ для защиты Грузіи, съ гордостью отмѣтитъ великое дѣло освобожденія маленькаго православнаго государства, съ незапамятныхъ временъ бывшаго ареною грозныхъ опустошеній.

Какое русское сердце не отзовется, вспоминая Кавказъ, связанный кровною связью съ Россіей!

Покореніе Кавказа обрадовало Россію въ ея патріотизмѣ. И дѣйствительно, побѣда эта—великое государственное торжество, такъ какъ значеніе Кавказа громадно; владычество надъ нимъ подготовлялось вѣками и было вызвано великими государственными потребностями. Утвержденіе безспорнаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ есть дѣло всемірное, всѣхъ послѣдствій котораго не исчерпаютъ и нѣсколько поколѣній. Россія вполнѣ вознаградитъ себя въ политическомъ, военномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Для Россіи Кавказскій перешеекъ вмѣстѣ и мостъ, переброшенный съ русскаго берега въ сердце азіатскаго материка, и передовое укрѣпленіе, защищающее оба моря. Отсюда она можетъ пойти всюду, куда ей будетъ нужно, и милліоны денегъ и тысячи людей, ушедшіе на обладаніе Кавказомъ, во всякомъ случаѣ, возвратятся. Кавказъ, поглотившій до сихъ поръ массу силъ имперіи, скоро самъ станетъ для Россіи источникомъ новыхъ силъ, тѣмъ болѣе, что навсегда укрѣпленный за русскими, онъ приковываетъ ихъ къ Средней Азіи, гдѣ представляется обширный просторъ для торговли. . .

Двуглавый орелъ, осѣнившій Кавказъ, какъ бы паритъ надъ вершинами горъ, обращенный клювомъ на югъ, къ берегамъ Южнаго океана, а крыльями касается Константинополя и Герата,—и ждетъ онъ только времени, чтобы сдвинуться съ своего мѣста.

Теперь, когда безсмертные подвиги храбрыхъ кавказскихъ войскъ увѣнчались успѣхомъ, когда на всемъ Кавказскомъ перешейкѣ, отъ моря до моря, прекратился шумъ орудій, и когда народы Кавказа вступили на путь мира и культуры, настало время сдѣлать подсчетъ всего того, что сдѣлано кавказской арміей за истекшій двухвѣковой періодъ. «Чѣмъ дальше будутъ отодвигаться отъ насъ минувшія событія, тѣмъ болѣе и болѣе, подъ наслоеніемъ новыхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, преданія будутъ утрачивать свой яркій первоначальный колоритъ, будутъ тускнѣть и, наконецъ, обратятся въ одни лишь неясные, туманные, никому непонятные образы». Пора, давно пора приступить къ составленію полной исторіи кавказскихъ войнъ, составляющей одинъ изъ величайшихъ эпизодовъ въ исторіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что Россія, принявъ Кавказъ подъ свою мощную державу, взяла на себя чрезвычайно трудную задачу—вывести этотъ богатый естественными дарами край на путь цивилизаціи. И она съ честью выполняетъ свои обязательства, такъ какъ, заложивъ первые камни гражданственности, все время старается вызвать Кавказскій край къ проявленію культурной жизни и открываетъ дверь къ дальнѣйшему его прогрессу и процвѣтанію.

Штабсъ-ротмистръ *Борисъ Эсадзе.*

20-го ноября 1899 года.
Г. Тифлисъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ НИКОЛАЙ II.

Фототипія К. Месхіева.

Наружный видъ Кавказскаго Военно-Историческаго музея въ г. Тифлисѣ (Храмъ Славы)

2

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Внутренній видъ Кавказскаго Военно-Историческаго музея въ г. Тифлисѣ (Храмъ славы)

3

Кавказскій военно-историческій музей. (Храмъ Славы).

Во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ чувство благодарности, чувство гордости и благоговѣйной памяти къ людямъ, отличившимъ себя заслугами отечеству, считалось священною обязанностью потомковъ. Вотъ почему благодарные современники ставили имъ памятники. Потому то и русскіе Цари воздвигали и водвигаютъ памятники въ память побѣдъ и въ честь отечественныхъ героевъ и сооружаютъ военные музеи.

Мысль объ увѣковѣченіи на Кавказѣ памяти доблестныхъ подвиговъ русскихъ войскъ высказалъ самъ грузинскій народъ, еще во времена Паскевича, когда побѣдоносный вождь возвращался изъ персидскаго похода. Тогда имѣлось въ виду воздвигнуть въ Тифлисѣ со стороны эриванскаго въѣзда тріумфальныя ворота съ бюстомъ императора Николая I и съ надписью: «Признательная Грузія побѣдоносному русскому воинству». Жители Грузіи собрали для этого значительныя суммы, но проектъ, уже утвержденный, почему то не былъ приведенъ въ исполненіе.

Затѣмъ въ эпоху покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, когда въ Тифлисъ возвратился князь Барятинскій, то представители грузинскихъ сословій въ привѣтственной рѣчи заявили слѣдующее: «Нынѣ совершилось святое предназначеніе Россіи по отношенію къ единовѣрной Грузіи: вѣковая борьба прекращена; тысячи людей, увлеченныхъ въ плѣнъ, возвращаются въ свои семейства; миръ и тишина прочно водворяются тамъ, гдѣ искони для земледѣльца плугъ былъ неразлученъ съ оружіемъ».... По случаю этого радостнаго событія представители Грузіи просили объ установленіи народнаго праздника, который могъ бы поддержать въ грузинскомъ народѣ преданія героической эпохи, но по странному стеченію обстоятельствъ и эта просьба не получила надлежащаго разрѣшенія.

Наконецъ гораздо позднѣе, а именно въ 1888 году, осуществилась патріотическая мысль о постройкѣ вѣчнаго памятника сражавшимся на Кавказѣ воинамъ сооруженіемъ въ г. Тифлисѣ кавказскаго военно-историческаго музея.

Что можетъ быть лучше и достойнѣе этого памятника?

Дѣйствительно, военный музей—этотъ «Храмъ Славы»—напоминаетъ собою грядущимъ поколѣніямъ о блестящихъ подвигахъ кавказской арміи, пролившей столько крови въ войнахъ съ горцами, турками, персами и лезгинами и даетъ полную картину исторіи всей кавказской войны.

Кромѣ этого памятника по всему Кавказу можно встрѣтить и другіе военные памятники, сооружавшіеся въ память побѣдъ надъ врагами, въ память воиновъ, погибшихъ геройскою смертью, и въ честь полководцевъ, ознаменовавшихъ себя безсмертными дѣяніями.

Всѣмъ извѣстно также, что и постройка дорогъ по неприступнымъ мѣстамъ Кавказа, по утесамъ и карнизамъ горъ, по страшнымъ обрывамъ и пропастямъ была гигантской работой рукъ русскаго солдата. Эти дороги не что иное, какъ вѣчные памятники, воздвигнутые полками самимъ себѣ. Строились они одновременно съ покореніемъ края, а чтобы не были забыты имена полковъ, сооружавшихъ эти пути, поставлены были чугунныя доски съ надписями.

Къ сожалѣнію, какъ памятники эти, такъ и доски, отъ времени и благодаря отсутствію надзора, приходятъ въ разрушеніе; многіе растасканы, а нѣкоторые были разбиты во время послѣдняго возстанія горцевъ; находясь безъ поддержки, они вростаютъ въ землю, разваливаются и постепенно исчезаютъ. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и многіе изъ нихъ исчезнутъ совершенно.

Такія безотрадныя картины полнаго разрушенія можно встрѣтить повсюду.

Между тѣмъ памятники эти должны составлять нашу славу, гордость и напоминать намъ, что въ нѣдрахъ Кавказа покоятся кости героевъ, память о которыхъ мы обязаны свято чтить, а дорогія сооруженія—оберегать, возобновлять и украшать.

Военно-историческій музей представляетъ собою огромное зданіе, обнесенное снаружи желѣзною рѣшеткою, которую украшаютъ 38 непріятельскихъ пушекъ—трофеи минувшихъ войнъ. По бокамъ главнаго входа, снаружи зданія, прибиты большихъ размѣровъ 12 металлическихъ досокъ, на которыхъ золотыми рельефными буквами по темно-красному фону перечислены слѣдующія краткія выписки, въ хронологическомъ порядкѣ, изъ исторіи сношеній Россіи съ Кавказомъ и Грузіей, и переименованы наиболѣе выдающіеся моменты двухвѣковой борьбы русскихъ на Кавказѣ:

1-я доска.

1567 г. Заложеніе крѣпости Терки. Начало терскаго владычества.

1722 г. Іюня 27-го высадка ПЕТРА ВЕЛИКАГО на Аграханской косѣ. Августа 23-го занятіе Дербента ПЕТРОМЪ I.

1783 г. Іюля 24-го ЕКАТЕРИНА II принимаетъ подъ верховную власть грузинскаго царя ИРАКЛІЯ II.

1790 г. Сентября 30-го побѣда генерала Германа надъ 40 т. турецкой арміей Баталъ-паши у нынѣшней Баталпашинской станицы.

1791 г. Іюня 21-го штурмъ Анапы графомъ Гудовичемъ.

1796 г. Персидскій походъ графа Зубова.

2-я доска.

1799 г. Ноября 26-го вступленіе въ Тифлисъ 17-го егерскаго (нынѣ лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка) подъ начальствомъ генерала Лазарева.

1800 г. Ноября 7-го генералы Лазаревъ и Гуляковъ поражаютъ лезгинъ при р. Іорѣ.

1801 г. Января 18-го манифестъ ПАВЛА I-го о присоединеніи Грузіи.

Сентября 12-го манифестъ АЛЕКСАНДРА I объ учрежденіи въ Грузіи верховнаго управленія.

1804 г. Января 4-го князь Цыціановъ беретъ Ганжу и наименовываетъ Елисаветполемъ.

Принятіе въ подданство Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.

3-я доска.

1805 г. Геройская оборона полковника Карягина у Шахъ-Булаха.

1810 г. Принятіе въ подданство Абхазіи, побѣды Котляревскаго: іюня 2-го при Миграхъ.

1811 г. Въ ночь на 8-е декабря взятіе штурмомъ Ахалкалакъ.

1812 г. Октября 19-го побѣда при Асландузѣ. Декабря 31-го штурмъ Ленкорани.

1813 г. Октября 12-го гюлистанскій миръ. Персія уступаетъ Россіи Шурагель, Ганжу, Карабахъ, Шеки, Ширвань, Дербентъ, Баку и Талыши.

4-я доска.

1818 г. Іюня 10-го заложеніе крѣпости Грозной.

1818—1820 гг. Ермоловъ покоряетъ мехтулинское ханство и Акушу. Покореніе княземъ Мадатовымъ Табасарани, Каракайтапа и Казикумыха.

1826 г. Геройская оборона Шуши противъ персіянъ.

Сентября 3-го шамхорская побѣда князя Мадатова.

Сентября 13-го Паскевичъ поражаетъ персіянъ подъ Елисаветполемъ. Изгнаніе персіянъ изъ русскихъ предѣловъ.

1827 г. Іюля 5-го и 7-го сраженіе подъ Джаванъ-Булахомъ и взятіе Аббасъ-Абада. Октября 1-го паденіе Эривани. Октября 19-го занятіе Тавриза.

5-я доска.

1828 г. Февраля 10-го туркманчайскій миръ. Россія пріобрѣтаетъ ханства нахичеванское и эриванское. Іюля 23-го штурмъ Карса. Августа 15-го штурмъ Ахалциха.

1829 г. Іюля 19-го и 20-го пораженіе графомъ Паскевичемъ двухъ турецкихъ армій у Каинлы и Миллидюза. Іюня 17-го взятіе Эрзерума. Сентября 2-го адріанопольскій миръ. Турція уступаетъ Россіи владычество надъ Абхазіей и закубанскими горцами. Присоединеніе Анапы, Поти, Ацхура, Ахалкалакъ и Ахалциха.

1831 г. Проявленіе мюридизма и начало военныхъ дѣйствій противъ Кази-муллы.

6-я доска.

Выпись изъ ноты грузинскаго посольства, отправленнаго въ Петербургъ въ 1800 году: «Царь ГЕОРГІЙ грузинскій, кахетинскій и проч., нашъ государь, вельможи, духовенство и народъ его желаютъ навсегда принять подданство Всероссійскимъ Императорамъ, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо россійскими подданными, не отрѣшаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, признавая Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца».

7-я доска.

Выпись изъ манифеста Императора АЛЕКСАНДРА I-го 1801 года: «Не для приращенія силъ, не для корысти и распространенія предѣловъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, пріемлемъ мы бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, безопасность и каждому защиту закона».

8-я доска.

1832 г. Октября 18-го штурмъ сел. Гимры и смерть Кази-муллы.

1834 г. Начало борьбы съ Шамилемъ.

1837 г. Октября 7-го прибытіе Императора НИКОЛАЯ I-го въ Тифлисъ.

1839 г. Взятіе штурмомъ Ахульго.

1840 г. Марта 23-го славная гибель Михайловскаго укрѣпленія.

1842 г. Ичкеринскій походъ генерала Граббе.

1843 г. Возстаніе Дагестана. Геройская защита Низоваго, блокада Зырянъ, славное паденіе Гергебиля.

9-я доска.

1845 г. Походъ графа Воронцова въ Дарго. Начало систематическаго покоренія Чечни заложеніемъ Сунженской линіи, зимними экспедиціями въ Чечню и проложеніемъ просѣкъ и дорогъ въ лѣсахъ.

1847 г. Сентября 14-го штурмъ сел. Салты.

1848 г. Іюня 6-го взятіе Гергебиля княземъ Аргутинскимъ. Сентября 23-го геройская оборона ахтинскаго укрѣпленія. Бой подъ Мискинджи.

1850 г. Сентября 25-го прибытіе въ Тифлисъ Наслѣдника Цесаревича АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Октября 26-го Наслѣдникъ Цесаревичъ участвуетъ въ стычкѣ съ горцами въ малой Чечнѣ. Покореніе въ Малой Чечнѣ галашевцевъ и карабулаковъ Слѣпцовымъ.

10-я доска.

1853 г. Походъ князя Аргутинскаго черезъ снѣговыя горы на Лезгинскую линію. Ноября 14-го пораженіе турокъ княземъ Андрониковымъ подъ Ахалцихомъ. Ноября 19-го побѣда князя Бебутова подъ Башъ-Кадыкларомъ.

1854 г. Іюня 4-го малочисленный отрядъ князя Андроникова наноситъ пораженія 34-тысяч. турецкому корпусу на р. Чолокѣ. Іюня 17-го бой на чингильскихъ высотахъ и занятіе Баязета. Іюля 24-го побѣда подъ Кюрукъ-Дара.

1855 г. Блокада Карса. 16-го ноября сдача Карса со всею анатолійскою арміей генералу Муравьеву.

11-я доска.

1857 г. Покореніе Солотавіи генералъ-адъютантомъ Орбеліани.

1859 г. Апрѣля 1-го взятіе Веденя и окончательное покореніе Чечни графомъ Евдокимовымъ. Августа 25-го штурмъ Гуниба. Плѣненіе Шамиля княземъ Барятинскимъ. Покореніе восточнаго Кавказа.

1861 г. Съ 11-го по 25-е сентября пребываніе Государя Императора АЛЕКСАНДРА II-го въ Кубанской области.

1863 г. Февраля 14-го вступленіе въ командованіе кавказскою арміею Е. И. В. В. К. Михаила Николаевича.

1864 г. Мая 21-го покореніе западнаго Кавказа и окончаніе кавказской войны.

12-я доска.

1877 г. Мая 5-го штурмъ Ардагана. Іюня 4-го и 9-го сраженіе генерала Тергукасова у Дравъ-Дага и Даяра. Съ 7-го по 27-е іюня баязетское сидѣніе. Октября 3-го Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ на Аладжинскихъ высотахъ. Октября 23 го сраженіе при Деве-Бойну. Въ ночь на 6-е ноября штурмъ Карса. Блокада Эрзерума.

1878 г. Россія пріобрѣтаетъ по мирному трактату Карсъ, Ардаганъ и Батумъ.

1881 г. Января 12-го штурмъ Геокъ-Тепе генераломъ Скобелевымъ.

1885 г. Присоединеніе къ Россіи Мерва.

Каждый, проходящій мимо «Храма Славы» съ какимъ то особеннымъ чувствомъ, полнымъ гордости, читаетъ эти надписи и сразу переносится въ ту эпоху, о которой онѣ повѣствуютъ.

Но стоитъ только отворить дверь и войти внутрь зданія, какъ посѣтитель увидитъ картины наиболѣе выдающихся сраженій, картины замѣчательныхъ историческихъ событій за истекшій двухвѣковой періодъ, портреты русскихъ государей и грузинскихъ царей, способствовавшихъ слiянію Россіи съ Грузіей, портреты полководцевъ, обезсмертившихъ свои имена въ исторіи кавказской войны, а около картинъ и портретовъ разные предметы военнаго характера, какъ-то: оружіе, знамена и другіе трофеи, доставшіеся войскамъ во время военныхъ дѣйствій.

Портретная галлерея Кавказскаго Военно-Историческаго Музея.

Императора ПЕТРА I, Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, Императоровъ: ПАВЛА I, АЛЕКСАНДРА I, НИКОЛАЯ I, АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III, грузинскихъ царей: ИРАКЛІЯ II и ГЕОРГІЯ XII.

Графа Валеріана Александровича **Зубова**, князя Герсевана **Чавчавадзе**, Карла Ѳедоровича **Кнорринга 2-го**, князя Ивана Васильевича **Гудовича**, графа Александра Петровича **Тормосова**, Алексѣя Петровича **Ермолова**, свѣтлѣйшаго князя Ивана Федоровича **Паскевича-Эриванскаго**, свѣтлѣйшаго князя Александра Васильевича **Суворова-Рымникскаго**, свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича **Меньшикова**, князя Валеріана Григорьевича **Мадатова**, князя Георгія Евсѣевича **Эристова**, Николая Мартиміановича **Сипягина**, графа Александра Николаевича **Лидерса**, Николая Ѳедоровича **Ртищева**, графа Павла Евстафьевича **Коцебу**, князя Михаила Семеновича **Воронцова**, Роберта Карловича **Фрейтага**, князя Василія Осиповича **Бебутова**, Діомида Васильевича **Пассека**, Ивана Михайловича **Лабинцева**, Феликса Станиславовича **Круковскаго**, Николая Павловича **Слѣпцова**, князя Моисея Захарьевича **Аргутинскаго-Долгорукова**, барона Леонтія Павловича **Николаи**, Ивана Давидовича **Лазарева**, князя Александра Ивановича **Барятинскаго**, графа Михаила Таріеловича **Лорисъ-Меликова**, князя Левана Ивановича **Меликова**, князя Ивана Малхазовича **Андроникова**, графа Дмитрія Алексѣевича **Милютина**, барона Ипполита Александровича **Вревскаго**, Павла Денисьевича **Бабича**, Михаила Дмитріевича **Скобелева**, Ивана Дмитріевича **Оклобжіо**, графа Эдуарда Ивановича **Тотлебена**, Франца Карловича **Клюге фонъ-Клюгенау**, барона Григорія Владимировича **Розена**, князя Дмитрія Ивановича **Святополкъ-Мирскаго**, Михаила Петровича **фонъ-Кауфмана**, Константина Петровича **фонъ-Кауфмана**, Александра Ивановича **Нейдгарта**, Павла Христофоровича **Граббе**, Эдуарда Владимировича **Бриммера**, Федора Филипповича **Роота**, князя Александра Михайловича **Дондукова-Корсакова**, Георгія Николаевича **Рыдзевскаго**, Владимира Іосифовича **Гурко**, Евгенія Михайловича **Бульмеринга**, Николая Николаевича **Муравьева**, Евгенія Александровича **Головина**, Викентія Михайловича **Козловскаго**, Петра Стефановича **Котляревскаго**, Эдуарда Федоровича **Кесслера** и Морица Христіановича **Шульца**.

Картинная галлерея Кавказскаго Военно-Историческаго музея.

Вступленіе Императора Петра I-го въ Тарки, 13-го августа 1722 года.

Геройская защита станицы Наурской отъ нападенія горцевъ, 11-го іюня 1774 года.

Вступленіе въ гор. Тифлисъ 17-го егерскаго генералъ-майора Лазарева, нынѣ 13-го лейбъ-гренадерскаго эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, 26-го ноября 1799 года.

Сраженіе съ лезгинами русскихъ и грузинскихъ войскъ при рѣкѣ Іорѣ, 7-го ноября 1800 года.

Штурмъ крѣпости Ленкорани, 31-го декабря 1812 года.

Пораженіе персіянъ подъ гор. Елисаветполемъ, 13-го сентября 1826 года.

Сдача крѣпости Эривани, 1-го октября 1827 года.

Взятіе штурмомъ сел. Гимры, 17-го октября 1832 года.

Высадка Императора Николая 1-го на кавказско-черноморскій берегъ, въ Геленджикѣ, 20-го сентября 1837 года.

Взятіе штурмомъ аула Ахульго, 22-го августа 1839 года.

Взрывъ и славная гибель Михайловскаго укрѣпленія, 22-го марта 1840 года.

Взятіе русскими матросами турецкой кочермы съ плѣнными дѣвушками Кавказа.

Взятіе аула Дарго графомъ Воронцовымъ (Сухарная экспедиція), 6-го іюля 1845 года.

Штурмъ аула Салты, 14-го сентября 1847 года.

Геройская смерть генералъ-майора Слѣпцова въ дѣлѣ съ чеченцами, 10-го декабря 1851 года.

Переходъ отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова черезъ горы изъ Дагестана въ Закаталы, въ августѣ и сентябрѣ 1853 года.

Эпизодъ изъ кюрукъ-даринскаго сраженія, 24-го іюля 1854 года

Сдача крѣпости Карса со всею анатолійскою арміей генералу Муравьеву, 16-го ноября 1855 года.

Штурмъ Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля, 25-го августа 1859 года.

Штурмъ и взятіе крѣпости Ардагана, 5-го мая 1877 года.

Эпизодъ изъ авліарскаго боя, 3-го октября 1877 года.

Штурмъ и взятіе крѣпости Карса, 6-го ноября 1877 года.

Взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-Тепе генераломъ Скобелевымъ 12-го января 1881 года.

Бой при рѣкѣ Кушкѣ 18-го марта 1885 года.

Предметная галлерея Кавказскаго Военно-Историческаго Музея.

Знаменъ, отбитыхъ у персіянъ: 31-го декабря 1812 года, при взятіи кр. Ленкорани, 2. 13-го сентября 1825 года, въ сраженіи при Елисаветполѣ, 1. 1-го октября 1827 года, при взятіи кр. Эривани, 2. 13-го октября 1827 года, при взятіи Тавриза, 1. 7-го іюля 1827 года, при взятіи кр. Аббасъ-Абадъ, 1. 26-го января 1828 года, при взятіи кр. Ардебиля, 1. Бунчукъ хана хивинскаго, взятый въ 1875 году. Рельефная карта Кавказскаго края на подставкѣ. Походный значокъ кн. Воронцова. Сабля князя М. С. Воронцова, постоянно имъ носимая. Сабля его же, взятая въ крѣпости Варнѣ въ 1828 году. Сабля, поднесенная ему же въ Ахалцихѣ въ 1853 году. Ключи отъ персидскихъ крѣпостей: Аббасъ-Абада, взятой 7-го іюля 1827 года; Эривани, взятой 1-го октября 1827 года; Тавриза, взятаго 13-го октября 1827 года; Ардебиля, взятаго 22-го января 1828 года. Чернильница и зрительная труба въ футлярѣ, принадлежавшія генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу, Эриванскому. Четыре коробки негативовъ со снимками съ нѣкоторыхъ картинъ и портретовъ, хранящихся въ музеѣ, сдѣланныхъ по распоряженію князя Дондукова-Корсакова для предполагавшагося имъ фототипическаго изданія. Серебряная на мраморномъ пьедесталѣ группа военныхъ арматуръ, поднесенная генералу Сипягину. Альбомъ графа Николая Ивановича Евдокимова съ фотографическими карточками его сподвижниковъ. Кинжалъ, которымъ онъ былъ раненъ. Копія съ копіи именного Высочайшаго рескрипта, даннаго графу Евдокимову. Его фотографическій портретъ. Его оружіе и походная палка. Листъ съ объясненіемъ гравюръ и надписей на крышкѣ альбома. Коллекція медалей и крестовъ. Двѣ книги текста и альбомъ рисунковъ художественнаго журнала Тимма за 1851—1861 гг. Альбомъ портретовъ лицъ, отличившихся заслугами въ событіяхъ 1853—1856 г. Описаніе и альбомъ портретовъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ геройской защитѣ укрѣпленія Ахты въ 1848 г. Два мѣшочка съ кавказскими мѣдными крестами и такими же медалями. Разные рисунки, сборники книги и исторіи кавказскихъ полковъ.

Художественныя произведенія музея выполнены съ замѣчательною живостью такими извѣстными художниками, какъ Рубо, Айвазовскій, Самокишъ, Колчинъ и другіе.

Выстроенъ музей на главной улицѣ, въ Александровскомъ саду, около храма Божьяго—Квашветской церкви, которая также вынесла много страданій, какъ и доблестные герои кавказской войны. *)

Музей сооруженъ по инициативѣ и въ управленіе Кавказскимъ краемъ генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, отмѣтившаго значеніе его слѣдующей Высочайшей резолюціей: «Отъ души желаю, чтобы въ будущемъ военный музей достигъ того значенія и той высокой цѣли, которую онъ начерталъ на своемъ знамени».

Предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ былъ ген.-лейт. Подымовъ, а членами—ген.-лейт. Чернявскій, д. ст. сов. Гаккель, полковники Волковъ и Потто, г. Радде, архитекторомъ—г. Зальцманъ а строителемъ зданія—капитанъ Болгарскій. Стоимостью музей обошелся около 100 тысячъ рублей, не считая денегъ, уплаченныхъ за картины и портреты.

Вблизи музея воздвигнутъ военный соборъ кавказской арміи во имя Александра Невскаго, сооруженный въ память окончательнаго покоренія Кавказа и напоминающій собою, что грандіозная мысль—создать навѣки памятникъ «здѣ лежащимъ братьямъ» уже осуществилась.

Мысль о постройкѣ этого собора принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, бывшему Намѣстнику Кавказа. Дѣлу постройки собора Великій Князь придалъ знаменательный характеръ. Здѣсь положена въ основѣ идея, дѣлающая соборъ особенно популярнымъ, такъ какъ храмъ, удовлетворяя религіознымъ нуждамъ, въ то-же время служитъ вѣчнымъ памятникомъ окончанія войны и водворенія мира. На стѣнахъ храма, между окнами, висятъ мраморныя доски, на которыхъ золотыми буквами написаны названія полковъ, участвовавшихъ въ кавказскихъ войнахъ.

При взглядѣ на портреты кавказскихъ героевъ невольно вспоминаются славныя времена Циціанова, Котляревскаго, богатыря Ермолова, доблестнаго Паскевича, Воронцова, Евдокимова, Барятинскаго и многихъ другихъ, навѣки оставившихъ добрую память о себѣ.

Вглядываясь въ прошедшее убѣждаешься, что упорная, и ожесточенная борьба образовала на Кавказѣ цѣлый рядъ людей съ твердымъ закаломъ, для которыхъ война была не эпизодомъ въ жизни, а самою жизнью.

Они скоро привыкали къ войнѣ, такъ какъ приходилось ежедневно встрѣчаться съ врагомъ одинъ-на-одинъ, въ дикой и неприступной мѣстности, на горной тропинкѣ, надѣясь только на себя и на оружіе.

Борьба въ поэтичной странѣ, полная опасностей, привлекла сюда лучшія силы Россіи, которыя шли служить на далекую окраину ради высокихъ цѣлей. Оторванные отъ семьи, заброшенные на чужбину, они сроднились съ мыслью, что съ «погибельнаго Кавказа» нѣтъ возврата.

Войска не унывали, не падали духомъ и, ни во что ставя опасности, страдали и покорно умирали. Сколько героевъ ложилось на кровавыхъ поляхъ и въ ущельяхъ горъ! Умирали не сотнями, а тысячами, не оставляя потомству даже скромнаго своего имени.

Музей полонъ величія, однако слѣдовало бы пожелать, чтобы картины, портреты и предметы были развѣшены въ систематическомъ порядкѣ, сообразно времени, къ какому относятся. Кромѣ того, въ немъ нѣтъ многихъ портретовъ героевъ, а также недостаетъ и батальныхъ картинъ. Надо полагать, что современемъ, съ обогащеніемъ музея, этотъ существенный пробѣлъ восполнится заботами лицъ, дорожащихъ памятниками отечественной старины.

Пусть въ музей стекаются разбросанные въ разныхъ мѣстахъ военные трофеи, какъ-то: знамена, ключи покоренныхъ крѣпостей, жезлы полководцевъ, снаряженіе, оружіе—эти свидѣтели прогремѣвшихъ славныхъ дѣлъ и событій. *)

Пусть сюда же собираются и недостающие картины, портреты героевъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, статуи, планы, модели крѣпостей, барельефы военнаго характера, мемуары, исторіи полковъ, а также рѣдкіе военно-историческіе документы о кавказской войнѣ. Здѣсь, въ музеѣ, вещи эти найдутъ покой и будутъ укрыты отъ климатическихъ вліяній и разрушеній, а заботливая рука знатоковъ и цѣнителей будетъ хранить ихъ на вѣчныя времена.

Такой музей передастъ грядущимъ поколѣніямъ незабвенную память о герояхъ и славныя вѣковыя преданія богатырской кавказской арміи!

По принятому обычаю, ежегодно въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья въ военномъ музеѣ разговляются оставшіеся въ живыхъ старые кавказскіе ветераны; слезы умиленія замѣтны обыкновенно на глазахъ многихъ старцевъ, увѣшанныхъ георгіевскими крестами и медалями. Здѣсь, именно здѣсь, храбрые воины, вамъ всего умѣстнѣе разговляться! На васъ смотрятъ со стѣнъ ваши бывшіе начальники, съ которыми не разъ вамъ въ глуши, вдали отъ родныхъ, подъ свистъ вражескихъ пуль приходилось встрѣчать Пасху.... и вы не роптали, вы были довольны!...

Такимъ образомъ, кавказскій военно-историческій музей,—этотъ памятникъ военной славы,—имѣетъ великое военно-воспитательное значеніе для потомства: каждый, во время посѣщеній, при взглядѣ на картины видитъ, «какъ жилъ и умиралъ кавказскій воинъ и съ какимъ самоотверженіемъ совершилъ онъ свой подвигъ».

Пожелаемъ же музею дальнѣйшаго процвѣтанія для увѣковѣченія памяти тѣхъ, которые **«съ благословенія Бога призывали въ битвахъ имя Царя своего, какъ знаменіе побѣды»**.

*) Жаль что рядъ магазиновъ заслоняютъ грузинскую святыню. Хорошо было-бы снять эти магазины и продолжить Александровскій садъ; отъ этого образуется площадь, на которой можно будетъ поставить памятникъ завершителю кавказской войны.

*) Буду признателенъ всѣмъ лицамъ, которые укажутъ, гдѣ именно хранятся эти вещи и сообщатъ свѣдѣнія о могилахъ и памятникахъ кавказскихъ героевъ.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **ПЕТРЪ I.**

Императрица **ЕКАТЕРИНА II.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **ПАВЕЛЪ I.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ I.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **НИКОЛАЙ I.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ II.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ** III.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Царь Грузіи **ИРАКЛІЙ II.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Царь Грузіи **ГЕОРГІЙ XII.**

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-лейтенантъ

Карлъ Федоровичъ **КНОРРИНГЪ,** Главнокомандующій въ Грузіи 1801—1802 гг.

13

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-лейтенантъ

Князь Павелъ Дмитріевичъ **ЦИЦІАНОВЪ**, Главнокомандующій въ Грузіи 1802—1806 гг.

Фототипія К. I. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-фельдмаршалъ
Графъ Иванъ Васильевичъ **ГУДОВИЧЪ**, Главнокомандующій въ Грузіи
1806—1810 гг.

Фототипія К. I. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-фельдмаршалъ

Графъ Александръ Петровичъ **ТОРМАСОВЪ**, Главнокомандующій въ Грузіи

1810—1811 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи

Филиппъ Осиповичъ маркизъ **ПАУЛУЧЧИ,** Главнокомандующій въ Грузіи
1811—1812 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи

Николай Федоровичъ **РТИЩЕВЪ**, Главнокомандующій въ Грузіи 1812—1816 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи
Алексѣй Петровичъ **ЕРМОЛОВЪ**, Главнокомандующій отдѣльнымъ Грузинскимъ корпусомъ 1816—1826 гг.

Генералъ-фельдмаршалъ
Графъ Иванъ Федоровичъ **ПАСКЕВИЧЪ-ЭРИВАНСКІЙ**, Главнокомандующій отдѣльнымъ
Кавказскимъ корпусомъ 1826—1834 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ
Григорій Владимировичъ баронъ **РОЗЕНЪ**, Главнокомандующій отдѣльнымъ
Кавказскимъ корпусомъ 1834—1837 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи
Евгеній Александровичъ ГОЛОВИНЪ, Главнокомандующій отдѣл. Кавк. корпус. и управ. граж. частью въ Грузіи 1837—1842 гг.

72

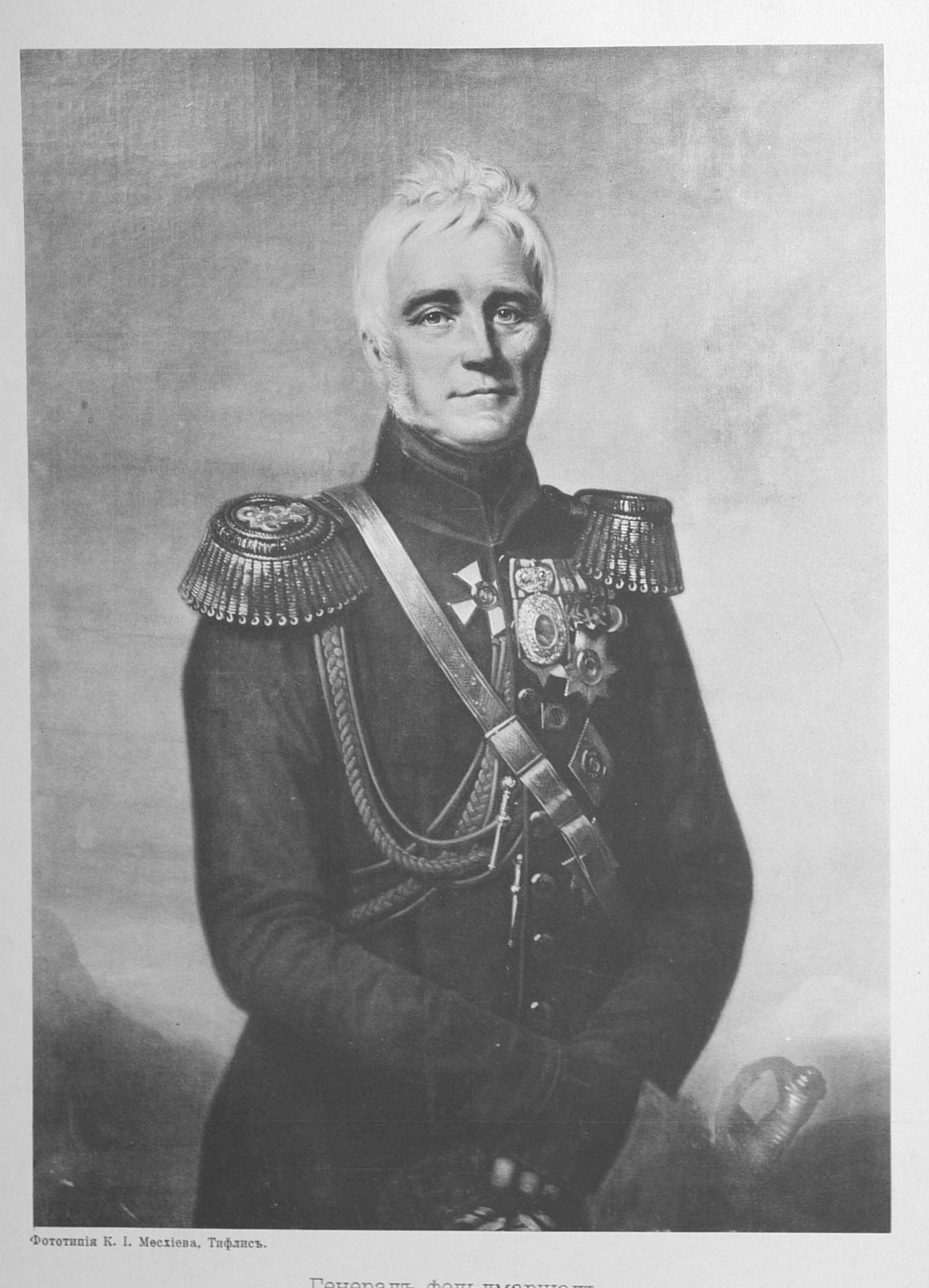

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ

Александръ Ивановичъ **НЕЙДГАРДТЪ**, Главнокомандующій отдѣл. Кавк. корпус.

1842—1844 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-фельдмаршалъ

Свѣтлѣйшій кн. Михаилъ Семеновичъ **ВОРОНЦОВЪ**, Намѣстникъ Кавказа

1844—1854 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи

Николай Николаевичъ **МУРАВЬЕВЪ**, Намѣстникъ Кавказа 1854—1856 гг.

Фототипія К. I. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-фельдмаршалъ

Князь Александръ Ивановичъ **БАРЯТИНСКІЙ**, Намѣстникъ Кавказа 1856—1862 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-фельдмаршалъ

Его Императорское Высочество Великій князь **МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ**, Намѣстникъ Кавказа 1862—1881 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ

Князь Александръ Михайловичъ **ДУНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ**, Главноначальствующій на Кавказѣ 1882—1890 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ

Сергѣй Алексѣевичъ **ШЕРЕМЕТЕВЪ**, Главноначальствующій на Кавказѣ

1890—1896 гг.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ

Князь Григорій Сергѣевичъ **ГОЛИЦЫНЪ**, Главноначальствующій на Кавказѣ 1896 г.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Вступленіе Императора Петра I-го въ Тарки 13-го Августа 1722 года.

Вступленіе императора Петра Великаго въ Тарки 13 августа 1722 года.

Императоръ Петръ Великій, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ и разностороннихъ занятіяхъ, съ удивительною проницательностью обращалъ вниманіе на торговлю Россіи. Устремляя взоры на Индію, Персію и Кавказъ, царь былъ сильно занятъ мыслью завязать черезъ средне-азіатскія ханства торговыя сношенія съ этими богатыми по природѣ странами. Это было его любимѣйшею мыслью.

Царь своимъ проникновеннымъ взоромъ предвидѣлъ, что Россія должна играть громадную историческую роль на отдаленномъ Востокѣ, а потому сталъ стремиться къ открытію новыхъ, удобныхъ путей къ средней Азіи.

Въ Иверійской православной землѣ Петра Великаго, кромѣ того, озабочивали единовѣрные грузины, давно уже тяготѣвшіе къ Россіи, но постоянно терзаемые магометанами.

Обстоятельства благопріятствовали: на Терекѣ осѣли гребенскіе и терскіе казаки, которые вели упорную борьбу съ кубанскими татарами, неоднократно дѣлавшими набѣги на казачьи станицы и поселки. Извѣстно, что, послѣ прутскаго похода, царь Петръ приказалъ астраханскому губернатору Апраксину итти на Кубань, и въ августѣ 1711 года онъ дѣйствительно дошелъ до береговъ ея, гдѣ и пожегъ много татарскихъ жилищъ.

Неудачная экспедиція 1716 года князя Александра Бековича-Черкасскаго въ первый хивинскій походъ, предпринятый вслѣдствіе заманчиваго слуха о томъ, что въ рѣкѣ Аму-Дарьѣ есть золотой песокъ, нисколько не отвратила видовъ Петра отъ Каспійскаго моря.

Правда, великая Сѣверная война, поглотившая всѣ силы государства, отвлекла царя отъ отдаленной кавказской окраины на нѣсколько лѣтъ, но едва былъ заключенъ со шведами миръ, какъ Петръ началъ уже приготовляться къ походу въ Дагестанъ, съ тѣмъ, чтобы утвердить границы своего государства и по всему прибрежью Каспійскаго моря. Въ свѣтломъ умѣ великаго преобразователя Россіи теперь уже окончательно созрѣла мысль о томъ широкомъ торговомъ пути, который прорѣзалъ-бы съ сѣверо-запада на юго-востокъ его обширное государство и долженъ былъ пройти черезъ Каспійское море до береговъ Ганга,—въ страны, о богатствѣ которыхъ ходили баснословные разсказы.

Въ 1710 году между Россіей и Персіей былъ заключенъ торговый договоръ; но, когда персы стали нарушать его, царь, воспользовавшись окончаніемъ Сѣверной войны, рѣшился предпринять походъ въ Персію.

Вотъ какъ описываетъ участникъ персидскаго похода путешествіе царя изъ Москвы въ Астрахань, послѣ заключенія мира со Швеціей, сопровождавшагося маскарадами, балами и другими пиршествами: «По окончаніи праздниковъ, его императорское величество началъ собираться въ Персію. Какъ я уже бывалъ при дворѣ персидскомъ, то докторъ Блюментростъ, первый врачъ царя, склонилъ меня къ сопутствованію съ нимъ въ сей походъ. Въ началѣ мая 1722 года войска сѣли въ Москвѣ на полугалеры и отправилися въ Коломну. Сей городъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ, и войска пробыли тутъ до прибытія императора и императрицы, восхотѣвшей

сопутствовать ему въ семъ походѣ. Въ серединѣ мая прибыли ихъ величества и всѣ вельможи двора, долженствовавшіе за оными слѣдовать. Царь учинилъ смотръ войскамъ, освѣдомился о состояніи своего флота, который заключалъ въ себѣ около трехсотъ судовъ, на коихъ посажено было обученное войско, включая въ сіе число и половину гвардіи».

Въ сформированный корпусъ этотъ вошли: гвардія, астраханскій и ингерманландскій пѣхотные полки въ полномъ составѣ и по одному батальону отъ двадцати пѣхотныхъ полковъ; кромѣ того, снаряжались драгуны, матросы, казаки и татары. По окончаніи всѣхъ приготовленій къ походу, войска были посажены на суда для слѣдованія до Царицына и Астрахани, назначенныхъ общими сборными пунктами.

«16 мая, говоритъ тотъ-же участникъ похода, его величество съ императрицею и нѣсколькими придворными госпожами вступилъ на великолѣпную сорокавесельную галеру, которая нарочно сотворена была для сего похода. На другой день флотъ двинулся по знаку троекратнаго пушечнаго выстрѣла съ галеры его величества. На императорской галерѣ выставленъ былъ россійскій флагъ. Затѣмъ прибыли въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Саратовъ, гдѣ императору нужно было переговорить съ калмыцкимъ ханомъ Аюкою, который, по прибытіи, былъ ласково принятъ Петромъ. Императоръ просилъ Аюку-хана, чтобы далъ ему калмыковъ. Императрица подарила женѣ хана золотые часы съ репетиціею, осыпанные алмазами. Изъ Саратова флотилія поплыла на югъ по Волгѣ».

Прибывъ 15-го іюня 1722 года вмѣстѣ съ супругой своей Екатериной Алексѣевной въ Астрахань, Петръ немедленно занялся приготовленіями къ дальнѣйшему походу. Здѣсь царь опубликовалъ манифестъ на персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, излагающій причины вступленія русскихъ въ Персію.

Изъ Астрахани 2 іюля Петръ отправилъ въ Грузію князя Туркестанова, съ грамотою къ грузинскому царю Вахтангу, въ которой царь убѣждалъ его принять участіе въ персидскомъ походѣ.

Въ Астрахань и Царицынъ прибыли: 25 тысячъ пѣхоты, много артиллеріи, 5 тысячъ матросовъ, болѣе 9 тысячъ драгунъ, около 10 тысячъ донскихъ и малороссійскихъ казаковъ и татаръ; всего болѣе 50 тысячъ. Войска эти расположились на западномъ берегу Волги лагеремъ, устройство котораго было поручено бригадиру Левашову и маіору гвардіи Румянцеву.

Когда всѣ приготовленія къ выступленію въ Персію были выполнены, то 18-го іюля флотъ, состоящій изъ 274 разнообразныхъ судовъ, двинулся изъ Астрахани. На суда были посажены: пѣхота, артиллерія, часть драгунъ и матросы; вмѣстѣ съ войсками были помѣщены большіе запасы провіанта, и эскадра, подъ начальствомъ адмирала графа Апраксина, вышла въ море. Императоръ съ императрицею отплыли по рѣкѣ при звукахъ музыки и барабановъ. Флотъ былъ раздѣленъ на нѣсколько отрядовъ, надъ каждымъ изъ коихъ былъ свой начальникъ. Часть кавалеріи подъ начальствомъ Ветерани была отправлена изъ Царицына сухимъ путемъ черезъ моздокскія степи въ Терки и должна была оставаться тамъ до прибытія императора; другая часть двинулась изъ Астрахани подъ начальствомъ Кропотова.

Узнавъ о прибытіи русскихъ къ берегамъ Каспія, грузинскій царь Вахтангъ прибѣгнулъ къ покровительству Россіи, обѣщая присоединить свои войска къ арміи Петра. Вскорѣ затѣмъ и шамхалъ тарковскій, Абдулъ-Гирей, принялъ русское подданство.

Императоръ, во главѣ эскадры Апраксина, плылъ по Каспійскому морю пять дней, и 23-го іюля, совершивъ трудное плаваніе, прибылъ на кавказскій берегъ, къ устью рѣки Терека. Здѣсь кинули якори; Петръ сошелъ на берегъ и въ этотъ же день отправился осматривать крѣпость Терки, комендантомъ которой былъ назначенъ подполковникъ Киселевъ. Такъ какъ положеніе города, находящагося въ низменной мѣстности, не понравилось Петру,—оно было неудобно для высадки войскъ,—то царь, возвратившись къ судамъ, повелѣлъ плыть флоту далѣе на югъ, приказавъ высаживаться на берегъ вблизи Аграханской косы, у песчаныхъ бугровъ, ближе къ устью Койсу. Поднявъ якори, флотилія направилась къ Аграханскому заливу и 27-го іюля подошла къ мѣсту, выбранному для высадки. На другой день рано утромъ царь былъ уже на ногахъ и торопилъ лейтенанта Соймонова спустить лодку, чтобы съѣхать на берегъ, для осмотра того мѣста, которое предполагалось для десанта. Отъѣзжая на берегъ, государь приказалъ войскамъ приготовиться

къ молебну, такъ какъ въ этотъ день праздновалось воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной русскими надъ шведской эскадрой при мысѣ Гангудѣ 27-го Іюля 1714 года.

«Скоро шлюпка, на которой былъ поднятъ императорскій флагъ, разрѣзая быстро волны, понеслась къ берегамъ Дагестана. Лейтенантъ Соймоновъ, стоя на носу шлюпки, съ безпокойствомъ всматривался въ берегъ: онъ потерялъ изъ виду выбранное наканунѣ мѣсто для высадки. Чтобы отыскать именно это мѣсто, поплыли вдоль берега, и вскорѣ открылась небольшая прогалина; но это было не то мѣсто, которое намѣтили наканунѣ. Несмотря на это, Петръ, нетерпѣливо желавшій сойти на берегъ, назначилъ эту прогалину мѣстомъ высадки и приказалъ править къ ней шлюпку. За мелководьемъ, причалить къ самому берегу было невозможно, и шлюпка остановилась возлѣ песчаной низменной отмели, которая была вся покрыта густымъ и высокимъ камышомъ, окаймлявшимъ прибрежное пространство. Тогда четыре гребца сошли въ воду и на доскѣ перенесли Петра на берегъ. Лейтенантъ Соймоновъ шелъ по поясъ въ водѣ и поддерживалъ государя рукою. Императоръ первымъ вступилъ на берегъ и, замѣтивъ вблизи песчаные холмы, взошелъ на одинъ изъ нихъ и внимательнымъ взглядомъ окинулъ окрестность. Чудная картина представилась взорамъ царя. Съ одной стороны передъ его глазами плескалось древнее Хвалынское море, съ другой—широко раскидывалась необозримая степь, которая на сѣверѣ сливалась съ горизонтомъ, а на югѣ рѣзко замыкалась цѣпью скалистыхъ остроконечныхъ горъ Дагестана. У низкаго берега, подъ самыми ногами государя, тихо качалась на волнахъ старая лодка съ высокой мачтой, а дальше, при входѣ въ Аграханскій заливъ, на едва колыхавшейся поверхности моря виднѣлась русская эскадра, украшенная разноцвѣтными флагами. Надо всѣмъ этимъ, посреди безоблачнаго неба, ярко сіяло жаркое іюльское солнце и обливало своими золотыми лучами и море, и флотъ, и степь, и далекія горы, и стройную, высокую фигуру самого Петра I, одиноко стоявшаго на высотѣ песчанаго холма» [1]).

Но не однѣ красоты природы заставили государя съ высоты песчанаго бугра такъ внимательно всматриваться въ окружающее пространство: онъ искалъ мѣста для лагеря и, намѣтивъ соотвѣтственный удобный пунктъ, сейчасъ же сошелъ съ бугра и повелъ только что прибывшаго на берегъ квартирмейстера Карчминина, чтобы указать ему мѣсто лагеря. Послѣ этого, примѣтивъ качавшуюся въ камышахъ мачту татарской лодки, государь приказалъ лейтенанту Соймонову поставить ее на берегу около мѣста, которое было выбрано для десанта, а самому сейчасъ же спѣшить къ судамъ, съ повелѣніемъ послѣ молебна открыть на всѣхъ судахъ бѣглый огонь, послѣ чего флотилія должна была стать у этого мѣста на якорь. На судахъ, по прибытіи Соймонова, стали служить молебствіе, и, какъ только было провозглашено многолѣтіе, вся русская эскадра мгновенно окуталась бѣлыми облаками порохового дыма; пустынная окрестность дрогнула отъ грохота русскихъ пушекъ, разносившихъ вѣсть о вступленіи русскаго царя въ Дагестанскую землю. Въ этотъ же день войска были перевезены на берегъ и размѣщены лагеремъ, на избранномъ самимъ императоромъ мѣстѣ. Посреди лагеря была раскинута ставка императора; здѣсь же заложенъ былъ ретраншементъ, названный Аграханскимъ. Въ тотъ самый день, когда армія Петра торжественно вступила на кавказскій берегъ, привѣтствовать русскаго царя прибыли посланные отъ шамхала Адиль-Гирея съ многочисленными почетными депутататами отъ разныхъ владѣльцевъ прикаспійскихъ земель.

Петръ Великій оставался здѣсь болѣе недѣли въ ожиданіи конницы, которая, по доходившимъ до царя слухамъ, много терпѣла при переходѣ черезъ Кумыкскую плоскость отъ недостатка фуража; говорили даже о ея пораженіи чеченцами. Но слухъ этотъ оказался въ значительной степени преувеличеннымъ. Дѣло въ томъ, что часть русской кавалеріи, посланная для занятія Андреевой деревни (иначе—Эндери, находившейся около нынѣшней крѣпости Внезапной), дѣйствительно встрѣчена была 23-го іюля непріятелемъ, засѣвшимъ по сторонамъ пути въ густомъ лѣсу, и, по оплошности командовавшаго ею бригадира Ветерани, понесла чувствительную потерю въ людяхъ. Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе миновать лѣсное ущелье, Ветерани спѣшилъ драгунъ и сталъ обороняться въ тѣснинѣ. По

[1]) Газета „Кавказъ“ 1869 г. №№ 146—148. Статья Г...

счастью, его ошибка была исправлена подполковникомъ Наумовымъ, который, видя критическое положеніе отряда, кинулся съ своимъ батальономъ впередъ, взялъ Андрееву деревню приступомъ и такимъ образомъ открылъ для Ветерани дорогу. Пораженіе Ветерани живетъ и понынѣ въ преданіяхъ кумыкскаго народа. Кумыки и теперь показываютъ мѣсто пораженія рейтеровъ (такъ встарину назывались драгуны) на обрывистыхъ берегахъ Акташа. Чтобы наказать за это горскія племена, Петръ предложилъ калмыцкому хану Аюку вторгнуться за Терекъ со своими ордами. Рядъ кургановъ понынѣ обозначаетъ путь, по которому слѣдовали полчища Аюка, а въ двухъ верстахъ отъ крѣпости Внезапной показываютъ большой насыпной холмъ, гдѣ стояла ставка хана.

Послѣ занятія Андреевой деревни, конница, состоявшая изъ 10 тысячъ донскихъ и малороссійскихъ казаковъ и 5 тысячъ калмыковъ хана Аюка, прибыла къ Аграханской косѣ, гдѣ соединилась съ пѣхотою. Конница эта, какъ описываетъ тотъ же участникъ персидскаго похода, была «на добрыхъ лошадяхъ, а при томъ еще и заводскихъ много имѣли, кои намъ великою сдѣлались подмогою. Всѣ они расположились въ долинахъ подлѣ горы. Всѣ войска находились тогда въ сборѣ, и ожидали мы только телѣгъ, которыя обѣщалъ къ намъ прислать Адиль-Гирей, для перевоза военныхъ и всякихъ припасовъ. Императоръ не празденъ былъ во все сіе время. Повседневно былъ онъ на конѣ для осматриванія своего войска, коего болѣе тридцати тысячъ было».

Послѣ того какъ всѣ войска уже были въ полномъ сборѣ, Петръ Великій, оставивъ въ Аграханскомъ ретраншементѣ необходимый гарнизонъ, съ частью войскъ двинулся 5-го августа сухимъ путемъ къ Дербенту, остальныя же силы, подъ начальствомъ генерала Соймонова и Фонъ-Вердена, были отправлены туда моремъ. Когда русскія войска 11-го августа переправились черезъ рѣку Сулакъ, шамхалъ тарковскій, а за нимъ и другіе горскіе владѣльцы сейчасъ же прислали пословъ съ изъявленіемъ покорности, обѣщая «всякое послушаніе». Петръ, стоя передъ гвардіей, принялъ пословъ, которые, приблизившись къ царю, упали на колѣни, прося принять ихъ подъ свое покровительство, и клялись вѣрно служить его величеству. Петръ отвѣчалъ, что «за службу свою они будутъ содержаны въ его милости». Послѣ этого императоръ удостоилъ ихъ подарковъ, принявъ и съ своей стороны отъ хановъ «изрядныхъ шесть лошадей, 150 штукъ рогатаго скота для продовольствія арміи и 600 быковъ, въ запряженныхъ телѣгахъ, для перевозки провіанта». 10-го августа Петръ отправилъ въ Дербентъ подполковника Наумова съ однимъ поручикомъ и 12 донскими казаками, повелѣвъ подробно описать путь, туда ведущій, а также «утвердить наиба въ добромъ мнѣніи и для договора съ нимъ о пріемѣ его величества». Затѣмъ армія Петра двинулась отъ Сулака далѣе, и 12-го августа передовыя русскія войска приблизились къ Таркамъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою. Петръ, въ парадномъ платьѣ, на своемъ боевомъ конѣ ѣхалъ передъ гвардіей, а за нимъ въ каретѣ, запряженной цугомъ, слѣдовала императрица. Шествіе было торжественное: за пять верстъ отъ города государь былъ встрѣченъ шамхаломъ Адиль-Гиреемъ, который, сойдя съ лошади, привѣтствовалъ императора съ счастливымъ пріѣздомъ, затѣмъ, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ землю возлѣ кареты, въ которой сидѣла государыня, послѣ чего проводилъ Петра къ выбранному лагерю. 13-го августа императоръ съ своей супругой обѣдалъ въ Таркахъ у шамхала, окруженнаго министрами. Въ продолженіе трехъ дней русская армія подходила къ Таркамъ и становилась въ лагерѣ.

Вотъ какъ описываетъ городъ Тарки (Тарку) участникъ персидскаго похода: «Сей городъ стоитъ между двумя холмами, вдоль коихъ выстроенъ онъ въ видѣ амфитеатра, не доходя на малое разстояніе до вершины, съ коея свободно усматривается Каспійское море. Дворецъ тамошняго князя построенъ на вершинѣ и высится надо всѣмъ городомъ. Состоитъ оный изъ многихъ комнатъ и изъ пространныя залы во вкусѣ персидскомъ. Подлѣ онаго находятся площадка и небольшой садикъ. Вскорѣ по прибытіи, ихъ величества поѣхали въ городъ: императоръ ѣхалъ верхомъ, а императрица въ каретѣ съ нѣсколькими придворными госпожами, и сопровождаемы были батальономъ гвардіи. Улицы были столь узки и покаты подлѣ дворца, что карета, хотя и шестью лошадьми была везена, никакъ не могла подъѣхать, что принудило выйти изъ кареты и дойти остальной путь пѣшкомъ. Къ вечеру возвратилися ихъ величества во станъ».

Обрадованный достигнутыми результатами, Петръ написалъ въ сенатъ свою знаменитую декларацію, въ которой между прочимъ излагалось: «Можемъ сказать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ мы ногу поставили и крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили». Принимаемый въ Таркахъ чрезвычайно радушно, Петръ гостилъ у шамхала нѣсколько дней и на прощаніе получилъ отъ хозяина въ подарокъ шелковый персидскій шатеръ и дорогого аргамака сѣрой масти со сбруею изъ чистаго золота. Шамхалъ предлагалъ къ услугамъ царя даже все свое войско, но Петръ взялъ только нѣсколькихъ отборныхъ наѣздниковъ, а взамѣнъ ихъ назначилъ къ шамхалу изъ своего войска 12 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣи барабанщикѣ, которые, въ видѣ почетнаго караула, остались въ Таркахъ. 14-го августа обѣ жены шамхала прибыли въ русскій лагерь, представились императрицѣ и цѣловали у ея величества руку.

15-го августа, въ праздникъ Успенія, государь вмѣстѣ съ императрицей слушалъ обѣдню въ походной церкви преображенскаго полка и, по окончаніи ея, положилъ на землю нѣсколько камней, гдѣ была устроена церковь, пригласивъ сдѣлать тоже самое императрицу, а затѣмъ и всѣхъ присутствовавшихъ. Въ нѣсколько минутъ былъ набросанъ высокій каменный курганъ.

Теперь на мѣстѣ этого кургана разросся уже городокъ, и устроенъ прекрасный военный портъ, названный Петровскимъ, въ честь императора, какъ державнаго руководителя персидскаго похода на берега Каспія. Другимъ памятникомъ пребыванія Великаго Преобразователя Россіи на берегахъ Каспійскаго моря служитъ самый дворецъ шамхала, на дворѣ котораго есть превосходный родникъ, обложенный дикимъ камнемъ. Тамъ, подъ навѣсомъ, устроеннымъ надъ этимъ родникомъ, хранился долгое время, а можетъ быть, сохраняется еще и понынѣ, желѣзный русскій ковшъ, которымъ государь черпалъ воду. При этомъ невольно приходятъ на мысль слова Спасителя, обращенныя къ апостолу Петру: «На камнѣ семъ созижду церковь мою». Не есть ли Петръ I тотъ камень, на которомъ создались слава и могущество Россіи и на которомъ зачалась жизнь въ безплодной пустынѣ Каспійскаго побережья?

16-го августа войскамъ былъ объявленъ походъ къ Дербенту, и армія выступила изъ Тарковъ; на другой же день она перешла рѣку Учи, черезъ каменный мостъ, а 18-го числа вступила въ землю Султана-Магмута Утемышскаго и Ахметъ-хана, усмія кайтахскаго.

Между тѣмъ въ лагерѣ получились тревожные слухи о томъ, что противъ русскаго войска двигаются значительныя скопища горцевъ, подъ предводительствомъ самого хана карахайтахскаго, одного изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ въ краѣ, который, собравъ до 16 тысячъ горцевъ, попытался съ ними остановить наступленіе русскихъ. Въ виду этихъ слуховъ, Петръ послалъ нѣсколько казаковъ для обозрѣнія мѣстности, но жители не позволили имъ близко подходить, а нѣкоторые даже стрѣляли. Утромъ 19-го августа царь послалъ есаула казацкаго съ тремя казаками съ письмомъ къ Султану, въ которомъ предлагалось «прибыть самому, либо прислать депутатовъ въ лагерь для принятія повелѣній и протекцій отъ государя». Но Султанъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ звѣрски и мученически убить посланныхъ, а вслѣдъ за этимъ горцы, въ числѣ 10 тысячъ, подошли къ русскому лагерю, и подъ Утемышемъ произошелъ ожесточенный бой. Горцы, по выраженію Петра, «бились зѣло удивительно и, покинувъ ружья, рѣзались кинжалами и саблями». Тѣмъ не менѣе, они были разбиты, Утемышъ сожженъ, а плѣнные повѣшены въ отмщеніе за смерть есаула и трехъ казаковъ, зарѣзанныхъ по приказанію хана, не смотря на то, что они доставили ему отъ государя письмо самаго миролюбиваго содержанія. 21-го августа армія выступила въ дальнѣйшій походъ къ Дербенту; переходы начались весьма трудные; жара, вѣтры и недостатокъ воды еще болѣе затрудняли движеніе. На другой день армія расположилась лагеремъ при рѣкѣ Дарбахѣ.

Въ это время намѣстникъ Дербента прислалъ царю изъявленіе покорности, а 23-го августа русскіе торжественно вступили въ Дербентъ и заняли его безъ боя. Впереди арміи ѣхалъ верхомъ Петръ. Ханъ со всѣмъ народомъ и духовенствомъ вышелъ самъ къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью.

«Дербентъ, сказалъ ханъ въ привѣтственной рѣчи Петру, получилъ основаніе отъ Александра Македонскаго, а потому нѣтъ ничего приличнѣе и справедливѣе, какъ городъ, основанный великимъ монархомъ, передать во власть не менѣе его великому».

Послѣ привѣтствій одинъ изъ знатнѣйшихъ бековъ поднесъ императору городскіе ключи на серебряномъ блюдѣ, покрытомъ богатѣйшею персидскою парчею.

У самыхъ крѣпостныхъ воротъ Петра ожидала дербентская пѣхота подъ ружьемъ, со множествомъ значковъ, а народъ вынесъ священное знамя пророка Алія и повергъ его къ стопамъ царя. Во время церемоніальнаго шествія съ городскихъ стѣнъ открылась троекратная пушечная стрѣльба. Русская гвардія, а затѣмъ и пѣхота, пройдя черезъ городъ, расположились станомъ на юго-востокѣ, около англійской мили отъ города и около полумили отъ моря, и заняли караулы. Конница и казаки расположились у рѣчки Милукенти, гдѣ были хорошіе корма.

Дербентскій лѣтописецъ говоритъ, что, когда государь подъѣхалъ къ воротамъ, случилось сильное землетрясеніе, и Петръ Великій, обратившись къ выѣхавшимъ навстрѣчу ему жителямъ, сказалъ: «Сама природа дѣлаетъ мнѣ торжественный пріемъ и колеблетъ стѣны города передъ моимъ могуществомъ.» Въ Дербентъ были перевезены 20 мѣдныхъ пушекъ, 2 мортиры и вообще онъ былъ сильно укрѣпленъ.

«Дербентъ, разскаываетъ участникъ похода, можно почитать ключемъ въ Персію; способенъ онъ также для держанія въ обузданіи нагорныхъ жителей и другихъ сосѣдственныхъ народовъ. Положеніе онаго самое пріятное. Крѣпость построена на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, со стороны матерыя земли. Городскія стѣны сдѣланы изъ большихъ четырехугольныхъ камней и простираются до самаго моря, въ которое набросано въ семъ мѣстѣ множество каменья, чтобъ заградить привалъ судамъ съ сея стороны. Пристань городская столь песчана, что самыя малыя суда съ трудомъ могутъ въ оную входить».

30-го августа Петръ выступилъ изъ Дербента и продолжалъ походъ къ рѣкѣ Рубасу, предварительно отправивъ въ Грузію къ царю Вахтангу подпоручика Толстого съ грамотой. Намѣреніе Петра было продолжать походъ свой къ Баку и далѣе къ Курѣ, но совершенно неожиданный случай измѣнилъ рѣшеніе императора: получилось извѣстіе, что страшная буря, разбушевавшаяся на морѣ, разбила суда съ провіантомъ, и это печальное событіе разстроило дальнѣйшіе виды царя относительно продолженія персидскаго похода и утвержденія русскаго владычества на берегахъ Каспійскаго моря. Императоръ по этому поводу собралъ даже военный совѣтъ, въ которомъ пришли къ заключенію, что оставшагося провіанта достанетъ не болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ, а потому нашли болѣе благоразумнымъ возвратиться обратно въ Россію. Такое рѣшеніе военнаго совѣта Петръ утвердилъ, отдавъ повелѣніе готовиться къ обратному походу. Войска съ рѣки Рубаса выступили 7-го сентября къ Дербенту, несмотря на полученное 6-го сентября извѣстіе, что царь Вахтангъ, собравъ около рѣки Алазани 30-тысячное войско, ждалъ приказаній чтобы соединиться, съ Петромъ и его арміей.

Прибывъ въ Дербентъ и оставивъ въ немъ сильный гарнизонъ подъ командой полковника Юнгера, самъ государь съ остальными войсками двинулся изъ Дербента въ обратный путь къ Астрахани по той же дорогѣ, по которой прибылъ въ Дербентъ. Близъ Сулака, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отдѣляется небольшая рѣка Аграхань, онъ заложилъ крѣпость Святого Креста, слѣды которой сохранились понынѣ въ 6 верстахъ отъ укрѣпленія Кази-Юртовскаго.

«29-го сентября, говоритъ участникъ похода, по самомъ труднѣйшимъ переходѣ, прибыли мы опять въ Аграханскую крѣпость, при которой находился оставленный нами флотъ». Въ этотъ же день Петръ сѣлъ на свою галеру и выѣхалъ въ Астрахань, навсегда покинувъ Кавказъ. Между тѣмъ войска начали переносить на суда тяжести, артиллерію и, оставивъ достаточное число людей и пушекъ для защиты Аграхани, сѣли на суда и отплыли тоже въ Астрахань; кавалерія же была послана прежнимъ порядкомъ сухимъ путемъ на Астрахань и Царицынъ.

Такъ закончилъ Петръ Великій свой замѣчательный персидскій походъ, во время котораго, по описанію участника, «Царь почти во весь ходъ ѣхалъ на одной только Аглинской лошади, около четырнадцати пальмъ (локтей) вышиною, которую любилъ онъ весьма по причинѣ ея послушности. Карапакъ написалъ его сидящимъ на сей же лошади. Когда жаръ принуждалъ останавливаться арміею, то царь садился въ карету къ императ-

трицѣ и сыпалъ въ оной съ полчаса. Во время похода надѣвалъ онъ бѣлый колпакъ съ распущенною шляпою и камзолъ изъ бумажныя матеріи. Когда-же приходили какіе посланцы отъ нагорныхъ жителей, тогда одѣвался онъ во гвардейскій мундиръ, такъ какъ подполковникъ преображенскаго полка».

Прибывъ въ Астрахань 4-го октября и давъ обширныя указанія для продолженія войны въ будущемъ году, Петръ 13-го октября отплылъ на сѣверъ, а 17-го декабря уже торжественно въѣзжалъ въ Москву черезъ тріумфальныя ворота, на которыхъ былъ изображенъ городъ Дербентъ съ короткой надписью: «Основанъ героемъ Александромъ Македонскимъ, покоренъ Великимъ».

Имя Петра Великаго и понынѣ живетъ въ Дагестанѣ, и слѣды его пребыванія тамъ сохраняются самымъ тщательнымъ образомъ. Каждый, кто посѣтитъ Дербентъ, конечно, съ чувствомъ благоговѣнія зайдетъ въ ту ветхую землянку, стоящую у самаго взморья, въ которой, какъ гласитъ преданіе, великій царь прожилъ нѣсколько дней въ ожиданіи сдачи Дербента. Теперь эта землянка, предметъ вниманія всѣхъ путешественниковъ, обнесена рѣшеткой, и надъ нею сдѣлана надпись: «Мѣсто перваго отдохновенія Великаго Петра». Находясь въ ханскомъ дворцѣ, царь собственными руками прорубилъ въ одной изъ комнатъ окно, изъ котораго открывается превосходный видъ на Каспійское море, на городъ и его окрестности. Это историческое окно «въ Азію» существуетъ до сихъ поръ въ домѣ, занимаемомъ дербентскими комендантами. Тутъ же, въ самой крѣпости, сохраняются семь алебардъ, оставшихся со времени Петра, и пушка, на которой выбита надпись, свидѣтельствующая, что она была отлита въ 1715 году, на Воронежскомъ литейномъ заводѣ.

Экспедиція Князя Бековича-Черкаскаго въ среднюю Азію и персидскій походъ Петра Великаго положили начало «восточному вопросу», который разросся впослѣдствіи необычайно, какъ все задуманное этимъ государственнымъ геніемъ.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Съ картины Самокиша.

32

Геройская защита Станицы Наурской отъ нападенія горцевъ 11 го Іюня 1774 года.

Защита станицы Наурской 11-го іюня 1774 года.

Со времени кончины императрицы Анны Іоанновны до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II всѣ дѣйствія русскихъ на Кавказѣ ограничивались защитою Терской линіи. Впрочемъ, въ Петербургѣ едва ли знали, что происходило на этой отдаленной линіи, оберегаемой гребенскими, кизлярскими и терскими казаками, а между тѣмъ нужны были безумная отвага и громадныя усилія, чтобы водворившимся на этой линіи тремъ слабымъ казачьимъ отрядамъ бороться противъ соединенныхъ усилій многихъ горскихъ народовъ, живущихъ по Тереку, Кубани и Лабѣ. Каждый шагъ казакамъ надо было занимать кровью.

Императрица Екатерина II, прекрасно понявъ широкую программу Петра, давно обратила вниманіе на заброшенный Кавказскій край, гдѣ казаки въ тяжелой борьбѣ отстаивали завоеванія прежнихъ лѣтъ. Въ виду этого, императрица повелѣла въ 1765 году усилить линію новою крѣпостью Моздокомъ, куда приказала переселить казаковъ съ Волги, которые и образовали здѣсь: «моздокскую горскую команду». Устройство крѣпости было поручено кизлярскому коменданту Потапову, которому секретно повелѣвалось производить укрѣпленія Моздока, «съ большою осторожностью».

Сооруженіе новой крѣпости вызывало еще болѣе вражду окрестныхъ горцевъ, и многочисленное населеніе Кабарды взволновалось, затѣмъ стало производить набѣги на мирныя казачьи станицы и вскорѣ совершенно отложилось. Такъ какъ казаковъ на Терекѣ все же было мало, то въ 1770 году были туда переселены болѣе 500 семействъ съ Волги и до 200—съ Дона, которыя, прибывъ подъ командою полковника Ивана Савельева, поселились по лѣвому берегу Терека, между гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздокомъ, на протяженіи 80 верстъ, пятью станицами: Галюгаевской, Наурской, Ищорской, Мекенской и Калиновской. Въ виду враждебнаго настроенія Кабарды, эти новыя станицы были хорошо укрѣплены, и для крѣпостного вооруженія ихъ имѣлось по четыре трехфунтовыхъ пушки на каждую. Когда устройство станицъ было совершенно окончено, переселенцы образовали изъ себя отдѣльную самостоятельную казачью часть—моздокскій казачій полкъ, во главѣ котораго стоялъ, вмѣсто атамана, полковой командиръ. Новые станичники скоро привыкли къ боевой жизни и уже не отставали въ удали отъ своихъ сосѣдей, терцевъ и гребенцовъ.

Горцамъ не нравилось, что станицы эти представляли большія села, окопанныя рвами и обнесенныя земляными валами. Въѣздъ въ каждую станицу заграждался рогатками и запирался воротами, надъ которыми стояли на четырехъ столбахъ вышки, а на нихъ ходили часовые, зорко всматриваясь въ окружающую мѣстность. Тутъ же, по границѣ терской линіи, виднѣлись темными массами черкесскіе аулы, многіе изъ коихъ были уже замирены, а нѣкоторые покинуты.

«Война на Кавказѣ,—говоритъ историкъ терскихъ казаковъ И. Попка,—распредѣлила роли между обѣими сторонами—аульною и станичною,—такимъ порядкомъ, что на долю первой выпало нападеніе, а послѣдняя должна была обороняться и защищаться. Терекъ руководилъ ходомъ этой кровавой игры; отъ него зависитъ дать отдышку или обострить борьбу.

Терекъ бурлитъ,—казакъ лежитъ; Терекъ молчитъ,—казакъ не спитъ. Какой то голосъ говоритъ ему: «Не спи казакъ,—во тьмѣ ночной чеченецъ ходитъ за рѣкой.» И дѣйствительно, въ вѣчной кровавой борьбѣ и тревогѣ проходило время. Ежеминутно приходилось ожидать чеченцевъ, которые, подвязавъ себѣ кожаные мѣхи (тулуки) подъ мышки и переплывъ рѣку въ полномъ вооруженіи, тихо подкрадывались къ станицѣ, слѣдя за оплошными казаками. Но казаки тоже обыкновенно не дремали, и когда на линіи становились тревожно, то всѣ способные носить оружіе становились подъ защиту станицы. Тотчасъ же во всѣ стороны посылались разъѣзды, а около скрытыхъ мѣстъ разставлялись отдѣльные ночные секреты. Зато при малѣйшей оплошности со стороны казаковъ черкесы выростали какъ изъ земли и мгновенно бросались въ жестокую рукопашную схватку. Подстрекаемые, кромѣ того, турецкими агитаторами, горцы, пользуясь рабочею порой, во время набѣговъ захватывали обыкновенно—казаковъ, ихъ женъ и дѣтей, производя опустошенія въ только что возведенныхъ станицахъ.

Императрица Екатерина II, въ видахъ усиленія оборонительныхъ средствъ казачьихъ поселеній, повелѣла назначенному еще въ 1769 году, начальникомъ надъ кавказскими войсками, генералъ-майору де-Медему принять въ командованіе отдѣльный отрядъ. Въ составъ войскъ де-Медема входили: 3 эскадрона драгунъ съ двумя пушками, 3 эскадрона гусаръ грузинскаго полка, прибывшаго въ Кизляръ въ 1767 году изъ Симбирска, тоже съ двумя пушками, 4 роты изъ кизлярскаго гарнизона съ шестью пушками, 500 казаковъ отъ волжскаго, 500 отъ яицкаго, гребенского и терскаго войскъ вмѣстѣ съ моздокскими казаками.

Войска эти успѣшно дѣйствовали по всей линіи въ разгаръ турецкой войны. Несмотря на успѣхъ русскихъ, кабардинцы не прекращали нападеній и въ 1774 году заключили тѣсный союзъ съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, угрожая даже окрестностямъ Кизляра. Опасность повсемѣстно была такъ велика, что де-Медемъ воспретилъ совершенно кизлярскимъ и моздокскимъ казакамъ сообщаться съ населеніемъ другихъ станицъ.

Изъ эпизодовъ такой борьбы, въ самостоятельной жизни казаковъ особенно замѣчательна геройская оборона Наурской станицы моздокскими казаками отъ нашествія крымскаго калги (намѣстника) Шабазъ-Гирея. Въ началѣ іюня Девлетъ-Гирей направился въ Кабарду съ турецкими войсками, присоединивъ къ себѣ весь кубанскій народъ, кумыковъ и чеченцевъ. Орды эти разсѣялись по степямъ и небольшими партіями показывались у казачьихъ станицъ. Вскорѣ затѣмъ Девлетъ-ханъ уѣхалъ въ Крымъ, а командованіе скопищемъ поручилъ своему намѣстнику Шабазъ-Гирею.

Весною 1774 года, по наущенію кабардинцевъ, которые никакъ не могли примириться съ занятіемъ моздокской мѣстности, Шабазъ-Гирей появился со своими полчищами около Моздока. Де-Медемъ встрѣтилъ его въ 35 верстахъ выше Моздока, въ урочищѣ Бештамакѣ, гдѣ нынѣ Екатериноградъ и 3 іюня далъ сраженіе, послѣ чего непріятель принужденъ былъ разсѣяться, но вскорѣ же, собравшись и раздѣлившись на двѣ части, перешелъ въ наступленіе; при этомъ одна часть отступила въ Кабарду, а другая, подъ начальствомъ самого калги, направилась на новыя селенія моздокскаго казачьяго полка, разорила до основанія четыре станицы и истребила всѣ жизненные припасы вновь водворившихся казаковъ.

Во время этихъ опустошеній де-Медемъ преслѣдовалъ полчища, отступавшія въ Кабарду, а потому калга смѣло дѣйствовалъ въ станицахъ моздокскаго полка и въ первыхъ числахъ іюня со своими татарами, калмыками, кабардинцами, турками и 500-ми некрасовскихъ казаковъ, всего въ количествѣ отъ 8-ми до 10-ти тысячъ, послѣ погрома нѣсколькихъ станицъ, направился къ Моздоку. Захвативъ въ пути нѣсколько человѣкъ, онъ прошелъ мимо его, обложивъ 10-го іюня станицу Наурскую, куда къ этому времени укрылись казаки четырехъ разрушенныхъ станицъ. Окруживъ ее, непріятель сталъ наступать то съ одной, то съ другой стороны. Въ Наурѣ въ это время находился весь моздокскій казачій полкъ съ семействами, и казаки приготовились къ защитѣ: они стояли уже на валахъ, для отраженія непріятельскаго натиска. Служилыхъ людей вышли подкрѣплять старики, дѣти и даже женщины.

Горцы во время приступа были поражены небывалымъ доселѣ войскомъ, съ небывалымъ оружіемъ: на валу ихъ встрѣ-

тили наурскія женщины-казачки, которыя, нарядившись въ красные сарафаны, тоже вышли на защиту родного гнѣзда. Даже дряхлые старики и малыя дѣти высыпали на валъ: одни изъ нихъ съ вилами, другіе съ серпами, и косами спѣшили къ врагу, многіе разводили костры, чтобы кипятить смолу и воду для обвариванія штурмующихъ. Сохранилось преданіе въ народѣ, что даже щи, варившіяся къ обѣду, шли въ дѣло, и казачки обливали ими головы осаждающихъ.

Весь день 10-го іюля длилась отчаянная борьба: казаки не пугались ни свиста пуль, ни вражескихъ стрѣлъ, ни дикаго рева и гика татаръ и яростныя атаки непріятеля встрѣчались защитниками спокойно и мужественно. Чугунныя пушки перевозились ими съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, куда приближался врагъ. Нѣсколько отбитыхъ штурмовъ дорого стоили непріятелю. Обороною станицы распоряжался командиръ полка полковникъ Савельевъ, впослѣдствіи знаменитый на Кавказѣ генералъ. Цѣлый день продолжалась кровавая борьба, и цѣлый день утомленные боемъ наурцы ожидали помощи, но она не приходила, такъ какъ сообщеніе съ Червленой станицей, отстоящей отъ Наурской, на сорокъ верстъ, было совершенно прекращено.

На другой день, утромъ, 11-го іюня, жители снова готовились къ оборонѣ. Вновь загремѣли казацкія пушки. Полковникъ Савельевъ, стоя на валу, дѣлалъ распоряженія. Непріятель яростно, въ продолженіе 12 часовъ, кидался на валы съ цѣлью ворваться внутрь селенія. Потерявъ отъ огня осажденныхъ до 800 человѣкъ, татары поставили на арбы деревянные щиты и подъ ихъ прикрытіемъ съ оглушительнымъ визгомъ двинулись на штурмъ со всѣхъ сторонъ. Рѣзня происходила на самыхъ валахъ. Некрасовскіе казаки, находившіеся въ непріятельскихъ рядахъ, сторонились отъ рукопашнаго боя и ободряли обороняющихся, передавая имъ по-русски, что татары истощили уже всѣ свои запасы и если будутъ отбиты, то въ тотъ же день уйдутъ, откуда пришли. Женщины-казачки рубили непріятеля, стремившагося на валы, косами, лили на нихъ горячую воду, кипящую смолу, масло и песокъ, подавали снаряды, заряжали ружья, сами сражались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдѣли ряды казаковъ. Неустрашимость ихъ не имѣла границъ. Казаки напрягли послѣднія силы и храбро отбили татаръ, которые быстро начали въ безпорядкѣ уходить съ валовъ и совершенно скрылись, пройдя мимо Моздока. Въ числѣ убитыхъ найденъ былъ кабардинскій владѣлецъ Коргана Татархановъ, числившійся капитаномъ русской службы съ жалованьемъ по 150 рублей въ годъ.

Никто не могъ догадаться о причинѣ поспѣшнаго отступленія вражеской толпы. Преданіе говоритъ, что снятіемъ осады наурцы были обязаны казаку по фамиліи Перепорху, наведшему прямо на курганъ, гдѣ стояла ставка калги Шабаза, орудіе, убившее племянника непріятельскаго военачальника. Увидѣвъ въ этой случайности дурное предзнаменованіе, калга больше не хотѣлъ оставаться на наурскихъ поляхъ и, снявъ осаду, со всѣмъ своимъ скопищемъ поспѣшно отступилъ за Терекъ. Наурскіе казаки купили эту побѣду цѣною четырехъ казачьихъ станицъ.

«Много лѣтъ спустя,—говоритъ историкъ кавказской войны, послѣ этой геройской защиты, а именно въ 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курганъ, гдѣ, по преданію, стояла непріятельская ставка, и нашли въ землѣ человѣческія кости, серебряный кувшинъ и золотыя украшенія. Кто знаетъ, быть можетъ, это были останки того человѣка, случайная смерть котораго рѣшила участь наурской осады.

Хотя разсказъ о казакѣ Перепорхѣ и его удачномъ выстрѣлѣ довольно популяренъ среди жителей Наурской станицы, однако большинство казаковъ и донынѣ приписываетъ снятіе осады и бѣгство непріятеля только особому Божьему покровительству. Народное преданіе говоритъ также, что на зарѣ 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлыхъ одеждахъ проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія въ наурской церкви устроенъ придѣлъ во имя апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, и день 11-го іюня празднуется въ моздокскомъ полку до настоящаго времени. „Это бабій праздникъ“,—говорятъ о немъ казаки, вспоминая славное участіе, которое приняло въ бою храброе женское населеніе станицы. Сохранилось также преданіе, что долгое время послѣ наурской обороны, встрѣчаясь съ жителями Кабарды, казаки всматривались въ ихъ лица, и если замѣчали кого-нибудь съ обожже-

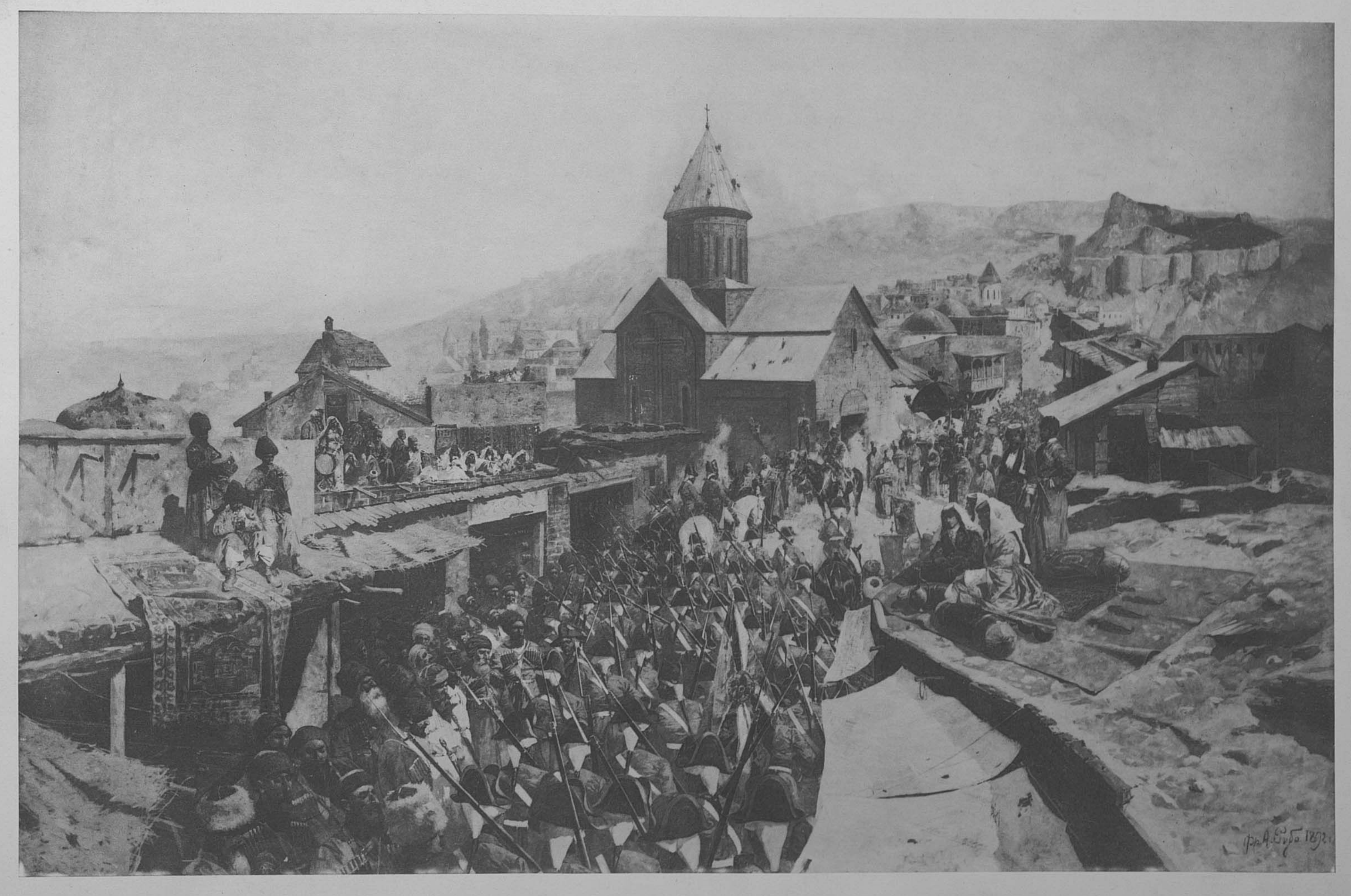
нымъ лицомъ, то не пропускали случая посмѣяться надъ злополучнымъ джигитомъ: «А что, досъ (непріятель), не щи ли въ Наурѣ хлебалъ?» —спроситъ, бывало, линеецъ и провожаетъ добродушнымъ смѣхомъ угрюмо молчащаго кабардинца. Кабардинцы долго не могли забыть позорнаго пораженія подъ Наурской станицей; даже мирные изъ нихъ не любили вспоминать, какъ «Кабарда пошла воевать, да не справилась съ казацкими бабами».

Вскорѣ же вслѣдъ за этой славной обороной, а именно 13 іюня, было получено извѣстіе, что чеченцы и прочіе горскіе народы, собравшись въ количествѣ до 3-хъ тысячъ, вновь показались въ виду Наурской станицы по ту сторону Терека, намѣреваясь переправиться черезъ него для соединенія съ бѣжавшими полчищами калги. Въ виду этого, полковникъ Савельевъ съ казаками и поручикъ Заменъ съ гусарами, при нѣсколькихъ орудіяхъ, были посланы де-Медемомъ для пресѣченія непріятелю пути. Выбравъ удобное мѣсто и поставивъ артиллерію въ засаду, Савельевъ приказалъ сдѣлать нападеніе, которое было совершено такъ удачно, что пораженный и смущенный непріятель обратился въ поголовное бѣгство, оставивъ 70 человѣкъ на мѣстѣ. Затѣмъ черезъ недѣлю за Терекомъ вновь появились горцы, для подкрѣпленія хана. Ободренные успѣхами, моздокскіе казаки напали на нихъ и 18-го іюня истребили около 900 человѣкъ, отнявъ три знамени.

Заключенный 10-го іюля 1774 года кучукъ-кайнарджійскій мирный трактатъ съ Турціей доставилъ Россіи обладаніе Азовомъ, Азовскимъ моремъ и нѣсколькими опорными пунктами на проливѣ, соединяющемъ это море съ Чернымъ. Русскія владѣнія на Кавказѣ быстро подвинулись отъ востока къ западу. Поселеніемъ же моздокскаго казачьяго полка по Тереку закончена была линія отъ устья Терека до Моздока, на двѣсти слишкомъ верстъ; теперь требовалось продолжить ее отъ Моздока до Азова.

Оборона Наурской станицы была первымъ случаемъ, когда отъ кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба, которая помогла отцамъ и мужьямъ защищать родное гнѣздо. Женщины въ этой оборонѣ дѣйствительно играли выдающуюся роль, но главными дѣятелями обороны были все-таки казаки моздокскаго казачьяго полка во главѣ съ храбрымъ полковникомъ Савельевымъ. Многія изъ представительницъ этого славнаго дѣла дожили до позднѣйшаго времени и посѣтители Наура еще не очень давно встрѣчали старыхъ героинь, украшенныхъ медалями.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ.

Съ картины Рубо.

Вступленіе въ Гор. Тифлисъ 17-го Егерскаго Генералъ Маіора Лазарева, нынѣ 13 го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка 26-го Ноября 1799 года.

33

Вступленіе въ г. Тифлисъ 17-го Егерскаго генералъ-маіора Лазарева, нынѣ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, 26-го Ноября 1799 года.

Намѣреніе императора Павла I упрочить миръ въ Грузіи не могло осуществиться, такъ какъ властитель Персіи, Ага-Магомедъ-ханъ, занявъ безъ боя столицу Карабаха, Шушу, сталъ разорять ея окрестности и грозить новымъ послѣ 1795 года разореніемъ Грузіи, и только неожиданная смерть этого жестокаго и мстительнаго хана избавила грузинскаго царя Ираклія II и его царство отъ вторженія. Кромѣ того, Грузія изнывала отъ внутренней неурядицы: храбрый, но безпечный народъ, истерзанный многовѣковою борьбой, погибалъ. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединилась моровая язва, получившая, какъ полагали, свое начало въ ханствѣ Ганджинскомъ, отъ бывшаго тамъ голода, и это новое народное бѣдствіе довершило всѣ злополучія нѣкогда славнаго царства. Положеніе страны было дѣйствительно ужасно: несчастные жители, бѣжавшіе для спасенія жизни во время погрома Ага-Магомедъ-хана, хотя и возвратились оплакивать развалины и пепелища своихъ домовъ, свои сожженные нивы и виноградники, но ежеминутно находились въ опасности и не могли приняться за полевыя работы.

Заключенное царемъ Ираклiемъ II съ Омаромъ, ханомъ аварскимъ, условіе, по которому послѣдній обязывался защищать Грузію отъ лезгинъ за пять тысячъ рублей въ годъ, не могло быть выполняемо исправно, вслѣдствіе недостатка денегъ, и въ 1797 году Омаръ-ханъ угрожалъ разореніемъ Грузіи, о чемъ подполковникъ 2-го егерскаго батальона кубанскаго корпуса Спешневъ, занимавшій караулъ въ Тифлисѣ, между прочимъ, доносилъ своему командиру: «Отъ его высочества царя Ираклія Теймуразовича получилъ я увѣдомительное извѣстіе, что лезгинскій Омаръ-ханъ, собравши тысячъ до семи лезгинъ, предпринялъ твердое намѣреніе сдѣлать нападеніе на царство его высочества...». И дѣйствительно, лишь только два батальона этого корпуса оставили, въ сентябрѣ 1797 года, Грузію, какъ хищные лезгины, въ ноябрьскую ночь, спустившись съ горъ Дагестана, напали на нѣсколько кахетинскихъ деревушекъ, разорили церковь, убили священниковъ, увели съ собой жителей и скотъ, не переставая и послѣ этого тревожить страну набѣгами.

При такихъ крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ скончался въ гор. Телавѣ, 11-го января 1798 года, престарѣлый царь Ираклій II, и на грузинскій престолъ вступилъ старшій его сынъ Георгій XII. Онъ принялъ бразды правленія надъ страною, лишенной внутренняго спокойствія и безсильною отражать внѣшнихъ враговъ. Грузія была разорена въ конецъ: тяжкіе налоги лежали непосильнымъ бременемъ на обѣднѣвшемъ народѣ, Тифлисъ представлялъ груду развалинъ. Чтобы выйти изъ такого положенія, нужны были твердая воля и сильный характеръ, но, къ сожалѣнію, болѣзненный, вспыльчивый до крайности Георгій былъ весьма добраго и слабаго характера; онъ рѣдко показывался народу и все время находился во дворцѣ. Между тѣмъ грабежи и безпорядки въ странѣ начали достигать чрезвычайныхъ размѣровъ.

Новый правитель Персіи, Баба-ханъ, только ждалъ удобной минуты, чтобы, справившись съ непокорными ханами шушинскимъ и ганджинскимъ, захватить въ свои руки Грузію; турки также угрожали ей набѣгами изъ Ахалциха. Второй братъ Георгія XII, царевичъ Александръ Ираклiевичъ, считая себя законнымъ претендентомъ на грузинскій престолъ и найдя убѣжище у ганджинскаго хана, тоже возбуждалъ

въ странѣ мятежъ и льстивыми письмами къ князьямъ и дворянамъ Кахетіи и Карталиніи, а также къ Омару аварскому и другимъ ханамъ, старался склонить ихъ на свою сторону. Георгію необходимо было сдѣлать рѣшительный шагъ для спасенія отечества. Нужна была скорая помощь, и только одна единовѣрная Россія безкорыстно могла помочь «горькой долѣ грузинъ, разоряемыхъ сосѣдями и собственными князьями».

Поэтому царь Грузіи послалъ въ Петербургъ къ императору Павлу своего полномочнаго посла, князя Герсевана Чавчавадзе, съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ. Получивъ отвѣтъ отъ императора Павла, Георгій отправилъ 11-го октября 1798 года новое прошеніе къ русскому царю, которое было вручено Павлу I лично самимъ грузинскимъ посломъ. Князь Герсеванъ Чавчавадзе, передавая эту просьбу, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «Великій императоръ, покровитель и защитникъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго! Передавая просьбу, я, вѣрноподданный вашего императорскаго величества, удостоенъ будучи счастья отъ царя моего Георгія Ираклієвича и отъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ припасть въ лицѣ его къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, по долгу моему дерзаю просить осчастливить его утвержденіемъ на ономъ царствѣ, какъ законнаго преемника, съ возложеніемъ на него царскихъ знаковъ, и продолжать къ нему и ко всѣмъ народамъ ваше благоволеніе. Сіи же подносимыя мною прошенія удостоить высокомонаршаго воззрѣнія». Во второй просьбѣ Георгій просилъ, между прочимъ, утвердить наслѣдникомъ престола Давида, «и напредь обнадеживать обѣщаніемъ, чтобы преемники мои имѣли вѣчное и непоколебимое царствованіе въ Грузіи, а другой никто бы къ внутреннимъ моимъ распоряженіямъ не касался и какъ къ дворянамъ, такъ и ко всѣмъ подданнымъ моимъ, безъ собственной моей воли, дѣла не имѣлъ».

Георгію недостаточно было одного признанія его царемъ; онъ хотѣлъ, чтобы русскій императоръ призналъ грузинскій престолъ наслѣдственнымъ, и поэтому просилъ признать наслѣдникомъ своего сына Давида. Затѣмъ грузинскій царь указывалъ на своихъ предковъ, всегда бывшихъ вѣрными Россіи; Георгій обѣщалъ превзойти ихъ въ вѣрноподданническомъ чувствѣ и просилъ дозволенія о важныхъ дѣлахъ доносить прямо въ Петербургъ черезъ своего министра князя Чавчавадзе, а не черезъ командующаго Кавказской линіей, въ виду того, что еще царь Ираклій при такихъ сношеніяхъ «имѣлъ весьма медлительное теченіе дѣлъ»; при этомъ, изливая свои вѣрноподданническія чувства, царь просилъ прислать въ Грузію «три тысячи россійскихъ солдатъ съ оружіемъ и со всею воинскою принадлежностью». «Когда въ Грузіи»,—писалъ Георгій императору Павлу,—«бывали побѣдоносныя войска, то всегда злые люди разными выдумками своими производили между начальниками ихъ и нашими вражду, почему прошу повелѣть будущему надъ онымъ войскомъ командиру имѣть дѣло только со мною или кому отъ меня поручено будетъ». Далѣе Георгій увѣдомлялъ, что онъ еще съ раннихъ лѣтъ желалъ повергнуть себя къ «священнымъ стопамъ» русскаго императора, но что до сихъ поръ мѣшали тому многія обстоятельства. «Нынѣ зрю васъ моимъ государемъ»,—продолжалъ грузинскій царь,— «моимъ монархомъ и уповаю, что простертыя руки мои отвергнуты не будутъ».

Грузія находилась, дѣйствительно, въ такомъ положеніи, что ей необходима была существенная помощь: приходилось отражать безпрерывные набѣги хищныхъ сосѣдей, особенно персовъ и турокъ, которые непрестанно безпокоили народъ: ахалцихскій паша опустошилъ Карталинію, а лезгины, проходя черезъ турецкія владѣнія, постоянно вторгались въ Грузію. Хотя для отвращенія покушеній со стороны Турціи и было послано въ Константинополь повелѣніе русскому посланнику просить Порту, чтобы она воспретила ахалцихскому пашѣ дѣлать вторженія въ Грузію и не пропускала по своимъ владѣніямъ лезгинъ, но ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ. Паша находился въ слабой зависимости отъ Порты и не обращалъ вниманія на приказанія своего правительства, преслѣдуя свои корыстныя цѣли. Въ сентябрѣ 1798 года онъ снова вторгся въ Грузію и произвелъ рядъ опустошеній. Эти то причины и заставили Георгія вновь побудить князя Чавчавадзе, находившагося въ Петербургѣ, къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на него порученія. Князю Чавчавадзе поручено было еще просить въ Петербургѣ о предоставленіи грузинскому

царю права, въ случаѣ надобности, посылать имѣющія прибыть въ Грузію русскія войска для отраженія набѣговъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Испрашивая эту милость, посолъ клятвенно увѣрялъ, что грузинскій царь, «безъ дальней крайности, оныхъ россійскихъ войскъ никогда употребить не дерзнетъ, а только желаетъ имѣть ихъ при своемъ войскѣ въ страхъ непріятелямъ и чтобы неслось эхо, что россійскому корпусу, находящемуся въ Грузіи, велѣно дѣйствовать противъ непріятеля». Едва получились первыя извѣстія въ Петербургѣ о новомъ покушеніи враговъ, какъ императоръ Павелъ поторопился дать категорическій отвѣтъ на просьбы царя Георгія. Угрозы персіянъ принесли значительную пользу Грузіи, и русскій императоръ, въ рескриптѣ отъ 23-го февраля 1799 года, повелѣлъ командовавшему Кавказскою линіей приготовить 17-й егерскій генералъ-майора Лазарева полкъ къ выступленію въ Грузію съ артиллеріей, пожалованной еще царю Ираклію императрицей Екатериной II, и сотней казаковъ. Этотъ егерскій полкъ находился около двухъ лѣтъ въ Моздокѣ, Наурѣ и въ станицахъ гребенскихъ и моздокскихъ казаковъ; вышеуказанныя политическія обстоятельства вызвали необходимость командированія его для огражденія Грузіи и ея царя отъ грозившей имъ неминуемой опасности.

По договору, который былъ заключенъ русскимъ правительствомъ съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ въ 1783 году, положено было имѣть при дворѣ царя грузинскаго особаго полномочнаго министра, но до 1799 года условіе это не было приведено въ исполненіе. Въ виду этого, а также и для удобства сношеній съ Грузіей, петербургскій кабинетъ, вслѣдствіе просьбъ Герсевана Чавчавадзе, рѣшилъ назначить полномочнаго посла, статскаго совѣтника Коваленскаго.

Инспектору Кавказской линіи, генералъ-лейтенанту Кнорригу 2-ому, повелѣвалось заботиться о распространеніи въ Грузіи православной вѣры, просвѣщеніи грузинскаго народа, уничтоженіи безначалія и заведеніи регулярнаго войска при содѣйствіи отправляемыхъ офицеровъ.

Въ утвердительной грамотѣ къ царю Георгію отъ 18-го апрѣля 1799 года императоръ Павелъ I писалъ: «Пріемля съ благодарностью просьбу вашу, на основаніи третьей статьи трактата, утверждаемъ васъ нынѣ преемникомъ онаго царства, а сына вашего Давида будущимъ по васъ наслѣдникомъ».

Въ виду того, что корона, которою вѣнчались всѣ преемники грузинскаго престола, была похищена во время нашествія Ага-Магомедъ-хана на Тифлисъ,—императоръ Павелъ повелѣлъ снабдить Коваленскаго при отправленіи въ Грузію новою короной и прочими знаками царской инвеституры, а именно: посылались знамя, сабля, повелительный жезлъ, тронъ, мантія горностаевая и, кромѣ того, ордена для царской фамиліи. Императоръ Павелъ просилъ царя Георгія, по полученіи этихъ знаковъ, присягнуть «на вѣрность и усердіе» и на признаніе верховной власти и покровительства россійскихъ императоровъ.

Князь Чавчавадзе испросилъ позволеніе отправиться самому въ Грузію, чтобы присутствовать при присягѣ, которую царь «торжественно учинить долженъ, яко при дѣяніяхъ рѣдкихъ и кои вѣковъ совершаются и дабы при оныхъ, какъ я уже нѣсколько лѣтъ нахожусь при высочайшемъ дворѣ, что-либо нужнаго въ сохраненіи обрядовъ упущено не было».

Коваленскому въ Петербургѣ была дана инструкція, въ которой требовалось, по прибытіи въ Грузію и послѣ всѣхъ церемоній и врученія кредитивной грамоты, посѣтить всѣхъ дѣтей и родственниковъ царя, при чемъ предписывалось оказывать царевнамъ и ихъ дѣтямъ «учтивость и ласковость». Полномочный посолъ долженъ былъ стараться пріобрѣсти довѣріе и любовь грузинскаго народа.

Получивъ инструкцію и кредитивную грамоту, Коваленскій принялъ, для доставленія въ Грузію, царскіе ордена, знаки царской инвеституры и подарки, заключавшіеся въ слѣдующемъ: «царская корона золотая, осыпанная камнями изрѣдка; скипетръ, тоже изрѣдка осыпанный; сабля, оправленная золотомъ, богато осыпанная; порфира царская, малиноваго бархата, подбитая горностаемъ, съ хвостиками; на ней вышиты гербы россійскій и грузинскій; бѣлый штандартъ съ двуглавымъ орломъ, въ срединѣ коего гербъ россійскій; тронъ малиноваго бархата съ подзоромъ, обложенный широкимъ золотымъ позументомъ, къ большими золотыми кистями и съ такими же тремя подушками; внутри трона гербъ грузинскій, а около и по сторонамъ гербы россійскіе; къ трону два столика, покрытые такимъ же бархатомъ, съ позументомъ и кистями; для столиковъ по одной

подушкѣ, на кои положатся регаліи, т.-е. на одномъ корона и скипетръ, а на другомъ высочайшая грамота и сабля; три ордена, алмазами украшенные, изъ коихъ св. апостола Андрея Первозваннаго—его высочеству царю Георгію Иракліевичу, св. великомученицы Екатерины—ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ, св. Анны 1-го класса—наслѣднику цесаревичу Давиду». Сверхъ того, всемилостивѣйше жаловались: ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ—букетъ золотой съ брилліантами и русское богатое платье, опушенное широко горностаемъ съ хвостиками; семи сыновьямъ ихъ высочествъ—по одному богатому перстню, а восьмому—часы золотые съ жемчугомъ; двумъ дочерямъ: Гаянѣ—золотые часы съ брилліантами и золотою цѣпочкой и Тамарѣ—перстень брилліантовый; духовнику его высочества, архимандриту Евфимію—крестъ золотой съ аквамаринами, брилліантами и золотою цѣпочкой; зятю цареву, кн. Багратіону—золотая табакерка подъ эмалью съ живописью и брилліантовой личинкой; тестю царя, кн. Цыціанову—перстень съ большимъ гранатомъ, осыпанный брилліантами.

Генералу Лазареву предписывалось еще отъ 24-го января 1799 года: «имѣть полкъ во всей готовности, дабы оный по первому предписанію могъ тотчасъ выступить въ походъ». На снаряженіе полка, при тогдашнихъ порядкахъ, требовалось много времени: нужно было снабдить его артиллерійскими орудіями, боевыми припасами и привести въ порядокъ обозъ; кромѣ того, необходимо было приспособить дорогу въ Дарьяльскомъ ущельѣ и черезъ перевалъ главнаго Кавказскаго хребта. Командиромъ полка былъ назначенъ старшій штабъ-офицеръ полковникъ Воейковъ, а Лазаревъ—шефомъ. Начались приготовленія: Лазареву пришлось исходатайствовать о назначеніи полковымъ адъютантомъ молодого, энергичнаго и свѣдущаго офицера, и въ маѣ состоялся высочайшій приказъ о назначеніи адъютантомъ къ шефу полка Котляревскаго. Отъ артиллерійскаго вѣдомства были отпущены по два восьмифунтовыхъ единорога и полевое орудіе со всею принадлежностью и при нихъ должное число артиллеристовъ съ лошадьми. Въ іюнѣ 1799 года полку былъ произведенъ инспекторскій смотръ, на которомъ найдено: «Егерскій Лазарева полкъ, расположенный въ городѣ Моздокѣ, экзерциціи выученъ твердо. Обмундированъ исправно по образцамъ. Обозъ и упряжь имѣетъ хорошіе». Желая удостовѣриться въ пригодности полка къ походу, Кноррингъ 28-го іюня далъ предписаніе Лазареву, чтобы онъ былъ въ готовности выступить съ десятидневнымъ запасомъ провіанта и артиллеріей, по первому востребованію, «не медля ни часа».

При отправленіи полка въ Грузію, возникъ вопросъ, въ какой именно зависимости и въ какихъ отношеніяхъ къ грузинскому царю должны будутъ находиться русскія войска. Вопросъ этотъ разрѣшался такъ: «Войско россійское посылается въ Грузію единственно для показанія, что царь состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ Россійской имперіи; что число онаго само по себѣ, конечно, недостаточно противостать персіянамъ, въ случаѣ нападенія ихъ на Грузію, но когда грузины съ своей стороны сдѣлаютъ усилія, то и достаточно быть можетъ. Если бы потребовались усилія, то испрашивать на сіе соизволенія его величества государя императора».

Въ маѣ 1799 года Коваленскій выѣхалъ изъ Петербурга и въ концѣ іюля прибылъ на Кавказскую линію, въ станицу Наурскую, гдѣ находился Кноррингъ. Отсюда Коваленскій написалъ царю Георгію письмо, въ которомъ сообщалъ о скоромъ своемъ прибытіи и просилъ объ исправленіи дорогъ въ Грузіи.

Съ полкомъ отправлялся квартирмейстеръ, поручикъ Чуйко, который обязанъ былъ «составить чертежъ дороги съ ситуаціей и планомъ Тифлиса съ ближайшими мѣстами».

Посланный впередъ для осмотра дороги, поручикъ Чуйко 26-го августа доносилъ о негодности нѣкоторыхъ мостовъ на Терекѣ и Арагвѣ, послѣ чего, къ 17 октября, дорога, на всемъ протяженіи отъ Моздока до Тифлиса, была приведена въ нѣкоторую исправность, а царю Георгію предлагалось отъ Казбека до Тифлиса заготовить въ достаточномъ количествѣ фуражъ и провіантъ.

Кноррингъ далъ Лазареву предписаніе съ особой инструкціей изъ десяти пунктовъ, въ которой излагался подробный маршрутъ, давались разныя указанія и, между прочимъ, было объявлено высочайшее повелѣніе: «По прибытіи въ Тифлисъ егерскаго Лазарева полка, царю Георгію Иракліевичу отдавать всю военную почесть, какъ предписано въ уставѣ отдавать ее Моей особѣ, и караулъ у него содержать на томъ же основаніи;

въ день-же коронаціи царя всему полку быть въ парадѣ и во время коронованія маршировать три раза батальонами, а при входѣ и выходѣ его изъ церкви отдавать должную честь».

Когда все было готово, Кноррингъ 19-го октября произвелъ вновь инспекторскій смотръ 17-му егерскому полку. На слѣдующій день, переправившись черезъ Терекъ, егеря выступили въ Грузію. Дорога, по которой двигался отрядъ, поднималась къ перевалу черезъ главный хребетъ по страшнымъ крутизнамъ. Свирѣпый, бѣшеный Терекъ, ниспадая по утесамъ, обдавалъ войско брызгами; во время спусковъ по скалистымъ уступамъ солдаты привязывали орудія веревками и тащили ихъ на своихъ плечахъ. Настала ноябрь. Въ горахъ началась стужа, поднялись сильныя мятели. Офицерамъ и солдатамъ приходилось свыкаться съ ужасами кавказской природы: начиная съ Моздока, войско все время встрѣчало трудно одолимыя препятствія; въ Кайшаурѣ русскіе застигнуты были снѣгомъ и стужею и должны были оставаться для исправленія поврежденій обоза. Провіанта по дорогѣ было заготовлено весьма недостаточно: напримѣръ, въ Казбекѣ полкъ нашелъ всего 60 пудовъ сухарей, которые къ тому же были заплѣснѣвшими, а въ Кайшаурѣ только 16 пудовъ, о чемъ Лазаревъ донесъ Кноррингу. Но зато когда отрядъ спустился въ живописную долину Арагвы, братъ царя Георгія, царевичъ Вахтангъ, оказалъ рускимъ дѣятельное содѣйствіе: онъ выѣхалъ навстрѣчу, при чемъ за нимъ гнали восемьдесятъ паръ быковъ, а на тринадцати вьюкахъ былъ уложенъ хлѣбъ овальной формы, называемый по-грузински чуреками; по дорогѣ на станціяхъ были разставлены до самаго Тифлиса по пятидесяти лошадей. Несмотря на затруднительность похода, потерь въ войскахъ не было, только однажды, 3-го нояб- горцы оказали на пути сопротивленіе въ самомъ опасномъ, узкомъ ущельѣ, гдѣ хищнымъ кистиномъ или ингушемъ былъ смертельно раненъ пулею одинъ унтеръ-офицеръ; кромѣ того, одинъ офицеръ въ дорогѣ умеръ отъ болѣзни. Наконецъ, послѣ тридцатишестидневнаго неимовѣрно труднаго пути, полкъ приблизился къ Тифлису «въ добромъ состояніи», почти безъ потерь. Между тѣмъ какъ отрядъ подходилъ къ городу, столица грузинскаго царства, еще не успѣвшая оправиться отъ разоренія Ага-Магомедъ-хана, принарядилась въ ожиданіи своихъ избавителей, и 26-го ноября болѣе десяти тысячъ народа уже спѣшило за городъ посмотрѣть на вступленіе русскихъ войскъ.

Царь Георгій выѣхалъ навстрѣчу вступавшимъ егерямъ, въ сопровожденіи наслѣдника, царевичей и другихъ знатныхъ особъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Взоры всѣхъ были обращены на сѣверъ, откуда ожидался отрядъ Лазарева. Всѣ крыши домовъ Тифлиса были усѣяны женщинами.

Стрѣльба изъ орудій, колокольный звонъ по всѣмъ церквамъ возвѣщали народу грузинскому о наступившемъ торжествѣ. Одновременно съ полкомъ прибылъ въ Грузію и полномочный министръ Коваленскій.

Вотъ какъ доносилъ Кноррингу Коваленскій о встрѣчѣ царемъ Грузіи полка Лазарева: «Полкъ, наконецъ, прибылъ сюда и сдѣлалъ при входѣ фигуру преизрядную, бывъ встрѣченъ за три версты наивеликолѣпнѣйше, по предварительному моему съ его высочествомъ царемъ о томъ соглашенію. Царь со всѣми знатными. свѣтскими и духовными вельможами выѣхалъ навстрѣчу въ сопровожденіи десяти тысячъ народа; въ городѣ же, видъ амфитеатра имѣющемъ, всѣ крыши домовъ были усыпаны женщинами и, по единообразному ихъ изъ бѣлаго холста одѣянію, казали собою прекрасный видъ разсѣяннаго по городу лагеря. Пушечная пальба и колокольный по всѣмъ церквамъ звонъ возвышали сіе празднество, а радостныя восклицанія народа, движенія и самыя слезы, особливо женщинъ, усовершали сію трогательную картину пріема и неложной преданности къ намъ народной».

Это трогательное ликованіе жителей столицы Грузіи при видѣ горсти русскихъ солдатъ, переваливших черезъ гигантскій Кавказскій хребетъ и идущихъ для обороны христіанскаго царства и спасенія единовѣрнаго народа, погибавшаго подъ ударами враговъ имени Христова, не имѣло границъ: народъ ликовалъ и встрѣчалъ своихъ избавителей въ высшей степени сердечно. Самъ Георгій, лично введя полкъ Лазарева въ свою столицу, старался снабдить его всѣмъ необходимымъ: квартиры были отведены самыя лучшія; каждому штабъ-офицеру царь предлагалъ свое собственное жилье, чтобы подать примѣръ радушія; но, не желая стѣснять радушнаго монарха, они съ благодарностью отказывались отъ великодушнаго

приглашенія. На случай болѣзней былъ приготовленъ лазаретъ, и для устройства печей въ немъ царь приказалъ брать кирпичъ изъ своего прежняго дворца. Кромѣ того, царь позволилъ разъ въ недѣлю мыться егерямъ въ царскихъ Ираклієвскихъ тепло-сѣрныхъ баняхъ. На другой день послѣ прихода полка, нижнимъ чинамъ было пожаловано болѣе 150 ведеръ виноградняго вина и 800 балыковъ. Полкъ размѣстился такимъ образомъ: шефскій батальонъ Лазарева помѣстился около дворца царя и въ предмѣстьѣ города, на Авлабарѣ; другой батальонъ былъ расположенъ въ такомъ порядкѣ: двѣ роты съ однимъ орудіемъ—въ деревнѣ Кодахъ, а другія двѣ роты съ орудіемъ – въ деревнѣ Кукахъ. Численность прибывшаго полка была слѣдующая: 1 генералъ, 3 штабъ-офицера, 32 оберъ-офицера, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 721 и 128 нестроевыхъ и денщиковъ.

Лазаретъ для полка,—доносилъ Коваленскій,—былъ отведенъ «изрядный, съ каминами», вычищенъ, снабженъ соломою, и заказаны кровати для больныхъ. Для продовольствія полка были сдѣланы большіе запасы, и царь обѣщалъ принять мѣры, чтобы вообще не повышались цѣны на жизненные продукты.

Съ приходомъ русскихъ войскъ, начались церемоніи и празднества, сопровождавшіяся пышностью и великолѣпіемъ. Къ пятому декабря все было приготовлено для торжественнаго врученія знаковъ царской инвеституры и высочайшихъ подарковъ. Георгій отправилъ къ Коваленскому лошадей и чиновника со свитою, для сопровожденія министра на аудіенцію. Торжественная процессія изъ дома Коваленскаго слѣдовала во дворецъ въ такомъ порядкѣ: впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ полицеймейстеръ гор. Тифлиса, за нимъ полицейскіе; нижніе чины шли пѣшкомъ по два въ рядъ; одинъ чиновникъ царскій и одинъ свиты Коваленскаго ѣхали верхами; затѣмъ слѣдовали пѣшіе русскіе чиновники, несшіе на блюдахъ платье, присланное царевнѣ Маріи Георгіевнѣ, съ брилліантовымъ букетомъ; тронъ и кресла; саблю царскую, порфиру, скипетръ, корону, ордена: св. Анны, св. Екатерины и св. апостола Андрея Первозваннаго; штандартъ несъ одинъ изъ оберъ-офицеровъ; по сторонамъ его шли два русскихъ ассистента, а затѣмъ несли высочайшую грамоту, которою Георгій утверждался на грузинскомъ престолѣ. Шествіе замыкалось двумя чиновниками, ѣхавшими верхомъ: однимъ царскимъ, другимъ русскимъ, за которыми шли полицейскіе пѣшіе чины.

На дворцовомъ крыльцѣ регаліи были встрѣчены секретаремъ русскаго посольства, внесены въ особую комнату, поставлены на мѣста и закрыты покровомъ. Послѣ этого было произведено десять выстрѣловъ изъ орудій тифлисской крѣпости, возвѣстившихъ жителямъ столицы о шествіи во дворецъ самого полномочнаго министра Коваленскаго, за которымъ былъ посланъ главный царскій церемоніймейстеръ. Шествіе это было весьма торжественно: впереди шли музыканты и затѣмъ ѣхали верхомъ по порядку два тифлисскихъ градоначальника со свитою, главный церемоніймейстеръ со свитою, чиновникъ посольства, за ними 10 служителей Коваленскаго, въ богатыхъ ливреяхъ, по два въ рядъ, далѣе ѣхалъ секретарь посольства верхомъ, имѣя въ рукахъ грамоту императора Павла, и, наконецъ, самъ министръ Коваленскій ѣхалъ верхомъ, въ богатомъ кафтанѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ двухъ лакеевъ въ ливреяхъ; по лѣвую руку отъ него, нѣсколько поодаль, ѣхалъ первый чиновникъ царя грузинскаго; затѣмъ ѣхала его свита. Шествіе направлялось во дворецъ царя, въ покояхъ котораго находились Георгій, наслѣдникъ его, царевичи и другія знатныя какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица. Когда Коваленскій вошелъ въ покой, то царь Георгій всталъ съ своего мѣста, и министръ, послѣ двухъ поклоновъ, обратился къ нему съ слѣдующею привѣтственною рѣчью: «Его величество государь императоръ и самодержецъ всероссійскій, высокихъ сихъ странъ покровитель, для изъявленія передъ всѣми особливаго своего благоволенія и для удобнѣйшаго вами отправленія дѣлъ, къ обоюдной пользѣ и благосостоянію служащихъ, соизволилъ содержать при дворцѣ вашего высочества своего министра. Удостоивъ меня какъ званія сего, такъ и свойственной тому довѣренности, назначилъ меня съ надлежащимъ аккредитованіемъ въ качествѣ министра своею высочайшею грамотою, нынѣ отъ меня подносимою». Послѣ рѣчи Коваленскій передалъ грамоту царю, а затѣмъ продолжалъ: «Вступая въ лестный подвигъ служенія, мнѣ принадлежащаго, первымъ долгомъ поставляю я себѣ засвидѣтельствовать вашему высочеству глубочайшее мое высокопочитаніе и изъяснить, что

единый и священнѣйшій предметъ мой есть и будетъ споспѣшествовать всему тому, что можетъ назидать существенное благо особы вашей и вашего отечества, поколику сопряжено то будетъ съ вѣрностію, усердіемъ и преданностію вашего высочества къ моему государю императору, коего благоволеніе и покровительство отъ вашего высочества и вашихъ вѣрноподданныхъ отъемлемо не будетъ».

«Настоящее торжественное объявленіе ваше себя», --отвѣчалъ Георгій,— «въ качествѣ министра государя императора, какъ несомнѣнный знакъ монаршаго ко мнѣ благоволенія, пріемлю я съ благоговѣйнѣйшею признательностью. Еще болѣе возбуждаюсь симъ чувствованіемъ за сдѣланный выборъ въ особѣ вашей, украшенной отличными талантами, ревностію и усердіемъ на пользу высочайшей службы». «Будьте увѣрены»,—продолжалъ Георгій,— «что, съ сохраненіемъ должнаго сану вашему и личнымъ достоинствамъ уваженія, найдете вы искреннюю съ нашей стороны готовность къ руководствованію вашими предложеніями, сопровождаемую всегда непоколебимою довѣренностью, усердіемъ и преданностью къ его величеству, высокому покровителю нашему».

Пригласивъ Коваленскаго сѣсть на приготовленное для него мѣсто, царь Георгій сталъ разспрашивать его о здоровьѣ императора Павла и всей царской фамиліи, а также и о путешествіи его въ Грузію. Затѣмъ полномочный министръ приказалъ своему секретарю внести въ аудіенцъ-залу знаки царской инвеституры и обратился къ Георгію съ такими словами: «Предстоя нынѣ передъ лицомъ вашего высочества въ качествѣ россійскаго министра, имѣю честь торжественно возвѣстить, что всемилостивѣйшій мой государь, на основаніи заключеннаго въ 1783 году трактата, утверждая васъ преемникомъ царства, какъ законно вступившаго на прародительскій наслѣдственный престолъ, а старшаго сына вашего, свѣтлѣйшаго царевича Давида Георгіевича, будущимъ по васъ наслѣдникомъ, и препровождая къ вамъ императорскую свою утвердительную грамоту, съ знаками царской инвеституры, соизволяетъ, чтобы священный обрядъ возложенія царскихъ знаковъ, по установленному порядку, совершенъ былъ въ присутствіи моемъ. Сіи знаки царской инвеституры и высочайшую утвердительную грамоту, вашему высочеству жалуемые, имѣю честь при семъ представить». Затѣмъ Коваленскій передалъ Георгію знаки инвеституры и приказалъ снять завѣсу, прикрывавшую балдахинъ и тронъ, присланные царю императоромъ.

Принявъ высочайше пожалованные знаки, царь Георгій отвѣчалъ:

«Исполненный благоговѣйнѣйшихъ чувствованій къ его императорскому величеству за всѣ представляемые отъ васъ знаки монаршихъ ко мнѣ милостей, считаю я себя обязаннымъ принять сіи знаки царской инвеституры не иначе, какъ сейчасъ же учинивъ присягу на вѣрность и на признаніе покровительства и верховной власти россійскихъ императоровъ надъ царями карталинскими и кахетинскими». Закончивъ свой отвѣтъ, царь добавилъ, что торжественный обрядъ присяги будетъ назначенъ въ особый день и будетъ совершенъ въ Божьемъ храмѣ.

Коваленскій вручилъ царю орденъ св. Андрея Первозваннаго, а затѣмъ поднесъ орденъ наслѣднику Грузіи, царевичу Давиду. Царица Марія приняла Коваленскаго во внутреннихъ покояхъ съ открытымъ лицомъ, отмѣнивъ на этотъ разъ азіатскій обычай; она была окружена знатными грузинскими дамами, одѣтыми въ богатыя платья. Коваленскій, по просьбѣ Георгія, самъ возложилъ на нее орденъ св. Екатерины и надѣлъ богатый перстень меньшой царской дочери, царевнѣ Тамарѣ.

12-го декабря въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ соборѣ, была совершена церемонія присяги, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ и князей грузинскихъ. Царь Георгій обязался быть вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ императору всероссійскому Павлу Петровичу, его сыну, цесаревичу и великому князю Александру Павловичу, и всѣмъ будущимъ преемникамъ ихъ, признавая, именемъ своимъ и всѣхъ своего царства областей, на вѣчныя времена высочайшее покровительство и верховную власть надъ собою и своими преемниками, царями кахетинскими и карталинскими, и обязывался «непріятелей россійскаго государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей». Въ бывшемъ по этому случаю парадѣ участвовалъ прибывшій егерскій Лазарева полкъ. На слѣдующій день, 13-го декабря, Тифлисъ былъ иллюминованъ съ «превосходнымъ искусствомъ, въ азіатскомъ вкусѣ».

Когда царь возвратился во дворецъ, егерскій полкъ от-

далъ ему царскія почести. Выстрѣлы изъ крѣпостныхъ орудій и колокольный звонъ въ теченіе цѣлаго дня возвѣщали жителямъ Тифлиса о принятіи Грузіи подъ покровительство и защиту русскаго самодержца. «Нынѣ»,—сказалъ Георгій, встрѣтившись съ Коваленскимъ въ городѣ,—«послѣ разоренія земли нашей, иллюминація эта во многомъ недостаточна и далека отъ прежнихъ примѣровъ». «Я ничего болѣе пріятнаго въ этомъ родѣ не видалъ. Изображенная на лицахъ всеобщая радость и соучастіе въ настоящемъ празднествѣ есть для меня самая трогательнѣйшая картина»,—отвѣчалъ министръ.

Такъ окончились въ столицѣ Грузіи торжества послѣ прибытія русскихъ егерей, этого перваго полка, водворившагося на постоянное жительство въ Закавказьѣ. Послѣ торжественныхъ церемоній, полку нужно было серіозно заняться внутренней службой, такъ какъ Грузія, окруженная со всѣхъ сторонъ вѣковыми врагами и будучи жертвою внутренней неурядицы, нуждалась въ отдыхѣ и покоѣ.

Узнавъ о прибытіи русскихъ войскъ, персидскій шахъ, имѣя притязанія на Грузію, прислалъ своихъ пословъ объявить Георгію, что если онъ будетъ уклоняться отъ зависимости отъ Персіи, то 30-тысячное войско, предводимое его сыномъ Абасъ-Мирзою, опустошитъ страну такъ, какъ она была опустошена въ 1795 году Ага-Магомедъ-ханомъ. При пріемѣ этихъ пословъ присутствовали Коваленскій, Лазаревъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры егерскаго полка, а подлѣ царскаго дворца стояла въ полномъ вооруженіи рота егерей. Отвѣчая на слова пословъ, Коваленскій сказалъ: «Совѣтую вамъ вспомнить, что свѣтлѣйшій царь Карталиніи и Кахетіи находится подъ покровительствомъ Россіи, а императоръ не оставитъ такъ легко своего покровительства».

Съ удаленіемъ пословъ, въ Грузіи повсемѣстно распространились слухи о новомъ нашествіи персіянъ. Еще свѣжо было въ памяти варварство Ага-Магомедъ-хана, когда онъ шесть дней сряду грабилъ Тифлисъ, рѣзалъ женщинъ и дѣтей, бросалъ въ Куру иконы, утопилъ митрополита Досиѳея, а престарѣлаго царя Ираклія, лишивъ всего, прогналъ въ Анануръ.

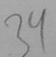
Угрозы шаха, которыя легко могли быть приведены въ исполненіе, съ одной стороны, и внутреннія неурядицы и паника грузинъ, съ другой, были причиною ходатайства генерала Кнорринга о подкрѣпленіи полка Лазарева. Дѣйствительно, вслѣдствіе этого ходатайства, въ Тифлисъ прибылъ 23-го сентября 1800 года карабинерный полкъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Гулякова, съ артиллеріей и казаками.

Лазаревъ, немедленно по прибытіи въ Грузію, занялся благоустройствомъ русскаго войска: на егерей и карабинеровъ съ первыхъ же дней выпала тяжелая служба. Офицеру и солдату пришлось стать лицомъ къ лицу съ врагами несчастной христіанской страны. Вскорѣ же послѣ прибытія, а именно 7-го ноября 1800 года, егерямъ Лазарева вмѣстѣ съ карабинерами Гулякова пришлось принять блистательное участіе въ рѣшительной и славной іорской битвѣ противъ полчищъ Омаръ-хана, гдѣ русскія войска сражались вмѣстѣ съ грузинскими и тѣмъ какъ бы запечатлѣли кровью братскій союзъ со своими единовѣрцами.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ.

Съ картины Самокиша

Сраженіе съ лезгинами русскихъ и грузинскихъ войскъ при рѣкѣ Іорѣ 7-го Ноября 1800 года.

Сраженіе съ лезгинами русскихъ и грузинскихъ войскъ при рѣкѣ Іорѣ 7-го ноября 1800 года.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, 17-й егерскій, нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій эриванскій Его Величества полкъ былъ отправленъ съ Кавказской линіи въ Грузію, для избавленія ея отъ нашествія внѣшнихъ враговъ и отъ внутренней неурядицы. Была тяжелая пора для Грузіи. Къ довершенію вышеупомянутыхъ бѣдствій братъ царя Георгія, Александръ Ираклієвичъ, оставленный новымъ царемъ безъ удѣла, потребовалъ себѣ казахскую провинцію, но, получивъ отказъ, направился къ турецкой границѣ, затѣмъ бѣжалъ въ Персію и, наконецъ, присоединился къ храбрѣйшему изъ дагестанскихъ владѣтелей, Омару, хану аварскому, не упускавшему возможности воспользоваться междоусобіемъ сосѣдей.

Для Персіи все это было чрезвычайно важно потому, что правитель ея, Баба-ханъ, преемникъ Ага-Магомедъ-хана, не могъ быть признанъ шахомъ до тѣхъ поръ, пока персіяне въ торжественный день его коронованія, по установившемуся обычаю, не увидали бы подлѣ своего властителя, въ числѣ прочихъ «валіевъ», и грузинскаго царя стоящимъ съ шахскимъ мечомъ у подножія трона. Въ Тифлисъ, какъ извѣстно, явилось персидское посольство, и посолъ заявилъ, что шахъ, считая Грузію достояніемъ своихъ предковъ, требуетъ полнаго ея подчиненія. Георгій принялъ персовъ подъ портретомъ императора Павла, гдѣ стоялъ грузинскій тронъ съ короной, скипетромъ и державой и не во дворцѣ, какъ это было принято, а въ домѣ, гдѣ жилъ Коваленскій. Отвѣчая послу, русскій министръ сказалъ: «Я не могу не удивляться вашимъ словамъ; вы какъ будто совершенно забыли о томъ покровительствѣ, которое русскій императоръ оказываетъ Грузіи». «Я объ этомъ помню,—отвѣчалъ посланикъ,—но подаю совѣты единственно изъ усердія царю, потому что непріятель уже приближается къ границамъ его владѣній».

Между тѣмъ, вслѣдствіе измѣны царевича Александра и домогательствъ шаха, Георгій сталъ опасаться новаго нашествія, тѣмъ болѣе, что персы уже вступили въ нынѣшнюю Эриванскую губернію и распускали слухъ, что идутъ на Тифлисъ. Но на этотъ разъ дѣло не дошло до открытаго столкновенія: персидскія войска, съ Аббасъ-Мирзою во главѣ, ограничившись нападеніемъ на эчміадзинскій монастырь въ 1800 году, взяли 70 тысячъ рублей, много драгоцѣнныхъ вещей и, надругавшись надъ духовенствомъ, удалились въ Персію. Царь Георгій даже отправилъ къ турецкому султану посла, князя Орбеліани, съ формальнымъ прошеніемъ о защитѣ Грузіи. Прибывъ въ Ахалцихъ, Орбеліани сталъ ожидать разрѣшенія отъ Порты для дальнѣйшей поѣздки въ Царьградъ; но, къ счастью, въ это время возвратился изъ Россіи сынъ Георгія, царевичъ Давидъ, который увѣрилъ отца въ искреннемъ расположеніи императора Павла. Въ виду этого Георгій отправилъ къ послу гонца съ приказаніемъ возвратиться, а затѣмъ, желая успокоить встревоженныхъ жителей и предотвратить опасность, обратился къ императору Павлу съ новою просьбою о помощи, и государь повелѣлъ отправить въ Грузію съ Кавказской линіи кабардинскій мушкатерскій полкъ съ артиллеріей и сотней казаковъ, подъ командой

генералъ-маіора Гулякова; о чемъ императоръ Павелъ увѣдомилъ Георгія въ грамотѣ отъ 3-го августа 1800 года. Полкъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ до Ларса; продовольствіе же отъ Ларса было обезпечено заботливостью Лазарева. Гуляковъ со своимъ полкомъ выступилъ изъ Моздока 25-го августа и къ этому времени изъ Грузіи былъ отправленъ навстрѣчу мушкатерамъ большой запасъ провіанта. На случай, если бы потребовалась новая помощь, на Кавказской линіи были приготовлены и другіе полки. Колонна русскихъ войскъ, благодаря строгому порядку и мѣрамъ осторожности, прошла благополучно по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ, и лишь въ одномъ мѣстѣ, при переходѣ черезъ Терекъ, одинъ артиллеристъ сорвался съ моста съ зараднымъ ящикомъ и погибъ въ волнахъ рѣки. Послѣ утомительнаго похода, полкъ 23-го сентября прибылъ въ Тифлисъ. При встрѣчѣ находились царь Георгій съ наслѣдникомъ Давидомъ и царица Марія, а также Лазаревъ съ своими егерями и персидскій посланникъ, который сильно волновался, увидавъ вступившихъ мушкатеровъ. «За три версты отъ города,—говоритъ историкъ кавказской войны Зиссерманъ,—разбиты были двѣ палатки для царя и царицы. Когда при лучахъ восходящаго солнца показался русскій отрядъ, Георгій со свитою отправился ему навстрѣчу. Гуляковъ остановилъ колонну; войска отдавали царю честь; съ тифлисской крѣпости начался салютъ, во всѣхъ церквахъ города звонили въ колокола; народъ съ радостными восклицаніями окружилъ солдатъ и провожалъ ихъ до городской площади». Вечеромъ была устроена великолѣпная иллюминація. «Всѣ члены царской семьи,—доносилъ между прочимъ Лазаревъ,—и всѣ сановники присутствовали на праздникѣ и, радуясь радостью ликующаго народа, невольно изумлялись такому веселью тѣхъ, которые еще за нѣсколько дней предавались полному отчаянію, ожидая со страхомъ новаго опустошительнаго нашествія». Генералъ Лазаревъ въ донесеніи своемъ императору Павлу о вступленіи кабардинцевъ въ Тифлисъ между прочимъ писалъ: «украшенныя сѣдинами и подъ бременемъ лѣтъ согбенныя старухи, забывъ дряхлость свою, взирая на идущихъ защитителей, подымали дрожащія руки свои къ небу, благословляли день сей, простирая объятія свои къ мушкатерамъ». Эти чувства восторга показываютъ, какъ велика была радость грузинскаго народа при видѣ русскихъ солдатъ.

Прибытіе новаго полка было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ царевичъ Александръ, не получивъ помощи отъ персидскаго шаха для въ вторженія Грузію, обратился къ Омару, хану аварскому, уже начавшему собирать полчища лезгинъ для разгрома Грузіи.

Омаръ славился въ горахъ Дагестана какъ человѣкъ предпріимчивый и храбрый до дерзости. Собственныя его владѣнія были невелики, но громадно было вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Дагестанѣ, гдѣ по малѣйшему его знаку подымались горцы, слѣпо вѣря въ неизмѣнное счастье своего любимаго вождя. Лезгины, неоднократно разорявшіе Грузію, стали охотно стекаться въ ряды его ополченій.

Въ концѣ августа 1800 года Омаръ-ханъ съ толпою лезгинъ и другихъ дагестанцевъ спустился съ дагестанскихъ горъ и, расположившись у с. Белоканъ, подошелъ къ границамъ Кахетіи, требуя дани, коею Грузія откупалась отъ грабежей лезгинъ. Въ октябрѣ въ лагерь прибылъ царевичъ Александръ, и Омаръ-ханъ совмѣстно съ нимъ составилъ планъ наступленія на Тифлисъ съ двухъ сторонъ.

Узнавъ о приближеніи врага, грузины начали приготовляться къ борьбѣ. Генералъ-майоръ Лазаревъ сначала думалъ, что съ лезгинами могутъ справиться одни грузинскія войска, но, получивъ свѣдѣнія о большихъ скопищахъ непріятеля, по просьбѣ царя Георгія поспѣшилъ на помощь; онъ выступилъ 28-го октября изъ Тифлиса въ Сигнахъ, гдѣ къ этому времени собирались уже грузинскія войска. Отрядъ русскихъ войскъ состоялъ изъ 1-го батальона 17-го егерскаго имени Лазарева полка, одного батальона мушкатерскаго генералъ-майора Гулякова полка (нынѣ 80-й пѣхотный кабардинскій полкъ), при 4-хъ орудіяхъ артиллерійскаго Гельвига полка, и сотни казаковъ; всего въ отрядѣ было 43 офицера и 1,224 человѣка нижнихъ чиновъ.

Лезгины, между тѣмъ, подошли уже близко и расположились на правомъ берегу рѣки Алазани.

Омаръ-ханъ составилъ слѣдующій планъ нападенія на Тифлисъ: занявъ 2-хъ тысячнымъ отрядомъ мѣстечко Сагареджа, близъ рѣки Іоры, отстоявшее въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса,

остальныя свои полчища онъ предполагалъ раздѣлить на двѣ части; съ одною подступить къ Тифлису по лѣвому берегу Куры, а другую переправить на правую сторону этой рѣки и оттуда двинуться въ столицу Грузіи.

1-го ноября Лазаревъ прибылъ къ Карталинской крѣпости въ Сигнахъ, откуда отправилъ къ Омару требованіе не начинать враждебныхъ дѣйствій и совершенно отступить отъ границы Грузіи; но Омаръ, силы коего возросли до 15-ти тысячъ человѣкъ, преимущественно конницы, перейдя Алазань, вторгся въ Кахетію и расположился уже у с. Кара-Агачъ, вблизи нынѣшнихъ Царскихъ Колодцевъ.

Чтобы не допустить лезгинъ внутрь страны, Лазаревъ присоединилъ къ своему отряду грузинское ополченіе, состоявшее изъ 3-хъ тысячъ пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ царевичей Баграта и Іоанна. Затѣмъ, 4-го ноября, двинулся навстрѣчу непріятелю вдоль возвышенностей, огибающихъ Кахетію, но, задерживаемый переговорами съ Омаромъ, шелъ медленно и, пройдя около 12-ти верстъ, остановился для отдыха у деревни Прасіани. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ Омара, Лазаревъ рѣшилъ атаковать его и составивъ предварительный планъ дѣйствій, 5-го ноября двинулся съ Гуляковымъ вглубь Кахетіи. Къ вечеру того же дня русско-грузинскій отрядъ сталъ бивакировать въ 6-ти верстахъ отъ непріятеля. Между тѣмъ Омаръ и царевичъ Александръ рѣшили двинуться въ Тифлисъ черезъ сел. Сагареджа.

6-го ноября, утромъ, во время молебствія по случаю дня восшествія на престолъ императора Павла, получено было извѣстіе отъ грузинскихъ пикетовъ, что непріятель еще до разсвѣта, обойдя русскій лагерь влѣво, отправилъ свою пѣхоту горами и ущельями, а на другой день направился къ рѣкѣ Іорѣ, правѣе Сигнаха, прикрываясь горнымъ кряжемъ. Это неожиданное извѣстіе заставило Лазарева повернуть оба батальона назадъ и итти по пройденной дорогѣ параллельно движенію Омара, также къ р. Іорѣ, съ намѣреніемъ атаковать его во время движенія во флангъ, чтобы «можно было ему ударить въ бокъ», заставить вступить въ бой и остановить дальнѣйшее наступленіе къ Тифлису; но рекогносцировка горнаго кряжа, покрытаго колючимъ кустарникомъ и раздѣлявшаго пути, по коимъ двигались лезгины и русско-грузинскія войска, обнаружила непроходимость его для артиллеріи.

Дѣйствительно, не прошло и трехъ часовъ, какъ отрядъ Лазарева совсѣмъ было достигъ непріятеля, такъ что, пройдя еще версту, можно было бы атаковать его,—какъ вдругъ дорога, по которой слѣдовали войска, кончилась; далѣе двигаться нельзя было, такъ какъ впереди лежала мѣстность, состоявшая изъ глубокихъ рвовъ, хребтовъ и бугровъ, покрытыхъ повсюду колючимъ терновникомъ. Въ это время подоспѣлъ царевичъ Іоаннъ, который указалъ войскамъ болѣе удобный путь, выходившій на равнину рѣки Іоры. Одновременно съ этимъ генералъ Лазаревъ поручилъ своему адъютанту Котляревскому взять 10 казаковъ и слѣдить неотступно за дѣйствіями и движеніемъ лезгинъ. Оставивъ послѣ этого въ деревнѣ Прасіани обозъ подъ прикрытіемъ 100 егерей и мушкатеровъ съ двумя офицерами, Лазаревъ двинулся съ обоими батальонами въ указанномъ новомъ направленіи и передъ захожденіемъ солнца остановился въ удобномъ мѣстѣ, «которое, имѣя свѣжую воду, для роздыха было способно», гдѣ русско-грузинскій отрядъ расположился бивакомъ

Рано утромъ, еще до разсвѣта, 7-го ноября, поднявъ свой отрядъ, Лазаревъ двинулся впередъ форсированнымъ маршемъ и, пройдя около 15 верстъ, сдѣлалъ кратковременный привалъ, послѣ чего вышелъ въ открытую со всѣхъ сторонъ степь и направился къ рѣкѣ Іорѣ. Между тѣмъ Омаръ былъ уже на правомъ противоположномъ берегу рѣки. Войска Лазарева вскорѣ увидѣли непріятеля, шедшаго, подобно черной тучѣ, въ довольно густомъ лѣсу, неподалеку отъ деревни Какабетъ, часть же непріятельской конницы разбрелась по сосѣднимъ деревнямъ для фуражировки. Виднѣлся также и непріятельскій бивакъ, расположенный вдоль опушки лѣса, гдѣ горѣли огни. «У нашихъ войскъ,—доносилъ Лазаревъ,—при воззрѣніи на презрѣннаго сего непріятеля, который томилъ ихъ по сіе время, закипѣла кровь, и рвеніе поразить его на лицахъ всѣхъ воиновъ разцвѣла». Русскіе войска, ускоривъ шагъ и свернувъ съ дороги влѣво, двинулись, не теряя времени, къ рѣкѣ двумя батальонными колоннами, за которыми слѣдовали грузинская пѣхота и конница. Непріятель, замѣтивъ движеніе русскихъ, сталъ тоже

стягиваться въ линіи и началъ переправляться съ праваго на лѣвый берегъ Іоры, навстрѣчу Лазареву, спѣшно наступавшему по отлогому косогору. На краю этой горы находилась небольшая ветхая башня, изъ которой засѣвшій лезгинъ произвелъ сигналъ и ружейнымъ выстрѣломъ убилъ одного мушкатера. Къ этому времени лезгины почти уже всѣ переправились на лѣвый берегъ Іоры. Видя это, Лазаревъ, выстроивъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, продолжалъ наступленіе: на правомъ флангѣ шло каре батальона 17-го егерскаго полка, подъ начальствомъ самого Лазарева, мушкатерское лѣвое каре наступало подъ командой генералъ-майора Гулякова, а между обоими каре, нѣсколько сзади, слѣдовали грузинскія войска царевичей Баграта и Іоанна,—впереди пѣхота, а позади конница. Большая часть грузинъ была плохо вооружена: многіе вмѣсто ружей держали кизиловыя палки. Когда лезгины переправились, то непріятельская кавалерія «съ неистовымъ гикомъ стремительно атаковала правое егерское каре, бывшее подъ начальствомъ Лазарева, и, «въ минуту охвативъ его съ двухъ сторонъ конницею, пустила на русскихъ ужасную тучу пуль своихъ». Егеря дали мѣткіе залпы изъ штуцеровъ, а картечные выстрѣлы изъ пушекъ были такъ удачны, что, по выраженію Лазарева, «не малое число отъ сего пріема начало лбами доставать землю и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ». Послѣ этого неудачнаго нападенія на правый флангъ, лезгины обскакали его и бросились на грузинскую конницу, которая мужественно выдержала натискъ и съ помощью двухъ орудійныхъ выстрѣловъ русской артиллеріи отбила атаку. Затѣмъ и мушкатеры Гулякова открыли огонь; русская артиллерія продолжала поражать непріятеля съ фронта; егеря сильнымъ фланговымъ огнемъ все время причиняли громадный вредъ лезгинамъ, которые послѣ того стали собираться у башни, остававшейся позади лѣваго фланга боевого порядка, но и оттуда Омаръ-ханъ былъ прогнанъ мѣткими перекрестными картечными выстрѣлами артиллеріи. Вслѣдъ за этимъ подошла отъ рѣки непріятельская пѣхота и открыла огонь противъ егерскаго батальона, но, къ счастью, выстрѣлы ея не причиняли никакого вреда. Оба русскихъ каре продолжая наступленіе, быстро опрокинули перешедшую черезъ рѣку лезгинскую пѣхоту, при чемъ въ это время особенно отличались войска Гулякова, который повелъ свой мушкатерскій батальонъ впередъ и открылъ учащенную перестрѣлку.

Настала рѣшительная минута; дѣло шло жаркое и ожесточенное. Какъ разъ въ это время непріятельская конница, во главѣ съ Омаромъ, собралась у башни, въ тылу отряда Лазарева, атаковала задніе ряды грузинской пѣхоты, примыкавшей лѣвымъ своимъ флангомъ къ мушкатерскому батальону, и стала причинять ей нѣкоторый вредъ. Увидѣвъ это, Гуляковъ, все время до того отражавшій непріятеля, очистивъ огнемъ и штыками все пространство съ лѣвой стороны до рѣки Іоры, повернулъ назадъ свои войска и дружнымъ огнемъ своего каре остановилъ натискъ лезгинъ. Непріятельская конница бросилась назадъ; «но такъ какъ ей уже нельзя было миновать праваго фланга, то при этомъ случаѣ егеря залпами, а канониры картечью изъ пушекъ не преминули проводить стремительно и съ крайнимъ урономъ и посрамленіемъ бѣжавшаго вспять непріятеля». Окончательно отброшенная и принужденная поспѣшно отступать подъ перекрестнымъ огнемъ обоихъ каре, лезгинская конница понесла огромныя потери. Бой, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился совершеннымъ пораженіемъ непріятеля: «Побѣдоносное россійское «ура» раздавалось по обоимъ крыламъ, и съ послѣдними выстрѣлами погибла непріятельская сила». Побѣда была полная: побѣдители поздравляли другъ друга съ удачей. Лезгины обратились въ поголовное бѣгство, и только наступившая темнота прекратила бой и преслѣдованіе. Послѣ двухдневныхъ тяжелыхъ переходовъ и трехчасового жаркаго боя люди страшно утомились, а потому отдыхъ былъ необходимъ.

Блистательно окончивъ сраженіе, отрядъ ночевалъ на лѣвомъ берегу рѣки Іоры, у селенія Какабета. На другой день, рано утромъ, войскамъ представилось страшное зрѣлище: камыши, кустарники, рвы наполнены были непріятельскими трупами, между которыми слышны были стоны раненыхъ. По правую сторону рѣки, гдѣ былъ непріятельскій станъ, виднѣлись слѣды поспѣшнаго бѣгства: «при солнечномъ сіяніи рдѣлась трава, кровію обагренная, и многіе иные слѣды страданія человѣчества».

Въ іорскомъ сраженіи чувствовался недостатокъ кавалеріи, а гористая и изрытая оврагами мѣстность помѣшала удачному преслѣдованію и окончательному пораженію врага. Несмотря на это, многочисленныя полчища Омара, потерявшія до 2-хъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, были совершенно разсѣяны, а онъ самъ, раненый, бѣжалъ въ селеніе Джары только съ 10 человѣками. Въ числѣ раненыхъ былъ также царевичъ Александръ. Русскіе потеряли въ іорскомъ сраженіи убитымъ одного мушкатера, ранеными одного офицера—поручика егерскаго полка Голованева и двухъ нижнихъ чиновъ; кромѣ того, было убито и ранено нѣсколько грузинъ и ранено нѣсколько артиллерійскихъ лошадей. Трофеями побѣды были: весь непріятельскій станъ, четыре человѣка плѣнныхъ и нѣсколько непріятельскихъ знаменъ, изъ коихъ одно взято было лично поручикомъ кабардинскаго полка Новицкимъ, причемъ этотъ отважный офицеръ, находясь впереди съ охотниками, бросился на наступавшаго непріятеля и собственноручно закололъ знаменщика.

Во время боя Лазареву принесены были двѣ непріятельскія головы: «одна Дженгутая, громада, каковою представилась она (голова) передъ лицомъ всѣхъ побѣдоносныхъ русскихъ воиновъ, казалось, еще дышала варварскимъ свирѣпствомъ; обширность и толстота ея доказывала, что она упитана была мукой злодѣяній и набита одною буйственностью». Въ такихъ выраженіяхъ доносилъ впослѣдствіи Лазаревъ, сообщая о результатахъ славной іорской битвы.

12-го ноября отрядъ возвратился благополучно въ Тифлисъ. Навстрѣчу побѣдителямъ выѣхалъ самъ царь Георгій, въ сопровожденіи духовенства и знатныхъ особъ; онъ слѣзъ съ богато убраннаго коня и подарилъ его Лазареву, самъ же со свитою, торжественно слѣдуя пѣшкомъ, ввелъ отрядъ въ свою столицу. Шествіе было торжестввенное. Веселые и благодарные грузины за нѣсколько верстъ отъ города вышли также навстрѣчу побѣдителямъ грознаго врага и со звуками зурны и радостными восклицаніями во главѣ съ царемъ ликовали и встрѣчали освободителей оба христіанскіе народа—защитники и защищаемые—вмѣстѣ праздновали побѣду надъ общимъ, до того непобѣдимымъ, врагомъ.

Свидѣтельствуя о храбрости, расторопности, неустрашимости, рвеніи и усердіи всѣхъ воинскихъ чиновъ отъ перваго до послѣдняго, Лазаревъ въ заключеніи своей реляціи писалъ: «Они готовностью и исправностью своею упреждали даже командованіе и столь искусно и удачно, а паче канониры, поражали выстрѣлами непріятеля, что при всѣхъ случаяхъ, увертхахъ и покушеніяхъ непріятельскихъ, при атакѣ его на насъ, разрушали всѣ его намѣренія, причиняя ему во всякое время и при всякомъ случаѣ страшный вредъ и кровопролитіе. Капитанъ егерскаго батальона Тагановъ съ поручикомъ роты своей Голованевымъ, находясь оба впереди съ другими охотниками и преимущественно отличая себя похвальными подвигами во всемъ продолженіи дѣла, первый остался невредимъ, а послѣдній получилъ контузію въ ногу».

Въ другомъ своемъ донесеніи, отъ 14-го ноября 1800 года, болѣе подробномъ сравнительно съ предыдущимъ, Лазаревъ особенно выхвалялъ слѣдующихъ лицъ: капитана Таганова, штабсъ-капитана Якимова, поручика Голованева и подпоручика Карцева, которые, по словамъ реляціи, «будучи командированы съ фланкерами, съ неустрашимостью и расторопностью выгнали непріятеля изъ камышей и изъ кустарника, тамъ находящагося, и своимъ примѣромъ поощряли людей къ исполненію ихъ должности и очистили путь къ переправѣ идущей колоннѣ»; капитана Зубкова и штабсъ-капитана Покатаева, которые «управляли фасами каре съ большимъ устройствомъ и расторопностью, обще съ вышеупомянутыми послѣ ихъ возвращенія»; майоровъ Ляхова и князя Саакадзе, поручиковъ Дьячкова и Тимашева и подпоручика Карачева, которые «ободряли своихъ подчиненныхъ, первые (двое) въ фасахъ, послѣдніе въ своихъ частяхъ»; полковаго адъютанта Патрижицкаго, юнкера князя Андроникова, фельдфебелей Благина и Попова, которые «неоднократно оказывали знаки своей храбрости во время сраженія, причемъ, усмотрѣвъ, что имѣющаяся при батальонѣ пушка не имѣла достаточно канонировъ, для поспѣшнѣйшаго равненія съ фасомъ карея, по приказанію адъютанта Патрижицкаго, оной вспомоществовали». О шефскомъ адъютантѣ, поручикѣ Котляревскомъ, Лазаревъ сообщалъ слѣдующее: «не могу умолчать о неустрашимости моего адъютанта, поручика Котляревскаго, который, какъ и въ журналѣ явствуетъ, былъ посланъ для развѣдыванія объ идущемъ непріятелѣ

черезъ ущелье; сіе мое приказаніе выполнилъ съ наивозможнымъ усердіемъ, примѣчательностію и расторопностію. Сверхъ того, и въ день сраженія былъ отъ меня неоднократно посылаемъ къ его свѣтлости царевичу Іоанну между разъѣзжавшимъ непріятелемъ и выполнялъ всѣ препорученности, ему отъ меня дѣлаемыя, съ отмѣннымъ рвеніемъ».

Въ свою очередь и царь Георгій писалъ императору Павлу, отъ 17-го ноября 1800 года, слѣдующее: «Измѣнникъ отечеству, братъ мой Александръ, по совѣту матери своей, братьевъ и помощью Ибрагима-хана (карабахскаго), прошедши къ Омаръ-хану, привелъ его съ многочисленнымъ дагестанскимъ и горскимъ войсками для разоренія Карталиніи и Кахетіи. Съ непобѣдимыми войсками вашего императорскаго величества, двумя батальонами генераловъ-майоровъ Лазарева и Гулякова, по моему приказанію, соединились дѣти мои Іоаннъ и Багратъ, и, когда Омаръ-ханъ съ 20-ю тысячами войска вошелъ во владѣнія наши и былъ уже по близости Тифлиса (40 верстъ), встрѣтившись съ нимъ сего мѣсяца 7-го дня, войска вашего величества, одолѣвъ непріятеля, побѣдили его сильно. Въ семъ случаѣ великую храбрость оказали оба генерала, Лазаревъ и Гуляковъ, кои и другимъ подали примѣръ, генералу достойный, и храбростію своею заслужили таковую похвалу, которую едва можно выразить, въ чемъ свидѣтельствуютъ дѣти мои Іоаннъ и Багратъ, которые также и сами съ своими войсками отлично дѣйствовали». Восхваляя командира егерскаго полка полковника Карягина, оставленнаго въ Тифлисѣ для охраненія порядка и содержанія карауловъ, «дабы не послѣдовало какое либо покушеніе внутреннее», царь Георгій оканчивалъ свое письмо такъ: «егерскаго же Лазарева полка полковникъ Карягинъ оставался съ двумя батальонами при насъ въ Тифлисѣ, который всѣ мои приказанія исполнялъ съ великимъ усердіемъ, сохраняя благополучіе города и будучи всегда готовъ къ сопротивленію непріятелю».

Императоръ Павелъ наградилъ мушкатерскій Гулякова полкъ мальтійскими знаменами, съ надписями: «Съ нами Богъ! За взятіе у аварскаго войска знамени на р. Іорѣ 7-го ноября 1800 г.» Лазаревъ и Гуляковъ, царевичи Багратъ и Іоаннъ получили командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, многіе офицеры—кавалерскіе кресты того же ордена, а нижніе чины—по серебряному рублю на человѣка.

Іорское сраженіе останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны: побѣда эта заставила грузинъ увѣровать въ силу русскаго орудія и кромѣ того побѣда эта показала всѣмъ закавказскимъ народамъ могущество Россіи и значеніе ея покровительства; вмѣстѣ съ тѣмъ эта первая побѣда русскихъ въ Закавказьѣ послужила прочнымъ залогомъ для будущей славной боевой дѣятельности кавказской арміи. Она произвела на русскихъ солдатъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе, вселила въ нихъ рѣшимость въ небольшомъ количествѣ вступать смѣло въ бой съ сильнѣйшимъ въ нѣсколько разъ непріятелемъ, храбрость котораго между горскими племенами высоко ставилась. Русскіе солдаты, наслышавшись до іорскаго сраженія объ удали лезгинъ, до нѣкоторой степени ихъ опасались, но эта побѣда окончательно разсѣяла ихъ боязнь. Помимо всего этого, славное іорское сраженіе имѣетъ то громадное значеніе, что въ немъ русскимъ и грузинамъ представился счастливый случай совмѣстно сражаться съ врагами православія. Съ этого времени вѣковые враги грузинъ - лезгины, персы и турки уже не осмѣливались вторгаться въ Грузію.

Царь Георгій былъ чрезвычайно доволенъ іорской побѣдой и лучше всѣхъ понималъ важность ея, но ему не долго пришлось радоваться. Во время встрѣчи возвращавшагося отряда царь простудился, слегъ въ постель, и врачи не подавали никакой надежды на выздоровленіе. Болѣзнь брала верхъ, и Георгій, предчувствуя скорую смерть, написалъ письмо императору Павлу, въ которомъ умолялъ принять Грузію въ вѣчное русское подданство, но не дожилъ до рѣшенія русскаго императора о присоединеніи Грузіи къ Россіи, скончавшись 28-го декабря 1800 года. Манифестъ о присоединеніи, подписанный императоромъ еще 18-го декабря 1800 года, былъ доставленъ въ Тифлисъ и всенародно объявленъ въ столицѣ грузинскаго царства лишь 16-го февраля 1801 года. Въ этотъ день въ Сіонскомъ соборѣ грузинскій народъ присягнулъ на вѣрность своему новому государю, императору Павлу I. Въ парадѣ во время присяги находился шефскій батальонъ егерскаго Лазарева полка.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ.

Съ картины Рубо.

Штурмъ крѣпости Ленкорани 31-го Декабря 1812 года.

35

Штурмъ и взятіе крѣпости Ленкорани 31-го декабря 1812 года.

После 1803 года, ознаменовавшагося взятіемъ Ганжи и присоединеніемъ ханства ганжинскаго къ Россіи, персы все время не переставали собирать многочисленныя войска за Араксомъ, съ намѣреніемъ изгнать русскихъ изъ Грузіи.

Русскимъ войскамъ въ виду этого приходилось неоднократно сталкиваться съ непріятелемъ: бой Карягина на Аскарани, взятіе крѣпости Шахъ-Булагъ, взятіе с. Мигры и другіе славные эпизоды, все время продолжавшейся, персидской войны свидѣтельствуютъ о блестящихъ успѣхахъ кавказскихъ войскъ.

Персія не хотѣла отказаться отъ своихъ притязаній на Закавказье и въ 1812 году, когда въ западные предѣлы Россійской имперіи вторгся со своими несмѣтными войсками Наполеонъ I. Въ это время шахъ персидскій Баба-ханъ со своимъ наслѣдникомъ Аббасъ-мирзой собирали большія полчища для отторженія отъ Россіи ея южныхъ кавказскихъ провинцій. Предварительно тегеранскій дворъ прибѣгнулъ къ посредничеству Англіи и заявилъ при этомъ притязанія на всѣ мусульманскія провинціи, завоеванныя кавказскими войсками въ теченіе одиннадцати лѣтъ.

Главнокомандующимъ на Кавказѣ въ то время былъ генералъ Ртищевъ, который, желая окончить войну съ Персіей, склонялся подписать невыгодный для Россіи договоръ. Но генералъ Котляревскій, находившійся на берегахъ Аракса, не падалъ духомъ и предлагалъ напасть на персидскія полчища, разбить ихъ и заставить удалиться съ границы. Получивъ свѣдѣнія, что Аббасъ-мирза, не дождавшись окончанія переговоровъ, началъ военныя дѣйствія, Котляревскій пожелалъ немедленно осуществить задуманный планъ и, имѣя незначительный двухъ-тысячный отрядъ, рѣшилъ сдѣлать неожиданное нападеніе на главныя силы Аббасъ-мирзы, сосредоточенныя за Араксомъ въ числѣ около 30-ти тысячъ.

19-го октября, рано утромъ, солдатамъ приказано было приготовиться къ переправѣ, имѣя на четыре дня сухарей и по 40 патроновъ. Сказавъ прочувствованную рѣчь, Котляревскій закончилъ ее такъ: «Товарищи! я исполнилъ, что Богъ и честь повелѣваютъ: не утаилъ истины, что непріятель многочисленъ и полководецъ Аббасъ-мирза неустрашимъ и опытенъ. Слава или погибель ожидаетъ насъ на томъ берегу. Иду первый за Араксъ, и тѣхъ, которые послѣдуютъ за мною, поведу къ славнымъ успѣхамъ или къ достойной храбрыхъ воиновъ смерти».

Вслѣдъ за этимъ войска стали переправляться черезъ Араксъ. Собравшись на другомъ берегу, они построились согласно диспозиціи и, сомкнувшись, двинулись впередъ. Наконецъ они увидѣли персидскій лагерь. Говорятъ, что когда вдали показались русскія войска, Аббасъ-мирза сказалъ сидѣвшему подлѣ него англійскому офицеру: «Вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ». Англичанинъ посмотрѣлъ въ зрительную трубу, передалъ ее персидскому главнокомандующему и возразилъ хладнокровно: «Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій». Аббасъ-мирза, желая скрыть свое смущеніе, замѣтилъ съ досадой, что «поросята сами лѣзутъ на ножъ».

Между тѣмъ русскіе, обойдя персовъ съ тыла, были уже близко, и Котляревскій, построивъ свой отрядъ въ три каре, двинулся въ атаку на непріятеля. Грянуло громкое «ура», и персіяне, объятые паническимъ страхомъ, обратились въ бѣгство.

Разбивъ персовъ на Араксѣ, русскіе кинулись въ асландузскій замокъ, обнесенный палисадами и окруженный двумя глубокими рвами. Котляревскій быстро взялъ и его штурмомъ. Хотя побѣда эта и обезпечивала дальнѣйшіе успѣхи русскаго оружія, но расчеты съ Персіей еще не могли считаться поконченными, такъ какъ Аббасъ-мирза отправилъ десятитысячный отрядъ для занятія бывшаго талышинскаго ханства, которое отдало себя подъ покровительство Россіи еще при императрицѣ Екатеринѣ II, и его владѣтели всегда были преданы русскимъ интересамъ Главнымъ городомъ ханства была Ленкорань, лежащая на берегу Каспійскаго моря, при устьѣ р. Ленкоранки.

Войска Аббасъ-мирзы вторглись въ помянутое ханство, прогнали владѣтеля Миръ-Мустафу, преданнаго русскимъ, и разрушили до основанія Ленкорань, подлѣ которой построили, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, сильную крѣпость того же имени. Англія, озабоченная успѣхомъ русскихъ въ Закавказьѣ и опасаясь потерять выгодный рынокъ въ Персіи, какъ извѣстно, дѣятельно поддерживала ее и еще въ 1811 году выслала сюда 12 орудій, 12 тысячъ зарядовъ, 12 тысячъ ружей, сукно на обмундированіе персидской арміи, да кромѣ того назначила въ пособіе 3 милліона рублей.

Узнавъ о печальной участи Миръ-Мустафы, генералъ-лейтенантъ Ртищевъ рѣшилъ, что для окончательнаго очищенія Закавказья отъ персовъ необходимо взять крѣпость Ленкорань, а потому приказалъ Котляревскому двинуться въ талышинское ханство, отнять у непріятеля эту крѣпость и освободить преданнаго Россіи хана. Предпріятіе это было крайне трудно, такъ какъ гарнизонъ крѣпости, состоявшій изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, значительно превосходилъ силы посланнаго противъ него отряда.

17-го декабря 1812 года отрядъ Котляревскаго, въ полторы тысячи человѣкъ пѣхоты, состоявшей изъ гренадеръ грузинскаго полка и егерей 17-го егерскаго (нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій эриванскій Его Величества полкъ), 470 казаковъ, при 7 орудіяхъ, выступивъ изъ Агъ-угланскаго лагеря, 18-го числа переправился черезъ Араксъ и вступилъ въ Муганскую безводную степь, по которой двигался форсированнымъ маршемъ въ теченіе двухъ дней; войска шли безъ дорогъ, безъ воды, то увязая въ болотахъ, то подвергаясь вьюгамъ и снѣжнымъ мятелямъ. Вступивъ въ талышинское ханство, Котляревскій почти безъ боя, занялъ крѣпость Аркевань, гдѣ захватилъ два орудія, всѣ снаряды и порохъ, а затѣмъ, 26-го декабря, обложилъ со всѣхъ сторонъ Ленкорань.

Крѣпость эта представляла сильную твердыню, наводившую, по словамъ очевидцевъ, страхъ, такъ какъ «валы ея и высокія каменныя стѣны, увѣнчанныя зубцами, выказывали повсюду грозные зѣвы орудій». Кругомъ крѣпости тянулись обширныя болота; гарнизонъ ея состоялъ изъ четырехъ тысячъ испытанныхъ въ бояхъ и обученныхъ иностранными инструкторами солдатъ, находившихся подъ начальствомъ храбрѣйшаго персидскаго генерала, сардаря Садыкъ-хана, готовившагося къ отчаянной оборонѣ.

Передъ штурмомъ Ленкорани Котляревскій обратился къ талышинскому населенію съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Народъ талышинскій! Войска великаго и всемогущаго въ свѣтѣ императора россійскаго пришли освободить васъ отъ рукъ персіянъ. Останьтесь спокойны въ домахъ вашихъ и будьте увѣрены, что имущество ваше неприкосновенно. Русскіе не персіяне и не разбойники: они не будутъ васъ грабить. Я требую отъ васъ только, чтобъ всякій, могущій носить оружіе, обратилъ оное противъ притѣснителей, которые вскорѣ будутъ наказаны войсками всемилостивѣйшаго государя моего. Требую, чтобъ вы добивали остатки сихъ изверговъ и пресѣкли имъ пути къ побѣгу, когда настигнетъ ихъ побѣдосное оружіе. Обѣщаю вмѣстѣ съ симъ прощеніе тѣмъ изъ васъ, которые обманомъ и обольщеніями персидскими вовлечены предаться имъ добровольно. Таковые должны явиться ко мнѣ или къ законному своему хану, не опасаясь никакого наказанія. Слово русское не есть слово персидское, русскій не знаетъ коварствъ и не имѣетъ нужды въ обманахъ».

До начатія блокады Котляревскій, желая избѣгнуть напраснаго кровопролитія, написалъ сардарю письмо слѣдующаго содержанія: «По волѣ главнокомандующаго пришелъ я освободить талышинское владѣніе изъ рукъ персіянъ и, слѣдовательно, долженъ взять крѣпость Ленкорань. Зная васъ сколько со стороны храбраго, столько и благоразумнаго предво-

дителя, считаю нужнымъ предувѣдомить, что сопротивленіе ваше будетъ напрасно. Какой бы вы отличный полководецъ ни были, но не лучше Аббасъ-мирзы, и войска у васъ не больше, какъ тогда было. Воины же великаго, всемогущаго въ свѣтѣ россійскаго государя, находившіеся при разбитіи Аббасъ-мирзы и при взятіи Асландуза, теперь здѣсь и, сверхъ того, присоединены къ нимъ бывшіе до сего въ талышинскомъ ханствѣ. И такъ, когда сынъ Баба-хана не могъ устоять противъ побѣдоноснаго оружія, то уже, конечно, вы отразить ударъ несильны. Во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, я предлагаю вамъ, высокостепенный сардарь, согласиться сдать крѣпость. Подумайте, что вы, слѣдуя благоразумію, сохраните безвинно проливаемую кровь человѣческую, сохраните жизнь, достоинство и имущество ваше и всѣхъ вашихъ подкомандующихъ, а напротивъ потеряете все, не внемля гласу здраваго разсудка. Впрочемъ мой долгъ вамъ сказать, а въ волѣ вашей избирать; только послѣ сего я буду правъ передъ Богомъ и человѣчествомъ. На сіе ожидаю отвѣта черезъ три часа и для того приказалъ на всѣхъ батареяхъ остановиться дѣйствовать».

Но защита крѣпости была поручена отборному гарнизону, и противникъ Котляревскаго тоже былъ храбрымъ начальникомъ, вѣрнымъ долгу службы. Онъ во что бы то ни стало рѣшилъ защищать Ленкорань, этотъ «ключъ къ сердцу Персіи», и съ достоинствомъ отвѣтилъ Котляревскому: «Напрасно вы думаете, генералъ, что несчастье, постигшее моего государя, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою сраженій и знаетъ, кому пошлетъ помощь».

Послѣ такого отвѣта, когда переговоры о сдачѣ Ленкорани оказались напрасными, штурмъ крѣпости, повидимому, былъ неизбѣженъ. Котляревскій еще разъ рѣшился испытать последнее средство и написалъ слѣдующее извѣщеніе ко всѣмъ ханамъ, султанамъ, чиновникамъ и войскамъ персидскимъ, находившимся въ самой крѣпости Ленкорани: «По волѣ главнокомандующаго прибывъ сюда съ войсками великаго въ свѣтѣ императора, для освобожденія талышинскаго владѣнія отъ рукъ персіянъ, я долженъ непремѣнно взять крѣпость Ленкорань. Слѣдуя примѣру крѣпкаго и милосерднаго сердца ангелоподобнаго всемилостивѣйшаго государя и побуждаясь внушеніями собственной совѣсти моей не проливать напрасно крови, я предлагалъ командующему въ крѣпости Садыкъ-хану о сдачѣ крѣпости; но онъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться. Желая оправдать себя передъ Всемогущимъ Богомъ, передъ судомъ Коего равно и христіанинъ, и мусульманинъ стать долженъ и Который взыщетъ на томъ свѣтѣ всякую каплю крови, безвинно пролитую, съ виновнаго, — обращаюсь къ вамъ. Прежде всего скажу, что здѣсь находятся всѣ войска, бывшія при разбитіи Аббасъ-мирзы и при взятіи Асландуза, и къ нимъ присоединились и находившіяся въ талышинскомъ владѣніи. Всякій изъ васъ посудить можетъ, что когда Аббасъ-мирза и Асландузъ не могли устоять противъ побѣдоноснаго оружія меньшаго числа воиновъ, чѣмъ теперь здѣсь находится, то будетъ ли достаточно силъ вашихъ отразить ударъ, какой бы храбростью каждый изъ васъ преисполненъ ни былъ? Вы подумайте, что всякій русскій солдатъ не имѣетъ ни жены, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни богатствъ; онъ съ одной чистой душой вступилъ на службу законнаго своего государя, съ тѣмъ чтобы положить жизнь свою для пріобрѣтенія побѣды. Напротивъ, каждый изъ васъ имѣетъ женъ, дѣтей и родственниковъ и жертвуетъ всѣмъ симъ и жизнью. Таковое неравенство въ силѣ и побужденіяхъ должно быть вамъ очевидно. Съ другой стороны, вы узнайте о положеніи вашемъ. Въ крѣпости Аркевани войскъ вашихъ уже нѣтъ: они разбиты совсѣмъ, также и всѣ находившіяся въ другихъ мѣстахъ талышинскаго владѣнія и близъ онаго прогнаны и разсѣяны. Сикурса и подвоза снарядовъ вы ожидать не можете, ибо всѣ пути оному пресѣчены. Самъ разбитый Аббасъ-мирза къ вамъ быть не можетъ и спасти васъ не въ силахъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Садыкъ-ханъ, изъ единаго тщеславія слыть храбрымъ человѣкомъ, хочетъ жертвовать всѣми вами для своего честолюбія. Но нѣтъ сомнѣнія, чтобы въ числѣ васъ не было много умныхъ людей, которые могутъ понимать свое положеніе и которые бы не понимали, что я требую сдачи крѣпости не оттого, что недостаточно у меня войска взять ее, но единственнс оттого, чтобы не дать отвѣта передъ Богомъ въ пролитіи крови человѣческой. И такъ, да будетъ всякій изъ васъ увѣренъ, что я и всѣ войска, подъ командой моей состоящія, не отступятъ отъ крѣпости, не покоривъ ее оружіемъ великаго россійскаго го-

сударя. Начиная отъ меня и до послѣдняго солдата, или помремъ всѣ, или возьмемъ крѣпость. Богъ правды, видящій, съ какимъ коварствомъ персидское правительство, войдя въ переговоры о мирѣ, заняло во времена оны талышинское владѣніе, будетъ намъ помощникомъ и наказаніемъ вѣроломныхъ поступковъ. Но да внушитъ вамъ Сей Всевидящій Творецъ мысль отвратитъ зло пролитія крови, и да не накажетесь вы за коварство Баба-хана и его сына. Предлагая вамъ о сдачѣ крѣпости, я увѣряю твердымъ словомъ русскаго, что жизнь, имѣніе и всѣ достоинства останутся при васъ. Не лейте напрасно крови, когда сохранить ее можете. Пощадите себя, женъ вашихъ, дѣтей и имущество. Я буду ожидать на сіе отвѣта вашего черезъ три часа».

Отвѣта и на это не послѣдовало. Видя неуступчивость сардаря и убѣдившись въ невозможности принудить непріятеля къ добровольной сдачѣ, Котляревскій рѣшился на приступъ и приказалъ подвезти трехъ-пудовую мортиру и открыть бомбардированіе города. Готовясь къ битвѣ на жизнь и смерть, онъ 30-го декабря 1812 года отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ: «Истощизъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію россійскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть: затѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться не можетъ; не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ: первое — послушаніе; второе — помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону взять крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье — не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ грузинскаго гренадерскаго, 17-го егерскаго и троицкаго полковъ, а малоопытные каспійскаго батальона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ, ежели бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струсилъ, тотъ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ; и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, несмотря на чинъ»....

Затѣмъ герой Асландуза объявилъ войскамъ слѣдующую диспозицію: «Составляются три колонны: 1-я изъ шести ротъ грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подполковника Ушакова; 2-я изъ 350-ти человѣкъ троицкаго пѣхотнаго полка, подъ командою майора Повалишина; 3-я изъ 350-ти человѣкъ грузинскаго гренадерскаго и 17-го егерскаго полковъ, подъ командою майора Терешкевича. Въ 5 часовъ пополуночи колонны выступаютъ съ назначенныхъ имъ пунктовъ, имѣя впереди стрѣлковъ, и слѣдуютъ къ крѣпости съ крайнею тишиною и скоростью; если непріятель не откроетъ огня, то стрѣлки отнюдь не стрѣляютъ; когда же отъ непріятеля будетъ сильный огонь, то стрѣлки тотчасъ бьютъ по непріятелю, а колонны наипоспѣшнѣй ставятъ лѣстницы и взбѣгаютъ на батареи и на стѣны; первая колонна штурмуетъ батарею и стѣну къ Гямушевану, ставя одну лѣстницу на батарею, а прочія тотчасъ отъ оной вправо; 3-я колонна беретъ батарею, лежащую противъ моря къ рѣчкѣ, и штурмуетъ стѣну отъ оной вправо. Каждая колонна, какъ скоро возметъ назначенную ей батарею, тотчасъ оборачиваетъ непріятельскія орудія и стрѣляетъ картечью въ средину крѣпости, между тѣмъ очищаютъ стѣны отъ себя вправо и влѣво, а первая колонна отбиваетъ поспѣшнѣе ворота, дабы впустить резервъ; одна рота грузинскаго гренадерскаго полка раздѣляется на двѣ части для фальшивыхъ атакъ; первая дѣлаетъ оную противъ батареи, къ рѣчкѣ лежащей, и ежели возможность будетъ, то беретъ сію батарею; другая отъ батареи непріятельской, назначенной штурмовать 1-й колоннѣ тревожить непріятеля съ лѣвой стороны. Команды сіи выступаютъ вмѣстѣ съ колоннами и не тревожатъ непріятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннамъ; тог-

да онѣ поспѣшнѣе бѣгутъ къ назначеннымъ мѣстамъ и кричать «ура» и бьютъ тревогу. Барабанщики въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ, и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ „ура“, пока не влѣзутъ на стѣну; когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты нами, то въ середину крѣпости безъ приказанія не ходить, но бить непріятеля только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя, его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится или сдастся; и если, прежде чѣмъ всѣ батареи и всѣ стѣны будутъ заняты, ударятъ отбой, то считать оный за обманъ такой же, какъ непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ; сверхъ того, знать, что наши отбой будутъ бить три раза, который повторять всѣмъ барабанщикамъ,—и тогда уже прекращается дѣло. Господамъ лейтенантамъ Франку и Кремлу быть въ колоннѣ Терешкевича. Резервамъ на прежнихъ батареяхъ состоять изъ остающихся отъ штурма людей; такъ какъ уже сказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если, сверхъ чаянія, которой либо колонны люди замнутся идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью».

На разсвѣтѣ, 31-го декабря, Котляревскій приказалъ войскамъ выстроиться и, подъѣхавъ къ каждой изъ штурмующихъ колоннъ, сказалъ энергичную рѣчь, воодушевляя солдатъ къ мужеству и храбрости. На штурмъ приказано было слѣдовать съ крайнею тишиною, не стрѣлять и стараться скорѣе взобраться на крѣпость. Колонны, имѣя впереди стрѣлковъ, въ 5 часовъ утра двинулись впередъ. Начался приступъ. Но не успѣли солдаты подойти къ назначеннымъ пунктамъ, какъ со всѣхъ сторонъ крѣпости были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Несмотря на это, штурмующія войска молча, не отвѣчая на выстрѣлы, спустились во рвы, стали ставить лѣстницы и быстро полѣзли на стѣны. Началась отчаянная борьба: непріятель защищался мужественно и встрѣтилъ русскихъ рогатинами, пиками и ручными гранатами. Передніе ряды русскихъ солдатъ, не удержавшись, были сброшены персами. Колонны остановились въ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что многіе офицеры были убиты во главѣ съ начальникомъ первой колонны подполковникомъ Ушаковымъ, силы-же персіянъ на крѣпостныхъ стѣнахъ быстро начали увеличиваться. Настала критическая минута. Котляревскій получилъ донесеніе, что за смертью Ушакова колонна его остановилась во рву и не двигается. Видя гибель отряда, онъ бросился самъ въ ровъ и надъ трупомъ Ушакова началъ ободрять солдатъ, несмотря на то, что вокругъ него валились убитые и шелъ ожесточенный бой. Въ то время, когда онъ воодушевлялъ войска, его ранили въ ногу; несмотря на это, придерживая рукою колѣно, онъ спокойно продолжалъ ободрять солдатъ и, указавъ на лѣстницы, громко крикнулъ: «Сюда»! Солдаты, ободрившись снова кинулись впередъ на приступъ. Вслѣдъ за этимъ Котляревскій былъ вновь ранецъ двумя пулями: одна ударила прямо въ лицо и раздробила ему челюсть, и онъ безъ чувствъ упалъ на груду тѣлъ, лежавшихъ во рву. Несмотря на это, солдаты не падали духомъ: нѣкоторые уже врывались въ крѣпость, объятую огнемъ пожара, гдѣ раздавалось побѣдное «ура» вмѣстѣ съ воплями и проклятіями персіянъ, просившихъ о пощадѣ, другіе еще взбирались на стѣны, ухватываясь за дула ружей, изъ которыхъ персіяне стрѣляли въ нихъ въ упоръ. Такъ какъ персіяне не выпускали изъ рукъ ружей, то тѣмъ самымъ помогали осаждающимъ взбираться на стѣны. Когда майоръ грузинскаго гренадерскаго полка Абхазовъ съ одной ротой взобрался на крѣпостную стѣну и овладѣлъ батарею, то онъ тотчасъ же приказалъ повернуть орудія и открыть картечный огонь по непріятелю.

Вскорѣ русскія войска овладѣли тремя батареями, и тѣмъ заставили непріятеля очистить крѣпостныя стѣны. Тогда всѣ три штурмующія колонны бросились въ середину крѣпости и вступили въ ожесточенный рукопашный бой. Все падало подъ штыками разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Такъ какъ персы во время защиты крѣпости звѣрски расправлялись съ солдатами, то озлобленныя войска не брали ихъ въ плѣнъ, а кололи на мѣстѣ. Натискъ штурмовавшихъ и отчаянное сопротивленіе оборонявшихся дошли до крайнихъ предѣловъ. Три часа продолжался упорнѣйшій бой. Крѣпость была взята, послѣ чего побѣдители на стѣнахъ Ленкорани водрузили знамя.

Персіяне оборонялись такъ упорно, что болѣе половины гарнизона, вмѣстѣ съ большинствомъ начальниковъ, пало въ кровавомъ бою: остальные же, видя неминуемую гибель, въ от-

чаянии бросались съ крѣпостныхъ стѣнъ и большею частью погибали отъ ружейнаго огня въ волнахъ рѣки Ленкоранки.

Шедшій на выручку крѣпости персидскій принцъ Аббасъ-мирза, узнавъ о взятіи ея, поспѣшно отступилъ.

Самъ сардарь Садыкъ вмѣстѣ съ бывшими при немъ десятью ханами смертью завершили упорную борьбу. Штурмъ Ленкорани былъ необыкновенно кровопролитенъ. Персидскій историкъ, описывая это сраженіе, говоритъ, что «мышцы рукъ отъ взмаха и опусканія меча, а пальцы отъ взвода и спуска ружейнаго курка въ продолженіе шести часовъ были лишены всякой возможности насладиться отдохновеніемъ. Бой на стѣнахъ крѣпости былъ до того кровопролитенъ, что отъ грома и молній пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ даже сами облака разразились каплями кроваваго дождя».

Когда на другой день взошло солнце, то взорамъ представилось множество обезглавленныхъ труповъ храбрыхъ защитниковъ Ленкорани, и обагренная кровью рѣчка Ленкоранка уносила въ море трупы убитыхъ.

Потери были велики съ обѣихъ сторонъ: съ русской стороны убито штабъ и оберъ-офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 325; ранено офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 584. Наиболѣе пострадалъ 17-й егерскій полкъ. Въ этомъ полку только четверть состава могла праздновать знаменитую ленкоранскую побѣду. Персіяне потеряли одними убитыми до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Трофеями доблестнаго штурма были два знамени, восемь орудій англійскаго изготовленія, сардарская серебряная булава и магазинъ съ провіантомъ и порохомъ. Одно изъ знаменъ отбилъ у непріятеля унтеръ-офицеръ Иванъ Гордовъ съ рядовымъ Иваномъ Згожевымъ; оба они были 17-го егерскаго полка.

Донося о доблестной ленкоранской побѣдѣ на высочайшее имя, главнокомандующій генералъ Ртищевъ въ теплыхъ выраженіяхъ, между прочимъ, писалъ императору Александру I: «Богъ и безпримѣрная храбрость войскъ вашего императорскаго величества даровали побѣду, ознаменовавшую неувядаемой славой непобѣждаемое оружіе вашего величества.... Ленкоранская крѣпость, которую персіяне считали неприступною, преклонила гордую выю подъ тягостью высокославнаго россійскаго оружія». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ртищевъ ходатайствовалъ о награжденіи генерала Котляревскаго, какъ главнаго виновника побѣды, звѣздою св. Георгія II-го класса, а въ письмѣ къ военному министру, князю Горчакову, просилъ, кромѣ того, поддержать его представленіе объ отпускѣ, необходимомъ Котляревскому для излѣченія ранъ, и о награжденіи прочихъ отличившихся.

Взятіемъ Ленкорани окончательно поколеблена была самоувѣренность персіянъ. Послѣ паденія ея персіяне очистили талышинское ханство, и власть Миръ-Мустафы-хана была возстановлена. Хотя персидскія войска продолжали еще набѣги на Карабахъ, но, боясь худшихъ для себя послѣдствій, они открыли переговоры о мирѣ, послѣ чего стали удаляться изъ занятыхъ провинцій.

Персія согласилась на тягостныя для себя условія и подписала 12-го октября 1813 года, славный и выгодный для Россіи гюлистанскій договоръ, по которому отказалась отъ своихъ притязаній на Закавказье и уступила Россіи на вѣчныя времена права на ханства карабахское, ганжинское, шекинское, ширванское, дербентское, кубинское, бакинское и талышинское; вмѣстѣ съ тѣмъ она отказалась отъ всякихъ притязаній на Каспійское море, Дагестанъ, Грузію, Мингрелію, Абхазію и армянскія владѣнія на лѣвой сторонѣ Аракса.

Заключеніемъ гюлистанскаго договора русское вліяніе въ Закавказьѣ окончательно было упрочено: границы со стороны Грузіи были обезпечены, и многовѣковое персидское владычество было навсегда свергнуто.

Такими успѣхами Россія, безусловно, обязана храброму и даровитому генералу Котляревскому, который, желая сохранить въ потомствѣ помять о доблестяхъ русскихъ войскъ, между прочимъ писалъ въ 1846 году къ тогдашнему намѣстнику Кавказа, князю Воронцову: «Мнѣ кажется, и достойно, и правдиво воздвигнуть на главной площади въ Тифлисѣ памятникъ, въ видѣ четырегранной пирамиды, со слѣдующей надписью на лицевой сторонѣ: «Россійскимъ войскамъ первой персидской войны, начавшейся въ 1802 году и кончившейся въ 1813 году, малымъ числомъ принесшихъ много пользы отечеству».

Съ картины Рубо.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Пораженіе персіянъ подъ гор. Елисаветополемъ 13-го Сентября 1826 года.

310

Пораженіе персіянъ подъ гор. Елисаветполемъ 13-го сентября 1826 года.

Гюлистанскій миръ, заключенный въ 1813 году подъ громовымъ впечатлѣніемъ побѣдъ Котляревскаго, отторгнувшій отъ шахскихъ владѣній богатыя закавказскія ханства и провинціи, не могъ не оскорблять Персію. Со времени подписанія этого мира хотя и прошло тринадцать лѣтъ, но онъ былъ обманчивъ и служилъ только предвѣстникомъ новыхъ военныхъ бурь. За это время тихо зрѣло зарытое глубоко сѣмя вражды, ожидая удобныхъ моментовъ для всхода. Въ дѣйствіяхъ персидскаго правительства то и дѣло прорывалось тайное недоброжелательство.

Миръ этотъ, кромѣ того, нанесъ и Англіи суровое дипломатическое пораженіе и долженъ былъ вызвать съ ея стороны новыя козни противъ Россіи. И дѣйствительно, за всѣ 13 лѣтъ мира Персія была ареною дипломатической борьбы между Россіей и Англіей. Въ Тегеранъ и Тавризъ со сказочною пышностью и блескомъ являлись англійскія посольства, подкупая подарками окружающихъ шаха сановниковъ. Конечно, расчетливые англичане не на вѣтеръ пускали свое золото. Бороться съ Англіей на этомъ поприщѣ и уничтожить ея вліяніе было для Россіи не подъ силу.

Подстрекаемая Англіей, Персія путемъ безконечныхъ дипломатическихъ переговоровъ домогалась возвращенія отторгнутыхъ земель и въ 1826 году. Въ этомъ году, въ іюлѣ, безъ объявленія войны, совершенно неожиданно, несмотря на прибытіе въ Тавризъ русскаго посла князя Меньшикова, отправленнаго для объявленія шаху о вступленіи на престолъ императора Николая I, въ русскіе предѣлы со стороны Кавказа вторглись полчища персидскихъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ Аббаса-мирзы, наслѣдника персидскаго престола.

Персы напали на пограничные отряды и, обративъ въ развалины рядъ селеній, обложили Гумры, нынѣшній Александрополь, слабый гарнизонъ котораго, послѣ двухнедѣльной геройской обороны, вынужденъ былъ очистить укрѣпленіе. Затѣмъ Елисаветполь (Ганжа) занятъ былъ передовымъ отрядомъ персовъ, а главныя непріятельскія силы, подойдя къ Шушѣ, обложили этотъ городъ.

Въ виду неожиданнаго вторженія персовъ, рускимъ войскамъ пришлось оставить всѣ пограничныя мѣста. Но успѣхи персіянъ были временными, такъ какъ главнокомандующій въ то время въ Грузіи, генералъ Ермоловъ, немедленно-же приступилъ къ формированію дѣйствующаго кавказскаго корпуса подъ командою генералъ-адъютанта Паскевича. Генералъ-майоръ князь Мадатовъ, съ 800 казаками, грузинскимъ ополченіемъ и татарами, былъ посланъ къ Елисаветполю, которому 3-го сентября удалось, на рѣкѣ Шамхорѣ, разбить персидскій авангардъ Магомета-мирзы въ знаменитой шамхорской битвѣ, а 4-го числа занять безъ боя оставленный непріятелемъ Елисаветполь. Здѣсь онъ узналъ о направленіи къ нему навстрѣчу со всѣми соединенными силами самого Аббаса, встревоженнаго положеніемъ своего авангарда, и главныхъ силъ, снявшихъ блокаду Шуши.

Непріятель уже перешелъ рѣку Тертеръ. Вслѣдствіе этого князь Мадатовъ просилъ Паскевича, двигавшагося съ войсками къ Елисаветполю, поспѣшить на подкрѣпленіе, такъ какъ Аббасъ находился уже въ 40 верстахъ отъ этого города. Паскевичъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 6 ½ батальоновъ, 6 эскадроновъ, 2 казачьихъ полковъ и нѣсколькихъ сотенъ татарскихъ и грузинскихъ конныхъ ополченій, при 24 орудіяхъ, прибылъ въ городъ Елисаветполь 10 сентября, а 11-го и 12-го сентября, на

Куракъ-чаѣ, отстоящемъ всего въ одномъ переходѣ отъ Елисаветполя, появилась непріятельская кавалерія, которая, замѣтивъ ученіе русскихъ войскъ, поспѣшно скрылась.

Въ ночь на 13-е сентября получены были извѣстія о намѣреніи Аббасъ-мирзы атаковать русскія войска, а потому были сдѣланы распоряженія о выступленіи всего русскаго отряда изъ лагеря. Паскевичъ находилъ болѣе безопаснымъ защищаться въ улицахъ Елисаветполя, но князь Мадатовъ и Вельяминовъ совѣтовали идти впередъ. Согласившись съ ихъ мнѣніемъ, Паскевичъ, 13-го числа, съ разсвѣтомъ, двинулся навстрѣчу противнику и, получивъ свѣдѣніе отъ казаковъ о наступленіи непріятельской арміи, занялъ позицію въ 7 верстахъ отъ Елисаветполя.

Приготовляясь къ бою съ персіянами, русскія войска построились въ двѣ линіи, съ резервомъ; пѣхота—въ полубатальонныхъ колоннахъ. На правомъ флангѣ первой линіи стали два казачьихъ полка и батальонъ 41-го егерскаго; въ центрѣ—12 орудій кавказской гренадерской бригады; на лѣвомъ флангѣ—батальонъ ширванскаго полка и конное татарское и грузинское ополченіе. Во второй линіи, въ 100 саженяхъ за егерями, расположился батальонъ 7-го карабинернаго полка, имѣя на правомъ флангѣ каре изъ двухъ ротъ того же полка съ двумя легкими орудіями. Обѣ линіи находились подъ командою князя Мадатова.

За интервалами первыхъ двухъ линій расположились въ трехъ колоннахъ подивизіонно нижегородскіе драгуны подъ командою полковника Шабельскаго и, наконецъ, позади драгунъ стали 6 ротъ херсонскаго гренадерскаго полка съ 6-ю орудіями въ резервѣ.

Сила русскаго отряда доходила до $8^1/_2$ тысячъ человѣкъ. И эта горсть русскихъ войскъ должна была принять на себя ударъ огромной персидской арміи Аббаса, у котораго было 15 тысячъ регулярной пѣхоты и 20 тысячъ кавалеріи при 24 орудіяхъ и значительное число фальконетовъ на верблюдахъ.

Персіяне были расположены такъ: 18 батальоновъ сарбазовъ, т. е. регулярной пѣхоты, составили длинную вогнутую первую линію, прикрытую слѣва массою конницы; артиллерія находилась частью въ центрѣ, частью же въ интервалахъ пѣхоты; за послѣднею расположились фальконеты на верблюдахъ (зембураки); на правомъ флангѣ, за рѣкою Куракъ-чай, стала иррегулярная конница, резервъ же составлялъ 6 батальоновъ шахской пѣшей гвардіи (джамбазы), а вся регулярная кавалерія отошла и стала за центромъ всей позиціи.

Центромъ командовалъ самъ Аббасъ; правымъ флангомъ—его старшій сынъ, Магометъ, лѣвымъ—Алаяръ-ханъ, зять шаха, резервомъ—второй сынъ Аббаса, Измаилъ.

Около 10 часовъ утра среди безмолвной степи показались шумныя массы людей. Впереди всѣхъ джигитовали, недавно преданные русскимъ, а теперь измѣнники, татары; непріятель направлялся по дорогѣ отъ куракчайской почтовой станціи. Группы всадниковъ сворачивали съ большой почтовой дороги и приближались къ русскому вагенбургу. Жители окрестныхъ деревень, вооружившись, также начали занимать сосѣднія высоты въ ожиданіи развязки дѣла. День былъ совершенно тихій, безвѣтренный.

Русскія войска стояли на возвышенной позиціи Зазалъахъ, наблюдая за движеніемъ врага. Царила глубокая тишина. Паскевичъ осмотрѣлъ мѣстность, слѣзъ съ лошади, велѣлъ подать барабанъ за фронтъ и сѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ. Въ это время къ нему подъѣхалъ Вельяминовъ и доложилъ, что пора атаковать непріятеля. Поднявъ голову и сурово взглянувъ на подъѣхавшаго, Паскевичъ промолвилъ: «Мѣсто русскаго генерала подъ ядрами», послѣ чего Вельяминовъ удалился.

Между тѣмъ время подходило къ полудню. Непріятельская армія Аббаса, распустивъ знамена, съ барабаннымъ боемъ стала приближаться къ русской позиціи и, остановившись не далѣе пушечнаго выстрѣла, стала развертываться вправо и влѣво. Русскія войска тоже приготовлялись къ бою. Князь Мадатовъ обходилъ ряды пѣхоты, располагалъ орудія на позиціяхъ и ободрялъ солдатъ. Его спокойствіе служило ручательствомъ побѣды. «Ребята не жалѣйте пролить кровь за Государя»,—говорилъ онъ солдатамъ.—«Подпускай персіянина, ему труднѣе будетъ уходить». Подъѣхавъ къ казакамъ, начальникъ боевыхъ линій продолжалъ: «Держитесь часъ,—непріятель подается».

Мѣстность, на которой находились оба противника, пред-

ставляла равнину, имѣвшую весьма малую покатость къ Курѣ. Позиція русскихъ пересѣкалась нѣсколькими оврагами, гдѣ часть войскъ могла укрываться до самой рѣшительной минуты атаки. Персіяне расположились полумѣсяцемъ, за которымъ стояли въ резервѣ тѣлохранители Аббасъ-мирзы. Въ такомъ боевомъ положеніи, неподвижно стояли другъ передъ другомъ двѣ враждебныя арміи; ни та ни другая не хотѣла начинать сраженія. Такъ прошло около часа.

Сравнивая свои и непріятельскія силы, Паскевичъ началъ колебаться и даже, по словамъ извѣстнаго партизана Отечественной войны, Давыдова, намѣренъ былъ отступить подъ защиту города, но только настоянія Мадатова и Вельяминова, прекрасно знавшихъ нравственный духъ персовъ, заставили его принять сраженіе. Этого колебанія не отрицалъ и преданный Паскевичу графъ Симоничъ, такъ описывающій моментъ нерѣшительности обѣихъ армій: «Боясь упустить благопріятный случай»,—говоритъ онъ,—«я обратился къ Паскевичу со слѣдующими словами: «Позвольте намъ атаковать непріятеля. Наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться,—они нападаютъ».—«Увѣрены ли вы въ побѣдѣ»?—спросилъ Паскевичъ.—«Да, увѣренъ,—отвѣчалъ я,—«и вотъ мой товарищъ Грековъ тоже отвѣчаетъ головой за успѣхъ».—«Ну, такъ идите съ Богомъ»!- объявилъ Паскевичъ. Обрадованные офицеры поскакали къ своимъ частямъ, и первый изъ нихъ, подъѣхавъ къ войскамъ, сказалъ: «Братцы, ширванцы, ступайте смѣло: грузинцы за вами,—васъ не выдадутъ!» И русскія линіи, крикнувъ «ура», зашевелились. Вскорѣ непріятельская пѣхота, поддержанная своей артиллеріей, начала наступать фронтально и дѣйствовать правильнымъ батальоннымъ огнемъ; вслѣдъ за этимъ загремѣли и русскія орудія. Въ виду этого, персіяне измѣнили свою атаку и двинули пѣхоту на лѣвый флангъ русскаго расположенія, а конницу послали въ обходъ его, на крайній дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ.

Персидская конница обскакала первую линію и, опрокинувъ казаковъ, понеслась на двѣ роты грузинскаго полка. Молодцы гренадеры отбили атаку ружейнымъ огнемъ, а потому непріятельская конница принуждена была отхлынуть назадъ, но за нею показались густыя массы персидской пѣхоты. Настала критическая минута. Паскевичъ, все время слѣдившій за ходомъ боя, обходилъ пѣшкомъ интервалы русскихъ войскъ. Видя смѣлое движеніе сарбазовъ, онъ подозвалъ къ себѣ командира нижегородскаго драгунскаго полка, генерала Шабельскаго, и, указавъ рукою на подходившіе непріятельскіе батальоны, сказалъ: «Истребите ихъ». Шабельскій поскакалъ къ полку, подалъ сигналъ, и 3-й дивизіонъ, взявъ правымъ плечомъ, началъ развертывать фронтъ. Вотъ грянула команда «маршъ-маршъ»—и дивизіонъ понесся. Послышался оглушительный залпъ въ атакующую конницу. Подъ Шабельскимъ была убита лошадь. Несмотря на это, драгуны вломились въ непріятельскій батальонъ, и персы были вмигъ стоптаны и ложились одинъ за другимъ подъ ударами шашекъ нижегородцевъ. Когда же непріятельская конница бросилась помогать своей пѣхотѣ, то 2-й дивизіонъ нижегородскаго полка направился мимо скалистаго оврага и обхватилъ непріятеля съ фланговъ и тыла. Началась страшная, безпощадная рукопашная схватка.

Персидская конница бѣжала съ поля сраженія. Непріятель, разбившись на мелкія кучки, залегъ въ канавахъ и густомъ кустарникѣ. Храбрые нижегородцы стремительнымъ ударомъ выбили врага и изъ этого послѣдняго прикрытія. Здѣсь былъ раненъ штыкомъ ворвавшійся въ ряды непріятеля прапорщикъ Язонъ Чавчавадзе. Персидское знамя, съ изображеніемъ золотого льва, который держалъ въ лапѣ обнаженный мечъ, развѣвалось надъ головой какого-то всадника, но во время этой атаки оно было взято драгунскимъ унтеръ-офицеромъ.

Между тѣмъ князь Мадатовъ, съ батальонами грузинскаго, ширванскаго и 41-го егерскаго полковъ, совмѣстно со 2-мъ дивизіономъ нижегородскихъ драгунъ, перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Едва разсѣялся дымъ и улеглась немного поднятая скачкою пыль, какъ далеко вдали, на горизонтѣ, виднѣлись остатки разбитой и бѣжавшей съ поля сраженія конницы, а вокругъ валялись обезглавленные и раненые сарбазы. Видя бѣгство персовъ, генералъ Шабельскій, построивъ свои дивизіоны, направился на помощь русской пѣхотѣ, сражавшейся въ центрѣ, которая, двинувшись на 18 непріятельскихъ батальоновъ, опрокинула персіянъ. Какъ разъ въ эту минуту показался Шабельскій со своими нижегородцами. Драгуны кинулись въ ряды смятыхъ персид-

скихъ батальоновъ и стали рубить ихъ. Персы были опрокинуты, и горячее преслѣдованіе ихъ продолжалось 12 верстъ, до самой куракчайской почтовой станціи, гдѣ драгуны съ казаками захватили весь непріятельскій лагерь.

На правомъ флангѣ русской позиціи двѣ роты херсонскаго полка, два орудія и 1-й дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ принуждены были отойти въ Елисаветполю, но присланныя Паскевичемъ шесть ротъ 7-го карабинернаго полка помогли отбросить непріятеля къ пограничнымъ горамъ и отрѣзать персіянамъ путь къ отступленію. Здѣсь они были настигнуты кн. Мадатовымъ, который съ восемью ротами, эскадрономъ драгунъ во главѣ съ княземъ Андрониковымъ, четырьмя орудіями и двумя казачьими полками, окруживъ непріятельскую пѣхоту, удачнымъ картечнымъ огнемъ заставилъ персіянъ положить оружіе.

Сейчасъ же послѣ сраженія былъ сформированъ особый отрядъ подъ начальствомъ князя Мадатова, который и двинулся по пятамъ бѣжавшихъ персіянъ, но непріятель, поспѣшно отступивъ, вышелъ изъ-подъ ударовъ русскихъ войскъ. Персы отошли къ границамъ, такъ что 15-го сентября они были уже въ Хачинѣ, отстоящемъ въ 60-ти верстахъ отъ мѣста боя, а 18-го числа Аббасъ-мирза при устьѣ Асландуза перешелъ въ бродъ рѣку Араксъ. Такимъ образомъ, всѣ земли, занятыя непріятелемъ, были сразу очищены.

Трофеями побѣды были: 4 знамени, два лагеря съ обозомъ, запасами и продовольствіемъ, 3 орудія, 1 фальконетъ и 80 зарядныхъ ящиковъ; взято въ плѣнъ 1,109 человѣкъ; кромѣ того, персіяне потеряли въ бою до 2 тысячъ человѣкъ; у русскихъ же убито 3 офицера и 43 нижнихъ чина, ранено 249 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ особенно сожалѣли о командирѣ ширванскаго полка, подполковникѣ Грековѣ, первымъ бросившемся въ штыки; поддержавшій его командиръ грузинскаго гренадерскаго полка подполковникъ графъ Симоничъ былъ тяжело раненъ въ ногу.

Донося подробно объ одержанной побѣдѣ, Паскевичъ, между прочимъ, обращалъ вниманіе императора Николая I «на истинныя военныя достоинства» генераловъ князя Мадатова, Вельяминова, а также многихъ командировъ частей.

Получивъ извѣстіе о елисаветпольской битвѣ, императоръ Николай I, въ рескриптѣ отъ 29-го сентября отвѣчалъ Паскевичу: «Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ донесеній вашихъ, что вы при первой встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, предводительствуемой самимъ наслѣдникомъ персидскаго престола, нанесли оной значительное пораженіе и наказали тѣмъ за вѣроломное вторженіе въ предѣлы любезнаго нашего отечества. Относя сіе къ благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ и къ тому испытанному духу храбрости, который всегда служилъ подчиненнымъ вашимъ первымъ примѣромъ, мнѣ пріятно, въ изъявленіе отличнаго моего къ вамъ расположенія и въ память одержанной надъ персіянами побѣды, препроводить къ вамъ украшенную алмазами шпагу съ надписью: «За пораженіе персіянъ при Елисаветполѣ», увѣренъ будучи, что оная въ рукахъ вашихъ укажетъ храбрымъ войскамъ вашимъ путь къ новымъ побѣдамъ».

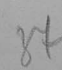
Князю Мадатову пожалованъ былъ чинъ генералъ-лейтенанта, генералъ-майору Вельяминову—орденъ св. Георгія 3-й степени. Прочіе отличившіеся тоже получили награды, а нижнимъ чинамъ было назначено по 8-ми знаковъ отличія военнаго ордена въ каждую роту, эскадронъ и батарею; кромѣ того, всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловано по 2 рубля, по чаркѣ вина и по фунту мяса.

Такъ окончился славный елисаветпольскій бой, освободившій Закавказскій край отъ нашествія персовъ и занявшій видное мѣсто въ исторіи кавказской войны. Елисаветпольское сраженіе имѣло громадное нравственное вліяніе не только на персіянъ, но и на всѣхъ жителей мусульманскихъ провинцій Закавказья.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Сдача крѣпости Эривани 1-го Октября 1827 года.

Штурмъ и сдача крѣпости Эривани 1-го октября 1827 года.

Послѣ блестящей елисаветпольской побѣды, русскія войска, преслѣдуя персовъ, подошли къ Асландузу. Непріятель не рѣшался вступать въ борьбу, несмотря на превосходство своей кавалеріи, которая производила только набѣги за Араксъ на беззащитныхъ кочевниковъ и мирныхъ жителей. Наступившая зима и недостатокъ въ фуражѣ пріостановили дальнѣйшія военныя дѣйствія персіянъ, и они разошлись, отложивъ свои намѣренія до весны. Русскія войска, въ свою очередь, тоже расположились на зимнія квартиры.

Планъ дальнѣйшихъ операцій, выработанный Ермоловымъ, заключался въ слѣдующемъ: главныя силы русской арміи должны были, подойдя къ Эривани и обложивъ эту крѣпость частью силъ, подвинуться къ Нахичевани. Дѣйствія къ сторонѣ Шуши предположено было ограничить лишь обороною Аракса. Планъ этотъ былъ разработанъ въ подробностяхъ, все было предусмотрѣно, но исполненіе его досталось уже на долю Паскевича, который въ мартѣ 1827 года былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Находясь на Кавказѣ еще ранѣе своего назначенія Паскевичъ, полагаясь на доносы своего переводчика, поручика Ивана Корганова, извѣстнаго на Кавказѣ подъ именемъ «Ваньки Каина», съ помощью Дибича, рѣшился писать въ Петербургъ, обвиняя Ермолова не только въ возбужденіи войны съ Персіею, но и во всѣхъ возстаніяхъ на Кавказѣ: вотъ до чего дошли интриги противъ этого замѣчательнаго героя.

Вступивъ въ командованіе войсками, Паскевичъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1827 года открылъ наступательныя дѣйствія противъ персіянъ движеніемъ сильнаго авангарда генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа къ Эчміадзину, который и былъ занятъ 13-го апрѣля безъ затрудненій. Главныя же силы, послѣ очень труднаго похода, прибыли 25-го апрѣля къ Эривани; вслѣдъ за этимъ крѣпость эта была обложена со всѣхъ сторонъ. За неимѣніемъ осадной артиллеріи, нельзя было приступить къ правильной осадѣ, а потому началась блокада, продолжавшаяся до 15-го іюня. Вылазки непріятеля только увеличивали потери персіянъ; всѣ демонстраціи ихъ многочисленной кавалеріи, переправлявшейся черезъ Араксъ, для дѣйствій противъ русскихъ войскъ, расположенныхъ на границѣ, обыкновенно оканчивались полными неудачами и пораженіями, даже и тогда, когда происходили встрѣчи съ незначительными русскими отрядами.

Въ половинѣ іюня къ главнымъ силамъ прибылъ Паскевичъ и, убѣдившись въ невозможности овладѣть крѣпостью, не имѣя осадной артиллеріи, приказалъ снять блокаду ея, тѣмъ болѣе, что стоявшія въ окрестностяхъ прочіе отряды страдали отъ сильнаго жара и вѣтровъ, причинявшихъ болѣзни. Войскамъ приказано было стать ближе къ Эчміадзину, въ ожиданіи прибытія осадной артиллеріи, а затѣмъ выступить къ крѣпости Аббасъ-Абаду и расположиться на берегу Аракса. Въ ночь на 1-е іюля Паскевичъ приказалъ приступить къ осадѣ этой крѣпости, которая вслѣдъ за этимъ огнемъ русскихъ батарей во многихъ мѣстахъ была повреждена. Чтобы освободить гарнизонъ крѣпости, принцъ Аббасъ-мирза старался своими дѣйствіями отвлечь русскихъ, но, несмотря на это, 17-го іюля русскіе заняли Аббасъ-Абадъ, а комендантъ поднесъ Паскевичу ключи, сдалъ знамена, оружіе и 18 орудій.

Сознавая возможность движенія русскихъ къ Тавризу, принцъ Аббасъ-мирза сталъ придумывать средства отвратить отъ Персіи

такой ударъ и, зная, что русскій отрядъ сравнительно незначителенъ, рѣшился, съ 10-ю тысячами человѣкъ пѣхоты и 15-ю тысячами кавалеріи, при 28-ми орудіяхъ, напасть на Эчміадзинъ, возлѣ котораго, на равнинѣ, 17-го августа произошло кровопролитное сраженіе, послѣ чего Аббасъ-мирза отступилъ къ низовьямъ рѣки Занги.

Къ осени 1827 года взгляды на продолженіе войны такъ измѣнились, что въ Петербургѣ и лично у государя составилось совершенно справедливое и основательное убѣжденіе, что въ покореніи крѣпости Эривани, а не Тавриза лежалъ, въ тотъ моментъ, ключъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. При этомъ небезъинтересно знать, что, между прочимъ, писалъ военный министръ Паскевичу на его представленія по этому поводу: «Его величество полагаетъ, что дѣйствія къ Тавризу могли быть предприняты безъ предварительнаго занятія Эривани въ весенней кампаніи, какъ предполагалось; но при нынѣшнихъ же обстоятельствахъ каждое движеніе къ Тавризу должно быть послѣдствіемъ овладѣнія Эривани». И дѣйствительно, оставить въ блокадѣ только эту крѣпость и идти къ Тавризу значило растянуть операціонную линію на слишкомъ большое разстояніе, и, въ случаѣ неудачи главныхъ силъ подъ Тавризомъ или осаднаго корпуса подъ Эриванью, очутиться въ трудномъ, опасномъ и даже въ критическомъ положеніи. Непріятель, дѣйствуя на пространствѣ между Тавризомъ и Эриванью, могъ перерѣзать коммуникацію и этимъ принудить русскихъ къ отступленію.

Поэтому взятіе Эривани было дѣломъ необходимымъ. Еще недавно лучшій оплотъ персидскаго государства, крѣпость эта уже не обладала той нравственной силой, безъ которой совершенно безполезны всякія укрѣпленія.

«Съ именемъ Эривани, а также находящагося вблизи Арарата, воображеніе человѣка переносится къ древнимъ временамъ: одна изъ легендъ говоритъ, что птица, выпущенная изъ ковчега, по окончаніи всемірнаго потопа, долетѣла до того мѣста, гдѣ теперь Эривань, сѣла на обнаженную отъ воды землю, и Ной, увидѣвъ ее, воскликнулъ: «Эри вуме!»—что въ переводѣ значитъ: «вотъ видно». На этомъ мѣстѣ дѣтьми Ноя было построено селеніе, названное Эривуме, превратившееся въ Эривань. При послѣдующихъ событіяхъ Эривань не разъ переходила въ руки персіянъ и турокъ, которые и возвели ее въ крѣпость. Во времена шаха Аббаса Великаго турки потеряли Эривань, и она съ тѣхъ поръ осталась во владѣніи Персіи. Одно время царь грузинскій Ираклій подчинилъ эриванскаго сардаря своей власти и получалъ отъ него дань, но основатель нынѣ царствующей въ Персіи Каджарской династіи опять подчинилъ Эривань Персіи».

По прежнему крѣпость эта стояла на крутомъ утесистомъ берегу быстрой Занги, по прежнему ея высокія твердыни, ея бастіоны и башни грозно смотрѣли изъ-за глубокихъ, наполненныхъ водою рвовъ, недоступныхъ для эскалады; но за крѣпкими стѣнами уже давно исчезъ воинственный духъ, и мирные жители, населявшие городъ, съ ихъ вѣчною заботой о насущномъ хлѣбѣ, представляли собою плохое ручательство въ упорномъ сопротивленіи. Паскевичъ зналъ о нравственной слабости Эривани и потому смѣло писалъ государю: «Конечно, Эривань не подержится болѣе нѣсколькихъ сутокъ».

Необходимо было торопиться овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ до начала наступленія ненастной осенней погоды. Въ виду этого, 23-го сентября, Паскевичъ со всѣмъ своимъ корпусомъ двинулся къ Эривани и расположился на берегу Занги, въ двухъ верстахъ отъ города, занявъ курганъ Мухатанъ-Тапа, на которомъ предполагалось воздвигнуть батарею.

Послѣ ряда неудачъ въ эту войну, мужество персовъ сильно поколебалось, и эриванскій гарнизонъ, надо полагать, рѣшился бы немедленно сдаться безъ боя, но въ крѣпости находился отважный и неутомимый Гассанъ-ханъ, какъ-то успѣвшій пробраться въ нее съ турецкой границы; онъ всячески началъ ободрять осажденныхъ и тѣмъ поднялъ мужество жителей и гарнизона.

Желая поскорѣе овладѣть крѣпостью, Паскевичъ со свойственною ему энергіей принялся за дѣло: по его приказанію, 24-го сентября былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили вести атаку на крѣпость съ ея юго-восточнаго угла. «Какъ долго можетъ продолжаться осада?»—спросилъ Паскевичъ одного изъ участниковъ осады. «Въ Покровъ день покроемъ и крѣпость»—отвѣтилъ онъ.

На другой день, 25-го сентября, были открыты осадныя работы, а въ ночь на это число, еще до начала этихъ работъ, брошено

было въ городъ нѣсколько пробныхъ бомбъ изъ-за кургана Мухатанъ-Тапа. Началось бомбардированіе. Осадныя орудія безъ труда разбивали стѣны и башни крѣпости. Утромъ войска заняли восточный форштадтъ, и въ садахъ его закипѣла работа. Полки кабардинскій и 39-й егерскій, батальоны севастопольскаго и крымскаго полковъ дружно приготавливали туры и фашины. Въ ночь на 26-е число уже устроена была первая батарея на шесть тяжелыхъ орудій, всего въ трехстахъ саженяхъ отъ восточной стѣны, на высокомъ холмѣ, съ котораго виднѣлась почти вся внутренность крѣпости. Правѣе ея, въ полутораста шагахъ, за уцѣлѣвшимъ строеніемъ форштадта, въ садахъ, прикрытая высокою и толстою стѣною, расположилась другая батарея, въ четыре двухпудовыя мортиры.

Въ ночь на 27-е августа оба батальона карабинернаго полка находились на работахъ подъ безпрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ «Лунный свѣтъ, — сказано во всеподданнѣйшемъ донесеніи, — открытіе непріятелемъ работающихъ, живая ружейная пальба, ничто не остановило ни инженеровъ, ни піонеровъ, ни гвардейскій батальонъ, бывшій въ прикрытіи, ни работающихъ ширванскаго карабинернаго полка, 39-го егерскаго и севастопольскаго полковъ».

29-го числа, съ ранняго утра, опять загремѣла брешь-батарея, и къ полудню, подъ ея жестокимъ огнемъ, рухнула юго-восточная угловая башня эриванской стѣны. Паскевичъ приказалъ отправить въ траншеи всѣхъ разжалованныхъ и сосланныхъ, чтобы доставить имъ возможность отличиться и выслужиться.

Жители партіями выбѣгали изъ крѣпости и сообщали русскимъ о народномъ неудовольствіи и смятеніи, говорили даже, что Гасанъ-ханъ намѣренъ бѣжать изъ крѣпости. Въ виду этихъ слуховъ были посланы кругомъ крѣпости разъѣзды, а за рѣку Зангу отправленъ батальонъ 7-го карабинернаго полка съ 6 орудіями, подъ командой барона Фредерикса, для занятія Иракліевской горы и обстрѣливанія ханскаго дворца.

Получая свѣдѣнія о смятеніи жителей, щадя осажденныхъ и сознавая, насколько выгоденъ каждый часъ болѣе ранняго овладѣнія Эриванью, Паскевичъ предложилъ Гасанъ-хану сдать крѣпость безъ боя и разрѣшилъ непріятелю свободный выходъ. На размышленіе объ этомъ предложеніи давалось шесть часовъ. Гасанъ-ханъ не отвѣчалъ ни слова. Но когда, 30-го числа, утромъ, на Иракліевской горѣ поставили новую шести-орудійную батарею, а затѣмъ осадныя работы довели до третьей параллели, — изъ Эривани, около полудня, пріѣхалъ парламентеръ. Гасанъ-ханъ соглашался сдаться, но только просилъ позволенія предварительно узнать волю Аббасъ-мирзы, стоявшаго въ 70-ти верстахъ отъ крѣпости. «Безъ посылокъ къ Аббасъ-мирзѣ и къ кому бы то ни было сдаться сейчасъ же, — грозно отвѣчалъ Паскевичъ, — иначе Гасанъ узнаетъ силу русскихъ штыковъ». Парламентеръ уѣхалъ и болѣе не возвращался. Вслѣдъ за этимъ Паскевичемъ послана была прокламація къ жителямъ города, и рѣшено было продолжать штурмъ.

Вскорѣ огонь русскихъ батарей изъ орудій и мортиръ большого калибра вновь былъ усиленъ, и дома Эривани одинъ за другимъ стали падать. Крѣпостная стѣна во многихъ мѣстахъ обвалилась, къ вечеру зубцы ея почти вездѣ обрушились, амбразуры были повреждены, нѣсколько крѣпостныхъ орудій подбиты, и пыль отъ развалинъ и дымъ отъ бомбъ носились надъ крѣпостью. Передъ вечеромъ, лишь только смолкъ громъ выстрѣловъ, Паскевичъ приказалъ отправить двѣ тысячи рабочихъ, чтобы дойти летучею сапой непремѣнно до самого гласиса, гдѣ уже были готовы туры. Между тѣмъ внутри крѣпости слышались крики отчаянія, плачъ женщинъ и дѣтей, которыя на колѣняхъ умоляли Гасанъ-хана о добровольной сдачѣ крѣпости; но онъ оставался непреклоннымъ и отвергалъ всѣ мольбы жителей. Къ счастью, до штурма оставалось недолго. Съ вечера показалась луна, но вскорѣ же была закрыта облаками, и это обстоятельство много способствовало успѣху дѣла. Въ то время, когда солдаты работали, Паскевичъ стоялъ на батареѣ; онъ облокотился на мѣдную пушку и смотрѣлъ на востокъ, тревожно слѣдя глазами за набѣгавшими темными тучами, задернувшими всѣ небо и закрывшими рабочихъ. Около полуночи, когда летучая сапа подведена была къ крѣпости уже такъ близко, что можно было приступить къ вѣнчанію гласиса, вдругъ стѣны Эривани освѣтились яркими подсвѣтами, такъ что не только рабочіе, но и батареи стали видны, какъ днемъ. Въ тотъ же моментъ съ крѣпостныхъ стѣнъ открытъ былъ адскій пушечный и ружейный

огонь. Въ траншеяхъ ударили отбой, и въ ночь на 1-е октября сорокъ орудій принялись вновь громить крѣпость.

«Въ эту ночь, о которой съ неописаннымъ ужасомъ долго вспоминали эриванскіе старожилы, огонь русскихъ батарей продолжался до утра. Однѣхъ бомбъ брошено было въ городъ болѣе тысячи. Пламя отъ нихъ и зарево пожаровъ освѣщали картину страшнаго разрушенія. Крѣпость гибла, разрушаясь. Черезъ часъ она должна была замолчать, скрыть свои яркіе огни и спрятаться во мракѣ ночи. Еще до разсвѣта было получено донесеніе отъ барона Фредерикса о замѣченномъ необыкновенномъ движеніи внутри крѣпости. Не прошло и двухъ часовъ по открытіи этой страшной канонады, какъ самъ Гасанъ-ханъ съ нѣкоторыми приближенными къ нему чиновниками намѣревался бѣжать изъ крѣпости. Часть гарнизона даже вышла и начала приближаться къ сѣверному форштадту, желая пройти стороною, чтобы переправиться черезъ рѣку Зангу, но находившіяся на позиціи двѣ роты 39-го егерскаго полка, за которыми на высотахъ, прилегавшихъ къ Зангѣ, были расположены два казачьихъ полка подъ общею командою подполковника Красовскаго и весь чугуевскій уланскій полкъ, подъ командою подполковника Ивлича,—увидѣли непріятеля, который, наткнувшись на егерей, тотчасъ-же поспѣшно возвратился обратно въ крѣпость. Лишь одна только конная партія, человѣкъ въ 60, рѣшительно и смѣло ударила на русскихъ стрѣлковъ и прорвала цѣпь; но затѣмъ, пройдя немного въ тылу стрѣлковъ, партія эта совершенно неожиданно наткнулась на улановъ и казаковъ и, окончательно разстроенная, дала тылъ и пустилась въ бѣгство... Впослѣдствіи оказалось, что въ этой партіи былъ и самъ Гасанъ-ханъ, который, вернувшись въ крѣпость, увидѣлъ, что вся она объята пламенемъ. И дѣйствительно, въ эту ночь Эривань была совершенно разрушена: ни одно строеніе не уцѣлѣло отъ разрушительнаго дѣйствія русскихъ снарядовъ, ни плоскія кровли домовъ, ни куполы мечетей, а многіе жители крѣпости погибли въ садахъ, на улицахъ и подъ развалинами домовъ. Бомбы, ядра, со свистомъ разсѣкая воздухъ и описывая дугу, оставляли за собою огненный слѣдъ. Смятеніе въ городѣ началось ужасное: женщины и дѣти, ожидая смерти, съ воплемъ бѣгали по узкимъ улицамъ, стараясь куда нибудь укрыться, лишь бы спастись отъ носившейся надъ ними смерти. Видя неминуемую гибель, жители огромной толпой бросились къ Гасанъ-хану и стали требовать, чтобы онъ сдалъ крѣпость, но Гасанъ былъ непреклоненъ и отвѣчалъ бранью и проклятіями».

Такъ прошла страшная для Эривани ночь. Наступило утро 1-го октября. Жители, видя, что совершенно невозможно склонить упорнаго Гасанъ-хана къ добровольной сдачѣ крѣпости, рѣшились сами обратиться къ осаждающимъ. Отчаяніе овладѣло всѣми. Не зная, куда укрыться отъ все время летѣвшихъ снарядовъ, народъ бросился на юго-восточныя башни и валы: одни, становясь на колѣни, простирая руки къ небу, молили о пощадѣ, махали бѣлыми платками и кричали, что они сдаются; другіе спускались по бреши въ ровъ и, подъ градомъ пуль, перебѣгали въ русскія траншеи.

«Въ одинъ изъ такихъ моментовъ,- говоритъ историкъ кавказской войны Потто,—когда жители толпою выставляли на крѣпостной стѣнѣ бѣлые платки и махали шапками, полковники Гурко и Шепелевъ, бывшіе въ траншеяхъ, съ шестью ротами гвардейскаго полка бросились, по распоряженію дежурнаго въ траншеѣ, генерала Лаптева, черезъ брешь и быстро и рѣшительно заняли юго восточную башню подъ огнемъ непріятеля, еще стрѣлявшаго съ южной стороны. Въ то же время самъ генералъ Лаптевъ, съ остальными гвардейскими ротами и рабочими отъ севастопольскаго и 39-го егерскаго полковъ, подошелъ къ сѣвернымъ воротамъ, чтобы не дать никому выйти изъ крѣпости. Туда-же скоро подоспѣлъ и генералъ Красовскій съ частью своего отряда. Гордо стояли теперь солдаты надъ рвомъ, облокотившись на опущенныя къ ногѣ ружья, еще не остывшія отъ послѣдней перестрѣлки, и хладнокровно ожидали, пока растворятъ передъ ними ворота, заваленныя каменьями и засыпанныя землею».

Когда генералъ Красовскій подошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ, то приказалъ бывшему при немъ оберъ-аудитору Бѣлову, прекрасно знавшему татарскій языкъ, сказать, чтобы отворили ихъ, но едва Бѣловъ проговорилъ нѣсколько словъ, какъ раздался выстрѣлъ, и аудиторъ былъ убитъ. Войска готовились уже броситься на штурмъ, какъ вдругъ ворота растворились, и толпы жителей начали выражать свою покор

ность. Убійцею Бѣлова, какъ оказалось, былъ самъ Гасанъ-ханъ, желавшій удержать входъ русскихъ войскъ въ крѣпость; но когда и это не помогло, онъ съ нѣсколькими стами человѣкъ укрылся въ главную мечеть. Однако бывшіе при немъ сарбазы, увидѣвъ русскихъ гренадеръ, поспѣшили бросить ружья и сдаться; Гасанъ-ханъ былъ обезоруженъ и взятъ въ плѣнъ.

«Честь взятія въ плѣнъ Гасанъ-хана приписывается обыкновенно графу Сухтелену. Такъ свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, всѣ печатные источники. Но генералъ Красовскій въ своихъ посмертныхъ запискахъ говоритъ нѣчто иное, и въ справедливости его словъ едва ли можно сомнѣваться. Вотъ что разсказываетъ онъ. Когда онъ вошелъ съ войскомъ въ крѣпость, на вопросъ его, обращенный къ одному изъ плѣнныхъ: «Гдѣ Гасанъ-ханъ?» — тотъ вызвался быть провожатымъ и указалъ большую мечеть, стоявшую близъ ханскаго дома. Красовскій тотчасъ приказалъ встрѣтившимся ему двумъ ротамъ своднаго гвардейскаго полка послѣдовать за собою и, окруживъ мечеть, заставилъ непріятеля угрозою штурма прекратить перестрѣлку. Затѣмъ онъ одинъ, съ небольшою свитою, вошелъ въ мечеть, гдѣ находилось больше двухсотъ персіянъ,— и этому присутствію духа и отважной рѣшимости его русскіе только и обязаны тѣмъ, что взятіе въ плѣнъ сардаря, извѣстнаго неукротимымъ и бѣшенымъ характеромъ, обошлось спокойно и безъ пролитія крови. «Оружіе съ него снято было моими руками,—говоритъ Красовскій,— и тутъ-же передано моему адъютанту, барону Врангелю, а тотъ уже, по моему приказанію, передалъ его бывшему при Сухтеленѣ свитскому офицеру Чевкину, для доставленія корпусному командиру».

Вмѣстѣ съ Гасанъ-ханомъ во время взятія Эривани были плѣнены шесть значительныхъ хановъ, а коменданта крѣпости, Суванъ-Кули-хана, долго никакъ не могли отыскать, но затѣмъ его отыскалъ поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Чевкинъ въ подземельѣ, куда ханъ, заранѣе переодѣвшись, спрятался, взявъ съ собою большой запасъ разной провизіи, и изъ своего подземелья осторожно выжидалъ удобнаго времени, чтобы бѣжать.

«Покорившись участи плѣнника,—продолжаетъ тотъ же историкъ кавказской войны,—отважный Гасанъ-ханъ жаловался Красовскому только на потерю драгоцѣннаго меча, который онъ потерялъ наканунѣ, во время несчастной попытки бѣжать изъ крѣпости. Спускаясь по веревкамъ съ высокой стѣны, онъ выронилъ его изъ ноженъ и, не разыскавъ въ суматохѣ, въ бѣшенствѣ разбилъ богатыя ножны о камень. Драгоцѣнный мечъ представлялъ собою большую историческую цѣнность. Онъ, по преданію, нѣкогда принадлежалъ Тамерлану и былъ неразлучнымъ спутникомъ въ его походахъ по Востоку и въ битвахъ съ турецкимъ султаномъ Баязидомъ-Молніей. Отъ Тамерлана мечъ перешелъ къ одному изъ предковъ царствовавшей въ Персіи династіи Софіевъ и долго служилъ украшеніемъ сокровищницы персидскихъ государей. Когда Гасанъ ханъ, въ 20-хъ годахъ, прославилъ себя побѣдами надъ турками, шахъ прислалъ ему фирманъ, милостиво разрѣшая просить награду, какой онъ пожелаетъ. Ханъ просилъ пожаловать ему тамерланскій мечъ и титулъ «серъ-арслана», т. е. главы или предводителя львовъ. Шахъ исполнилъ и то, и другое. Очевидно, потеря меча, столь знаменитаго въ Персіи, не могла не огорчать Гасана. Красовскій принялъ горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ, и, при содѣйствіи Джафаръ-хана Айрюкскаго, мечъ былъ найденъ у одного татарина, который тщательно скрывалъ драгоцѣнность, разсчитывая обогатиться продажею ея. Татаринъ получилъ награду, а знаменитый мечъ, по желанію Гасанъ-хана, отправленъ былъ въ даръ императору Николаю Павловичу. Представляя мечъ этотъ государю, Красовскій доносилъ: «Къ стопамъ вашего императорскаго величества повергаю мечъ великаго Тамерлана, добытый мною въ стѣнахъ Эривани; кому, если не государю моему и благодѣтелю, принесу я въ даръ мечъ сей, украшавшій сокровищницу шаховъ персидскихъ? Нѣкогда, въ могучей десницѣ Тамерлана, онъ покорилъ Востокъ и попралъ гордость турокъ, въ лицѣ ихъ султана, Баязида-Молніи; нынѣ же, въ благословенныхъ рукахъ вашего величества, да повторитъ онъ свѣтлый ударъ Тамерлана, сокрушивъ враговъ вѣры и человѣчества».

Видъ Эривани послѣ штурма былъ ужасенъ: обвалившіеся дома дымились. «Доѣхавъ до юго-восточнаго угла крѣпости,— разсказывалъ одинъ очевидецъ,—я удивился разрушенію стѣнъ и башенъ. Мнѣ кажется, что всемогущее время въ четыре вѣка не могло бы сдѣлать того, что въ четыре дня сдѣлала осадная

артиллерія». Безпорядокъ въ крѣпости продолжался недолго,— черезъ два часа уже все было спокойно, порядокъ водворенъ, личность и имущество жителей остались неприкосновенными.

На слѣдующій день, 2-го октября, войска торжествовали побѣду: они были собраны передъ южными воротами крѣпости и построены въ одно огромное каре. Когда войска выстроились, то имъ громко былъ прочитанъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго: «Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью, свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго: побѣда вездѣ сопровождала васъ».

Трофеями побѣды были: 4 знамени, 38 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, 50 фальконетовъ, 1,500 пудовъ пороха, множество разныхъ запасовъ и болѣе 10-ти тысячъ четвертей хлѣба; въ плѣнъ было взято 3 тысячи сарбазовъ и много знатнѣйшихъ сановниковъ.

Герои Эривани были щедро награждены: Паскевичу пожалованъ орденъ св. Георгія 2-го класса и титулъ графа Эриванскаго. Всѣ участники войны получили особую медаль «За персидскую войну» на соединенной лентѣ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе о взятіи Эривани во время своего пребыванія въ Ригѣ, тотчасъже собственноручнымъ рескриптомъ поздравилъ съ этимъ важнымъ событіемъ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края маркиза Паулуччи, нѣкогда начальствовавшаго въ Грузіи. Богатое оружіе, снятое съ Гасанъ-хана и поднесенное императору поручикомъ Бухмейеромъ, пожаловано было государемъ, въ память своего пребыванія въ Ригѣ, въ городскую ратушу.

Вѣсть о взятіи Эривани разнеслась по всему русскому царству и сдѣлалась общеизвѣстною народу до самыхъ глубокихъ его слоевъ. Паденіе крѣпости сильно врѣзалось въ воображеніе участниковъ штурма, а русскій солдатъ отмѣтилъ его въ своей пѣснѣ.

Увѣнчанный новыми лаврами, Паскевичъ далъ отдыхъ войскамъ и 7-го октября выступилъ въ глубь Персіи, къ Тавризу; въ дорогѣ онъ узналъ о занятіи 13-го октября, безъ боя, отрядомъ князя Эристова, Тавриза, куда 19-го октября торжественно въѣхалъ самъ Паскевичъ. Потеря Тавриза окончательно лишила Аббасъ-мирзу возможности продолжать войну, которая, съ занятіемъ этого города, могла считаться оконченною.

Потерпѣвъ столь серьезныя неудачи, персіяне упали духомъ и поспѣшили съ предложеніемъ мира. Послѣ долгихъ переговоровъ и затрудненій миръ былъ подписанъ 9-го февраля 1828 года въ Туркманчаѣ, куда перешли русскія войска, двигаясь къ Тегерану, такъ какъ персіяне подъ разными предлогами затягивали уплату денежной контрибуціи.

По туркманчайскому договору Россія пріобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское, кромѣ того получила 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи и, наконецъ, ей предоставлено было исключительное право плаванія по Каспійскому морю.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Взятіе штурмомъ сел. Гимры 17-го Октября 1832 года.

38

Взятіе штурмомъ аула Гимры 17-го октября 1832 года, въ связи въ мюридизмомъ.

Персидская и турецкая войны, веденныя императоромъ Николаемъ I, отвлекли вниманіе Россіи отъ кавказскихъ горъ, гдѣ за это время сталъ сильно распространяться «мюридизмъ, обязывавшій всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ вести священную войну противъ гяуровъ (русскихъ), пока они не будутъ изгнаны съ Кавказа».

До появленія мюридизма горцы жили отдѣльными племенами, имѣли мало общаго между собою, исповѣдывали искаженную религію, не имѣвшую никакого политическаго оттѣнка. Горцы молились усердно, но вмѣстѣ съ тѣмъ пили вино, женщины ихъ ходили безъ покрываль, молодежь кутила, и въ самое богослуженіе вкралось много грубыхъ ошибокъ. Русское правительство не вмѣшивалось въ религіозныя вѣрованія горцевъ и не мѣшало имъ жить, какъ хотѣлось. Но зато со второй половины двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія характеръ вражды горцевъ къ русскимъ сталъ видоизмѣняться, и на Кавказѣ возникла борьба совсѣмъ другого характера.

Началомъ мирюдизма, какъ извѣстно, послужило проповѣдываніе магометанскому народу неизвѣстной дотолѣ части корана, который состоялъ изъ трехъ частей: шаріата, т. е. изреченій Магомета, обратившихся для мусульманъ въ законъ, тариката— объясненій поступковъ пророка, достойныхъ подражанія для каждаго правовѣрнаго, и хякиката,—гдѣ говорилось о видѣніяхъ и вѣрованіяхъ пророка. Такимъ образомъ, шаріатъ есть слово, тарикатъ—дѣло и хякикатъ—мысль.

Собственно говоря, еще со времени Шейхъ-Мансура, во второй половинѣ XVIII столѣтія, характеръ вражды горцевъ къ русскимъ принималъ уже оттѣнокъ религіознаго фанатизма; но нѣсколько понесенныхъ ими пораженій, взятіе Гудовичемъ Анапы и плѣненіе тамъ этого проповѣдника прекратили неуспѣвшее еще окрѣпнуть ученіе. Въ теченіе четверти вѣка послѣ того не было слышно о возникновеніи гдѣ либо агитаціи, и дѣйствія русскихъ войскъ на кавказской линіи имѣли оборонительный характеръ. Только изрѣдка размѣры возстанія горцевъ принимали болѣе серьезный видъ, когда нѣсколько обществъ въ Дагестанѣ, поддаваясь вліянію мѣстныхъ родовитыхъ владѣльцевъ, соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій.

Въ началѣ XIX столѣтія въ городѣ Багдадѣ жилъ одинъ ученый мужъ по имени Халидъ-Сулейманъ, примѣрнымъ образомъ жизни и душеспасительными занятіями пріобрѣвшій всеобщее уваженіе мусульманъ и впослѣдствіи даже внесенный въ число мусульманскихъ святыхъ. Халидъ проповѣдывалъ тарикатъ, и отъ него ученіе это перешло въ Дагестанъ. Всякій, кто слѣдовалъ тарикату, обязанъ былъ прежде всего повиноваться «ниспосланной книгѣ»—корану, слѣдовать по стопамъ пророка, каяться въ грѣхахъ и просить у всѣхъ прощенія. Истинный послѣдователь тариката долженъ былъ мало ѣсть и пить, постоянно молиться Богу и быть довольнымъ судьбою. Проповѣдники тариката назывались «мюридами» и ими могъ сдѣлаться каждый, безъ различія возраста. Явившись къ проповѣднику тариката и объявивъ ему, что желаетъ посвятить себя Богу, онъ тотчасъ же получалъ названіе мюрида.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія было два проповѣдника тариката: извѣстный ученый и весьма уважаемый въ мусульманскомъ мірѣ Эфенди-Гаджи-Измаилъ и мулла-Магометъ, жившій въ 1823 году въ Кюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Ярагѣ—человѣкъ весьма умный, прекрасно знавшій коранъ и потому имѣвшій вліяніе на народъ. Мулла-Магометъ съ чрез-

вычайнымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе владычества русскихъ въ Дагестанѣ, опасаясь, чтобы, отъ частыхъ сношеній съ «гяурами», народъ не утратилъ своихъ вѣрованій и, вслѣдствіе этого, духовенство не лишилось вліянія на него. Въ виду подобныхъ опасеній и присущей ему ненависти къ «невѣрнымъ», мулла-Магометъ искалъ случая къ возбужденію фанатизма среди горцевъ и поэтому, собравъ кюринскихъ и другихъ дагестанскихъ муллъ, отправился съ ними къ Гаджи-Измаилу, жившему въ Кюрдамирѣ, для совѣщаній и принятія мѣръ къ поднятію въ народѣ религіозности. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшено было заняться духовно-нравственнымъ обновленіемъ мусульманъ, образовавъ для того особую секту исправителей. По единогласному соглашенію, мулла-Магметъ избранъ былъ старшимъ мюридомъ.

Ученіе названо было «мюридизмомъ», и мулла-Магометъ, по возвращеніи въ Ярагъ, принялся всѣми силами распространять его, употребляя самое дѣйствительное средство—деньги. Онъ собиралъ кюринцевъ, кормилъ, поилъ ихъ, читалъ имъ проповѣди, идея которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: «Мусульмане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; мусульманинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить податей, хотя бы даже своему единовѣрцу. Каждый мусульманинъ есть свободный человѣкъ, и между мусульманами должно быть равенство. Для всякаго, считающаго себя мусульманиномъ, первое дѣло составляетъ «газаватъ», т. е. священная война противъ невѣрныхъ, а потомъ—исполненіе шаріата. Для мусульманина исполненіе шаріата безъ газавата не есть спасеніе. Кто исполняетъ шаріатъ, тотъ долженъ вооружиться, бросить семейство, домъ и не щадить самой жизни. Кто послѣдуетъ этому совѣту, того Богъ въ будущей жизни вознаградитъ съ избыткомъ. Подъ властью же невѣрныхъ или чьей бы то ни было, всѣ намазы, посты, странствованія въ Мекку, жертвы бѣднымъ, чтеніе корана—ничего не значатъ, а узы брака, связывающія мусульманъ, дѣлаются незаконными». «Народъ!—говорилъ мулла-Магометъ,—вы не магометане, не христіане и не идолопоклонники. Магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ... Народъ! Клянись оставить всѣ грѣхи и впредь ихъ не дѣлать, дни и ночи проводить въ мечети». Такимъ образомъ, въ основу первой же проповѣди было положено политическое движеніе, заключавшееся въ идеѣ освобожденія магометанъ и въ борьбѣ съ невѣрными.

«Кюринцы разошлись по своимъ селеніямъ,—пишетъ историкъ апшеронскаго полка Богословскій, – повторяя въ кругу своихъ семействъ все завѣщанное муллой-Магометомъ, слова котораго произвели магическое дѣйствіе на умы легковѣрныхъ слушателей, чрезвычайно привязанныхъ къ своей религіи. Фанатизмъ вполнѣ овладѣлъ ими, и съ того времени двери мечетей рѣдко затворялись: не только взрослые, но даже дѣти толпились въ храмахъ пророка, молились со слезами и клялись оставить свои прегрѣшенія. Слухъ о муллѣ-Магометѣ распространился по всему Дагестану, и горцы толпами начали стекаться со всѣхъ сторонъ въ Ярагъ, чтобы видѣть и слышать новаго проповѣдника. Съ увлеченіемъ принимая отъ него благословенія и давая обѣты слѣдовать его наставленіямъ, они признавали его мюршидомъ, а себя мюридами, или послѣдователями мюридизма. Приходившіе изъ разныхъ обществъ въ Ярагъ муллы жили тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ и, наблюдая за поведеніемъ мюршида, всегда находили его погруженнымъ въ чтеніе корана или молящимся Богу. Они признали его святымъ и, возвратившись домой, старались подражать ему въ образѣ жизни. Такимъ образомъ, новое ученіе все болѣе распространялось въ Дагестанѣ».

Въ 1824 году признаки мюридизма начали ясно обнаруживаться. Мюриды ярагскіе ходили по улицамъ съ деревянными шашками и, ударяя ими по встрѣчавшимся предметамъ, поворачивались лицомъ на сѣверъ и кричали: «Мусульмане, газаватъ!..... Мусульмане, газаватъ!».... По цѣлымъ днямъ они скитались въ окрестностяхъ своего селенія, повторяя одни и тѣ же восклицанія. Вскорѣ мюриды другихъ селеній начали подражать ярагскимъ, и слова «Мусульмане, газаватъ!» не только пронеслись по всѣмъ кюринскимъ владѣніямъ, но перешли въ сосѣднія общества и проникли въ сѣверный Дагестанъ...

Вскорѣ послѣ того прибыли въ Ярагъ изъ разныхъ обществъ Дагестана многіе ученые муллы, къ которымъ мулла-Магометъ обратился съ слѣдующими словами: «Именемъ пророка повелѣваю вамъ—ступайте на свою родину, соберите народъ, прочитайте ему мои наставленія, вооружитесь и идите

на газаватъ. Истребите враговъ и освободите братій вашихъ, мусульманъ. Кто убьетъ врага или самъ погибнетъ въ битвѣ, тому рай награда; если-же вы убѣжите съ поля сраженія или деньгами и ложными обѣщаніями васъ покорятъ, тогда ваши мечети будутъ превращены въ церкви, вы будете навсегда прокляты, для васъ нѣтъ спасенія, и вы должны бояться гнѣва Божьяго. Вы живете въ крѣпкихъ мѣстахъ, вы храбры: одинъ мусульманинъ долженъ идти противъ десяти невѣрныхъ, а не поворачиваться спиной къ непріятелю. Кто такъ будетъ поступать, тотъ будетъ святымъ и вкуситъ всѣ наслажденія рая. Вотъ ваши обязанности! на исполненіе ихъ благословляю васъ». Подобныя слова не могли не произвести своего дѣйствія на невѣжественный, всегда склонный къ буйству народъ. Дѣйствительно, съ того времени мюридизмъ началъ распространяться быстро: кюринцы, до той поры преданные русскому правительству, стали чуждаться русскихъ, фанатизмъ овладѣлъ умами дагестанцевъ, и они съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда начнется великое спасительное дѣло для исламизма...

Въ 1825 году Ермолову донесли объ успѣхахъ ученія муллы-Магомета, и онъ строжайше предписалъ Асланъ-хану кюринскому принять мѣры къ прекращенію религіозныхъ волненій, схватить мюршида и доставить его въ Тифлисъ. Мулла-Магометъ дѣйствительно былъ арестованъ, но тотчасъ же бѣжалъ и скрылся въ вольной Табасарани, гдѣ продолжалъ съ успѣхомъ свою проповѣдь.

Въ 1829 году мулла-Магометъ благословилъ Кази-муллу гимринскаго на газаватъ, назвавъ его газіемъ. Къ этому времени мюридизмъ разросся въ цѣлую религіозную бурю. Кровавое знамя этого ученія держалъ Кази-мулла, который, принявъ отъ мюршида благословеніе на газаватъ, возвратился въ Гимры и началъ приготовлять жителей этого аула къ принятію новаго ученія. Онъ старался доказать, что они живутъ безъ вѣры и не имѣютъ понятія о шаріатѣ, употребляя горячіе напитки, грабя другъ у друга имущество и проливая кровь мусульманскую. Короче сказать, Кази-мулла передалъ имъ въ своихъ толкованіяхъ наставленія муллы-Магомета и со всею восторженностью, свойственною фанатику-честолюбцу, развилъ смыслъ и цѣль газавата. Увлеченные словами Кази-муллы, гимринцы клялись во всемъ слѣдовать его совѣтамъ и безпрекословно исполнять его волю. Чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ склоненія гимринцевъ на свою сторону, Кази-мулла, вмѣстѣ съ другими ревностными мюридами, отправился въ селеніе Чиркей, для убѣжденія жителей присоединиться къ исправительной сектѣ.

Чиркеевцы поклялись строго соблюдать шаріатъ. Послѣ того Кази-мулла обратился съ толкованіемъ новаго ученія къ жителямъ другихъ сосѣднихъ ауловъ и вездѣ пользовался успѣхомъ.

Несмотря на быстрое движеніе мюридизма, въ Дагестанѣ нашлось много благоразумныхъ людей, ясно понимавшихъ, какъ гибельны для народа его замыслы. Шамхальскіе аулы Эрпели и Каранай первые подняли голосъ противъ мюридизма. Кази-мулла, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился со своими приближенными въ эти аулы, взялъ отъ жителей аманатовъ изъ самыхъ почетныхъ семействъ и отправилъ ихъ въ Гимры. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Унцукуль и въ другіе койсубулинскіе аулы, еще не признававшіе его власти. Склонивъ ихъ на свою сторону, онъ началъ переходить со своими мюридами отъ одного вольнаго общества къ другому, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, а затѣмъ хотѣлъ подчинить своему вліянію еще аварцевъ, которые въ то время считались самымъ сильнымъ народомъ въ горахъ, слѣдовательно, съ принятіемъ ими новаго ученія, слава Кази-муллы еще болѣе возросла-бы. Утвердившись въ Аваріи, онъ занялъ бы средину горъ и получилъ бы возможность съ большимъ удобствомъ постепенно распространять свою духовно-политическую власть на весь Дагестанъ.

Въ концѣ 1829 года Кази-мулла былъ уже близокъ къ цѣли своихъ желаній: изъ всей Аваріи только одинъ Хунзахъ, мѣстопребываніе аварскихъ хановъ, оставался вѣрнымъ своему настоящему повелителю, юному хану Султану Абу-Нуцалу, руководимому престарѣлою матерью Паху-Бике, прочіе же аулы перешли на сторону непріятеля. Въ февралѣ 1830 года появились партіи мюридовъ около Хунзаха. Предводительствуя скопищемъ до восьми тысячъ человѣкъ, Кази-мулла требовалъ, чтобы аварцы прервали сношенія съ русскими и содѣйствовали уничтоженію Дербента, Внезапной и другихъ пунктовъ, въ случаѣ же отказа грозилъ предать все истребленію. Хунзахъ со-

стоялъ тогда изъ семисотъ дворовъ и могъ выставить до двухъ тысячъ вооруженныхъ защитниковъ. Зная о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Кази-муллы, Абу-Нупалъ-ханъ заблаговременно укрѣпился въ своей столицѣ, надѣясь на вѣрность хунзахцевъ. Но скопища Кази-муллы смутило ихъ, и они начали колебаться. Не полагаясь на храбрость и опытность молодого хана, ханша Паху-Бике просила Кази-муллу не итти на Хунзахъ, обѣщавъ дать ему въ аманаты одного изъ своихъ сыновей, но Кази-мулла не обратилъ вниманія на просьбу ханши и подступилъ къ Хунзаху. Приближавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ грозныя толпы мюридовъ навели паническій страхъ на жителей, но въ эту критическую минуту является среди народа, съ шашкою въ рукѣ, сама ханша Паху-Бике. «Хунзахцы!—сказала она,—вы не должны носить шашекъ; отдайте ихъ женщинамъ, а сами покройтесь чадрами». Эти слова подѣйствовали на хунзахцевъ: они подавили страхъ и рѣшились умереть или отразить враговъ. Послѣдовавъ за Абу-Нупалъ-ханомъ, они заняли завалы и башни, окружавшіе Хунзахъ, и приготовились къ борьбѣ. Между тѣмъ толпы горцевъ подошли къ селенію. Молодой ханъ вышелъ изъ заваловъ, смѣло встрѣтилъ враговъ, ударилъ на нихъ въ шашки, опрокинулъ, смялъ и, прогнавъ разсѣявшихся мюридовъ за хребты горъ, замыкающіе Аварскую долину, возвратился съ торжествомъ въ Хунзахъ. Въ награду за это блистательное дѣло императоръ Николай I пожаловалъ аварцамъ георгіевское знамя.

Послѣ пораженія подъ Хунзахомъ, Кази-мулла опять возвратился въ Гимры, гдѣ, собравъ жители старался, возстановить ихъ упавшій духъ.

Несмотря на неудачу въ Аваріи, мюридизмъ быстро распространялся: новое ученіе приняли жители шамхальства, мехтулинцы, сюргинцы, гаміозерцы, кайтахцы и табасаранцы.

Въ апрѣлѣ 1830 года, съ цѣлью подавить мирюдизмъ, сформированъ былъ отрядъ изъ трехъ тысячъ пѣхоты, шести орудій и двухсотъ казаковъ. Начальникомъ отряда назначенъ былъ командиръ апшеронскаго полка полковникъ Мищенко, а мѣстомъ дѣйствія—сѣверный Дагестанъ. Появленіе столь значительнаго числа русскихъ войскъ отрезвило населеніе, и возстаніе на время притихло.

Послѣдующіе успѣхи Кази-муллы заставили новаго главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича, окончившаго блестяще персидскую и турецкую войну, обратить серьезное вниманіе на него, и онъ полагалъ однимъ ударомъ смирить горцевъ. Желая знать подробно, насколько распространился мюридизмъ, Паскевичъ отправилъ маіора Корганова (Ванька Каинъ), которому поручалось имѣть тайное наблюденіе за поведеніемъ владѣльцевъ, и если возможно, то принять мѣры къ поимкѣ самого Кази-муллы, въ это время находившагося въ Гимрахъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Шамилемъ. Коргановъ пытался показать горцамъ въ настоящемъ свѣтѣ ученіе имама, но не имѣлъ успѣха. Между тѣмъ къ Кази-муллѣ, благодаря содѣйствію его сторонника Гамзадъ-бека гоцатлинскаго, ежедневно стекались массы послѣдователей. Недаромъ многіе опасались, что имамъ скоро произведетъ общій бунтъ въ Дагестанѣ, такъ какъ всѣ горскіе народы каждое даже ложное извѣстіе относительно успѣха его предпріятій принимали съ большою радостью. Намѣренія Паскевича относительно этой экспедиціи не могли осуществиться, такъ какъ 24-го апрѣля 1830 года состоялось распоряженіе императора Николая I объ отозваніи его съ Кавказа для начальствованія арміею въ Царствѣ Польскомъ. Командующимъ войсками въ Закавказьѣ и Дагестанѣ приказомъ 28-го апрѣля былъ назначенъ начальникъ штаба корпуса генералъ-адъютантъ Панкратьевъ, а въ другой половинѣ Кавказа и въ Астрахани—генералъ-отъ кавалеріи Эмануель.

Всѣ знали, что дѣла русскихъ въ Дагестанѣ очень плохи и что вліяніе Кази-муллы быстро усиливается. Горцы сдѣлались чрезвычайно смѣлы; скопища Кази-муллы 27-го мая напримѣръ осадили крѣпость Бурную; отчаянные мюриды пошли даже на штурмъ и хотя были отбиты, но вѣсть о дерзкихъ предпріятіяхъ имама облетѣла весь Кавказъ. Кавказскіе начальники только напрасно теряли время въ совершенно излишней перепискѣ, и пока они спорили и разсуждали, толпа горцевъ и кумыковъ въ восемь тысячъ человѣкъ, по приказанію имама, 14-го іюня обложила крѣпость Внезапную, куда черезъ два дня явился съ четырьмя тысячами горцевъ самъ Кази-мулла. Незначительному гарнизону пришлось выдержать шестнадцатидневную осаду, пока не подоспѣлъ на выручку генералъ Эма-

нуэль, который однако при преслѣдованіи Кази-муллы былъ разбитъ и тяжело раненъ. Это было новое торжество имама, и представители разныхъ обществъ, явившись къ нему, призывали его въ южный Дагестанъ.

Пока Кази-мулла этими дѣйствіями на Кумыкской площади отвлекалъ русскія войска, угрожая даже Кизляру, сподвижники его, Магометъ-мулла и Джемаль-Эддинъ, съ толпами лезгинъ прервали сообщеніе между Бурною и Дербентомъ. За это время Кази-мулла разсылалъ воззванія, запасался средствами и выжидалъ развитія возстанія въ Кайтагѣ и Табасарани, чтобы, при содѣйствіи новыхъ приверженцевъ, овладѣть Дербентомъ, но, стѣсненный въ Дагестанѣ и на Кумыкской площади, двинулся въ Чечню. Его мюриды разсѣялись по разнымъ лѣсистымъ трущобамъ, самъ же онъ съ тысячью отважныхъ конныхъ черкесовъ 1-го ноября неожиданно напалъ на беззащитный городъ Кизляръ, ограбилъ лавки, захватилъ много молодыхъ женщинъ и затѣмъ появился вновь въ Дагестанѣ.

8-го октября 1831 года въ Тифлисъ прибылъ новый командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Розенъ 1-й. Онъ чувствовалъ себя въ большемъ затрудненіи вслѣдствіе малочисленности войскъ и 13-го декабря 1831 года писалъ военному министру графу Чернышеву: «Я прибылъ сюда въ самое безпокойное время. Никогда горскія племена не были столь дерзки и настойчивы въ своихъ предпріятіяхъ. Они раздражены предшествовавшими событіями. Наши дѣйствія, не имѣвшія послѣдствій или неудачныя, возвысили лжепророчество Кази-муллы. Горцы не останутся въ бездѣйствіи. Мы будемъ имѣть повсюду сильные отряды и стоять на часахъ. Одно постоянство въ правилахъ и постепенность въ пріобрѣтеніяхъ можетъ покорить необузданныхъ.... На все нужно постепенность и время: мы у подошвы горъ; входить же въ нихъ безполезно и опасно.... Войска кавказскія достойны всякаго уваженія: отъ генерала до послѣдняго солдата, каждый стремится доказать свою вѣрность, усердіе и храбрость. Но ихъ малое число остается почти такимъ-же, какое было при Ермоловѣ, а между тѣмъ наши владѣнія расширены. Кавказская линія почти беззащитна и легко можетъ быть прорвана, особенно если Кази-мулла или иной предпріимчивый хищникъ возбудитъ противъ насъ всеобщее возстаніе».

Баронъ Розенъ предполагалъ усмирить горцевъ не оружіемъ, а разными мирными средствами, въ томъ числѣ торговлей, наказывая общества наиболѣе враждебныя и постепенно утверждая русскую власть на важныхъ пунктахъ, гдѣ силы и обстоятельства позволятъ. Эта система совершенно не соотвѣтствовала развившемуся фанатизму въ горцахъ, которые такой образъ дѣйствій считали безсиліемъ и слабостью русскихъ. За это время Кази-Мулла, ища убѣжища, переходилъ изъ аула въ аулъ, и русскія войска, предводимыя полковникомъ Клюгефонъ-Клюгенау, подойдя въ іюнѣ 1832 года къ позиціи имама своими искусными дѣйствіями такъ испугали защитниковъ аула Эльсуэта, что они бѣжали, а самъ Кази-мулла, пользуясь густымъ туманомъ, пробрался по едва доступнымъ тропинкамъ въ свой родной аулъ Гимры, жители коего приняли его съ восторгомъ.

За это время русскія войска истребили болѣе 60 непокорныхъ селеній, всего на протяженіи до 150 верстъ. Девятитысячный русскій отрядъ, перевадивъ черезъ Качкалыковскій лѣсистый хребетъ, вступилъ въ сентябрѣ въ кумыкскую землю, а затѣмъ достигъ р. Сулака.

Въ началѣ октября 1832 г. баронъ Розенъ двинулся въ Салатавію, направлясь вверхъ по р. Сулаку къ Чиръ-юрту съ тремя батальонами эриванскаго карабинернаго и пятью другихъ полковъ пѣхоты, съ конницей, легкими и конными орудіями и горной артиллеріей. По дорогѣ въ аулахъ старшины изъявляли готовность исполнить всѣ требованія русскихъ, а общества выдавали въ залогъ аманатовъ. Расположившись лагеремъ на Сулакѣ, у Чиръ-юрта, 5-го октября, баронъ Розенъ приказалъ устроить для переправы пѣхоты два моста на арбахъ, артиллерія же и обозы должны были переправиться въ бродъ между этими мостами. Когда все было устроено, войска его со всѣми тяжестями стали переправляться на правый берегъ Сулака; переправа продолжалась въ теченіе двухъ дней, и къ вечеру 8-го октября отрядъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ соединился съ войсками дагестанскаго отряда.

Кази-мулла, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, находился въ Гимрахъ, онъ началъ укрѣплять ихъ, но ему не дали времени

оправиться, такъ какъ баронъ Розенъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ г.-л. Вельяминову, съ $5^1/_2$ батальонами пѣхоты, 3 легкими орудіями, 4 горными единорогами и 4 мортирами и частью конныхъ грузинъ, въ ночь на 10-е октября, выступить и осмотрѣть скалистый и крутой спускъ отъ Караная къ Гимрамъ, а затѣмъ приступить къ разработкѣ дороги, которая самими горцами считалась почти непроходимою для вьючныхъ тяжестей. По другой же дорогѣ, ведущей въ Гимры черезъ Эрпели (т. е. съ востока), отправленъ былъ того-же числа Клюге-фонъ-Клюгенау съ батальономъ апшеронскаго пѣхотнаго полка, съ однимъ горнымъ единорогомъ, двумя кегорновыми мортирами и командою казаковъ; къ селенію же Ирганая (къ юго-востоку отъ Гимровъ) была послана дженгутайская милиція, чтобы не допустить сообщниковъ Кази-муллы проникнуть въ селеніе Гимры. Съ прочими войсками, и въ томъ числѣ эриванцами, баронъ Розенъ остался въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Отрядъ Вельяминова двигался благополучно. Благодаря густому туману и тому, что дорога шла по обрывистому и узкому скату, горную артиллерію пришлось нести на рукахъ. Насколько трудны были подступы къ Гимрамъ, можно судить изъ слѣдующаго донесенія барона Розена: «Дабы съ вершины скалистаго хребта, составляющаго правый берегъ Сулака, приблизиться къ Гимрамъ отъ Караная, нужно на пространствѣ 4 верстъ спускаться по узкой каменистой тропинкѣ вдоль косогоровъ и обрывовъ. Тропинка эта большею частью столь крута, что даже пѣшіе люди спускаются съ опасностью. Далѣе спускъ продолжается на пространствѣ также около 4-хъ верстъ многими узкими скалистыми уступами, изъ коихъ одинъ переходитъ на другой, по тропинкамъ, высѣченнымъ на камнѣ и возможнымъ только для пѣшихъ. Съ одного изъ сихъ уступовъ даже нельзя иначе сойти, какъ по деревянной лѣстницѣ. Вправо отъ сей дороги отдѣляется одна едва замѣтная тропинка, спускающаяся къ Койсубу между скалистыми обрывами, нѣсколько ниже Гимръ; но по оной съ послѣдней скалы нужно на пространствѣ 30 саженъ перескакивать съ камня на камень по одному человѣку, на что рѣшаются только самые отважные горцы. Влѣво же отъ сказанной дороги тянется надъ обрывами узкая тропинка, протяженіемъ около 10 верстъ, выходящая на эрпелинскій спускъ, который, до соединенія съ сею тропинкою, несравненно труднѣе каранайскаго, но далѣе идетъ довольно отлого, глубокимъ суживающимся ущельемъ между огромными, почти скалистыми высотами. Это ущелье, ведущее къ Гимрамъ, было преграждено внизу тремя каменистыми стѣнами, а скалы по бокамъ усыпаны каменистыми же завалами, расположенными въ нѣсколько ярусовъ, съ весьма хорошимъ военнымъ сооруженіемъ».

Преодолѣвъ трудности, русскія войска окружили Гимры. Вотъ какъ описываетъ историкъ эриванскаго полка Бобровскій взятіе Гимровъ: «Эту позицію, занятую тремя тысячами горцевъ, одушевляемыхъ присутствіемъ Кази-муллы и лучщихъ его мюридовъ, предстояло атаковать русской пѣхотѣ почти безъ содѣйствія артиллеріи. Горцы были увѣрены въ неприступности ихъ ущелья. Между ними сложилась даже пословица, что «Русскіе могутъ сойти въ Гимры только дождемъ». Въ самомъ дѣлѣ, попытки проникнуть въ Гимры по этому пути до сихъ поръ оканчивались неудачно. Въ передовомъ отрядѣ генерала Вельяминова находились двѣ роты саперъ, которые энергично принялись за разработку дороги, чтобы сдѣлать ее сколько нибудь годною для слѣдованія тяжестей. Между тѣмъ баронъ Розенъ съ главными силами, которыя составляли: всѣ три батальона эриванскаго карабинернаго полка, 2-й батальонъ херсонскаго гренадерскаго, 1-й батальонъ тифлисскаго, линейные казаки, двѣ сотни спѣшенныхъ всадниковъ двухъ закавказскихъ конныхъ полковъ, 2 горныхъ орудія и 3 гекорновыхъ мортиры,— 14-го октября выступилъ изъ Караная. Спустившись благополучно, онъ приблизился къ ущелью, по которому пролегаетъ въ Гимры дорога изъ Эрпели, и 17-го октября рѣшилъ произвести атаку главной непріятельской позиціи въ ущельѣ. Въ тылу, для прикрытія сообщенія съ вершиною хребта, были оставлены три роты эриванскаго карабинернаго и двѣ роты московскаго пѣхотнаго полковъ. Для атаки трехъ стѣнокъ, которыми перерѣзано было ущелье, назначены два батальона бутырцевъ, батальонъ тифлисцевъ, батальонъ херсонскихъ гренадеръ, спѣшенные грузины, закавказскіе всадники и линейные казаки. На правой сторонѣ ущелья, свободной отъ

непріятеля, поставлены были два орудія подъ прикрытіемъ роты эриванцевъ, для дѣйствія въ тылъ непріятельскихъ заваловъ, а ниже ихъ для той же цѣли поставлены были 4 кегорновыхъ мортиры. Первая атака противъ стѣнокъ была неудачна: батальонъ бутырцевъ поведенъ былъ маіоромъ Лазаревичемъ не въ обходъ первой стѣны, какъ было приказано, а съ фронта: бутырцы и поспѣшившіе къ нимъ навстрѣчу херсонцы и тифлисцы были отбиты. Но другой батальонъ бутырцевъ, съ храбрымъ командиромъ полка Пирятинскимъ, искусно пробирался къ самой вершинѣ горы. Между тѣмъ Гамзадъ-бекъ съ толпою лезгинъ появился на высотахъ со стороны Ирганая и такимъ образомъ угрожалъ сообщеніямъ передовой части войскъ, только что отбитой отъ стѣнокъ, съ войсками, подходившими сзади. Очистить высоты отъ лезгинъ Вельяминовъ поручилъ 1-му батальону эриванцевъ подъ командою полковника князя Дадіанова. Карабинеры скоро принудили лезгинъ уйти къ вершинѣ горы. Вельяминовъ, замѣтивъ, что неудача атаки первой стѣнки произошла вслѣдствіе опрометчивости и увлеченія, укрылъ отступившіе три батальона недалеко отъ стѣнки, въ изгибѣ мѣстности, и ожидалъ приближенія полковника Пирятинскаго, шедшаго въ гору съ другимъ батальономъ бутырцевъ по едва проходимымъ крутизнамъ. Ближайшій къ передовой стѣнкѣ каменный завалъ обстрѣливался двумя горными единорогами. На вершинѣ горы по эрпелинской дорогѣ показался Клюге-фонъ-Клюгенау съ апшеронцами. Гамзадъ-бекъ, потерявъ надежду на обходъ нашего отряда съ тыла, повернулъ назадъ, и тогда немедленно же баронъ Розенъ выслалъ въ подкрѣпленіе Вельяминову батальонъ егерей 41-го полка съ двумя горными единорогами и 3-й батальонъ эриванскаго карабинернаго полка, бывшій сзади на высотѣ и смѣненный ротою 2-го батальона того же полка. Къ отряду Вельяминова спустились съ высотъ три роты апшеронцевъ, а одна ихъ рота и 1-й батальонъ эриванцевъ оставлены были для наблюденія за ирганайской дорогой. Замѣтивъ приближеніе Пирятинскаго съ бутырцами на вершинѣ горы, Вельяминовъ послалъ въ гору двѣ роты бутырцевъ и только что прибывшіе батальоны эриванцевъ и егерей 41-го полка, а также всѣхъ спѣшенныхъ грузинъ и закавказскихъ всадниковъ. Ротамъ бутырскаго полка онъ приказалъ атаковать непріятельскіе завалы на нижней покатости горы, 3-му батальону эриванскаго карабинернаго и батальону 41-го егерскаго полковъ—выше стоявшіе завалы. Совокупная атака заваловъ на всемъ протяженіи ската горы имѣла полный успѣхъ. Эриванскіе карабинеры, егеря 41-го полка и бутырцы влѣзли на «неимовѣрныя крутости» и дружно выбивали изъ заваловъ непріятеля. Едва эриванцы поровнялись съ поперечною стѣной, какъ Вельяминовъ повелъ атаку съ фронта и частью съ фланга войсками, для сего назначенными. Проходящимъ мимо него батальонамъ Вельяминовъ погрозилъ только пальцемъ, со словами: «Ни пяди назадъ»,— и всѣ три стѣнки были взяты». Не видя исхода, Кази-мулла собралъ въ послѣдній разъ своихъ приверженцевъ и сказалъ имъ: «Чувствую, что приближается конецъ мой, и умираю, гдѣ родился; умираю за истины тариката и за святой шаріатъ. Кто хочетъ такъ же умереть, тотъ останется со мною». Непріятель разсѣялся въ ущельѣ и по покатостямъ горы вправо отъ Гимровъ. Возлѣ первой стѣнки на флангахъ были выстроены горцами два небольшихъ каменныхъ домика съ бойницами. Когда херсонскіе гренадеры, тифлисцы и двѣ роты бутырцевъ погнали непріятеля за вторую и третью стѣны, то въ этихъ домикахъ осталось нѣсколько мюридовъ. Они стали отстрѣливаться. У Вельяминова подъ рукою были обѣ роты саперъ, нѣсколько линейцевъ, два горныхъ орудія и мелкія команды, оставленныя отъ разныхъ частей при раненыхъ людяхъ. Артиллерійскій огонь заставилъ нѣкоторыхъ изъ засѣвшихъ въ домикахъ лезгинъ выбѣжать, но они всѣ были переколоты. Другіе продолжали отстрѣливаться, но были также переколоты охотниками изъ саперныхъ ротъ».

Послѣ кровопролитной битвы Гимры были взяты. Кази-мулла заперся въ башнѣ съ 16-ю мюридами, но когда русскіе солдаты окружили и эту башню, то имамъ предпринялъ отчаянную вылазку и, съ шашкою на голо, надвинувъ на глаза папаху, первый бросился вонъ изъ башни; тутъ его ударили въ голову камнемъ и подняли на штыки. Другъ Кази-муллы, Шамиль, также былъ проткнутъ штыкомъ въ грудь насквозь и лежалъ подлѣ своего учителя, но какимъ то чудомъ вылѣчился впослѣдствіи и продолжалъ борьбу съ русскими. Горцы дрались съ ожесточеніемъ, погибая цѣлыми толпами. Бой окончился къ вечеру; тогда три роты эриванцевъ и бутырскій батальонъ

спустились внизъ, а одна рота эриванцевъ и батальонъ егерей 41-го полка остались на ночь на горѣ въ различныхъ мѣстахъ.

Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ представилъ 21-го октября 1832 года подробное донесеніе о взятіи Гимровъ; вотъ какъ заканчивалъ онъ свой рапортъ: «Природные жители сихъ мѣстъ не могли видѣть безъ удивленія, какъ всходили они (т. е. наши войска) по крутизнамъ, едва доступнымъ для искуснѣйшихъ изъ здѣшнихъ пѣшеходовъ. Трудности эти должно было преодолѣть подъ мѣткими выстрѣлами непріятеля, заблаговременно засѣвшаго въ завалахъ. Неутомимость въ трудахъ, безстрашіе въ опасностяхъ должны были одушевлять всѣхъ и каждаго. Сей славный подвигъ россійскаго войска въ тѣснинахъ Кавказа, почитавшихся неприступными, долженъ убѣдить буйственные народы онаго, что нѣтъ для насъ непроходимыхъ мѣстъ, и что они въ одной покорности должны искать спасенія».

Такъ закончилась трудная экспедиція барона Розена, который, желая окончательно повліять на умы населенія и представить имъ картину гимринскаго погрома, разослалъ въ аулы къ дагестанскимъ и другимъ народамъ прокламацію такого содержанія: «Правосудіе Божіе постигло возмутителя общаго спокойствія, изувѣра Кази-муллу. Онъ, первые его послѣдователи и множество обманутыхъ имъ людей истреблены побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ въ извѣстномъ неприступностью своей Гимринскомъ ущельѣ. Гимринцы говорили, что «русскіе могутъ къ нимъ сойти только дождемъ», но забыли, что и камни съ горъ ниспадаютъ, и громъ и молнія поражаютъ злодѣевъ. Да послужитъ сіе примѣромъ для всѣхъ враговъ спокойствія; да прибѣгнутъ они съ раскаяніемъ къ могущественному россійскому правительству—и по милосердію великаго государя будутъ прощены; но если кто впередъ осмѣлится возбуждать злоумышленія, тотъ подвергнется неминуемому строгому наказанію. Не спасутъ его ни горы, ни лѣса, ни ущелья: вездѣ пройдутъ побѣдоносныя русскія войска, вездѣ непокорные измѣнники будутъ наказаны. Это испытали галагаевцы, ичкеринцы, чеченцы, гимринцы и другіе. Имѣющіе уши да слышатъ и разумѣютъ».

27-го октября отрядъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а затѣмъ былъ распущенъ.

Взятіе Гимровъ было дѣйствительно выдающимся эпизодомъ кавказской войны. Императоръ Николай I, оцѣнивъ эту побѣду, выразилъ монаршее благоволеніе войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ слѣдующемъ приказѣ отъ 16-го ноября 1832 года: «Храбрые воины! Непоколебимому мужеству вашему ввѣрилъ я усмиреніе дикихъ и необузданныхъ племенъ дагестанскихъ: лезгинъ, чеченцевъ, галагаевцевъ и карабулаковъ, увлеченныхъ къ возстанію изувѣромъ Кази-муллою, водвореніе прочнаго между сими народами спокойствія и покорности правительству. Подвигъ сей совершенъ вами съ успѣхомъ, съ ожиданіемъ моимъ вполнѣ соотвѣтствующимъ. Повсюду поражали вы непокорныхъ, и быстраго дѣйствія вашего не могли остановить ни безчисленныя препятствія, воздвигнутыя на пути вашемъ самою природою, ни отчаянная храбрость мятежниковъ. Толпы ихъ истреблены въ стремнинахъ и въ ущельяхъ Кавказа, въ продолженіе многихъ вѣковъ считавшихся неприступными и непроходимыми, и самъ глава мятежей, хищный Кази-мулла, палъ, тщетно защищая противъ васъ послѣднее убѣжище дикихъ своихъ однородцевъ, знаменитое на Кавказѣ неприступностью своею—Гимры. Воины! Вы стяжали полное право на Мою благодарность, и я исполняю долгъ пріятный, торжественно изъявляя вамъ оную столь же за примѣрную храбрость и неустрашимость вашу, сколько за мужественное терпѣніе и твердость въ безчисленныхъ трудахъ и совершенной вами экспедиціи, соблюденіе во всѣхъ частяхъ строгаго воинскаго порядка и благоустройства и всѣ похвальныя качества, коими вы и въ достопамятныя кампаніи 1827, 1828 и 1829 годовъ стяжали удивленіе и справедливое уваженіе окружающихъ васъ иноплеменныхъ народовъ и упрочили между ними славу оружія россійскаго. Я увѣренъ, что слава сія будетъ вашимъ удѣломъ».

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Съ картины Айвазовскаго.

Высадка Императора Николая I-го на Кавказско-Черноморскій берегъ въ Геленджикѣ
20-го сентября 1837 года.

Высадка императора Николая I-го въ Геленджикѣ 20-го сентября 1837 года и путешествіе государя по Кавказу.

Въ то время когда происходила отчаянная борьба кавказскихъ войскъ на восточномъ Кавказѣ, западный Кавказъ былъ оставленъ въ покоѣ, и здѣсь дѣйствовали лишь незначительные отряды противъ разныхъ черкесскихъ племенъ, жившихъ по берегамъ Кубани и Чернаго моря.

Еще съ 1783 года рѣка Кубань была опредѣлена границей между Россіей и Турціей: правую сторону этой рѣки занимали русскіе, а лѣвую черкесы. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1791 году въ Яссахъ, Турція обязалась употребить свою власть къ удержанію закубанскихъ племенъ отъ набѣговъ на русскіе предѣлы, и наблюденіе за ними было поручено анапскому пашѣ; но несмотря на это, стычки на Кавказской линіи продолжались постоянно, такъ какъ черкесы совершенно не слушались турецкаго правительства. По этому поводу неоднократно даже возбуждалась дипломатическая переписка, которая впрочемъ ни къ чему не приводила.

Во времена генерала Ермолова войсками на Кубанской линіи командовалъ генералъ Власовъ, который походами за Кубань довелъ черкесовъ до такого страха, что нѣкоторыя племена начали просить пощады, давая клятвы на мирную жизнь съ русскими. Его походы сильно стѣснили черкесовъ въ горахъ, и они отправили депутацію въ Константинополь, прося султана о защитѣ; имъ было объявлено, что они тогда только могутъ разсчитывать на дѣйствительную помощь султана, когда принесутъ ему присягу. Горцы согласились, и въ 1826 году турецкое правительство прислало въ Анапу пашу, который занялся приведеніемъ вольныхъ обитателей Кавказскихъ горъ къ присягѣ. Это обстоятельство придало имъ смѣлости. Набѣги ихъ участились настолько, что генералъ Паскевичъ вынужденъ былъ писать командовавшему Кавказской линіей и Черноморіей генералу Эммануелю относительно нападеній слѣдующее: «Спускать безпорядковъ не надобно: силою отъ насъ похищенное мы силой воротить можемъ, когда, по истеченіи назначеннаго срока, не дадутъ намъ удовлетворенія....»

Такъ велись дѣла на Кубани до адріанопольскаго мира, заключеннаго въ 1829 году, когда Турція, отказавшись отъ восточныхъ береговъ Чернаго моря, уступила Россіи право на весь Закубанскій край съ его обитателями. Черкесы не хотѣли вѣрить, чтобы турецкій султанъ отказался отъ нихъ и отдалъ ихъ землю русскому царю. Эти неудовольствія разжигали въ краѣ разные злонамѣренные люди, особенно муллы, которые толковали о недѣйствительности состоявшагося договора Россіи съ Турціей.

Для устраненія этихъ недоразумѣній графъ Паскевичъ черезъ благонадежныхъ лицъ старался разъяснить горцамъ о новомъ ихъ политическомъ отношеніи къ Россіи и послалъ имъ особую прокламацію, которая произвела большое впечатлѣніе: черкесы устроили въ концѣ 1830 года, на рѣкѣ Адачумѣ, народное собраніе, на которомъ говорилось много рѣчей и было рѣшено во что бы то ни стало всѣми силами противиться русской власти.

Съ этого времени агитаторы стали еще болѣе волновать умы своимъ единоплеменникамъ, тѣмъ болѣе, что турки, пробираясь на мелкихъ судахъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря, доставляли имъ разные товары и боевые припасы.

Съ каждымъ годомъ смѣлость непріятеля увеличивалась, а потому необходимо было принять рѣшительныя мѣры. Въ виду этого

императоръ Николай повелѣлъ Паскевичу поступать съ турецкими эмиссарами какъ съ разбойниками, а морскому вѣдомству предложено было, чтобы крейсеры осматривали суда, пристающія между Анапою и Редутъ-Кале.

На Кавказѣ давно уже зрѣла мысль измѣнить характеръ военныхъ дѣйствій противъ закубанскихъ племенъ. Предлагались разные проекты,—такъ, напримѣръ, генералъ Вельяминовъ совѣтовалъ занять всѣ плоскости и заселить ихъ казачьими станицами. Проектъ этотъ вызвалъ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ мнѣній; Паскевичъ тоже не былъ съ этимъ согласенъ: онъ предлагалъ войти стремительно въ горы и занять выгоднѣйшіе господствующіе пункты, на которыхъ соорудить укрѣпленія. Придерживаясь этого взгляда, Паскевичъ въ томъ-же 1830 году приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ и построилъ за Кубанью три укрѣпленія: одно у лѣваго берега Кубани—Мостовое-Алексѣевское, другое на рѣкѣ Афипсѣ—Георгіе-Афипское и послѣднее на рѣкѣ Шебжѣ—Иваңо-Шебское. Сформировавъ возлѣ Екатеринодара большой отрядъ, онъ двинулся съ войсками за Кубань и, пройдя по Черкесской землѣ до самаго Чернаго моря, возвратился затѣмъ обратно въ Черноморію.

Вскорѣ Паскевичъ былъ отозванъ для усмиренія Польши, и командиромъ Кавказскаго корпуса былъ назначенъ генералъ адъютантъ баронъ Розенъ, а командующимъ войсками на Кавказской линіи и Черноморіи—генералъ Вельяминовъ. Оба они находили, что силы кавказской арміи недостаточны для наступательныхъ дѣйствій, и просили объ усиленіи войскъ кавказскаго корпуса. Вслѣдствіе этой просьбы въ 1832 году состоялось высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Усмиреніе черкесовъ возложено было на генерала Вельяминова, начавшаго свои дѣйствія за Кубанью постройкою новыхъ укрѣпленій. Въ 1835 году на границахъ земель натухайцевъ и шапсуговъ онъ выстроилъ Абинскую крѣпость, затѣмъ построилъ Николаевское укрѣпленіе, а въ 1836 году направился съ отрядомъ въ Суджукскую бухту и при устьѣ рѣки Добъ, у самаго моря, построилъ Кабардинское укрѣпленіе, которое отстояло отъ Геленджика въ 16 верстахъ. Закончивъ Геленджикскую линію и размѣстивъ въ построенныхъ укрѣпленіяхъ гарнизоны, Вельяминовъ возвратился съ отрядомъ обратно на Кубань.

Укрѣпленія эти, окруженныя со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ населеніемъ, представляли какъ-бы большія тюрьмы, въ которыхъ заключенные гарнизоны, подъ страхомъ смерти, не смѣли выходить въ одиночку за крѣпостныя ворота. Если напримѣръ нужно было заготовить отопленіе или пасти скотъ, то наряжались особыя команды съ артиллеріей. Припасы для гарнизоновъ доставлялись въ укрѣпленія подъ прикрытіемъ отрядовъ, тянувшихся съ обозами черезъ лѣса и болота. Такія «оказіи» обыкновенно производились одинъ разъ въ годъ, и тогда-же гарнизонъ крѣпости смѣнялся свѣжими людьми. Укрѣпленія имѣли между собой сообщенія только моремъ. Жизнь въ нихъ была не только опасной, но и невыносимой, такъ какъ солдаты сильно болѣли и массами умирали; болѣе всего погибало отъ болотной лихорадки. Тѣмъ не менѣе, русскіе отряды изъ года въ годъ изнуряли горцевъ: они жгли ихъ жилища, выбивали на корню хлѣбъ и забирали имущество. Нерѣдко горцы падали духомъ, смирялись цѣлыми племенами, но, какъ только немного оправлялись отъ погрома, снова становились такими же заклятыми врагами русскихъ, какъ и прежде. Пройдетъ русскій отрядъ, разоритъ аулы и не успѣетъ уйти, какъ ихъ вновь отстроятъ.

Къ числу многихъ причинъ, тормозившихъ покореніе черкесовъ, слѣдуетъ отнести постоянныя измѣненія въ системѣ русскихъ военныхъ дѣйствій, а также и то, что въ предѣлы Черноморіи безпрерывно являлись подстрекатели, возмущавшіе горцевъ противъ Россіи. Такихъ лицъ было много; изъ нихъ первымъ, послѣ уступки турками черкесскихъ земель, можно считать турецкаго пашу Сеидъ-Ахмеда, изъ за котораго возгорѣлась было дипломатическая переписка съ Портой, кончившаяся удаленіемъ его въ Турцію. Затѣмъ къ султану отправился одинъ горецъ изъ племени шапсуговъ, Нессемонъ-Магметъ, съ просьбой о покровительствѣ, который, возвратившись изъ Константинополя, объявилъ, что ему обѣщана помощь. Вслѣдъ за этимъ обманщикомъ прибылъ на турецкомъ суднѣ натухайскій уздень Кази-Магометъ съ двумя европейцами, привезшій мануфактурные товары, порохъ и свинецъ, которые были розданы черкесамъ въ видѣ подарковъ. По справкамъ

оказалось, что это были англійскіе эмиссары Лонгвортъ, Бель и другіе, прибывшіе съ цѣлью распространенія лживыхъ обѣщаній англійскаго и турецкаго правительствъ. Все это сильно волновало умы и безъ того уже безпокойнаго народа.

Когда обо всемъ этомъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то императоръ Николай I повелѣлъ принять строгія мѣры для противодѣйствія интригамъ и задержанія самого Беля и другихъ эмиссаровъ. Были отпущены крупныя суммы, особенно для поимки Беля.

Исполненіе этого важнаго порученія генераломъ барономъ Розеномъ возложено было на наказнаго атамана казачьяго войска, генерала Завадовскаго, но, несмотря на принятыя мѣры, эмиссаровъ захватить не могли, такъ какъ черкесы, оказавъ гостепріимство, крѣпко берегли своихъ мнимыхъ друзей. Эмиссары раздавали горцамъ, въ видѣ манифестовъ англійскаго правительства, листы съ крайне возмутительными газетными статьями противъ Россіи и снабжали ихъ разными воззваніями, въ которыхъ между прочимъ говорилось: «Черкесы! не дай Богъ, если россійское правительство покоритъ васъ совершенно... Россійское правительство почитаетъ за необходимость уничтожить вашу вѣру, надъ вами учинена будетъ жестокость.... Англійская держава, вопреки политикѣ русскихъ, никогда не скрываетъ своего намѣренія отъ свѣта; ея предпріятія всегда ясны, какъ зеркало, и всѣмъ извѣстно, что нынѣ, по ходатайству посланнаго вами Сеферъ-Бека, она обѣщаетъ вамъ помочь... Скоро настанетъ время, что англійское правительство объявитъ войну Россіи за всѣ ея вѣроломства, и ей придется получить надлежащее возмездіе... Черкесы должны не упускать случая храбраго нападенія на русскихъ, вспоминая извѣстный стихъ алкорана: «Встрѣтясь съ партіей непріятельскою, не теряйте бодрости и мужества». Помимо этого было получено черкесами отъ самого Сеферъ-Бека письмо слѣдующаго содержанія: «Объявляется челобинскимъ бекамъ, Джемулатъ-Беку, Солугъ-оглы, Атыръ-беку, Конукъ-оглы и прочимъ бекамъ! Мы, нижеподписавшіеся, ваши соотечественники, желаемъ, чтобы вы всегда находились подъ покровительствомъ Божіимъ и были сохранены отъ всѣхъ бѣдствій и непріятностей. Если вамъ угодно освѣдомиться о нашемъ положеніи, то честь имѣемъ увѣдомить васъ, что до настоящаго числа, слава Богу, пользуемся совершеннымъ здоровьемъ и благополучіемъ. Братья мои, считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ слѣдующее: уже три года прошло, какъ вы, уполномочивъ отъ себя, для снисканія средствъ къ избавленію отъ претерпѣваемаго нашими соотечественниками несчастія и къ доставленію свободы нашей родинѣ, отправили меня ко дворамъ державъ, дабы я, представивъ наше горестное положеніе на разсмотрѣніе кабинетовъ, просилъ ихъ помощи. По приведеніи мною въ исполненіе сего порученія, англійская держава первая уважила нашу просьбу. Находящійся при высочайшемъ дворѣ россійскій уполномоченный министръ, узнавши объ этомъ, обратился съ жалобою на меня, однако его жалоба не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій. Державы англійская, нѣмецкая и французская обѣщались содѣйствовать намъ. Нынѣ настало время по данному обѣту быть твердыми и постоянными въ нашихъ намѣреніяхъ, не пропуская сего благопріятнаго для насъ случая. Поспѣшите сообщить сіи обстоятельства всему черкесскому народу, населяющему берега Чернаго моря до Сухума, Карачая и Кубанской рѣки, и, надлежащимъ образомъ вникнувъ въ вышеописанные предметы, вы должны помнить оные и согласно съ оными дѣйствовать. Въ исполненіе такого важнаго предпріятія необходимо имѣть строгую бдительность. Между тѣмъ, при каждой оказіи прошу не оставлять меня сношеніями и поспѣшить сообщить мнѣ подробно всѣ обстоятельства, у васъ случившіяся».....

Возмутительныя письма, выписки изъ заграничныхъ статей о Россіи и громкія воззванія конечно дѣлали свое дѣло, и о скоромъ умиротвореніи края не могло быть и рѣчи.

Въ 1837 году императоръ Николай I, желая ознакомиться лично съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ, пожелалъ предпринять поѣздку на восточные берега Чернаго моря. Въ виду прибытія его величества необходимо было подготовить закубанскій народъ, чтобъ онъ встрѣтилъ своего монарха изъявленіемъ покорности и преданности русской державѣ. Дѣло это было поручено флигель-адъютанту полковнику Ханъ-Гирею и гвардіи ротмистру барону Вревскому; но, къ сожалѣнію, несмотря на стараніе этихъ лицъ, миссія не имѣла успѣха. Впрочемъ нѣкоторые старшины выра-

зили удовольствіе встрѣтить русскаго императора, изъявляя при этомъ желаніе просить государя возстановить въ черкесской землѣ прочное управленіе, подъ вѣдѣніемъ русскаго начальства, но изъ этихъ одиночныхъ желаній никакихъ благопріятныхъ результатовъ не вышло.

Несмотря на то, что въ такомъ положеніи находились дѣла на Западномъ Кавказѣ, поѣздка государя была рѣшена. Первое извѣстіе о намѣреніи императора посѣтить Кавказъ баронъ Розенъ получилъ отъ военнаго министра 18-го февраля 1837 года. Для подобающей встрѣчи въ Тифлисѣ составленъ былъ особый комитетъ, который началъ изыскивать мѣры къ безпрепятственному проѣзду государя по Закавказскому краю. Какъ извѣстно послѣ 1722 года, когда на берегахъ Каспія высадился Петръ I, Кавказу въ первый разъ предстояло лицезрѣть своего монарха.

Императоръ Николай I, слѣдуя моремъ изъ Крыма, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ высадился 20-го сентября въ Геленджикѣ, гдѣ въ лагерѣ былъ собранъ 10-ти тысячный десантный черноморскій отрядъ, подъ командою г.-л. Вельяминова. Море было бурное; дулъ сильный вѣтеръ. Приводимъ разсказъ очевидца о встрѣчѣ государя въ Геленджикѣ, помѣщенный въ III томѣ «Кавказскаго Сборника»: «.....Часовъ въ 10 утра, 20-го числа, показался въ морѣ пароходъ подъ императорскимъ штандартомъ; въ лагерѣ засуетились разбивать ставку, приготовленную для государя; но никакія старанія и выдумки не могли ничего противупоставить силѣ вѣтра, и царская палатка не могла быть разбита. Эта первая неудача огорчила не только начальствующихъ, но и весь отрядъ. Часу въ первомъ дня пароходъ бросилъ якорь въ геленджикской бухтѣ и въ тотъ же моментъ, послѣ залпа изъ всѣхъ орудій крѣпости, начались пушечная пальба и крики «ура» какъ въ крѣпости, такъ и въ лагерѣ, прекратившіеся тогда только, когда, при необыкновенномъ усиліи гребцовъ, баркасъ достигъ берега, и государь императоръ, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, изволили выйти на пристань и вступить въ приготовленные въ комендантскомъ домѣ покои. Послѣ кратковременнаго отдыха и пріема официальныхъ представленій, государь съ наслѣдникомъ навѣстили раненаго въ стычкахъ съ горцами генерала Штейбе, которому пожаловано три тысячи червонцевъ; прошли батальонные лазареты, привѣтливо разговаривая съ ранеными; раздавали денежныя награды; нѣкоторымъ тяжело раненымъ, немогущимъ встать съ постели, государь клалъ собственноручно на грудь знаки отличія военнаго ордена св. Георгія. На 21-е число назначенъ былъ высочайшій смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ. Вѣтеръ нисколько не утихъ. Въ 9 часовъ утра назначено было вывести войска въ строй. Вдругъ, часовъ въ 7 утра, въ крѣпости ударили тревогу, которая въ ту же минуту принята была въ отрядѣ. Сначала думали, что показались горцы; но вскорѣ густой дымъ, разостлавшійся надъ крѣпостью, далъ знать, что тамъ пожаръ; въ это же время отъ всѣхъ батальоновъ по одной ротѣ были посланы въ однѣхъ шинеляхъ, безъ боевой аммуниціи, въ помощь гарнизону, для тушенія пожара. Оказалось, что горѣли бунты провіантскаго магазина; говорили, что отъ поджога, съ цѣлью скрыть бывшій въ провіантѣ недостатокъ, и даже между бунтами найденъ былъ деревянный фонарь съ огаркомъ сальной свѣчи—хотя это еще не доказательство. Къ счастью, вѣтеръ дулъ съ берега, а провіантъ былъ сложенъ на прибрежной части крѣпости, и потому пожаръ не угрожалъ опасностью казармамъ и жилымъ строеніямъ; но по близости къ бунтамъ находился батальонный пороховой погребъ, на который долетали искры отъ горѣвшихъ рогожъ и циновокъ; надо было вынести изъ этого погреба боченки съ порохомъ и патроны въ ящикахъ; нижніе чины исполняли это распоряженіе съ необыкновеннымъ усердіемъ. Государь въ это время стоялъ на крыльцѣ своей квартиры, любовался самоотверженіемъ солдатъ въ этомъ опасномъ трудѣ, поощряя ихъ своимъ царскимъ словомъ и лично направляя ихъ дѣйствія. Къ 11-ти часамъ пожаръ почти прекратился, и его величество приказалъ ротамъ возвратиться въ лагерь, сказавъ имъ: «Черезъ часъ мы увидимся».

Въ 12 часовъ войска выстроились побатальонно, развернутымъ фронтомъ. Всѣ разжалованные были во фронтѣ; въ числѣ ихъ былъ бывшій князь, прапорщикъ Сангушко. «Я стоялъ въ первой шеренгѣ,—пищетъ очевидецъ.—Государь императоръ и наслѣдникъ прибыли въ лагерь, сошли съ лошадей; по приближеніи къ правому флангу войскъ и по командѣ 1-му батальону «на караулъ», барабанщики съ горнистами пробили

полный походъ, хоръ музыки заигралъ установленное для подобныхъ случаевъ «отданіе чести», а фронтъ кричалъ «ура». То-же повторялось по приближеніи государя къ каждому батальону. Его величество шелъ по линіи лѣвымъ плечомъ и весьма близко къ фронту, былъ въ сюртукѣ и фуражкѣ, держа подъ козырекъ; рядомъ съ государемъ, по правую его сторону, въ такой же формѣ, шелъ великій князь наслѣдникъ. Вѣтеръ дулъ прямо намъ въ лицо; мы съ трудомъ стояли на ногахъ, и многіе отставляли одну ногу назадъ; при крикѣ «ура», чтобъ избѣгнуть вѣтра въ ротъ, мы невольно отворачивали лицо въ сторону, нѣкоторые сильно закашливались и строили гримасы; держа ружье на караулъ, во второмъ пріемѣ (въ осадкѣ) удерживали его одною лѣвою рукою, а правою должны были придерживать фуражки за козырекъ; кто этого не сумѣлъ сдѣлать—стоялъ съ открытою головою; у нѣкоторыхъ шапки снесло въ море. Между 3-мъ 4-мъ батальонами былъ неглубокій маленькій овражекъ, идущій отъ горъ къ морю, заросшій бурьяномъ; черноморцы, въ своей цѣпи, развели огонь въ этомъ овражкѣ, при опушкѣ лѣса. Только что государь подошелъ къ флангу 4-го батальона—отъ костра, въ оврагѣ, загорѣлся бурьянъ, и какъ въ это время года въ этихъ мѣстахъ трава и бурьянъ высыхаютъ, то пожаръ почти мгновенно распространился до фронта. 3-й батальонъ безъ приказанія бросился тушить, и не прошло пяти минутъ, какъ пожаръ былъ уже затоптанъ. Между тѣмъ для высокихъ нашихъ посѣтителей, въ маленькой палаткѣ генерала Вельяминова, которую съ трудомъ удерживали отъ вѣтра до 100 казаковъ, приготовлялся фриштикъ. Государь императоръ, обойдя войска, вошелъ въ эту палатку и, чрезъ полчаса, выйдя съ начальникомъ отряда изъ ставки, скомандовалъ извѣстнымъ своимъ звонкимъ голосомъ: «Войска! дѣти! ко мнѣ, кто какъ есть, въ чемъ попало!»—Мгновенно всѣ бросились къ государю, роты и полки перемѣшались, нижніе чины въ шапкахъ, безъ шапокъ, въ мундирахъ, въ шинеляхъ, безъ того и другого—словомъ, какъ попало, сбѣжались къ ставкѣ и густою толпою окружили императора; рядомъ съ нимъ былъ и наслѣдникъ. Но въ этой безпорядочной толпѣ, разумѣется, офицеры очутились впереди; тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые не могли протискаться ближе. къ государю, чтобы видѣть его величество, влѣзли на ближайшія деревья. Государь императоръ первоначально благодарилъ солдатъ за ихъ боевую, усердную службу, за храбрость и самоотверженіе; благодарилъ начальника отряда, обнялъ его, затѣмъ обратился съ такою же благодарностью къ начальникамъ частей; при этомъ разговаривалъ съ нѣкоторыми офицерами, у которыхъ видѣлъ медали за персидскую и турецкую войны, обращалъ рѣчь о походахъ того времени; съ молодыми офицерами, особенно съ выпущенными въ послѣднее время изъ кадетскихъ корпусовъ, заводилъ рѣчь о минувшихъ экспедиціяхъ и о послѣднемъ походѣ, желая имъ скорѣе доставить ему случай украсить грудь ихъ знакомъ воспоминанія о кавказской войнѣ. Когда государь и наслѣдникъ, со свитою, поскакали въ крѣпость, то почти вся толпа побѣжала вслѣдъ за ними съ крикомъ «ура» и только по мѣрѣ ихъ удаленія отставала и расходилась къ своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ, вѣтеръ не утихалъ; напротивъ, казалось, усиливался, а потому предположенные въ лагерѣ парадный обѣдъ и фейерверкъ не состоялись. Написанные мною стихи я сохранилъ въ память посѣщенія императоромъ отряда во время военныхъ дѣйствій на непріятельскихъ берегахъ Чернаго моря. Вечеромъ въ этотъ день императоръ занимался дѣлами и никуда не выходилъ. Въ словесномъ приказаніи объявлено было, что его императорское величество завтрашняго числа оставляетъ отрядъ, отправляясь далѣе по береговой линіи, и чтобы войска, по отъѣздѣ государя императора, готовились къ возвращенію на зимнія квартиры; раненыхъ, больныхъ и всѣ излишнія вещи отправляли бы моремъ въ Тамань. Выступленіе назначено 25-го числа.

Въ этотъ же вечеръ разнесся слухъ и пошли толки, будто бы его величество думаетъ измѣнить планъ нашихъ экспедицій въ горахъ, съ цѣлью прежде всего окончательно занять сѣверо-восточные берега моря, для скорѣйшаго прекращенія торга невольниками и подвоза контрабандистами соли, кремней и пороха; что, по этому-то случаю, велѣлъ генералу Вельяминову закончить экспедицію и самому поспѣшить пріѣздомъ въ Ставрополь, гдѣ его величество желалъ лично рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ генералъ Вельяминовъ настойчиво защищалъ свой проектъ покоренія Черкесіи, составленный имъ въ

1834 году. Извѣстно, что главная мысль проекта состояла въ томъ, чтобъ, усиливъ при берегахъ крейсерство, занимать постепенно сухимъ путемъ примыкающія къ морю ущелья—обыкновенные пріюты турецкихъ и горскихъ контрабадистовъ и мѣста ихъ торга плѣнными; устроить тамъ укрѣпленія, въ окрестности отъ нихъ на 25 верстъ уничтоживъ всѣ аулы. Но первоначально отдѣлить всю дельту между лѣвымъ берегомъ Кубани и сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго моря большою операціонною линіею укрѣпленій съ сильными гарнизонами, дабы можно было постоянно несмиряющимся ауламъ угрожать набѣгами изъ за Кубани посредствомъ летучихъ отрядовъ, могущихъ, при нуждѣ, найти въ этихъ укрѣпленіяхъ необходимыя пособія; самыя же укрѣпленія снабдить въ достаточномъ количествѣ запасами провіанта и всѣми предметами военныхъ потребностей; при томъ соединить ихъ между собою удобными дорогами для движенія транспортовъ и артиллеріи, а равно для возможности, во всякое время года, въ случаѣ нападенія горцевъ на занятые прибрежные пункты, послать туда своевременно секурсъ или, въ крайности, доставить гарнизонамъ возможность, уничтоживъ форты, отступить къ главнымъ укрѣпленіямъ. Часть этихъ предположеній, какъ мы видѣли, была уже исполнена въ предшествовавшія экспедиціи.

22-го сентября, часовъ въ 7, утра, сдѣлалось по лагерю извѣстнымъ, что его величество, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, черезъ часъ оставляетъ Геленджикъ, что царь, по пути, посѣтивъ береговыя укрѣпленія, высадится на берегъ въ Редутъ-кале и отправится чрезъ Грузію въ Ставрополь, а великій князь-цесаревичъ— прямо въ Крымъ. При этомъ извѣстіи всѣ, кто могъ, отправились—одни въ крѣпость, другіе къ берегу моря, дабы видѣть отъѣздъ высокихъ посѣтителей отряда.

Часу въ 10-мъ его величество, привѣтливо простясь съ начальникомъ отряда, откланявшись окружавшимъ его на берегу, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ лодку азовскихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ командою «Весла на воду!» взвилась ракета, начались пушечные выстрѣлы, и какъ въ крѣпости, такъ и въ отрядѣ, загремѣло «ура», продолжавшееся до скрытія парохода отъ нашихъ глазъ. Оставшись доволенъ блестящимъ состояніемъ войскъ, несмотря на пятимѣсячную походно-боевую жизнь и въ короткихъ задушевныхъ словахъ благодаривъ солдатъ за ихъ службу, государь 22-го числа отбылъ въ Анапу безъ наслѣдника цесаревича, который возвратился въ Крымъ сухимъ путемъ по просьбѣ покойной императрицы, боявшейся отпустить его въ дальнѣйшее путешествіе по разбушевавшемуся Черному морю......»

Здѣсь небезынтересно помѣстить записанный Е. Зариной разсказъ, со словъ ея матери, которая была очевидицей посѣщенія императоромъ крѣпости Анапы. Вотъ что пишетъ она въ «Русской Старинѣ» за 1884 годъ: «Въ день пріѣзда августѣйшаго гостя,—это было 23-го сентября 1837 года,—съ самаго утра всѣ дома крѣпости разукрасились флагами, разными цвѣтными матеріями и пестрыми персидскими коврами; народъ толпился у пристани и на улицѣ, по которой долженъ былъ проѣхать государь. Какъ будто сама природа раздѣляла общую радость. Море было покойно; въ воздухѣ не шелохнетъ, день былъ жаркій,—ни одного облачка на голубомъ небѣ. Домъ, коменданта крѣпости, графа Цукато, былъ увѣшанъ флагами, и среди нихъ виднѣлся роскошный вензель государя императора и государыни императрицы, изящно подобранный изъ живыхъ цвѣтовъ. Крыльцо и площадка дома до самой улицы, гдѣ должна была остановиться коляска съ дорогимъ августѣйшимъ гостемъ, были устланы краснымъ сукномъ и уставлены тропическими растеніями, образовавшими собою какъ бы аллею.

Съ десяти часовъ утра всѣ находившіеся въ крѣпости войска были въ полномъ сборѣ и разставлены по мѣстамъ.

Приглашенныя къ встрѣчѣ государя дамы были уже у графини. Всѣ онѣ были одѣты въ свѣтлыя шелковыя платья съ пышными рукавами, съ высокими прическами, по тогдашней модѣ, и еще болѣе высокими гребнями въ волосахъ. На самой графинѣ былъ нарядъ, только что присланный изъ Петербурга и сдѣланный по послѣдней модѣ, какъ носили въ то время при высочайшемъ дворѣ: бѣлый атласный, затканный золотомъ; высокій гребень, украшавшій роскошные волосы графини, былъ усыпанъ жемчугомъ и рубинами. Графиня была высокаго роста нѣсколько полная, весьма стройна и красива собой.

Собравшіяся у графини барыни размѣстились у открытыхъ оконъ, изъ которыхъ была видна полковая церковь. На паперти

ея въ полномъ облаченіи стоялъ полковой священникъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный причтомъ. Съ каждою минутою нетерпѣніе ожидающихъ разгоралось все болѣе и болѣе; высказывалось даже опасеніе: «Ну, какъ не пріѣдетъ?..»

Но вотъ въ одиннадцать часовъ раздался, наконецъ, выстрѣлъ. Музыка заиграла только что въ то время разученный для пріѣзда государя императора народный гимнъ «Боже, Царя храни!», сочиненный и игранный въ первый разъ въ 1833 году, 25-го декабря, при освященіи знаменъ въ залахъ Зимняго дворца. Торжественная музыка слилась съ восторженными криками «ура».... Государь императоръ, по перекинутому съ корабля трапу, вышелъ на пристань, окруженный своею свитою.

Но едва только показалась на берегу величественная фигура монарха, какъ молодой прапорщикъ, только что произведенный и стоявшій въ то время на посту у штандарта, совершенно обезумѣвъ отъ радости, что видитъ государя такъ близко и въ первый разъ въ жизни, забывъ приказъ коменданта, махнулъ платкомъ; штандартъ подняли, грянули пушки со всѣхъ батарей, и пошла пальба!

Графъ и мой отецъ поблѣднѣли, лица ихъ вытянулись... Государь на мгновеніе остановился на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, строго взглянулъ на графа. Но графъ уже успѣлъ опомниться и нашелся.

—Молодой, только что произведенный, прапорщикъ,—сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу твердость,—такъ обрадовался, увидавъ ваше императорское величество, что забылъ данное ему приказаніе.....

—На гауптвахту!—отрывисто перебилъ государь.

Затѣмъ были поданы экипажи. Государь императоръ изволилъ сѣсть въ коляску вмѣстѣ съ графомъ Цукато и приказалъ ѣхать въ церковь. Начался звонъ въ колокола; народъ колыхнулся, взвились шапки въ воздухѣ, и раздалось продолжительное громкое «ура».

Выслушавъ молебенъ и приложившись къ кресту, государь изволилъ поѣхать сначала по бастіонамъ. На бастіонѣ что съ полевой стороны государь изволилъ выйти изъ коляски и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на окрестности. Осмотрѣвъ бастіоны, государь подъѣхалъ къ выстроившимся войскамъ отдавшимъ ему честь.

—Здорово, ребята!—звучно крикнулъ государь.

—Здравія желаемъ, ваше императорское величество,—громко и дружно отвѣчали ряды войскъ.

Затѣмъ его величество изволилъ скомандовать пройти войскамъ церемоніальнымъ маршемъ. Стройными рядами прослѣдовали два раза загорѣлые молодцы-кавказцы мимо государя императора и каждый разъ удостоивались царскаго «спасибо» и милостиваго одобренія: «Хорошо, молодцы!»...

Государь видимо остался доволенъ рѣшительно всѣмъ, что онъ только видѣлъ. По окончаніи смотра, государь посѣтилъ госпиталь, обошелъ всѣ палаты, милостиво разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ больныхъ, разспрашивалъ раненыхъ, гдѣ и въ какой экспедиціи раны были получены, и двумъ изъ солдатъ самолично пожаловалъ по георгіевскому кресту. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на смотру, а въ томъ числѣ и лежащимъ въ госпиталѣ, государь приказалъ выдать по серебряному рублю.

Было половина второго, когда коляска государя остановилась передъ домомъ графа Цукато. Послѣдній поспѣшно изъ нея выскочилъ съ тѣмъ, чтобы помочь государю выйти изъ экипажа, но государь, отстранивъ это, вышелъ самъ. Столпившаяся близь дома графа масса народа,—а здѣсь были буквально всѣ жители Анапы, отъ мала до велика,—снова привѣтствовала государя несмолкаемымъ «ура». На нижнихъ ступеняхъ крыльца встрѣтила и восторженно привѣтствовала дорогого державнаго гостя графиня Цукато.

Государь былъ въ веселомъ раположеніи духа. Онъ любезно отвѣчалъ на привѣтствіе, подалъ графинѣ руку и звелъ ее въ гостиную, гдѣ имѣли честь быть представленными его величеству хозяйкою дома названныя выше полковыя дамы и предложенъ августѣйшему гостю роскошно сервированный завтракъ.

Государь сѣлъ за столъ и между прочими закусками обратилъ свое вниманіе на жареную индѣйку, которая ему особенно понравилась. Впослѣдствіи это сдѣлалось любимымъ конькомъ моей матушки: она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала, какъ самъ государь императоръ Николай Павловичъ

изволилъ кушать и похвалить изжаренную и откормленную ея собственными руками индѣйку, любила разсказывать этотъ случай и всегда разсказывала его съ мельчайшими подробностями.

Во время завтрака графомъ Цукато были предложены тосты за государя императора, государыню императрицу, государя наслѣдника и весь царствующій домъ. Каждый изъ этихъ тостовъ сопровождался тушемъ, который играла военная музыка, поставленная у оконъ графскаго дома. Государь при провозглашеніи каждаго изъ тостовъ изволилъ приподниматься съ своего мѣста и милостиво чокаться съ подходящими къ нему присутствовавшими.

Затѣмъ его величество приподнялся и, поднявъ бокалъ, громко провозгласилъ:

«За здоровье моихъ храбрыхъ кавказскихъ войскъ»!!!

Оглушительное «ура» всѣхъ присутствовавшихъ на завтракѣ, подхваченное войсками, находившимся внѣ дома,—которымъ было дано знать, что государь императоръ пьетъ за ихъ здоровье,—было отвѣтомъ на тостъ, провозглашенный государемъ императоромъ.

Государь императоръ снова поднялся съ мѣста и, поднявъ бокалъ, любезно обратился къ графинѣ и провозгласилъ тостъ за здоровье любезной хозяйки.

Послѣ завтрака государь изволилъ милостиво разговаривать съ моимъ отцомъ и другими офицерами, выразилъ графу Цукато свое полное удовольствіе за отличное состояніе полка и порядокъ ввѣренной ему крѣпости, осмотрѣлъ потомъ приготовленныя для него комнаты, присѣлъ на диванъ, выкушалъ тамъ чашку шоколада, при чемъ пожурилъ слегка графиню за излишнюю роскошь, допущенную въ отдѣлкѣ комнатъ, и весело шутилъ съ дамами.

Въ четверть пятаго его величество приподнялся съ своего мѣста, протянулъ графинѣ и графу свою руку и, простившись со всѣми однимъ общимъ поклономъ, въ сопровожденіи графа и всѣхъ присутствующихъ, вышелъ на крыльцо, къ которому была подана коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей. Громкое «ура» собравшагося войска и жителей крѣпости снова встрѣтило появленіе государя на крыльцѣ графскаго дома.

Государь императоръ уже сталъ одною ногою на подножку коляски, но вдругъ остановился и, обернувшись къ стоявшему за нимъ графу, сказалъ:

—Прапорщика выпустить и дать ему годовой окладъ жалованья; но внушить, чтобы впередъ приказанія начальства помнилъ и напрасно пороха не тратилъ.

Графъ поклонился. Государь сѣлъ въ коляску, и лошади тронулись. Несмолкаемое громкое «ура» всѣхъ войскъ и жителей долго оглашало воздухъ....»

25-го сентября, на пароходѣ «Полярная Звѣзда», государь направился въ Редутъ-Кале. На другой день, въ 3 часа пополудни, его величество прибылъ на Константиновскій рейдъ съ намѣреніемъ осмотрѣть войска отряда генералъ-маіора Симборскаго, которыя занимались постройкою укрѣпленій «Св. Духа». Такъ какъ сильный прибой волнъ препятствовалъ гребнымъ судамъ приставать къ берегу, то черезъ полчаса пароходъ снялся съ якоря и, при громѣ орудій и восторженныхъ крикахъ «ура» войскъ, направился къ югу, въ Редутъ-Кале, гдѣ уже находился, прибывшій изъ Тифлиса, баронъ Розенъ.

Вотъ какъ описываетъ въ «Русской Старинѣ» за 1884 годъ академикъ Берже дальнѣйшее путешествіе по Кавказу государя императора: «Наступило 27-е сентября, и на горизонтѣ бушевавшаго моря показалась «Полярная Звѣзда». Пароходъ быстро приближался и въ виду города бросилъ якорь. Баронъ Розенъ стоялъ на берегу.

—Честь имѣю явиться,—произнесъ государь,—вступивъ на берегъ и держа подъ козырекъ, и тутъ же протянулъ барону руку.

Свиту государя составляли: ген.-адъют. гр. Орловъ, гр. Адлербергъ (при немъ чиновникъ и писарь), лейбъ-медикъ Арендтъ, фл.-адъют. полков. Львовъ (при немъ чиновникъ), прусской службы полк. Раухъ; затѣмъ три фельдъ-егерскихъ офицера, три камердинера его величества, придворный пѣвчій, метръ-д'отель Миллеръ (при немъ два повара) и магазинъ-вахтеръ.

Изъ Редутъ-кале императоръ отправился въ Зугдиди, резиденцію владѣтеля Мингреліи кн. Левана Дадіани, встрѣтившаго Его Величество въ недальнемъ разстояніи отъ морского берега. Посѣщеніе Зугдиди осталось не безъ послѣдствія. Когда

въ томъ-же 1837 г. кн. Леванъ ходатайствовалъ объ учрежденіи здѣсь города Григоріополя, то его величество собственноручно написалъ на докладѣ:

«Видѣлъ сіе мѣсто и сомнѣваюсь, чтобы когда-либо тутъ могъ быть городъ, ибо среди мховъ и на болотѣ, можно въ угожденіе владѣтеля Мингреліи назвать сіе мѣсто Григоріополемъ, но названіе города дать только тогда, когда городъ будетъ».

28-го сентября государь прибылъ въ Кутаисъ, гдѣ въ числѣ другихъ ему представились архіепископъ Софроній, митрополитъ имеретинскій Давидъ и князья цебельдинскіе и сванетскіе Михаилъ и Татарханъ Дадишкеліани, а 29-го—въ Молитъ, въ Сурамскомъ ущельи, встрѣченный въ этомъ мѣстѣ грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ кн. Палавандовымъ, предводителемъ дворянства, князьями и дворянами, а также старшинами ближайшихъ осетинскихъ ауловъ. На слѣдующій день государь, чрезъ Мехійскій хребетъ, отдѣляющій Имеретію отъ Карталиніи, достигъ Сурама; проведя здѣсь ночь 1-го октября, онъ чрезъ боржомское ущелье прибылъ въ Ахалкалаки, а 4-го числа въ Гумры. Заложивъ тутъ церковь во имя св. Александры и разрѣшивъ назвать городъ Александрополемъ, его величество послѣ пріема эрзерумскаго сераксира Мамедъ-Асадъ-паши, прибывшаго съ привѣтственнымъ письмомъ отъ султана, прослѣдовалъ чрезъ Мастары, гдѣ его встрѣтилъ начальникъ армянской области, кн. В. О. Бебутовъ, и 5-го октября прибылъ въ Сардарабадъ. Съ пріѣздомъ въ эту крѣпость его величеству начали подавать жалобы на злоупотребленія мѣстныхъ властей. Въ числѣ жалобщиковъ какой то армянинъ, не знавшій ни слова по русски и желавшій какъ можно нагляднѣе представить государю плачевное положеніе населенія, поднесъ ему тощаго и ощипаннаго пѣтуха. Къ такого рода средствамъ и съ тою-же цѣлью прибѣгали и въ другихъ мѣстахъ на пути высочайшаго проѣзда. Такъ, напр., по дорогѣ раскидывали и зажигали сѣно, дрова и пр. За Сардарабадомъ слѣдовалъ Эчміадзинъ. Не доѣзжая трехъ верстъ до монастыря, государь милостиво привѣтствовалъ выѣхавшаго навстрѣчу армянскаго патріарха Іоаннеса, а нѣсколько далѣе, въ Вагаршапатѣ, когда-то столица Арменіи (197—345 г. по Р. Х.)—12 армянскихъ епископовъ и прочее духовенство съ крестами и хоругвями. Подойдя къ патріаршему намѣстнику епископу Парсегу, императоръ приложился къ кресту и евангелію. Самъ-же патріархъ поспѣшилъ въ близлежащій эчміадзинскій монастырь, гдѣ встрѣтилъ царственнаго путешественника краткою, прочувствованною и приличною случаю рѣчью. По окончаніи богослуженія, государь выразилъ желаніе осмотрѣть монастырскія рѣдкости и драгоцѣнности, между которыми особенною извѣстностью пользовалась древняя патріаршая корона. Но каково было его удивленіе, когда крупные сафиры, лучшее украшеніе короны, оказались поддѣльными....

Изъ подъ сводовъ древняго храма императоръ прослѣдовалъ въ патріаршія палаты, гдѣ остался наединѣ съ Іоаннесомъ и прокуроромъ эчміадзинскаго синода, колл. сов. Коргановымъ, служившимъ переводчикомъ. Самъ патріархъ, кромѣ армянскаго языка, могъ объясняться только еще на адербейджанскомъ нарѣчіи. При этомъ свиданіи государь спросилъ, между прочимъ, патріарха, не имѣетъ-ли онъ какой до него просьбы. Пользуясь такимъ милостивымъ къ себѣ вниманіемъ и не желая упустить представившагося ему удобнаго случая, Іоаннесъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ двѣ просьбы: 1) оказать могущественное покровительство армянамъ, всегда и непоколебимо преданнымъ Россіи, и 2) пожаловать двумъ его племянникамъ Тегумовымъ русскіе ордена для полученія правъ на дворянство.

Послѣдняя просьба, по своей оригинальности, не могла не вызвать улыбки у государя, милостиво сопричислившаго Тегумовыхъ къ ордену св. Станислава 3-й ст., пожаловавшаго самому патріарху орденъ св. Александра Невскаго и повелѣвшаго выдать эчміадзинскому монастырю тысячу червонцевъ.

По окончаніи бесѣды государь всталъ, простился съ патріархомъ и, отказавшись отъ предложеннаго ему завтрака, уѣхалъ въ Эривань.

Во все это время стояла самая ненастная погода, продолжаетъ Берже, а въ день выѣзда государя изъ Эчміадзина дождь лилъ какъ изъ ведра и до того испортилъ дорогу, что его величество, бросивъ экипажъ, прибылъ въ Эривань верхомъ и въ буркѣ. Направившись прежде всего въ соборъ, онъ отслужилъ молебенъ и затѣмъ отправился въ алтарь, гдѣ, между прочимъ, сдѣлалъ замѣчаніе священнику за недостаточно бережливое храненіе вещей,

пожертвованныхъ собору государынею Александрою Өеодоровною. Изъ собора его величество отправился въ приготовленную для него квартиру въ сардарскомъ дворцѣ, живописно расположенномъ на берегу р. Занги. Тамъ, около 5-ти часовъ пополудни, былъ сервированъ обѣдъ, за которымъ, кромѣ свиты, присутствовали баронъ Розенъ и другія высшія лица военной и гражданской администраціи. Еще государь сидѣлъ за столомъ, какъ до него начали доноситься изъ собравшейся около дворца толпы крики: «Арзымизъ варъ коимирляръ», т. е. у насъ есть прошенія, но не пускаютъ. На вопросъ его величества, «что это за возгласы», баронъ Розенъ было отвѣчалъ, что это крики восторга по случаю пріѣзда императора, но государь не удовольствовался этимъ объясненіемъ и приказалъ гр. Адлербергу разузнать сущность дѣла. Графъ отправился и не долго спустя возвратился съ цѣлою кипою просьбъ, по ближайшемъ расмотрѣніи коихъ многія оказались самого пустого содержанія и даже простыми бѣлыми листами бумаги. По окончаніи обѣда государь лично отправился къ толпѣ и въ продолжительной милостивой съ нею бесѣдѣ имѣлъ случай выслушать много жалобъ на полицейское и окружное начальство, въ особенности же на окружныхъ начальниковъ: шарурскаго, кап. фон-Рентеля, и сурмалинскаго, кап. Невѣровскаго....

Возвратившись во дворецъ, государь, утомленный физически, удалился въ опочивальню, приказавъ предварительно отдохновенія замѣнить приготовленную кровать свѣжимъ сѣномъ. Въ этой самой комнатѣ, послѣ выѣзда его величества, на стѣнѣ оказалась надпись: «Николай, 5-го октября 1837 года».

На слѣдующее утро его величество полюбопытствовалъ осмотрѣть городскую крѣпость. Поднявшись къ одной изъ батарей, онъ долго всматривался въ крѣпостныя постройки и вспомнивъ, вѣроятно громкія донесенія гр. Паскевича о взятіи эриванскихъ твердынь, выразился:

—Какая-же это крѣпость; это просто глиняный горшокъ.

Изъ крѣпости государь отправился въ госпиталь, гдѣ у самыхъ воротъ спросилъ случившагося тамъ начальника крѣпостной артиллеріи кап. Модзалевскаго:

—Что помѣщалось въ этомъ зданіи при сардарѣ?

—Гаремъ, ваше величество.

—А сколько у сардаря было женъ?

—Про то знаетъ гвардія ваше величество,—отвѣтилъ находчивый капитанъ.

По осмотрѣ госпиталя, аптеки и кухни, императоръ милостиво благодарилъ госпитальное начальство за найденный во всемъ порядокъ и за прекрасный присмотръ за больными.

Возвратившись во дворецъ, государь принималъ почетныхъ жителей области и затѣмъ удалился во внутренніе покои, гдѣ ему имѣло честь представиться персидское посольство. Прошло нѣсколько минутъ, и предъ государемъ предсталъ семилѣтній Насръ-Эддинъ, приведенный за руки эмиръ-низамомъ и барономъ Розеномъ. Пріемъ, оказанный принцу, былъ самый благосклонный. Разсказываютъ, что государь посадиль принца къ себѣ на колѣни и сказалъ: «Помни тотъ часъ, въ который ты сидѣлъ на колѣнахъ русскаго императора», и тутъ-же подарилъ Насръ-Эддину снятый съ пальца драгоцѣнный перстень. Прошло много послѣ того лѣтъ, и когда мнѣ привелась въ 1853 году, близъ Тегерана, представляться Насръ-Эддинъ-шаху, говоритъ Берже, я лично убѣдился въ томъ восторгѣ, съ какимъ шахъ переносился въ минувшее, припоминая свое свиданіе съ могущественнымъ сосѣдомъ...

Отпустивъ персидское посольство, государь отправился въ эриванское областное правленіе, въ которомъ, за болѣзнью всѣхъ совѣтниковъ и самого областного начальника кн. В. О. Бебутова, старшимъ лицомъ оказался секретарь Корнѣенко. Его величество вошелъ въ присутствіе и, остановившись предъ своимъ портретомъ, началъ высказывать крайнее неудовольствіе противъ вкоренившихся между чиновниками взяточничества и другихъ злоупотребленій, заключивъ свою рѣчь грозно сказанными словами: «Служите вѣрою и правдою, иначе разнесу васъ въ пухъ». Воцарилась гробовая тишина, и государь, сохраняя грозное выраженіе, вышелъ изъ присутствія и въ тотъ-же день выѣхалъ въ Тифлисъ...

Пребываніе въ Эривани, само собою разумѣется, не могло произвести особенно благопріятнаго впечатлѣнія на императора. Убѣдившись въ существованіи весьма важныхъ злоупотребленій и недостатковъ въ мѣстной администраціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ всю трудность ихъ устраненія. Но все это были только

цвѣточки въ сравненіи съ тѣмъ, что его ожидало въ древней грузинской столицѣ, куда онъ направилъ свой путь.

Дорога отъ Эривани пролегаетъ чрезъ возвышенную плоскость и мимо Дарачичага идетъ къ Гокчинскому озеру, отъ котораго круто спускается въ Делижанское ущелье. Въ описываемую эпоху дорога эта находилась въ невозможномъ состояніи. Если-же присоединить къ этому неоканчаемые ливни со всѣми ихъ послѣдствіями, то мы не будемъ удивляться, если государю случалось изъ экипажа пересаживаться на простую казачью или обыкновенную лошадь и совершенно одинокимъ являться на почтовую станцію. Такъ, по крайней мѣрѣ, это случилось въ Делижанѣ.

Проѣхавъ ущелье, государь достигъ Акстафы, откуда повернулъ къ извѣстному Красному мосту, на р. Храмѣ, построенному, какъ гласитъ преданіе, въ царствованіе шаха Аббаса II, которому персіяне любятъ приписывать сооруженіе лучшихъ архитектурныхъ памятниковъ....

У Краснаго моста царскій поѣздъ остановился для перемѣны лошадей.

— Когда построенъ мостъ?—спросилъ государь.

—Еще въ древнія времена,—отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

—Хорошо сохранился,—замѣтилъ его величество.

—Это оттого, ваше величество, что ремонта не полагается,—произнесъ л.-гв. казачьяго полка ротмистръ Иловайскій.

Государь улыбнулся, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ этихъ словъ....

7-го октября государь изъ Эривани прибылъ въ Коды, гдѣ провелъ ночь, отпустивъ предварительно барона Розена въ Тифлисъ для нужныхъ распоряженій по встрѣчѣ его величества. Переѣздъ изъ Кодъ до Тифлиса, на протяженіи 25-ти верстъ, совершался по дорогѣ, которая по свойству грунта и отъ проливныхъ дождей оказалась до того дурною, что лошади, не сдѣлавъ половины пути, завязли въ топкой грязи, не будучи въ состояніи поднять экипажа; пришлось прибѣгнуть къ буйволамъ и быкамъ и медленно двигаться впередъ. Все это настолько задержало государя, что онъ достигъ Тифлиса не ранѣе 4-хъ часовъ пополудни.

На чертѣ города его величество былъ встрѣченъ барономъ Розеномъ, тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Палавандовымъ и другими чинами военной и гражданской администраціи. Въ числѣ прочихъ находился также полицеймейстеръ подполковникъ Ляховъ, но въ совершенно нетрезвомъ видѣ, за что былъ преданъ суду и по высочайшему приказу, отъ 15-го октября 1837 года, отставленъ отъ службы, съ назначеніемъ на его мѣсто нижегородскаго драгунскаго полка подполковника Маркова. Принявъ рапортъ отъ генерала-лейтенанта Брайко, государь прослѣдовалъ по узкой улицѣ Армянскаго базара къ Сіонскому собору, но онъ на бѣду оказался запертымъ, такъ что его величеству пришлось войти въ храмъ со стороны двора чрезъ боковую дверь. Безпорядокъ этотъ произошелъ отъ того, что тогдашній экзархъ Грузіи архіепископъ Евгеній, имѣвшій привычку послѣ обѣда предаваться отдыху, проспалъ пріѣздъ государя. Изъ собора его величество проѣхалъ въ домъ корпуснаго командира. При самомъ входѣ въ приготовленныя для него комнаты раздались такіе сильные удары грома, что населеніе приписало это рѣдкое, по позднему времени года, явленіе дурному предзнаменованію. «Ну, быть бѣдѣ»,—говорило оно,—и предчувствіе на этотъ разъ его не обмануло.

Съ перваго дня вступленія на почву Закавказья императоръ Николай относился къ барону Розену вполнѣ благосклонно и милостиво, но съ пріѣздомъ въ Тифлисъ судьба его была рѣшена. Причиною царскаго гнѣва былъ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій и, какъ гласила народная молва, добивавшійся быть переименованнымъ въ военный чинъ, для полученія званія корпуснаго командира. Онъ сдѣлалъ доносъ государю на вопіющія злоупотребленія зятя барона Розена, флигель-адъютанта полковника кн. Дадіани, командира эриванскаго карабинернаго полка. Выслушавъ сенатора Гана, государь обратился къ присутствовавшему при докладѣ барону Розену и сказалъ: «Поступи съ Дадіани какъ родственникъ и начальникъ». Когда же Розенъ призналъ весь докладъ сенатора клеветою, то Ганъ вынулъ изъ портфеля и представилъ его величеству подлинный всеподданнѣйшій отчетъ кн. Палавандова съ исправленіями и помарками барона, какъ краснорѣчивое свидѣтельство, что губерна-

торъ какъ бы лишенъ права доносить истину своему государю. Государь взялъ отчетъ и, обращаясь къ Розену, спросилъ: «Почеркъ твой?». Розенъ поблѣднѣлъ и сознался. «Ну,—произнесъ императоръ,—этого я не прощу». Между тѣмъ въ тотъ же день былъ назначенъ разводъ отъ 1-го батальона эриванскаго карабинернаго полка. Онъ происходилъ на Мадатовской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи кн. Барятинскимъ былъ устроенъ Александровскій садъ—одно изъ лучшихъ украшеній города. Еще съ ранняго утра жители густыми масами начали стекаться къ площади, чтобы быть личными свидѣтелями готовившагося зрѣлища. Семейства же барона Розена и князя Дадіани помѣстились на балконѣ выходящаго фасадомъ на площадь дома полковника Беглярова, главнаго переводчика при корпусномъ командирѣ.

Но вотъ вдали показался государь императоръ, окруженный большою свитою и быстро приближавшійся къ площади. Еще нѣсколько минутъ, и громкое, восторженное «ура» разнеслось по площади въ отвѣтъ на милостивое царское привѣтствіе. Когда все смолкло, государь могучимъ, повелѣвающимъ голосомъ произнесъ: «Розенъ....» При этомъ словѣ толпа вдругъ отхлынула отъ площади и вмигъ разсыпалась по ближайшимъ улицамъ, откуда, нѣсколько спустя, опять, хотя и боязливо, начала собираться къ прежнему мѣсту. Причиною обуявшей всѣхъ зрителей паники было то, что имъ вмѣсто «Розенъ» послышалось «розогъ».

Розенъ приблизился къ государю. Вслѣдъ за нимъ его величество потребовалъ кн. Дадіани. Окинувъ его грознымъ, величественнымъ взоромъ, императоръ въ самыхъ сильныхъ и строгихъ выраженіяхъ началъ высказывать противъ него свое крайнее неудовольствіе, упомянувъ, что флигель-адъютанты обращаются въ подрядчиковъ, эксплуататоровъ, что они не поддерживаютъ царскаго къ нимъ довѣрія, унижая свое высокое званіе, и кончилъ тѣмъ, что приказалъ генералъ-лейтенанту Брайко снять съ кн. Дадіани эксельбанты и передать ихъ молодому Розену....

Затѣмъ, обратившись снова къ Дадіани, государь грозно произнесъ: «Въ Бобруйскъ». Осужденный тотчасъ же былъ посаженъ на заранѣе приготовленную для него тройку и, въ сопровожденіи жандарма, отправленъ по назначенію. Ему разрѣшили только проститься съ женою, которую онъ нашелъ въ обморочномъ состояніи, вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ всего случившагося.

Во все время этой раздирающей сцены престарѣлый и убитый горемъ Розенъ стоялъ около императора и, прильнувъ головою къ царской груди, обливался горькими слезами. Когда все было кончено, государь пропустилъ батальонъ церемоніальнымъ маршемъ, простился съ солдатами и, сѣвъ въ коляску, поѣхалъ въ военный госпиталь...

11-го октября, между тѣмъ, въ домѣ корпуснаго командира былъ балъ, открытый самимъ императоромъ съ супругою кн. Палавандова, урожденной кн. Орбеліани. Баронесса Розенъ, подъ впечатлѣніемъ постигшаго семью несчастія, отказалась было, подъ предлогомъ болѣзни, принять участіе въ торжествѣ, но, по приказанію его величества, должна была явиться. Балъ прошелъ довольно оживленно и кончился далеко за полночь. Съ бала государь удалился въ свои покои и, не предаваясь отдыху, началъ готовиться къ выѣзду изъ Тифлиса.

Наступило утро 12-го октября;—продолжаетъ Берже,—тучи тяжелымъ сводомъ сомкнулись надъ городомъ, угрожая разразиться ливнемъ. Около дома корпуснаго командира была замѣтна какая-то торопливая суета. Но вотъ изъ воротъ липоваго сада, въ открытой коляскѣ, выѣхалъ императоръ съ сидѣвшимъ около него гр. Орловымъ. За императоромъ въ нѣсколькихъ экипажахъ послѣдовала свита, а изъ мѣстныхъ властей только исправлявшій должность тифлисскаго исправника Михайловъ. Самого барона Розена здѣсь не было, такъ какъ онъ, вслѣдствіе сильнаго нравственнаго и физическаго утомленія, проспалъ выѣздъ государя. Въ разстояніи полуверсты отъ города начинается крутой спускъ, который въ самомъ почти началѣ дѣлаетъ крутой поворотъ къ протекающей внизу р. Верѣ, отъ которой дорога снова идетъ въ гору. На этомъ-то спускѣ ямщикъ, не затормозивъ экипажа, началъ спускать коляску, но едва онъ достигъ поворота, какъ выносныя лошади перебѣжали валъ, за которымъ находился глубокій ровъ, коляска начала опрокидываться, и только удачный прыжокъ государя предупредилъ катастрофу. Экипажъ оказался сломаннымъ, и его величество былъ вы-

нужденъ продолжать путь верхомъ. «Атаманъ твой (Леоновъ) не разсердится, что я взялъ у тебя лошадь?»—обратился государь къ сопровождавшему его казаку. «Извольте садиться,—отвѣчалъ казакъ,—я приму вину на себя». Въ это самое время на мѣсто происшествія прибыли кн. Палавандовъ, а за нимъ и баронъ Розенъ. «Благодарю, князь, за угощеніе»,—произнесъ государь, обращаясь къ губернатору. Доѣхавъ до Мцхета, его величество пересѣлъ въ коляску, высланную туда изъ Тифлиса. Въ Гартискарѣ, гдѣ была первая перемѣна лошадей, императору представился выѣхавшій на границу своего уѣзда душетскій исправникъ, отличавшійся крайне безобразною наружностью. «Какъ фамилія?»—спросилъ государь. «Пригожій»,—отвѣтилъ исправникъ. Государь снова посмотрѣлъ на него и улыбнулся. Въ Душетѣ, гдѣ государь впервые послѣ сдѣланнаго переѣзда заговорилъ съ Розеномъ, во всей подробности былъ осмотрѣнъ госпиталь. «А гдѣ кухня?»—спросилъ государь у сопровождавшаго его смотрителя госпиталя Гозе. Гозе, не замѣтивъ стоявшаго доктора, коллежскаго асессора Гросшупфа, указывая его величеству дорогу, сдѣлалъ такой сильный розмахъ рукою, что докторъ отъ полученнаго имъ удара едва и съ трудомъ удержался на ногахъ. Сцена эта вышла до того комичной, что государь едва удержался отъ смѣха. За Душетомъ слѣдовалъ Анануръ. Миновавъ это мѣсто, царскій экипажъ вдругъ остановился вслѣдствіе совершенно неожиданнаго и крайне страннаго случая. Дѣло въ томъ, что изъ бокового ущелья, выходящаго на дорогу, выѣхалъ на кляченкѣ священникъ-грузинъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и дымившимся кадиломъ въ рукѣ. «Это что?»—спросилъ удивленный императоръ. «Священникъ изъ ближайшаго села, призывающій надъ вашимъ величествомъ благословеніе Всевышняго и желающій вамъ счастливаго пути». Встрѣча эта была видимо непріятна государю, но онъ одарилъ и милостиво отпустилъ священника.....

14-го октября его величество, оставивъ за собой Владикавказъ, быстро приближался къ Екатеринограду, откуда, послѣ спокойно проведенной ночи, прослѣдовалъ чрезъ Пятигорскъ въ Ставрополь, куда прибылъ 17-го числа въ 7 часовъ вечера.

«Вотъ какъ описываетъ въ «Ставропольскихъ Вѣдомостяхъ» Бентковскій пріѣздъ государя въ Ставрополь: «Въ первыхъ числахъ октября всѣ приготовленія къ предстоящему пріему были окончены и получено офиціальное извѣстіе, что государь пріѣдетъ въ Ставрополь 17-го числа. Къ счастью, октябрь былъ сухой и теплый. Въ назначенный день,—а онъ совпадалъ съ обычною въ это время ярмаркою, которая въ то время, замѣчу мимоходомъ, отличалась болѣе значительнымъ, чѣмъ теперь, съѣздомъ и оживленіемъ торговли,—жители Ставрополя и пріѣзжій народъ толпились съ ранняго утра на Большой улицѣ и ярмарочной площади, ожидая прибытія августѣйшаго монарха. Наконецъ, около 7 час. вечера, по тифлисскому тракту, начиная отъ станицы Старомарьевской, начали показываться огни пылающихъ костровъ и зажигаемыхъ смоляныхъ бочекъ. Огни подвигались все ближе и ближе, а спустя четверть часа можно было явственно видѣть плеяду звѣздочекъ, все ярче и ярче свѣтящихъ,—это горѣли факелы въ рукахъ молодыхъ службою казаковъ ставропольскаго полка, окружавшихъ царскій поѣздъ. Вдругъ раздались среди народа слова: «Царь, царь!»,—и громогласное «ура» десятка тысячъ русскихъ грудей, переливаясь волною, встрѣтило съ понятнымъ восторгомъ давно ожидаемаго гостя. Толпа раздвинулась, и по вновь устроенной мостовой пронеслось нѣсколько экипажей, среди неумолкаемаго «ура», къ дому командующаго войсками. Было ровно 8 часовъ вечера, но вся масса народа оставалась тамъ до поздней глубокой ночи.

Въ числѣ сопровождавшей свиты государя императора были генералъ-адъютанты графъ Орловъ и баронъ Розенъ, командовавшій тогда отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Отъ Владикавказа до Ставрополя конвоировалъ государя покойный атаманъ донскихъ казачьихъ войскъ, генералъ-маіоръ Николаевъ. Областной же начальникъ, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, отсталъ отъ поѣзда и пріѣхалъ въ Ставрополь часомъ позже; тѣмъ не менѣе, его величество не изволилъ сѣсть за обѣденный столъ, пока не явился хозяинъ дома, не взирая на зубную боль отъ простуды.

На слѣдующее утро государь, несмотря на продолжающееся страданіе, потребовалъ къ себѣ Вельяминова съ планомъ гор. Ставрополя, весьма не понравившагося ему своей мѣстностью безъ рѣки, на открытой возвышенности, и выразилъ желаніе перенести областной городъ въ Пятигорскъ. Но генералъ Вель-

яминовъ, долго и подробно объясняя важность этого центральнаго пункта для сѣвернаго Кавказа, упросилъ государя оставить Ставрополь областнымъ городомъ и утвердить планъ. Слѣдуетъ замѣтить, что государю императору очень понравился Пятигорскъ, изъ котораго онъ тогда проѣхалъ, ассигновавъ при обозрѣніи его на устройство минеральныхъ водъ ежегодно по 200,000 р. ассигнаціями.

Въ этотъ день, т. е 18-го октября, большая масса народа собралась у гостинаго ряда, гдѣ устроена была небольшая выставка произведеній области и вообще сѣвернаго Кавказа. Выставка эта удостоилась посѣщенія государя императора, и здѣсь-то ставропольскіе жители въ первый разъ имѣли счастіе лицезрѣть своего августѣйшаго монарха. Осмотрѣвъ выставку, на которой всѣ предметы объяснялъ его величеству извѣстный всей Россіи помѣщикъ-шелководъ и винодѣлъ, статскій совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ Ребровъ, удостоившійся личной благодарности за улучшеніе шелководства, государь сказалъ: «Это важная отрасль у насъ, и я готовъ ей покровительствовать». Изъ числа выставленныхъ на выставку вещей государь изволилъ любоваться двухствольнымъ ружьемъ, сдѣланнымъ собственноручно ставропольскимъ мѣщаниномъ Коневымъ, и наградить его серебряною медалью на станиславской лентѣ для ношенія на шеѣ, а статскому совѣтнику Реброву пожаловалъ орденъ св. Станислава 2-й степени со звѣздою.

Прямо съ выставки государь императоръ, въ сопровожденіи графа Орлова, генерала-отъ-инфантеріи барона Розена, генералъ-лейтенанта Вельяминова и свиты, прибылъ въ зданіе гимназіи въ 11 часовъ утра. У парадняго крыльца исправлявшій должность директора (Бѣляевъ) имѣлъ счастіе встрѣтить его величество вмѣстѣ съ попечителемъ моздокскаго уѣзднаго училища Іерусалемскимъ, донести словесно о состояніи дирекціи и вручить всеподданнѣйшій рапортъ.

Его величество, идя по лѣстницѣ и галлереѣ, изволилъ спрашивать Бѣляева о числѣ учащихся вообще и въ гимназіи особо, и сколько имѣетъ въ виду учениковъ. На эти вопросы исправляющій должность директора отвѣчалъ: «Всѣхъ учащихся 483, въ гимназіи 53 на лицо, неприбывшихъ изъ городовъ 12, имѣется въ виду болѣе 20 человѣкъ».

«Слѣдовательно, до ста человѣкъ,—сказалъ государь и, обратясь къ генералъ-лейтенанту Вельяминову, замѣтилъ: «На первый разъ достаточно».

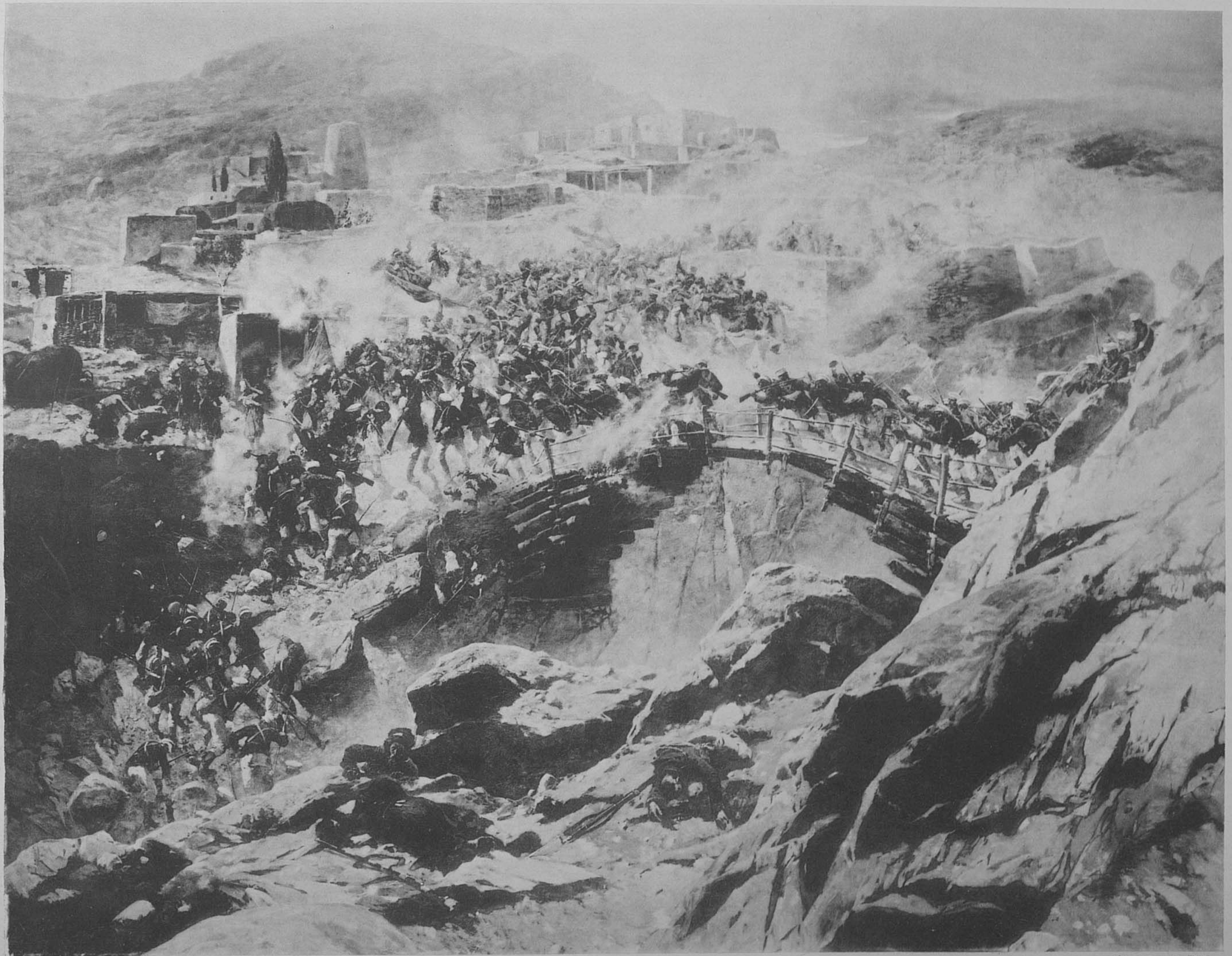
Его величество, войдя въ залъ гимназіи, сказалъ: «Здравствуйте, дѣти!» На это воспитанники гимназіи и приходскаго училища, поставленные рядами въ двухъ колоннахъ, отвѣчали: «Здравія желаемъ вашему императорскому величеству». Осмотрѣвъ учащихся и поклонясь училищнымъ чиновникамъ, государь сказалъ: «Поздравляю васъ, дѣти, съ открытіемъ гимназіи», на что воспитанники отвѣчали: «Покорнѣйше благодаримъ ваше императорское величество»! «Желаю, чтобы плоды занятій вы употребили съ пользою и сдѣлались достойными чиновниками»—говорилъ государь. «Будемъ стараться»,—отвѣчали дѣти. Взглянувъ на дѣтей и замѣтивъ слезы у большей части изъ нихъ, государь сказалъ генераламъ: «Jolis enfants». Осматривая классы, библіотеку и книжный магазинъ, его величество нашелъ, что помѣщеніе удобно, а библіотека недостаточна. Исправляющій должность директора отвѣтилъ, что съ разрѣшенія начальства выписывается до 100 названій классическихъ сочиненій. «На сколько человѣкъ предназначенъ пансіонъ при гимназіи?»—спросилъ государь. «На 20 человѣкъ казеннокоштныхъ, а пансіонеровъ—сколько явится желающихъ и дозволитъ помѣщеніе».—«А помѣщеніе готово»?—«Комнаты почти готовы».—«Гдѣ онѣ?» —«Въ третьемъ этажѣ, ваше императорское величество». Его величество, осмотрѣвъ комнаты пансіона, одобрилъ расположеніе ихъ и повелѣлъ не спѣшить открытіемъ, а принять мѣры къ окончанію работъ, истребленію запаха масляной краски и сушкѣ одной изъ угловыхъ комнатъ. «Сколько пансіонеровъ?» —спросилъ государь на возвратномъ пути.—«Не получивъ свѣдѣнія отъ черноморскаго и линейнаго атамановъ и областного предводителя, я съ точностью не могу опредѣлить числа, но надѣюсь, что пансіонеровъ будетъ вдвое болѣе числа казенныхъ»,—отвѣчалъ Бѣляевъ....

«Каковы учителя?».—«Господиномъ попечителемъ округа, графомъ Головкинымъ, назначены въ гимназію знающіе дѣло, усердные и примѣрной нравственности чиновники».— «Старайтесь, чтобы и во всѣхъ училищахъ были таковы». Въ заключеніе его величество сказалъ: «Хорошо, я доволенъ».

Садясь въ экипажъ, императоръ, взглянувъ на зданіе гимназіи, спросилъ: «Чей домъ?» и когда генералъ Вельяминовъ доложилъ, что домъ комиссіонера Сѣрова, государь серьезнымъ голосомъ сказалъ: «Въ отставку». Домовладѣлецъ едва-ли разсчитывалъ, что ему такъ скоро придется отдохнуть отъ комиссіонерскихъ трудовъ.

Вслѣдъ за этимъ государь смотрѣлъ кавказскій линейный № 1-й батальонъ и возвратившуюся наканунѣ изъ похода артиллерійскую батарею и былъ повидимому недоволенъ состояніемъ этихъ частей, но, ознакомившись уже лично съ трудностями кавказской войны въ горныхъ трущобахъ, не только не сдѣлалъ генералу Вельяминову никакого замѣчанія, но вновь поблагодарилъ его за военныя дѣйствія на Кавказѣ. Послѣ обѣда его величество выѣхалъ въ Новочеркасскъ, не одинъ разъ изъявляя Вельяминову удовольствіе за все видѣнное въ его управленіи и благодарилъ его за хлѣбосольство. 19-го государь прибылъ въ Аксай, гдѣ былъ встрѣченъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, а 26-го числа, въ 7 часовъ вечера, слѣдуя черезъ Новочеркасскъ, Воронежъ и Тулу, прибылъ въ Москву».

Такъ кончилось путешествіе государя по Кавказу, нѣсколько познакомившее его величество съ этой отдаленной окраиной его имперіи и имѣвшее ближайшимъ послѣдствіемъ отозваніе барона Розена и назначеніе на его мѣсто генералъ-адъютанта Евгенія Александровича Головина.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Взятіе штурмомъ аула Ахульго 22 го Августа 1839 года.

ЧР

Взятіе штурмомъ аула Ахульго 22-го августа 1839 года.

После смерти Кази-муллы многіе думали, что мюридизмъ потерялъ свое значеніе, но, къ несчастью, фанатическое ученіе это успѣло пустить глубокіе корни, а смерть имама, увѣнчавшая его ореоломъ мученика за вѣру, еще болѣе воодушевила горцевъ къ продолженію войны съ гяурами.

Горцы распустили слухъ, что тѣло Кази-муллы было найдено лежавшимъ вверхъ лицомъ, при чемъ одной рукою онъ держался за бороду, а другою указывалъ на небо. Мусульмане были убѣждены, что это именно то самое положеніе, въ которомъ долженъ находиться праведникъ въ минуты самыхъ горячихъ молитвъ. Легенда эта сильно подѣйствовала на воображеніе горцевъ, и мюридизмъ не только не потухалъ, а наоборотъ росъ, направлясь въ горы, и тамъ, вдали отъ русскихъ властей, искалъ преемника погибшему имаму, кружа голову не одному муллѣ. И дѣйствительно, вскорѣ же замѣстителемъ Кази-муллы оказался одинъ изъ ближайшихъ его мюридовъ, Гамзадъ-бекъ, человѣкъ тоже весьма рѣшительный и смѣлый, хотя и не отличавшійся большими дарованіями. Онъ былъ молчаливый и безжалостный честолюбецъ, исполнялъ всѣ свои предпріятія быстро и безъ огласки—«для Бога, а не для себя, какъ самъ онъ выражался».

Объявивъ себя въ 1833 году преемникомъ Кази-муллы, Гамзадъ-бекъ силою оружія заставилъ подчиниться шамхальцевъ, мехтулинцевъ и акушинцевъ, не желавшихъ принять участія въ мятежѣ. Онъ все время старался возмущать противъ русской власти жителей и заставлялъ ихъ присоединяться къ мюридизму, жестоко наказывая неповиновавшихся. Новый имамъ Чечни и Дагестана избралъ мѣстопребываніемъ аулъ Новый Гоцатль въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Однимъ изъ самыхъ завѣтныхъ желаній Гамзадъ-бека было осуществленіе мысли Кази-муллы насчетъ овладѣнія Аварскимъ ханствомъ, этимъ центромъ всего Дагестана. Для исполненія задуманнаго плана онъ рѣшился прежде всего подчинить своей власти аулы, окружающія Аварію, и потомъ уже вторгнуться въ это ханство. Гамзадъ разослалъ пылкія воззванія въ разныя общества, которыя быстро откликнулись на зовъ.

Въ августѣ 1834 года энергичный имамъ подступилъ къ Хунзаху. Послѣ семидневной осады Гамзадъ послалъ преданныхъ мюридовъ къ ханшѣ Паху-Бике для переговоровъ, заключавшихся въ томъ, что ханша со всѣми подвластными жителями должна была принять новое ученіе, прервать всякія сношенія съ русскими и заставить своихъ сыновей дѣйствовать противъ невѣрныхъ. Хитростью заманивъ внуковъ ханши Абу-Нупала и Умма-хана, онъ приказалъ убить ихъ и всѣхъ членовъ ханской семьи, за исключеніемъ матери, а самой Паху-Бике отрѣзать голову. Однако, владычество Гамзада надъ Аваріей продолжалось недолго. Въ отмщеніе за смерть хановъ, нѣсколькими лицами былъ составленъ тайный заговоръ, во главѣ котораго находился Османъ-Хаджи-мурадъ, и 19-го сентября 1834 года Гамзадъ съ главными сообщниками былъ убитъ въ хунзахской мечети. Мюриды были изгнаны изъ Хунзаха, Хаджи-мурадъ назначенъ старшиною, а правителемъ Аваріи провозглашенъ былъ полковникъ русской службы Ахметъ-ханъ.

Смерть Гамзада однако не поколебала мюридизма, и новымъ имамомъ на мѣсто убитаго избранъ былъ Шамиль, какимъ то чудомъ излѣчившійся отъ смертельной раны, полученной имъ при защитѣ аула Гимры. Съ его избраніемъ начался новый періодъ войны съ кавказскими горцами.

Шамиль, какъ и Кази-мулла, былъ уроженецъ селенія Гимры. Онъ былъ сыномъ узденя, родился въ 1797 году и съ дѣтства находился въ большой дружбѣ съ Кази-муллою, который былъ старше его на четыре года. Мальчики жили дружно, хотя характерами очень мало походили другъ на друга. Шамиль былъ живого темперамента и очень любознателенъ. 12-ти лѣтъ онъ началъ посѣщать школу, 20-ти лѣтъ окончилъ курсъ грамматики, логики и арабскаго языка, а затѣмъ началъ изучать у лучшихъ учителей философію, толкованія корана, преданія и законы Аваріи. 27 лѣтъ онъ основательно зналъ тарикатъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ Кази-муллы. Поселившись въ Гимрахъ, онъ принялся, пользуясь своимъ краснорѣчіемъ, за распространеніе мюридизма, но на первыхъ порахъ своего имамства находился въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ экспедиціи русскихъ войскъ въ горы и гибель Гамзада отчасти смирили пылъ горцевъ. Въ первое время Шамиль не имѣлъ большого успѣха въ Дагестанѣ, даже терпѣлъ неудачи, и былъ разбитъ въ 1834 году, при сел. Гоцатлѣ, отрядомъ полковника Клюге-фонъ-Клюгенау, но, несмотря на это, онъ дѣятельно приготовлялся къ борьбѣ съ русскими. Будучи безгранично честолюбивымъ, одаренный выдающимися военными способностями, новый имамъ вскорѣ оказался крайне опаснымъ противникомъ, такъ какъ сталъ сплочивать подъ своею деспотическою властью разрозненныя племена восточнаго Кавказа. Къ началу 1835 года силы его настолько увеличились, что онъ вознамѣрился наказать хунзахцевъ за умерщвленіе Гамзадъ-бека и двинулся въ Аварію. Въ виду этого главнокомандующій на Кавказѣ баронъ Розенъ рѣшился занять Хунзахъ войсками, и въ 1837 году туда былъ отправленъ отрядъ подъ командой генерала Фези, который, пройдя изъ Салатавіи въ Аварію, окружилъ Шамиля въ Тилитлѣ и послѣ упорнаго боя почти овладѣлъ этимъ укрѣпленіемъ, но недостатокъ снарядовъ и продовольствія заставилъ отрядъ отступить. Имамъ изъявилъ готовность принять присягу, и тогда же рѣшено было предложить Шамилю, чтобъ онъ со своими приверженцами воспользовался пребываніемъ императора Николая Павловича на Кавказѣ и явился съ покорностью къ его величеству. Послѣ долгихъ письменныхъ переговоровъ генералъ Клюгенау предлагалъ Шамилю личное свиданіе для улаженія этого дѣла, но черезъ нѣсколько дней Шамиль отвѣтилъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ этой поѣздки.

При встрѣчѣ въ 1837 году государя императора въ Редутъ-Кале баронъ Розенъ представилъ подробный обзоръ военной дѣятельности на Кавказѣ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Положеніемъ дѣлъ государь остался недоволенъ и вслѣдъ за этимъ главнымъ начальникомъ края былъ назначенъ генералъ Головинъ. За это время Шамиль неустанно трудился надъ распространеніемъ въ горахъ Дагестана своего вліянія и скоро достигъ огромнаго могущества и власти. Это заставило наконецъ подумать о рѣшительныхъ мѣрахъ. Въ 1839 году было рѣшено двинуть отряды: дагестанскій, подъ начальствомъ самого корпуснаго командира Головина,—для окончательнаго покоренія самурскихъ обществъ, а чеченскій отрядъ, генерала Граббе,—для дѣйствій противъ Шамиля, въ сѣверный Дагестанъ и Чечню. Пока шли приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, Шамиль собралъ скопища разныхъ лезгинскихъ племенъ до шести тысячъ человѣкъ. Онъ разглашалъ, что вступленіе русскихъ въ долину Андійскаго Койсу будетъ гибелью для нихъ, всякаго, кто въ этомъ сомнѣвался, жестоко наказывалъ и объявилъ, что повѣситъ каждаго, кто осмѣлится предложить ему вступить съ русскими въ переговоры.

Отрядъ генерала Граббе, силою до 8 тысячъ человѣкъ, въ срединѣ мая 1839 года появился у крѣпости Внезапной. Затѣмъ войска спустились къ уроч. Кыркъ и направились къ селенію Аргуани, занявъ здѣсь сильную позицію со скопищами въ 10 тысячъ человѣкъ. Шамиль надѣялся видѣть истребленіе русскаго отряда. Вечеромъ 29-го мая произведя рекогносцировку селенія, Граббе приказалъ батареѣ открыть огонь, но бомбардировка не могла принести значительнаго вреда, такъ какъ стѣны домовъ селенія Аргуани были толсты. Тогда рѣшено было штурмовать селеніе съ трехъ сторонъ. 31-го мая, рано утромъ, Граббе поднялъ войска и съ барабаннымъ боемъ двинулъ ихъ на приступъ. Изъ заваловъ батальоны были встрѣчены убійственнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ. Воодушевленные Шамилемъ, мюриды нѣсколько разъ бросались въ шашки, но ничего

не могли сдѣлать, такъ какъ съ одной стороны апшеронцы и куринцы, а съ другой кабардинцы, ворвавшись въ селеніе, обратили непріятеля въ бѣгство, несмотря на численное превосходство его. Вслѣдъ за этимъ войска двинулись за Шамилемъ, который бѣжалъ въ Ахульго.

Рѣшено было во что бы то ни стало овладѣть и этимъ укрѣпленіемъ.

«Старый и Новый Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ между собою глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильда; оба вмѣстѣ они составляли полуостровъ, огибаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу. Верхнія площадки этихъ утесовъ, огражденныя кругомъ отвѣсными и каменистыми обрывами, суживаясь къ югу, примыкаютъ къ окружающимъ горамъ только двумя узкими перешейками; отъ Стараго Ахульго тянется хребетъ вдоль берега Койсу; надъ Новымъ—высится почти отвѣсно-остроконечная вершина, высотою въ десять саженъ, занятая Сурхаевой башней, куда можно было взобраться только поодиночкѣ. Обрывы обоихъ утесовъ ниспадали къ рѣчкѣ Ашильдѣ и къ самому Койсу и были изрыты множествомъ пещеръ. Въ одномъ мѣстѣ оба утеса до того сближаются между собою, что для сообщенія между ними переброшено было нѣсколько бревенъ надъ пропастью глубиною саженъ въ 20 или болѣе, но спуски къ этому мостику съ обоихъ Ахульго чрезвычайно затруднительны, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывались деревянными подмостками. Рѣка Койсу, протекая между утесистыми берегами, также суживается въ одномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ Стараго Ахульго, такъ что горцы и черезъ нее перебросили нѣсколько бревенъ вмѣсто моста. Вообще вся мѣстность вокругъ обоихъ Ахульго чрезвычайно сурова и дика; горы каменистыя, безплодныя, какъ будто всѣ въ трещинахъ. Не довольствуясь естественною неприступностью такого мѣстоположенія, Шамиль оградилъ свое убѣжище еще искусственными укрѣпленіями, весьма хорошо обдуманными. Оба мыса, или узкихъ гребня, которыми Старый и Новый Ахульго примыкали къ окружающимъ горамъ, были глубоко перекопаны, надъ эскарпомъ находились каменистыя постройки съ бойницами; въ Новомъ же Ахульго передъ переднею башнею было устроено нѣчто въ родѣ бастіона въ маломъ размѣрѣ: двѣ каменныя постройки по сторонамъ, соединенныя траншеею, обстрѣливали перекрестнымъ огнемъ единственную точку, гдѣ можно было эскаладировать, если-бы передняя башня была сбита. Устроены были боковые ложементы и множество заваловъ, изъ которыхъ сотни выстрѣловъ могли быть направлены на каждую точку, гдѣ бы русскія войска ни показались. Такимъ образомъ, горцы прекрасно воспользовались естественными преградами».

Шамиль заперся въ Ахульго со всѣми приверженцами и съ награбленною добычею. Болѣе 4,000 душъ обоего пола заключено было на голомъ раскаленномъ утесѣ. Вооруженныхъ было свыше тысячи; изъ нихъ человѣкъ сто самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, предводимыхъ Али-бекомъ, засѣли въ Сурхаевой башнѣ.

Подступивъ 10-го іюня къ замку Ахульго, Граббе приказалъ перевести на правую сторону рѣки Койсу оба баталіона кабардинскаго полка, съ находившимися при нихъ полевыми орудіями, которыя въ особенности нужны были для дѣйствія противъ непріятельскихъ укрѣпленій. У переправы черезъ Койсу оставлены были только двѣ роты апшеронскаго полка, которымъ отдано было приказаніе расположиться на правомъ берегу рѣки, прикрывъ себя завалами и снявъ съ моста настилку. Съ 12-го іюня начались осадныя работы,—устроено было пять батарей изъ туръ, и ихъ наполнили камнями, за недостаткомъ земли. Трудныя были работы по расчисткѣ дорогъ, такъ какъ для провоза орудій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высѣкали дороги въ скалахъ. Мѣстность около Ахульго чрезвычайно разнообразна и пересѣчена; войска долго ознакомливались съ нею и дѣйствовали, такъ сказать, ощупью, чѣмъ пользовались горцы, мѣткими выстрѣлами съ Ахульго и Сурхаевой башни наносившіе значительный вредъ передовымъ войскамъ.

Шамиль разослалъ воззванія въ лезгинскія общества, призывая ихъ къ освобожденію Ахульго; этотъ призывъ имѣлъ успѣхъ, такъ какъ въ ночь на 18-е іюня, подъ начальствомъ Ахверды-Магомы, четырехтысячная толпа горцевъ, появившись передъ Ахульго, завязала перестрѣлку, но, атакованная съ фронта колонной генерала Лабинцева, отступила и расположилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ахульго. Въ это

время съ сѣверо-запада появилась другая партія горцевъ, которая заставила войска, охранявшія переправу, отойти подъ сильнымъ огнемъ къ главнымъ силамъ. Въ виду этого Граббе съ частью войскъ 21-го іюня выступилъ противъ Ахверды-Магомы и разбилъ его на-голову. Шамиль, узнавъ объ удаленіи отъ Ахульго отряда Граббе, сдѣлалъ вылазку и уничтожилъ нѣкоторыя осадныя работы, но когда вечеромъ 23-го іюня Граббе возвратился, то осадныя работы начались съ большею энергіей, и построена была новая батарея. Такъ какъ Сурхаева башня, командовавшая всею мѣстностью, затрудняла дѣйствія осаднаго отряда, то Граббе рѣшилъ штурмовать ее. 29-го іюня, съ разсвѣтомъ, батареи открыли съ трехъ сторонъ сильный огонь противъ башни. Выстрѣлы были мало дѣйствительны; попытка артиллеріи пробить брешь осталась тщетною, и штурмъ, продолжавшійся съ 9 часовъ утра до 4-хъ дня, былъ безуспѣшенъ. Русскіе потеряли двухъ офицеровъ и 34 нижнихъ чина убитыми и много раненыхъ. Впрочемъ, этотъ штурмъ принесъ и пользу, такъ какъ Шамиль лишился въ этотъ день самаго способнаго помощника своего, Али-бека, умершаго отъ раны; кромѣ того въ Сурхаевой башнѣ перебито было нѣсколько самыхъ отчаянныхъ мюридовъ. Наконецъ, эта неудачная попытка овладѣнія Ахульго была хорошимъ урокомъ и послужила указаніемъ для другого раза. Всѣ видѣли, что штурмъ открытою силою вести невозможно, а потому надѣялись на разрушительное дѣйствіе артиллеріи. Чтобы воспользоваться этими соображеніями, нужно было усилить батарею праваго фланга полевыми орудіями и противъ Сурхаевой башни поставить новую батарею.

На разсвѣтѣ, 4-го іюля, горцы произвели вылазку изъ Стараго Ахульго и бросились на переднія части траншей, которыми саперы уже приблизились къ самому краю рва, но вскорѣ же были отражены подоспѣвшимъ резервомъ. Въ 2 часа пополудни русскія войска открыли стрѣльбу по Сурхаевой башнѣ. Мѣткіе перекрестные выстрѣлы производили ужасное дѣйствіе: съ каждымъ разомъ отваливались огромныя части башни, обломки ея катились съ вершины къ подножію скалы, и скоро густая пыль и развалины виднѣлись вмѣсто башни. Большая часть оборонявшихся мюридовъ была совершенно истреблена выстрѣлами артиллеріи или погребена подъ развалинами жилищъ. Немногіе, оставшіеся еще въ живыхъ, не могли уже долѣе держаться и въ ночь на 5-е іюля, пользуясь темнотою, скрытно бѣжали изъ башни, намѣреваясь пробраться мимо русскихъ секретовъ въ Новый Ахульго. Этого мгновенія и ожидали спрятавшіеся за утесомъ охотники: они быстро поднялись вверхъ и ворвались въ башню, въ которой однако нашли только нѣсколько раненыхъ.

Взятіе Сурхаевой башни было важнымъ шагомъ, такъ какъ послѣ этого уже можно было обратить всѣ усилія на Новый Ахульго, какъ главную часть непріятельской позиціи. Теперь можно было начать осадныя работы, стѣснить линію блокады и устроить новыя батареи на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій, чтобъ ихъ могли разбивать даже горныя орудія.

12-го іюля прибыли изъ южнаго Дагестана три батальона ширванскаго пѣхотнаго полка съ 4 орудіями, подъ начальствомъ полковника барона Врангеля, и съ этого времени въ отрядѣ находилось уже 13 батальоновъ и 30 орудій.

16-го іюля Граббе рѣшился произвести штурмъ. Для облегченія спуска пѣхотѣ съ высотъ, впереди Сурхаевой башни проложили извилистую тропинку и поставили двѣ лѣстницы, а для спуска орудій были приготовлены блоки и ящики на канатахъ. Штурмующія войска раздѣлены были на три колонны: главная, подъ командою барона Врангеля, состоявшая изъ трехъ батальоновъ ширванскаго полка, назначалась для штурма Новаго Ахульго. Вторая, лѣвая колонна, находившаяся подъ командою полковника Попова, въ составѣ батальона апшеронскаго полка, должна была демонстрировать Старый Ахульго, чтобъ отвлечь вниманіе непріятеля. Наконецъ третьей, средней колоннѣ, находившейся подъ начальствомъ майора Тарасевича и состоявшей изъ шести ротъ апшеронскаго же полка, приказано было броситься по руслу рѣчки Ашильды въ ущелье между Старымъ и Новымъ Ахульго, чтобы прервать сообщеніе между двумя частями непріятельскихъ силъ; а въ случаѣ, если бы нашлась какая-нибудь тропинка отъ русла рѣчки на вершину утесовъ, то воспользоваться ею и тѣмъ облегчить успѣхъ главной атаки, направленной на переднюю часть Новаго Ахульго.

По сигналу, правая колонна подъ градомъ пуль спустилась внизъ, перешла ровъ Новаго Ахульго и взобралась на передовыя непріятельскія укрѣпленія. Войска встрѣтили перекопы, за которыми возвышались завалы и укрѣпленія, и, страшно теряя отъ огня, преодолѣвали препятствія. Стрѣльба усилилась. Люди гибли, но безотвѣтно продолжали бой, въ которомъ между прочими тяжело былъ раненъ храбрый Врангель. Положеніе было отчаянное. Непріятель защищался съ крайнимъ упорствомъ. Въ то мгновеніе, когда русскія войска ворвались въ передовую часть укрѣпленій, мюриды уже готовы были бѣжать; но въ это время женщины съ малолѣтними дѣтьми бросились впередъ и остановили бѣжавшихъ. Многія изъ этихъ героинь, переодѣвшись въ черкески, сами упорно дрались въ передовыхъ укрѣпленіяхъ. Штурмъ вышелъ неудачнымъ, и положительнаго успѣха въ этотъ день русскія войска не имѣли, а потому рѣшено было обложить Ахульго тѣснымъ кольцомъ и усилить саперныя работы.

Между тѣмъ къ Шамилю двигались подкрѣпленія: онъ имѣлъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки Койсу, и на другой день послѣ штурма къ нему прибыло до ста человѣкъ чиркеевцевъ и столько же изъ другихъ селеній. Послѣ того въ Ахульго стали прибывать вооруженные мюриды: ежедневно по лѣвому берегу рѣки Койсу, въ виду русскаго отряда, проходили вьюки съ продовольствіемъ и порохомъ; даже ближайшія селенія, каковы напримѣръ Гимры, продолжали сношенія съ непріятелемъ, ободряя его къ упорной оборонѣ. Неудачный штурмъ внушилъ еще болѣе увѣренности непріятелю, который надѣялся, что рано или поздно русскія войска вынуждены будутъ наконецъ снять блокаду, тѣмъ болѣе что Сурхай-ханъ отправился въ верхнія лезгинскія общества, для набора новыхъ скопищъ.

Русскимъ войскамъ для полнаго обложенія Ахульго слѣдовало переправиться на лѣвый берегъ Койсу, занятый горцами, а потому Граббе приказалъ пріискать средства къ возстановленію переправы и выслалъ съ офицеромъ генеральнаго штаба небольшую команду, которая спустилась къ рѣкѣ въ разстояніи не болѣе ружейнаго выстрѣла отъ Стараго Ахульго. Въ ночь на 31-е іюля къ переправѣ подошла артиллерія и утромъ открыла огонь, чѣмъ заставила непріятеля укрыться въ пещерахъ. За нею спустился одинъ батальонъ кабардинскаго полка, а затѣмъ нѣсколько егерей, несмотря на быстроту рѣки и другія затрудненія, переплыли на лѣвую сторону ея и натянули канатъ. 1-го августа начали ставить туры. Въ русскомъ лагерѣ приготовлялось все нужное для постройки моста, установку котораго облегчали уцѣлѣвшіе у обоихъ береговъ устои прежняго моста. Всѣ эти приготовленія убѣдили непріятеля въ намѣреніи русскихъ устроить здѣсь переправу, а потому горцы собрались въ прилегающихъ балкахъ и также начали строить завалы, разсчитывая напасть на передовыя русскія войска.

Генералъ Граббе, желая избѣжать кровопролитія, приказалъ объявить Шамилю, что если онъ къ вечеру 16-го августа не выдастъ сына въ качествѣ заложника, то на другой же день начнется штурмъ. Имамъ же, умышленно затягивая переговоры, возводилъ новыя укрѣпленія, разсчитывая, что къ нему подойдутъ на подмогу сильныя подкрѣпленія. Въ то же время и Граббе укрѣплялся: онъ ставилъ батареи и дѣлалъ все необходимое для штурма. 16-го августа была разослана войскамъ диспозиція.

«17-го августа,— пишетъ А. Юровъ въ статьѣ своей «Три года на Кавказѣ»,—съ разсвѣтомъ, едва солнечные лучи скользнули по вершинамъ угрюмыхъ ахульгинскихъ утесовъ, загремѣли всѣ наши орудія. 1-й батальонъ куринскаго полка, имѣя во главѣ охотниковъ, спустился крытою галлереею и быстро началъ подниматься на скалу, несмотря на градъ камней и пуль изъ всѣхъ заваловъ. Отчаянное мужество мюридовъ, засѣвшихъ въ передовомъ укрѣпленіи, подъ начальствомъ самого Сурхая, не могло остановить нашихъ солдатъ, съ генераломъ Пулло и подполковникомъ Цыклауровымъ, лично ставшими впереди штурмующихъ: передовое укрѣпленіе Новаго Ахульго частью было занято, а вслѣдъ за тѣмъ наши саперы успѣли продѣлать всходъ и втащить туры и фашины для устройства ложемента. Егеря, стѣсненные на узкомъ пространствѣ, ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ обрывами, не могли даже выстроить взводную колонну, а между тѣмъ горцы, засыпая ихъ пулями, по временамъ бросались въ шашки. Не видя спасенія и рѣшившись дорого продать свою жизнь, они съ дикимъ отчаяніемъ

прорывали нашъ строй и погибали на штыкахъ или же умирали въ сакляхъ, постепенно взламываемыхъ. Кровопролитный бой за обладаніе этимъ ключемъ непріятельской позиціи, всю важность котораго отлично сознавали горцы, длился до полудня. Потерявъ надежду удержать за собою Новый Ахульго, Шамиль, въ часъ пополудни, поспѣшилъ выставить бѣлый флагъ и, когда пальба съ нашей стороны прекратилась, немедленно выслалъ къ генералу Граббе въ аманаты своего любимаго старшаго сына Джамалъ-Эддина. Уронъ непріятеля былъ такъ великъ, что въ сутки горцы едва успѣли убрать всѣ свои тѣла. Особенно тяжела была для Шамиля утрата Сурхая, бывшаго его правою рукою. Преданнѣйшіе и испытанные мюриды имама до того пали духомъ, что умоляли его скорѣе согласиться на всѣ требованія русскаго начальства. Переговоры начались 17-го августа. Для ускоренія ихъ хода было рѣшено, что исправлявшій должность начальника отряднаго штаба генералъ-маіоръ Пулло будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ, впереди расположенія нашихъ войскъ, въ самомъ Ахульго. Имамъ долго колебался, опасаясь какого нибудь злого умысла съ нашей стороны, но, наконецъ, согласился, и, утромъ, 18-го, Пулло, съ небольшою свитою, взошелъ на Ахульго. Шамиль вышелъ навстрѣчу, усадилъ гостя на разостланный коверъ и бесѣдовалъ съ нимъ около получаса. Всѣ старанія и убѣжденія Пулло оказались безплодными: горскій предводитель не соглашался именно относительно главнаго пункта—онъ просилъ себѣ разрѣшенія жить въ горахъ а сыну, отданному уже въ аманаты,—въ Чиркеѣ, подъ присмотромъ Джамала. Свиданіе оказалось безполезнымъ, вопреки всѣмъ нашимъ ожиданіямъ. Переговоры опять затянулись; Граббе получилъ отъ Шамиля два письма, на которыя нельзя было согласиться, а между тѣмъ условленный трехдневный срокъ перемирія уже истекалъ. Видя, что Шамиль начинаетъ становиться все болѣе неуступчивымъ, Граббе, озабоченный скорымъ наступленіемъ дождливой и холодной осени, рѣшилъ не терять болѣе драгоцѣннаго времени и во что бы то ни стало покончить съ Ахульго.

На разсвѣтѣ 21-го числа штурмъ возобновился. Генералъ Лабинцевъ двинулъ 1-й батальонъ кабардинцевъ на непріятельскую постройку бастіоннаго начертанія, обороняемую Ахверды-Магомою. По первымъ выстрѣламъ у перекопа Шамиль направилъ сюда большую часть гарнизона; завязался кровопролитный бой на жизнь и на смерть. Вскорѣ лѣвая сакля была взята, правая же, наиболѣе недоступная по своему положенію, держалась цѣлый день, несмотря на то, что мы испробовали всѣ средства: бросали на дно рва ручныя гранаты, заваливали его фашинами и турами и проч. Наконецъ, ночью, саперы начали устраивать мину, высѣкая галлерею въ сплошной глыбѣ камня. Сакля была обрушена, и всѣ ея защитники погибли подъ развалинами или пали подъ штыками ожесточенныхъ упорною защитою солдатъ. Кабардинцы немедленно заняли взятую съ боя постройку и наскоро прикрылись отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Все было подготовлено для послѣдняго рѣшительнаго боя, но наступившее утро ясно показало намъ упадокъ духа гарнизона, оставшагося безъ главы, такъ какъ имамъ, видя, что дѣло проиграно, поспѣшилъ бѣжать съ семьею и нѣсколькими преданными мюридами, приказавъ горцамъ перейти для послѣдней отчаянной обороны въ Старый Ахульго.

Съ разсвѣтомъ было замѣчено большое движеніе на Новомъ Ахульго: женщины съ дѣтьми поспѣшно уходили въ старый замокъ, унося все свое имущество. Этой минутой тотчасъ воспользовался Граббе; онъ приказалъ артиллеріи усиленно обстрѣливать непріятельскіе завалы, а двумъ апшеронскимъ ротамъ и двумъ ротамъ кабардинскаго полка перейти въ наступленіе. Кабардинцы и апшеронцы быстро бросились къ аулу, опрокидывая передъ собою толпы горцевъ, изумленныхъ неожиданнымъ натискомъ. Вслѣдъ за ними двинулись: слѣва шесть кабардинскихъ ротъ, а справа—2-й куринскій батальонъ. Очистивъ всѣ траншеи и завалы и обойдя пещеры, гдѣ засѣли мюриды, войска проникли въ самое селеніе; первымъ ворвался туда унтеръ-офицеръ куринскаго полка Костинецкій, бывшій студентъ московскаго университета. Завязался отчаянный бой; даже женщины оборонялись съ изступленіемъ, бросаясь безъ всякаго оружія на сплоченный рядъ нашихъ штыковъ. Вскорѣ сопротивленіе горцевъ было сломлено, и они бросились бѣжать въ ущелье р. Ашильды, въ старый замокъ и пещеры; лишь 200 отчаянныхъ фанатиковъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, заперлись въ сакляхъ и продолжали отстрѣливаться. Бой разбился на мел-

кія рукопашныя схватки, и къ полудню на Новомъ Ахульго не осталось ни одного непріятеля.

Между тѣмъ на Новомъ Ахульго, противъ Стараго, были поставлены два орудія. Тамъ замѣчалась большая суматоха; часть горцевъ еще не успѣла перейти мостикъ и спускалась къ нему по весьма трудной и опасной тропинкѣ; за ними бросились войска правой колонны, а въ это время туда уже вторгнулся 3-й апшеронскій батальонъ маіора Тарасевича. Въ то время, когда на Новомъ Ахульго бой былъ уже въ полномъ разгарѣ, около 10-ти часовъ утра, генералъ Пулло, по приказанію Граббе, двинулъ 3-й батальонъ апшеронцевъ на приступъ къ Старому Ахульго. Апшеронцы, воодушевленные успѣхомъ правой колонны и личнымъ примѣромъ храбраго маіора Тарасевича, не дали врагу опомниться; они быстро начали подниматься на утесъ, гдѣ толпы Шамиля искали послѣдняго убѣжища. Путь колоннѣ указывалъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ, тяжело раненый въ третій разъ за время блокады, но, тѣмъ не менѣе, не пропускавшій ни одного штурма. По узкой тропинкѣ, для одного человѣка, поднялись апшеронцы на плоскость Стараго Ахульго, изрытую пещерами и подземными саклями, покрытую башнями и завалами, и мгновенно заняли главнѣйшіе пункты. Непріятель, сосредоточившій все свое вниманіе на происходившемъ въ новомъ замкѣ, какъ видно, вовсе не ожидалъ натиска. Онъ замѣтилъ голову колонны только тогда, когда она уже поднялась на утесъ, и встрѣтилъ ее залпомъ; но уже было поздно: апшеронцы ринулись вверхъ и опрокинули горцевъ штыками. Часть гарнизона положила оружіе, но около 600 мюридовъ продолжали защищаться съ ожесточеніемъ. По прибытіи передовыхъ частей войскъ съ Новаго Ахульго и послѣ продолжительнаго боя, фанатики были истреблены до последняго. Въ два часа дня 22-го августа на обоихъ Ахульго развѣвались русскія знамена.

Потери непріятеля были огромны: до 700 тѣлъ устилали поверхность обоихъ утесовъ, вообще же насчитано было болѣе тысячи труповъ; много убитыхъ было унесено быстрымъ теченіемъ Койсу. Въ плѣнъ было взято до 900 человѣкъ, большею частью стариковъ, женщинъ и дѣтей. Съ трудомъ мирились гордые горцы со своимъ положеніемъ; несмотря на полное изнуреніе и раны, нѣкоторые бросались на штыки часовыхъ, предпочитая смерть позорному плѣну. Нашъ уронъ въ бою 21-го и 22-го августа былъ великъ, но не настолько, какъ слѣдовало ожидать, судя по обстановкѣ, въ которой войскамъ пришлось драться: изъ строя выбыло: убитыми 6 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, ранеными 1 штабъ-и 15 оберъ-офицеровъ, 494 нижнихъ чина и контуженными два офицера».

Такъ окончилась осада Ахульго, составляющая одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ исторіи кавказской арміи. Генералъ-адъютантъ Граббе благодарилъ войска за ихъ подвиги, въ слѣдующемъ приказѣ по чеченскому отряду отъ 22-го августа 1839 года:

«Гг. генералы, штабъ-и оберъ-офицеры и вы всѣ, нижніе чины отряда! Вы совершили подвигъ необыкновенный, достойно увѣнчавшій рядъ успѣховъ этой экспедиціи. Вы отпраздновали высокоторжественный день вѣнчанія на царство великаго государя славнымъ боемъ, въ которомъ каждый велъ себя такъ, какъ будто чувствовалъ на себѣ ободрительный взглядъ любимаго монарха. Я зналъ васъ, когда при началѣ дѣйствій приказомъ объявилъ, что не признаю съ вами ничего недоступнаго и неодолимаго. Я всего отъ васъ требовалъ, потому что всего надѣялся, – и вы все оправдали. Благодарю васъ!».

стоянно. Многія женщины [illegible] званія, другія женщины.

Потери непріятеля были огромны: до 700 тѣлъ найдено на поверхности обоихъ утесовъ, вообще же населеніе было болѣе тысячи [illegible] было уведено [illegible] Кромѣ [illegible] до 900 человѣкъ [illegible] и дѣтей. Съ [illegible] горцы [illegible] и [illegible] въ [illegible] ихъ до 23-го августа [illegible] 1 изъ [illegible] 6 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, ранено [illegible] 15 офицеровъ, 494 нижнихъ чиновъ и контужено [illegible] офицера.

Такъ [illegible] Ахульго, составлявшее одну изъ [illegible] Граббе [illegible] въ 22-го августа 1839 года.

[illegible] генералъ [illegible] и въ числѣ [illegible] необыкновенной доблести [illegible] Вы [illegible] Вы [illegible] благодарю васъ.

къ укрѣпленіямъ [illegible] одного [illegible]

[illegible] на Новомъ Ахульго и [illegible] Сурхаева были [illegible] горцы еще не только [illegible] въ пещерахъ [illegible] въ это время [illegible] 3-й [illegible] въ Новомъ Ахульго [illegible] 10-ти часовъ утра [illegible] Шамиль, по приказанію Граббе, [illegible] 3-й баталіонъ [illegible] Старому Ахульго. Апшеронцы [illegible] Шамиль [illegible] Шамиль [illegible] Ахульго [illegible] Новое Ахульго и [illegible]

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Взрывъ и славная гибель Михайловскаго укрѣпленія 22-го Марта 1840 года.

41

Взрывъ и славная гибель Михайловскаго укрѣпленія 22-го марта 1840 года.

Несмотря на миролюбивыя дѣйствія русскаго правительства, послѣ посѣщенія восточныхъ береговъ Чернаго моря въ 1837 году императоромъ Николаемъ I, черкесскія племена западнаго Кавказа вновь возмутились. Во главѣ возстанія сталъ почетнѣйшій дворянинъ убыхскаго племени Хаджи-Берзекъ, который всѣми силами сталъ склонять горцевъ къ поголовному вооруженію. Враги Россіи тоже не дремали и настойчиво продолжали подговаривать черкесовъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ; между ними былъ польскій бѣглецъ изъ Сибири, артиллерійскій поручикъ Якубовичъ, прозванный горцами Якубъ-ханомъ. Принявъ исламъ, этотъ ренегатъ завелъ въ горахъ лабораторію для изготовленія пороха и другихъ военныхъ припасовъ. Много было и другихъ эмиссаровъ, и всѣ они подговаривали горцевъ къ сопротивленію русскимъ въ ожиданіи помощи отъ Турціи и Англіи.

Мирныя сношенія русскихъ были приняты черкесами какъ доказательство слабости, и они поняли, что воздвигнутыя внутри ихъ страны укрѣпленія не представляютъ изъ себя несокрушимыхъ и неприступныхъ твердынь. И дѣйствительно, крѣпости, строившіяся по восточному берегу Чернаго моря на скорую руку, не были прочны.

Подстрекаемые Берзекомъ и другими жившими въ горахъ европейскими агентами, черкесы покинули дома, семейства и, наэлектризованные своими муллами, поклялись побѣдить русскихъ или погибнуть и не расходиться до взятія всѣхъ русскихъ фортовъ. Возбужденные фанатизмомъ, горцы прибывали изъ самыхъ дальнихъ ауловъ Закубанскаго края на сборныя мѣста и подъ вліяніемъ эмиссаровъ скопища ихъ принимали нѣкоторый видъ порядка и устройства. Каждое племя съ особымъ значкомъ составляло отдѣльную дружину, подраздѣленную по ауламъ на сотни, пятидесятки и десятки подъ начальствомъ отважнѣйшихъ и храбрѣйшихъ сподвижниковъ.

Въ виду такихъ рѣшительныхъ приготовленій непріятеля, въ концѣ апрѣля 1839 года былъ собранъ въ Тамани, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго, отрядъ въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты и трехъ пѣшихъ черноморскихъ казачьихъ полковъ съ артиллеріей и посаженъ на эскадру черноморскаго флота. Отрядъ высадился при устьѣ рѣки Субаши, гдѣ и было заложено укрѣпленіе, названное Головинскимъ, затѣмъ при устьѣ рѣки Псезуапе было построено Лазаревское укрѣпленіе и наконецъ между Анапою и Новороссійскомъ возведено укрѣпленіе Раевскаго. Всѣ эти укрѣпленія тогда-же приказомъ по корпусу были сведены въ одно общее управленіе подъ названіемъ Черноморской береговой линіи.

Взявшись дружно за оружіе, черкесы начали враждебныя дѣйствія и въ началѣ февраля 1840 года окружили фортъ Лазарева, въ который еще не были доставлены орудія. Горцы высматривали удобныя мѣста для штурма и «такъ были увѣрены въ успѣхѣ своего предпріятія, что въ день нападенія подошли къ укрѣпленію съ арбами, на которыхъ сидѣли женщины и дѣти, для поднятія добычи.» Вышедшій бить зорю барабанщикъ утромъ, 7-го февраля, первый увидѣлъ непріятеля и вмѣсто зори ударилъ тревогу; но черкесы быстро кинулись въ укрѣпленіе и направились прямо на офицерскій флигель и казармы. Въ числѣ первыхъ былъ изрубленъ тенгинскаго пѣхотнаго полка капитанъ Марченко, большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ была убита и только не болѣе десяти человѣкъ взято въ плѣнъ. Взятіе форта Лазарева значительно

ободрило горцевъ и 29-го февраля, на разсвѣтѣ, въ числѣ около семи тысячъ человѣкъ, подступивъ къ укрѣпленію Вельяминовскому, они бросились къ воротамъ, начали ломать ихъ и послѣ упорнаго боя захватили самое укрѣпленіе.

10-го марта горцы съ большими силами подступили къ форту Головинскому и предложили начальнику гарнизона сдаться, напоминая о судьбѣ, постигшей фортъ Лазарева; но, несмотря на отчаянное нападеніе, непріятель потерпѣлъ пораженіе.

Слѣдующій ударъ черкесы направили на укрѣпленіе Михайловское, заложенное генераломъ Вельяминовымъ еще въ 1837 году, въ честь великаго князя Михаила Павловича. Объ этомъ намѣреніи горцевъ предупредилъ гарнизонъ пріѣхавшій въ серединѣ марта въ укрѣпленіе лазутчикъ, нѣкій Ахметка, сообщившій, что непріятель, въ числѣ болѣе 12 тысячъ человѣкъ собирается напасть на укрѣпленіе.

Въ Михайловскомъ укрѣпленіи находилось 500 человѣкъ гарнизона тенгинскаго и навагинскаго полковъ и черноморскаго линейнаго батальона. Начальникомъ гарнизона былъ капитанъ Лико. Онъ былъ выше средняго роста, чрезвычайно плотнаго сложенія, обладалъ энергичнымъ взглядомъ и непреклонною волею. Будучи строгъ по службѣ, онъ со своими подчиненными обходился необыкновенно ласково, по товарищески. Весь гарнизонъ его настолько любилъ, что каждый съ охотою умеръ-бы за него. Его слово было для всѣхъ закономъ. Узнавъ о паденіи форта Лазарева и зная, что ввѣренный ему гарнизонъ, имѣя много больныхъ и вообще малочисленный, не въ состояніи занять все протяженіе линіи огня, капитанъ Лико раздѣлилъ укрѣпленіе на двѣ части и занялъ ту часть его, откуда скорѣе всего можно было ожидать нападенія. Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и въ присутствіи нижнихъ чиновъ объявилъ имъ объ угрожающей опасности; при этомъ онъ напомнилъ имъ долгѣ присяги и данномъ генералу Раевскому обѣщаніи не сдаваться живыми. Если-же непріятелю удастся проникнуть въ фортъ, то взорвать пороховой погребъ. Единодушное «ура» прокатилось по рядамъ храбраго гарнизона. Давъ стихнуть общему воодушевленію, Лико вызвалъ охотниковъ для взрыва погреба. Вышли десять человѣкъ съ рядовымъ тенгинскаго полка Архипомъ Осиповымъ во главѣ. Предпочтеніе было отдано Осипову. Находившійся въ укрѣпленіи для исполненія духовныхъ требъ іеромонахъ от. Паисій благословилъ героя на славную смерть. На закатѣ солнца производился расчетъ гарнизону на случай тревоги, затѣмъ всѣ, кромѣ часовыхъ, ложились спать, а въ полночь, подкрѣпивъ себя пищей и молитвой, люди занимали опредѣленныя мѣста на бастіонахъ. Такимъ образомъ, ожидая нападенія, весь гарнизонъ былъ въ постоянной готовности.

Вотъ что разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ участниковъ славной защиты Михайловскаго укрѣпленія, Іосифъ Мирославскій, объ этомъ знаменательномъ событіи:

«Въ день полученія извѣстія, 17-го марта, о намѣреніяхъ горцевъ, капитанъ Лико приказалъ, чтобы съ захожденіемъ солнца былъ сдѣланъ расчетъ гарнизону, данъ ужинъ и приказано нижнимъ чинамъ лечь спать, а въ 12 часовъ ночи встать, расположиться по своимъ мѣстамъ въ укрѣпленіи и стоять очень осторожно.

На другой день, послѣ обѣда, солдатъ нашей роты, Архипъ Осиповъ, прохаживаясь съ задумчивостью по казармѣ, говорилъ:

—Ну, если будетъ нападеніе, то для Россіи память великую сдѣлаю.—Ты солдатъ,—замѣтили ему товарищи;—что ты можешь сдѣлать?—Осиповъ не отвѣчалъ, но, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я имѣю къ вамъ просьбу».—Какую?—спросилъ я его.

—Вы бываете у воинскаго начальника и скорѣе можете это уладить. Я спросилъ Архипа Осипова, что онъ хочетъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ хочетъ сдѣлать для Россіи память,—въ случаѣ нашей неустойки.

—Я себя обрекаю на смерть,—говорилъ онъ,—зажгу порохъ въ погребѣ; душевно желаю, чтобы непріятель бросился на грабежъ.

—А если ты преждевременно зажжешь?—замѣтилъ я.

—О! этого не будетъ. Архипъ Осиповъ на этотъ предметъ присягнулъ и свято исполнитъ присягу,—замѣтилъ онъ.

—Подожди, мой любезный, я доложу о томъ воинскому начальнику,—былъ мой отвѣтъ.

Капитанъ Лико потребовалъ Осипова къ себѣ и, уговорившись съ нимъ въ присутствіи всѣхъ гг. офицеровъ и моемъ, досталъ изъ стола крестъ и далъ Осипову поцѣловать. Осиповъ перекрестился и присягнулъ, что только тогда подожжетъ по-

рохъ, когда черкесы будутъ отбивать замокъ у погреба. О намѣреніи Осипова было объявлено тогда же всему гарнизону.

Съ тѣхъ поръ, а именно съ вечера 18-го марта, каждую ночь, въ 12 часовъ, когда гарнизонъ выходилъ на бастіоны, Осипова съ ружьемъ запирали въ пороховомъ погребѣ, давали ему полкварты спирта и прощались съ нимъ. Это продолжалось до 22-го марта. Каждый разъ, когда гарнизонъ около 10-ти часовъ сходилъ съ бастіоновъ въ казармы, Архипъ Осиповъ тоже былъ выпускаемъ изъ порохового погреба.

Часу въ 4-мъ ночи съ 21-го на 22-е марта, когда нашъ гарнизонъ по обыкновенію стоялъ на бастіонахъ пара отъ пары въ пяти шагахъ, одинъ изъ часовыхъ обернулся назадъ и шепотомъ проговорилъ: «Что-то чернѣется».

—Смотри хорошенько,—отвѣчалъ фельдфебель Харитонъ Комлевъ. Часовой заглянулъ за укрѣпленіе и крикнулъ, что идутъ. Комлевъ приказалъ стрѣлять.

«Удостовѣрившись въ этомъ окончательно,—продолжаетъ Мирославскій,—часовой сдѣлалъ выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ горцы съ крикомъ «ги, ги!» бросились на валъ укрѣпленія. Мы отбили ихъ штыками. Завязался бой отчаянный. Было еще темно, стрѣляли въ массу наугадъ; но когда взошло солнце, каждый стрѣлялъ куда и въ кого хотѣлъ. Ровъ наполнился трупами горцевъ. Бой продолжался до восьми часовъ утра. Первый взводъ былъ выбитъ; число людей уменьшалось съ каждою минутою, помощи не было, а число горцевъ все увеличивалось. Въ полномъ вооруженіи, въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ изображеніемъ полумѣсяца и звѣзды на красныхъ знаменахъ, они, какъ саранча, покрызали горы. Оставшіеся въ живыхъ изъ выбитаго перваго взвода и раненые перешли во второй. Силы наши слабѣли. Горцевъ было въ двадцать разъ болѣе насъ. Мы отступили на кавальеръ-батарею и, обернувъ орудіе въ крѣпость, начали стрѣлять картечью.

Съ 4-хъ до 8-ми часовъ утра мы отбивались отъ многочисленнаго непріятеля; много нашихъ погибло, не стало офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, убили и фельдфебеля,—я заступилъ ихъ мѣсто и сталъ распоряжаться ротою. Устоять противъ непріятеля въ двадцать разъ сильнѣйшаго не было возможности. Мы продолжали стрѣлять картечью, когда командующій ротою подпоручикъ Краумзгольдъ подбѣжалъ ко мнѣ съ крикомъ: «Не робѣй, ребята!» Увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «А что, Мирославскій, Георгій будетъ?» На эти слова я отвѣтилъ: «Дай Богъ, Иванъ Ѳедоровичъ, получить Георгія.» Послѣ этихъ словъ подпоручикъ Краумзгольдъ побѣжалъ на батарею, и тамъ горцы изрубили его въ куски.

Мы отбивались выстрѣлами и штыками; мѣсто битвы было завалено трупами; мы наскоро очищали ихъ, чтобы можно было стрѣлять изъ орудій. Прапорщикъ артиллеріи Ермолаевъ, не могшій дѣйствовать изъ орудій по недостатку снарядовъ и людей, началъ стрѣлять изъ ружей. Тутъ-же, въ моихъ глазахъ, выстрѣлъ горца прямо въ грудь сразилъ его.

Очень тяжело было у меня на душѣ, и я, склонивъ колѣна, со слезами сталъ просить Бога сохранить мнѣ жизнь. Молитва эта продолжалась недолго, но она укрѣпила меня, влила въ мое сердце энергію, хладнокровіе и ими такъ преисполнила меня, что для меня опасности будто и не было.

Помолившись, я началъ просить товарищей дать мнѣ патроновъ; они отвѣчали, что ихъ нѣтъ. Велѣвъ обыскать покойниковъ, мы найденными у нихъ патронами продолжали бой. Я былъ первый стрѣлокъ, и мои пули положили на мѣстѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ съ другой части укрѣпленія. Я предложилъ оставшимся въ живыхъ итти туда, откуда стрѣляли, надѣясь тамъ найти патроны.... Смотрю —три черкеса отбиваютъ замки у батальоннаго цейхгауза. Я прицѣлился въ нихъ. Когда дымъ послѣ моего выстрѣла разсѣялся, я увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ, а два, бросивъ замки, старались помочь ему. Съ нѣсколькими товарищами мы кинулись и убили ихъ.

Собравши со всего гарнизона около сорока человѣкъ, я приказалъ имъ итти за собою на морскую батарею. На пути я услышалъ голосъ поручика навагинскаго полка Тимченко. Онъ лежалъ весь въ крови на бастіонѣ—былъ тяжело раненъ—и, подозвавши меня, сказалъ: «Юнкеръ Мирославскій, распорядитесь занять это мѣсто».—При этомъ показалъ мнѣ рукою.—«Заступите мое мѣсто,—прибавилъ онъ,—и мѣсто военнаго начальника, ибо уже всѣхъ офицеровъ перебили».

—Готовъ исполнить порученіе ваше,—отвѣчалъ я,—но лю-

дей нѣтъ. Онъ махнулъ рукой и сказалъ: «Распоряжайтесь, какъ знаете!»

Мы шли мимо офицерскаго флигеля. Не успѣли мы взойти на батарею, какъ тотчасъ человѣкъ двадцать пять выбыло изъ строя. Тутъ капитанъ Лико дѣлалъ чудеса, не будучи еще пока тяжело раненымъ. Солдаты дѣйствовали бодро, но положительно пріуныли тогда, когда онъ, сраженный, наконецъ свалился: никто не могъ ихъ такъ одушевлять, какъ онъ. Почти умирающій, капитанъ Лико просилъ меня распоряжаться вмѣсто него. Я обѣщалъ, но, взглянувъ на море, гдѣ, кромѣ воды и неба, ничего не было видно, и на нѣсколько человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, тогда какъ число черкесовъ все прибывало,—я увидѣлъ, что нечего распоряжаться, нечѣмъ и некѣмъ, и помощи ждать неоткуда.

Между тѣмъ горцы напали на пороховой погребъ въ числѣ около 3,000 человѣкъ и начали разбивать замки: ихъ было много на крышѣ, у дверей и оконъ. Архипъ Осиповъ, свято исполняя добровольную присягу, выдержалъ до послѣдней секунды.

Вслѣдъ за стукомъ отбиваемыхъ замковъ послѣдовалъ страшный взрывъ. Сначала послышался невѣроятный трескъ: все затряслось, зашаталось. Вслѣдъ за тѣмъ цѣлое облако дыма, унизанное языками пламени въ перемѣшку съ взлетѣвшими людьми и всѣмъ, что находилось въ крѣпости, появилось въ пространствѣ.

О! какое зрѣлище представлялось тому, кто былъ въ отдаленіи отъ этого мѣста!...

Взрывъ былъ сдѣланъ около 10-ти часовъ утра; я былъ выброшенъ за укрѣпленіе, и когда очнулся, то былъ весь въ крови, поколоченный, опаленный, безъ шапки, безъ аммуниціи и безъ ружья. Шинель оказалась порванной, такъ что изъ новой походила на старую. Поднявшись, я усѣлся, очистилъ ротъ, носъ, глаза и уши, заплывшіе кровью. Увидѣвши свѣтъ, я началъ соображать, что со мною случилось, гдѣ я былъ и гдѣ очутился.

На мѣстѣ, гдѣ была крѣпость, я увидѣлъ мусоръ и груду развалинъ; кое-гдѣ слышались стоны умирающихъ да свистъ вѣтра. Я лежалъ навзничь; день былъ прекрасный, солнце свѣтило ярко. Былъ полдень. Собравшись немного съ силами, я поднялся на ноги и, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ огромнаго роста черкеса, бѣжавшаго съ засученными рукавами и кричавшаго: «Кесъ башка!», т. е. срублю голову. Поднявъ къ небу руки, я произнесъ: «Аллахъ! Аллахъ!» и, опустивши голову, ожидалъ смерти. Черкесъ вложилъ свою шашку въ ножны, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ лѣвою рукою, повелъ въ горы....»

Изъ вышеприведеннаго разсказа Мирославскаго видно, что Архипа Осипова запирали въ пороховой погребъ на ночь и выпускали утромъ. Совершенно другое сказано въ исторіи тенгинскаго полка, при составленіи которой пользовались подлинными документами объ этомъ достопамятномъ событіи.

Вотъ что между прочимъ говорится въ этой исторіи:

«...Ночью на 22 марта часовые на валахъ замѣтили сигнальные огни, расположенные въ трехъ мѣстахъ... У многихъ защемило сердце, и всѣ почувствовали, что наступаетъ торжественный моментъ. Молча осѣняя себя крестомъ, солдаты выходили изъ казармъ и занимали заранѣе назначенныя мѣста: на фасѣ, обращенномъ къ р. Пшадѣ и Джубскому ущелью, стала 3-я рота черноморскаго линейнаго батальона; напротивъ, на фасѣ къ р. Вулану—2-я рота того-же батальона; гребень бруствера сѣверной части заняли тенгинцы и навагинцы, первые примыкали флангомъ къ Богатырской, а послѣдніе къ Джубской батареямъ; резервъ въ 40 человѣкъ отъ роты навагинскаго полка расположился между гауптвахтою, пороховымъ погребомъ и цейхгаузомъ; въ послѣднемъ, по недостатку мѣста въ пороховомъ погребѣ, были сложены гранаты и патроны...

Ночь выдалась особенно темная, ни зги не было видно вокругъ; море бушевало, вѣтеръ доносилъ отдаленный лай собакъ, выгнанныхъ за укрѣпленіе... Едва стало разсвѣтать, какъ вдали обозначились темныя толпы горцевъ. Когда передовые части непріятеля подошли наконецъ на пушечный выстрѣлъ, съ Джубскаго бастіона грянуло орудіе; вслѣдъ за тѣмъ раздался неистовый гикъ, и непріятель, имѣя въ рукахъ лѣстницы и двигаясь стройною массою съ развѣвающимися значками бросился на штурмъ. Съ бастіона успѣли сдѣлать вдоль рва укрѣпленія еще одинъ выстрѣлъ картечью, наполнившій ровъ множествомъ труповъ.

Это не остановило горцевъ: взбираясь по лѣстницамъ и

цѣпляясь крючьями за туры и углы бойницъ, они полѣзли на гребень бруствера. Здѣсь завязался отчаянный рукопашный бой. Нѣсколько разъ рота линейнаго батальона съ подоспѣвшими взводами тенгинцевъ и навагинцевъ штыками опрокидывала черкесовъ, стаскивала ихъ лѣстницы, но они, «какъ саранча», шагая черезъ трупы своихъ товарищей, снова появлялись на валу и снова опрокидывались. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ неудачъ пѣшіе горцы обратились въ бѣгство, но расположенная сзади нихъ конница безъ милосердія стала рубить шашками малодушныхъ и вернула ихъ обратно. Тогда вторично раздался ужасный гикъ, и громадная толпа, подобно волнѣ, снова хлынула на укрѣпленіе, смела послѣдніе остатки 3-ей роты линейнаго батальона. Подпоручикъ Краумзгольдъ, видя, что Джубская батарея уже занята непріятелемъ, со словами «не робѣть», бросился туда съ намѣреніемъ возвратить обратно потерянный пунктъ, но, будучи раненъ и споткнувшись, упалъ и былъ увлеченъ горцами въ плѣнъ. Подавляя своею численностью, непріятель успѣлъ раздѣлить гарнизонъ на двѣ части: 9-я рота тенгинцевъ отступила на кавалеръ-батарею; 6-я же навагинцевъ и 2-я рота линейнаго батальона притиснуты были панцырниками къ пороховому погребу и гауптвахтѣ, гдѣ и завязалась главная схватка. Здѣсь руководилъ боемъ самъ Лико. Отъ полученной раны въ лѣвую бровь кровь заливала ему глаза; кость правой ноги, выше ступни, была раздроблена, но доблестный начальникъ продолжалъ отдавать приказанія, опираясь на шашку, въ лѣвой рукѣ сжимая кинжалъ. Въ это время изъ толпы выдѣлился горецъ, тотъ самый, который былъ нашимъ лазутчикомъ, и предупредилъ о готовящемся нападеніи. Выйдя впередъ, онъ обратился къ начальнику гарнизона и предложилъ добровольно сдаться. На это Лико крикнулъ: «Ребята, убейте его! русскіе не сдаются.» Приказаніе въ точности было исполнено. Тогда озлобленные горцы съ еще большею яростью накинулись на горсть храбрецовъ; силы наши начали быстро таять. Три часа уже длилось сраженіе, всѣ офицеры были перебиты, начальство перешло въ руки юнкеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ.

Ружья до того накалились, что невозможно было ихъ держать въ рукахъ. Въ одномъ мѣстѣ укрѣпленія шла неравная борьба. Рядовой тенгинскаго полка, Александръ Өедоровъ, прижавшись спиною въ уголъ бруствера, лихо работая штыкомъ и прикладомъ, отбивался отъ нѣсколькихъ десятковъ горцевъ... Укрѣпленіе уже пылало; больница раньше всѣхъ была подожжена горцами, и въ пламени пожара погибло до ста человѣкъ тяжело больныхъ. На всѣхъ бастіонахъ уже развѣвались красные значки горцевъ, знаменуя ихъ побѣду. Послѣдняя горсть тенгинцевъ, отступившая къ кавалеръ-батареѣ, оборотила 4 орудія внутрь укрѣпленія и, совмѣстно съ оставшимися въ живыхъ артиллеристами, обдавала картечью толпы горцевъ, которыя рыскали съ окровавленными кинжалами и шашками по укрѣпленію въ поискахъ добычи. Архипъ Осиповъ все время находился здѣсь и подносилъ заряды къ орудіямъ; онъ два раза уже успѣлъ сбѣгать къ пороховому погребу и каждый разъ по возвращеніи сообщалъ, что тамъ толпится несмѣтное число горцевъ. Дѣйствительно черкесы густою толпою окружили пороховой погребъ, рубили двери, разрывали крышу, разбивали стѣны. Видя, что насталъ моментъ выполнить данную клятву, Осиповъ со словами: «Пойду, сдѣлаю память», съ пылающимъ фитилемъ устремился въ промежутокъ между казармою и цейхгаузомъ. Тенгинцы, въ числѣ сорока человѣкъ, имѣя во главѣ рядового Іосифа Мирославскаго, бросились вслѣдъ за нимъ, штыками пролагая дорогу къ морской батареѣ съ намѣреніемъ присоединиться къ навагинцамъ и совмѣстными усиліями выбросить непріятеля за валы. Едва тенгинцы достигли цейхгауза, потерявъ по пути 20 человѣкъ убитыми, Архипъ Осиповъ крикнулъ: «Пора братцы! Кто останется живъ, помни мое дѣло!» и съ этими словами побѣжалъ къ пороховому погребу. Вслѣдъ за тѣмъ раздался страшный трескъ, все содрогнулось, и цѣлый столбъ дыма съ пламенемъ, съ человѣческими трупами, съ камнями, взвился на воздухъ!..

Все смолкло и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія.

Въ первый моментъ у защитниковъ и нападающихъ опустились руки, и всѣ застыли на своихъ мѣстахъ. Очнувшись, горцы въ ужасѣ торопливо стали убѣгать и только черезъ нѣсколько времени, видя, что ударъ не повторяется, пришли въ себя и по одному возвращались обратно; тогда они взяли въ

плѣнъ двухъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Лико, и до 80-ти человѣкъ израненныхъ нижнихъ чиновъ»...

Сопоставляя вышеописанное, трудно повѣрить, чтобы начальникъ гарнизона, какъ разсказываетъ Мирославскій, рискнулъ запирать Осипова съ зажженнымъ фитилемъ въ погребѣ, гдѣ хранились порохъ и патроны, а потому описаніе подвига, помѣщенное въ исторіи тенгинскаго полка, надо признать за достовѣрный фактъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ подтверждаетъ и современникъ, тогда прапорщикъ, нынѣ полковникъ въ отставкѣ, преклонный старикъ Дю Брюксъ.

Геройская защита укрѣпленія на Черноморской береговой линіи обратила на себя вниманіе императора Николая I, который, въ воздаяніе отлично усердной службы и особенныхъ трудовъ, переносимыхъ войсками, щедро наградилъ ихъ. Высочайше повелѣно было штабъ и оберъ-офицерамъ Михайловскаго гарнизона убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія, а всѣмъ нижнимъ чинамъ уменьшить одинъ годъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 8-ноября 1840 года было объявлено слѣдующее:

«Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами, и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіе зимы и начала весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщенія, ни откуда не могли получить помощи, горцы устремились на оныя со всѣми силами. Но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали вездѣ мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшимость—пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою. Изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11,000 горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ отбивалъ ихъ и принуждалъ къ отступленію. Но когда, наконецъ, потерялъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противостоять непріятелю въ двадцать разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами.

На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто-либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось. Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и погибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали. Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядового Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ перекличкахъ, при опросѣ его имени, первому отвѣчать: «Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи».

Независимо отъ этого по Высочайшему повелѣнію была написана картина, изображающая пороховой погребъ и Осипова, готоваго войти въ него съ зажженнымъ пальникомъ въ рукѣ. Въ 1876 году, по приказанію великаго князя Михаила Николаевича, на мѣстѣ взорваннаго Михайловскаго укрѣпленія поставленъ чугунный крестъ на пьедесталѣ изъ мѣстнаго камня, а въ 1881 году въ г. Владикавказѣ по мысли генерала Геймана воздвигнутъ памятникъ штабсъ капитану Лико и рядовому Архипу Осипову.

Съ паденіемъ береговыхъ укрѣпленій горцы были настолько ободрены своими успѣхами, что появились на сообщеніи береговой линіи съ Кубанью и 2-го апрѣля овладѣли фортомъ Николаевскимъ. Затѣмъ они подошли къ Абинску, но, потерпѣвъ сильное пораженіе, разошлись по домамъ и болѣе ничего предпринимать не осмѣлились.

Вообще 1840 годъ былъ тяжелымъ годомъ на Кавказѣ. Кромѣ паденія укрѣпленій на Черноморской береговой линіи, отъ русскихъ отложились Чечня и другія общества.

Взятіе аула Дарго графомъ Воронцовымъ (Сухарная экспедиція) 6-го іюня 1845 года.

Въ концѣ 1844 года намѣстникомъ Кавказа былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, который въ маѣ мѣсяцѣ 1845 года во главѣ чеченскаго отряда, состоявшаго изъ 23 батальоновъ пѣхоты, 16 сотенъ конницы, тысячи человѣкъ грузинской милиціи и 46 орудій, предпринялъ лично экспедицію въ Андію противъ Шамиля, отступившаго съ значительнымъ числомъ горцевъ въ Ичкеринскій лѣсъ, прикрывающій дорогу въ Дарго. Это селеніе было избрано Шамилемъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ, гдѣ онъ учредилъ большіе склады запасовъ и даже устроилъ небольшой арсеналъ.

Главнокомандующій предполагалъ исправить всѣ предшествовавшія неудачи русскихъ войскъ, занять Дарго, уничтожить скопища Шамиля и утвердиться въ окрестныхъ горахъ. Планъ предстоящаго похода былъ составленъ такъ, чтобы въ Дарго подойти съ горъ; въ виду этого отрядъ долженъ былъ сперва направиться въ Андію, въ скалистую безлѣсную часть Кавказскаго хребта. Дорога въ Дарго была избрана изъ крѣпости Внезапной чрезъ перевалъ Кыркъ, который считался тогда непроходимымъ, а потому былъ слабо наблюдаемъ непріятелемъ. Войска весело двигались безъ особыхъ предосторожностей; погода была тихая, кругомъ тянулись лѣса и горы, покрытыя зеленью. 3-го іюня отрядъ ночевалъ на берегу р. Аксая: на другой день рано утромъ войска начали движеніе съ предосторожностями. Горскіе пикеты, 5-го іюня, замѣтивъ русскихъ, дали знать о движеніи ихъ на Кыркъ, послѣ чего непріятель сталъ спѣшиваться у горы Анчимееръ, расположенной какъ разъ напротивъ перевала.

Графъ Воронцовъ, не желая дать непріятелю укрѣпиться, приказалъ генералу Пассеку взять эту гору штурмомъ. Находившаяся въ отрядѣ пѣшая грузинская дружина, подъ командой храбраго капитана князя Меликова, направилась во главѣ атакующихъ войскъ; затѣмъ двинулись батальоны куринскаго и апшеронскаго полковъ. Подъ смертельнымъ огнемъ непріятеля грузинская милиція, при звукахъ родной зурны, громкихъ пѣсняхъ и неумолкаемыхъ крикахъ «ура», съ подоспѣвшими куринцами устремилась на мюридовъ. Горцы были отражены; гора черезъ два часа была взята и путь очищенъ. Послѣ этого блестящаго дѣла войска начали разрабатывать дорогу въ Андію, и только 11-го іюня главныя силы могли двинуться впередъ. Наконецъ онѣ вступили въ Андію, гдѣ еще никогда не была нога русскаго солдата. Кругомъ разстилались зеленѣющія поля; аулы, зажженные Шамилемъ, были объяты пламенемъ. Горцы, повсюду отступая, уводили съ собою жителей, оставляя безлюдную, опустошенную страну. Знаменитыя андійскія ворота горцы уступили безъ боя, хотя у самаго селенія Анди кипѣла перестрѣлка. Дворянская сотня конныхъ грузинъ первая завязала дѣло; къ сотнѣ вскорѣ подоспѣлъ батальонъ кабардинскаго полка, и войска, бросившись впередъ, дружно атаковали высоты, на которыхъ находились главныя силы Шамиля. Начался жестокій бой, въ которомъ былъ раненъ князь Барятинскій. Солдаты, поддержанные грузинами и спѣшенной конницей, ворвались въ завалы; горцы отсюда тоже бѣжали. Войска ночью заняли совершенно разоренное селеніе Андію.

До 26-го іюня главныя силы чеченскаго отряда простояли въ Анди безъ всякаго дѣла, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія зависѣли отъ доставки изъ Темиръ-Ханъ-Шуры продовольствія. Послѣ мѣсячнаго бездѣйствія, дождавшись прибытія транспорта съ продовольствіемъ, графъ Воронцовъ 6-го іюля выступилъ изъ Анди въ Дарго съ отрядомъ изъ 11 батальоновъ пѣхоты, 3 ротъ стрѣл-

ковъ, 1,000 человѣкъ грузинской дружины, 400 казаковъ и 500 человѣкъ конной милиціи, при 16 орудіяхъ. По мѣрѣ того какъ отрядъ подвигался впередъ, по дорогѣ приходилось оставлять этапы для прикрытія своего движенія. Перейдя черезъ высокій перевалъ Речелъ по обрывистымъ и глубокимъ оврагамъ и сдѣлавъ около 14 верстъ, отрядъ увидѣлъ передъ собой знаменитые Ичкеринскіе лѣса. Вступивъ въ эти дремучія трущобы, отрядъ сталъ пробираться, за столѣтними чинарами, по едва проходимымъ тропинкамъ болѣе семи верстъ. Узкая дорога, мѣстами не шире трехъ-четырехъ саженъ, вела по скату между глубокими оврагами. Дорога была преграждена завалами, которые обойти было трудно. Картина была величественная и грозная; кругомъ царило таинственное гробовое молчаніе. Войска двигались. Взоры всѣхъ были обращены въ ту сторону, откуда должна была показаться столица Шамиля. Каждый въ отрядѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ, что съ овладѣніемъ Дарго прекратятся томительные труды и лишенія.

Проходя лѣсомъ, русскія войска увидѣли горцевъ, которые за устроенными завалами стали преграждать дорогу. Отряды построились къ бою и стали очищать себѣ путь стрѣльбой. Первымъ бросился впередъ батальонъ литовскаго полка подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, который вмѣстѣ съ грузинской дружиной князя Меликова началъ брать завалы одинъ за другимъ, причемъ въ одной изъ этихъ стычекъ былъ смертельно раненъ генералъ Фокъ и раненъ въ ногу адъютантъ главнокомандующаго, поручикъ князь Дундуковъ-Корсаковъ. Несмотря на огромныя препятствія, авангардъ, подъ градомъ вражескихъ пуль, двигаясь съ необыкновенною поспѣшностью, овладѣлъ многочисленными завалами непріятеля и въ тотъ-же день направился къ Дарго.

Шамиль, видя такія рѣшительныя дѣйствія русскихъ войскъ и выбитый въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ изъ ряда позицій, которыя онъ считалъ совершенно непреодолимыми, былъ до того пораженъ, что не отважился на защиту самаго Дарго. Въ порывѣ негодованія онъ началъ разрушать и предавать огню свое убѣжище, а затѣмъ, скрывшись въ окрестные лѣса и горы, сталъ призывать на помощь жителей ближайшихъ ауловъ.

Прекрасная долина Аргуна окуталась вечернимъ сумракомъ. Передовыя войска, достигнувъ перевала, увидѣли пылавшее Дарго, разрушенныя сакли, вмѣстѣ съ догоравшимъ дворцомъ имама. Наступила лунная ночь, и усталыя войска медленно спукались съ лѣсистой горы. Кое гдѣ раздавались еще слабые выстрѣлы. Воронцовъ, сопровождаемый большою свитой, ѣхалъ на бѣлой лошади впереди войскъ; его величественная фигура, въ длинномъ кавказскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, рельефно выдѣлялась изъ среды окружавшихъ его генераловъ. Утромъ 7-го іюля Дарго было занято. Войска захватили въ немъ два орудія, зарытыя непріятелемъ въ землѣ.

Хотя и казалось, что съ занятіемъ Дарго была достигнута главная цѣль экспедиціи, но это было ошибочно, такъ какъ русскій отрядъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи: не оставалось болѣе продовольствія и провіанта, а въ тылу и впереди войскъ растилались все тѣ же дремучіе Ичкеринскіе лѣса. Недостатокъ пищи и дисентерія до того были сильны, что въ войскахъ были случаи смерти отъ голода. Такимъ образомъ пребываніе въ Дарго было чрезвычайно опасно, а потому было рѣшено, дождавшись прибытія транспорта съ продовольствіемъ и боевыми снарядами, начать отступленіе. Черезъ три дня, а именно утромъ 10-го іюля, на высотахъ передъ даргинскимъ лѣсомъ показался наконецъ давно ожидаемый, шедшій изъ Темиръ-Ханъ Шуры подъ начальствомъ князя Бебутова, продовольственный транспортъ. Графъ Воронцовъ немедленно послалъ навстрѣчу ему половину своего отряда въ составѣ 6 батальоновъ пѣхоты, 4 горныхъ орудій и части конницы. Солдатамъ приказано было изъ транспорта взять запасы въ свои пустые ранцы и принести ихъ въ лагерь.

Вотъ какъ описываетъ во II-мъ томѣ «Кавказскаго Сборника» Горчаковъ дѣйствія войскъ, выступившихъ навстрѣчу транспорту. «Этимъ встрѣчнымъ отрядомъ командовалъ генералъ Клюгенау, авангардомъ—генералъ Пассекъ, а арріергардомъ—генералъ Викторовъ. Войска выступили изъ лагеря въ должномъ порядкѣ, забравъ съ собою всѣ, какіе было возможно, вьюки. Впереди шелъ батальонъ кабардинскаго полка; генералъ Клюгенау повелъ его вдоль хребта по ужасной лѣсной дорогѣ, а остальныя войска оставилъ на произволъ судьбы. На долю ихъ

выпала дорога также дурная; а тутъ еще, какъ на бѣду, пошелъ дождь и размыло глинистую почву. Отъ этого крутые подъемы сдѣлались до того скользки, что войска поневолѣ должны были итти враздробь, вслѣдствіе чего утратили строй, растянулись до невѣроятности и пришли въ безпорядокъ. Горцы воспользовались этими обстоятельствами и открыли самое отчаянное и жестокое нападеніе. Милиціонеры, составлявшіе лѣвую цѣпь, были почти всѣ перерѣзаны; рота куринскаго полка, находившаяся въ правой цѣпи, растянулась, растеряла своихъ людей и растерялась вообще; въ обозѣ произошелъ страшный хаосъ: горцы врывались въ середину его, хватали солдатъ за перевязи, убивали ихъ, грабили все, что попадалось подъ руку. Изъ саковъ, изрѣзанныхъ шашками и кинжалами, сыпались по дорогѣ золотыя и серебряныя монеты; изъ бурдюковъ, пробитыхъ пулями, лился спиртъ; по землѣ, въ бутылкахъ, валялось дорогое вино и множество съѣстныхъ припасовъ, везенныхъ маркитантами для отряда. Солдаты съ жадностью кидались на добычу—и тутъ же погибали отъ мѣткихъ выстрѣловъ непріятеля; узкія мѣста дороги были буквально загромождены ихъ тѣлами. Арріергардъ выдержалъ первый натискъ непріятеля довольно стойко и мужественно, но потомъ дрогнулъ и отступилъ, оставивъ въ рукахъ его, между прочимъ, два орудія и гробъ генерала Фока. Галуны на этомъ гробѣ болѣе всего привлекли вниманіе горцевъ; они тотчасъ оборвали ихъ, а тѣло выбросили на съѣденіе звѣрей. Пассекъ и Викторовъ были убиты. Ихъ тѣла, подобно тѣлу Фока, также не пощажены неумолимою судьбою. Одинъ изъ батальоновъ войскъ пятаго корпуса, находившійся въ арріергардѣ, былъ отброшенъ въ обозъ, оставилъ тѣла убитыхъ и раненыхъ и еще болѣе усилилъ и безъ того крайній безпорядокъ отряда. Всѣмъ этимъ горцы, конечно, пользовались съ успѣхомъ.

Вотъ послѣдствія непростительной ошибки Клюгенау.

Не то было бы, еслибъ отрядъ подвигался поспѣшно, стягиваясь тамъ, гдѣ это было необходимо. Тогда одна часть войска могла бы помогать другой. Это не утомляло бы людей, а горцы не осмѣливались бы быть такъ дерзки; намъ же нечего было спѣшить. Важная еще ошибка заключалась въ томъ, что князь Воронцовъ ввѣрилъ отрядъ тому генералу, который двѣнадцать лѣтъ воевалъ исключительно въ Дагестанѣ и не имѣлъ никакой практики для веденія войны въ лѣсахъ Ичкеріи и вообще Чечни. Въ первомъ случаѣ орудійная стрѣльба по открытымъ мѣстамъ, каковы скалистыя горы, всегда оставляла побѣду за нами; во второмъ—она къ дѣлу неприложима, такъ какъ въ Чечнѣ и Ичкеріи каждая естественная преграда, въ родѣ оврага, уступа и т. п., составляетъ своего рода завалъ, поддающійся скорѣе штыку и шашкѣ, чѣмъ гранатѣ и даже картечи; каждое дерево, скрывая за собою человѣка, есть другого рода завалъ и надежнѣйшая защита для врага. Что же касается до самого генерала Клюгенау, то личная его ошибка состояла въ томъ, что легкія войска онъ увелъ впередъ, до самой опушки лѣса, а отягченныя вьюками оставилъ позади. Горцы же отлично разсчитали свой маневръ: они пропустили батальонъ кабардинцевъ вмѣстѣ съ ихъ военачальникомъ, генераломъ Клюгенау, и тотчасъ отрѣзали его отъ остальныхъ войскъ, загромоздивъ въ то же время дорогу наскоро устроенными завалами. Генералъ Клюгенау, пройдя лѣсъ, остановился въ ожиданіи колонны; между тѣмъ, она въ то самое время была уже разбита, потеряла своего начальника и лучшихъ офицеровъ. Только въ полночь прибыли къ нему остатки ея—въ самомъ жалкомъ видѣ, въ раздробленномъ и разстроенномъ состояніи. Рождается вопросъ: почему генералъ Клюгенау, видя медленность прибытія отряда, слыша сильную пальбу, не повернулъ обратно на выручку батальоновъ? Онъ, вѣроятно, не предполагалъ, что, по уходѣ его, колонна была остановлена и что головной батальонъ, объятый паническимъ страхомъ, отказался идти на завалы. Генералъ Пассекъ не могъ уговорить растерявшихся солдатъ, ни воскресить въ нихъ мужество. Батальонъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ къ 5-му корпусу. Каждый шагъ нашего движенія доставался намъ цѣною десятковъ нашихъ воиновъ—убитыхъ и раненыхъ. Солдаты, потерявъ своихъ храбрыхъ и лучшихъ офицеровъ, никого и слушать не хотѣли,—они бѣжали толпою или поодиночкѣ, но, при этомъ, въ каждомъ изъ нихъ замѣчалось стремленіе подвигаться впередъ, по направленію къ цѣли Горцы же старались каждому изъ нихъ преградить дорогу: врѣзывались въ середину, били, убивали, сбрасывали въ про-

пасть. Когда головной батальонъ дрогнулъ и остановился передъ заваломъ,—мы лишились послѣдней надежды поддержать въ войскахъ порядокъ. Генералъ Пассекъ, какъ говорили, изрубилъ знаменнаго унтеръ-офицера, бросилъ батальонъ, одинъ побѣжалъ впередъ, вскочилъ на завалъ—и тутъ же поплатился жизнью за свою отвагу и геройство. Въ это время подоспѣли къ завалу около двухъ взводовъ нашей роты, выбили горцевъ и чуть живого Пассека подняли на руки. Едва успѣвъ проговорить: «Прощай, моя храбрая бригада!» —онъ скончался, и съ послѣдними словами его кавказскія войска лишились наилучшаго и храбрѣйшаго генерала. А, бывало, мы летали за нимъ, какъ за орломъ, въ тѣсницахъ Дагестана, въ лѣсахъ Ичкеріи и вездѣ побивали непріятеля. Вездѣ и всегда храбрый, находчивый передъ врагомъ, ласковый и справедливый передъ подчиненными, онъ всѣхъ заставилъ цѣнить свой умъ, любить его, какъ дорогого товарища боевой жизни. Никто изъ насъ не позабудетъ его доблестей; каждый до кончины будетъ вспоминать о немъ, какъ о благороднѣйшемъ и добрѣйшемъ изъ —начальниковъ. Враги его боялись, а мы любили. Миръ праху его! Трупъ генерала Пассека,—продолжаетъ свой расказъ Гончаровъ былъ нами переданъ головному батальону все того же 5-го корпуса, но куда онъ потомъ дѣвалъ эти драгоцѣнные останки,—Богъ его знаетъ. Вслѣдствіе помощи, поданной нашею ротою, часть обоза уцѣлѣла, что нужно отнести къ чести и храбрости ротнаго командира, капитана Посьета, поплатившагося за это сперва своею ногою, а затѣмъ и жизнью. Всѣ эти несчастья опять таки произошли отъ нераспорядительности генерала Клюгенау: колонна шла туда и обратно, на протяженіи 8 верстъ, двое сутокъ. И это произошло не отъ медленности марша, а отъ безпорядка. Безпорядокъ царствовалъ до самаго возвращенія колонны въ Дарго, куда она явилась толпою. Убитые и раненые въ батальонахъ, кромѣ кабардинскаго, находившагося въ арріергардѣ, были брошены, исключая убитыхъ и раненыхъ куринцевъ и кабардинцевъ, которые были взяты своими товарищами и съ горемъ пополамъ доставлены въ лагерь. Вообще пораженіе операціонной колонны было полное и совершенное.

Нѣтъ словъ для описанія тѣхъ раздирающихъ душу сценъ и картинъ, которыя происходили среди этой роковой бойни между непріятелемъ и нами, при превосходствѣ нашихъ силъ. Когда безпорядочная толпа нашихъ разбитыхъ войскъ подходила къ лагерю,—на помощь ей была выслана вторая половина кабардинскаго батальона. Она отстояла намъ нѣсколько вьюковъ, штукъ сорокъ скота, нѣсколько раненыхъ офицеровъ, два чемодана съ почтою и клочки изнуреннаго и окровавленнаго войска, на которые нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія.

Зачѣмъ было стоять цѣлую недѣлю въ Дарго? Имѣлась ли тутъ въ виду какая либо цѣль, или это была простая и безцѣльная медлительность, стратегическая ошибка, ничѣмъ неисправимая и неизгладимая? Вотъ вопросы, на которые трудно отвѣтить. При вступленіи нашемъ въ Дарго у насъ было раненыхъ немного въ сравненіи съ тѣмъ прикрытіемъ, которое мы имъ могли доставить; кромѣ того, войска наши были воинственнаго духа, въ особенности послѣ сраженія въ Дагестанѣ. Коль скоро горцы сами уничтожили Дарго и тѣмъ упредили нашу собственную цѣль, то что насъ обязывало: 1) не отретироваться въ Герзель-аулъ, а оставаться на мѣстѣ цѣлую недѣлю; 2) давать возможность скопищамъ непріятеля собраться, усилиться и укрѣпиться; 3) предпринять какую-то безполезную рекогносцировку на противуположныя высоты, въ артилерійскую слободку, гдѣ, какъ видно, мы соблазнились нѣсколькими домишками и палатками Шамиля; 4) уничтожить въ теченіе этого времени запасы провіанта и, наконецъ, послать колонну за сухарями, тогда какъ въ свое время съ наличными сухарями мы во всякомъ случаѣ могли добраться до Герзель-аула, имѣли бы мало раненыхъ, сохранили бы духъ въ нашихъ войскахъ?...

Говорятъ, что, по взятіи Дарго, имѣлось въ виду устроить временныя укрѣпленія, производить изъ нихъ набѣги и такимъ образомъ тѣснить горцевъ. Но объ этомъ нельзя было и думать, во-первыхъ потому, что мы уже испытали трудность сообщенія посредствомъ вагенбурговъ съ Шурою, откуда довольствовался отрядъ; вовторыхъ, эти мѣста весьма населены, и, кромѣ того, горцы, даже въ минуты нашихъ боевыхъ движеній, постоянно прибывали изъ мирныхъ нашихъ ауловъ, уси-

ливая этимъ средства непріятеля будучи и привлекаемы приманкою добычи и грабежа. Естественно, что приливъ ихъ въ болѣе безтревожное время, когда они могли бы достигать цѣли безнаказаннѣе, былъ бы еще болѣе. Въ третьихъ, мѣстность не позволяла производить открытые набѣги,—и если бы намъ пришлось посылать для этой надобности легкіе отряды, то они бы, по всей вѣроятности, гибли безвозвратно въ лѣсахъ и на узкихъ дорогахъ подъ кинжалами горцевъ. Затѣмъ, если предполагали, что горцы, устрашась нашего отряда и потерявъ свою плетневую столицу, пришлютъ къ намъ депутатовъ съ просьбою о пощадѣ и мирѣ, то такое предположеніе вполнѣ было достойно смѣха. Послѣ всего этого, еще разъ спрашивается: какая цѣль была стоять такъ долго и безполезно въ Дарго?»

Вопросомъ первой необходимости было немедленно выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Возвратиться, однако, черезъ лѣсъ, гдѣ только что совершилась ужасная катастрофа, было невозможно, такъ какъ отступающій отрядъ, значительно ослабленный, не могъ и думать пробиться въ Андію. Главнокомандующій рѣшился двигаться впередъ, чтобы выйти къ Герзель-аулу. Въ виду этого было сдѣлано распоряженіе уничтожить всѣ войсковыя тяжести и даже палатки.

Воронцовъ оставивъ въ Дарго нѣкоторую часть войска, 13-го іюля, съ пятью тысячи человѣкъ, предпринялъ наступательное движеніе. На высотахъ Центери показались скопища горцевъ. Сбивъ съ этой позиціи непріятеля, отрядъ продолжалъ слѣдовать лѣвымъ берегомъ рѣки Аксая, причемъ безпрестанно выбивалъ горцевъ изъ сильныхъ заваловъ, устроенныхъ ими на всемъ протяженіи пути. Въ продолженіе четырехъ дней отрядъ пробирался сквозь скопища непріятеля, еще потерявъ болѣе 50 офицеровъ и до тысячами нижнихъ чиновъ, и только лишь 16-го іюля, послѣ упорнаго боя въ лѣсу, войска вышли на небольшую поляну близъ селенія Шаухалъ-Берды, гдѣ остановились для отдыха.

Отрядъ представлялъ печальную массу людей болѣе тысячи человѣкъ.

Батальоны уменьшились до трехсотъ человѣкъ въ рядахъ, артиллерія осталась почти безъ зарядовъ; въ отрядѣ было до полуторы тысячи раненыхъ, о которыхъ надо было думать и заботиться. Были такія тяжелыя минуты, когда войска боялись за цѣлость своихъ священныхъ знаменъ, за жизнь, еще хуже—за свободу своего главнокомандующаго. «Я самъ имѣлъ ужасныя минуты сомнѣнія,—писалъ графъ Воронцовъ;—разумѣется, не за себя лично; но я боялся за нашихъ раненыхъ».

Такое трудное положеніе отряда не могло ускользнуть отъ зоркихъ глазъ горцевъ, которые неоднократно мелкими кучками врывались въ середину раненыхъ и безоружныхъ людей и производили страшныя опустошенія, пока на помощь погибающимъ не подоспѣвали ближайшіе конвойные.

Было такое положеніе, что всѣ находившіеся въ авангардѣ генералы, боясь за жизнь Воронцова, просили его оставить войска и самому пробраться ночью подъ конвоемъ на линію. Поговоривъ съ генералами, онъ громко воскликнулъ: «Еще далеко до бѣды: у меня есть кабардинцы.» Очевидцы говорили, что тутъ Воронцовъ былъ истинно величественнымъ: высокая благородная наружность, сѣдина волосъ, большой бѣлый крестъ на груди, спокойное полуулыбающееся лицо, все придавало еще болѣе торжественности и величія. «Ну что,—сказалъ графъ, обратившись къ солдатамъ:—отдохнули! молились Богу! Ура! за мной»! И, выхвативъ саблю, онъ направился къ непріятельскому завалу. Мгновенно всѣ встрепенулись и съ крикомъ «ура»! ринулись впередъ; завалъ былъ взятъ, и непріятель бѣжалъ. Несмотря на это, Шамиль не переставалъ стрѣлять черезъ рѣку въ русскій лагерь. Въ такихъ перестрѣлкахъ прошло два дня. Наконецъ 18-го іюля послышались выстрѣлы со стороны Мискита: это были первые вѣстники помощи отряду. На другой день, рано утромъ, показались передовыя войска генералъ-маіора Фрейтага, слѣдовавшаго изъ Герзель-аула на встрѣчу главному отряду. Затѣмъ подошли главныя силы. Узнавъ о прибытіи къ Мискиту помощи, графъ Воронцовъ снялся съ позиціи и въ тотъ же день, пробившись сквозь скопище горцевъ, старавшихся преградить ему путь, наконецъ соединился съ Фрейтагомъ и такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ его, направился къ Герзель-аулу, куда и прибылъ 20-го іюля въ 4 часа пополудни.

Такъ закончилась даргинская экспедиція, въ лѣтописяхъ

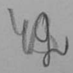
кавказской войны названная «сухарной». Экспедиція эта однако стоила русскимъ дорого: они лишились трехъ генераловъ, 186 офицеровъ и до 4,000 тысячъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

О даргинскомъ походѣ графъ Воронцовъ отправилъ подробное донесеніе императору Николаю Павловичу, который, получивъ донесеніе, собственноручно изволилъ начертать на немъ: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ къ блестящей храбрости войскъ.»

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Штурмъ аула Салты 14-го Сентября 1847 года.

Штурмъ и взятіе аула Салты 14-го сентября 1847 года.

Съ именемъ Салты связано одно изъ блестящихъ дѣлъ на Кавказѣ, окончившееся кровавымъ боемъ 14-го сентября 1847 года въ укрѣпленномъ аулѣ, расположенномъ на рѣкѣ Кара-Койсу, въ южномъ Дагестанѣ. Аулъ этотъ нѣкогда сторожилъ выходъ изъ горныхъ тѣснинъ и до 1847 года былъ однимъ изъ опорныхъ пунктовъ Шамиля, откуда этотъ неутомимый герой производилъ опустошительные набѣги на находившіяся уже во власти русскихъ окрестныя земли.

Главнокомандующій кавказскими войсками генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ хотѣлъ во что бы то ни стало совершенно уничтожить Салты, превратившіеся въ крѣпкое гнѣздо, служившее центромъ распространенія мятежа. Дождавшись подвоза припасовъ, князь во главѣ самурскаго отряда—въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты, двухъ ротъ стрѣлковъ, роты саперъ дивизіона нижегородскихъ драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ, полуторы тысячи конной и пѣшей милиціи, при 16-ти полевыхъ и осадныхъ орудіяхъ и особыхъ командахъ съ ракетами и крѣпостными ружьями,—25-го іюля 1847 года началъ спускаться съ Турчидага, направляясь къ Салтамъ.

По дорогѣ отряду приходилось преодолѣвать громадныя препятствія, особенно при разработкѣ дороги. Войска ночевали близъ аула Кегеръ, въ виду Гуниба, и къ вечеру 26-го іюля расположились впереди Салтовъ. Шамиль, прекрасно понимая важное значеніе аула, гдѣ былъ собранъ многочисленный храбрый гарнизонъ горцевъ, прибывшихъ съ разныхъ ауловъ Дагестана, сильно укрѣпилъ его. Сюда стекались самые вѣрные и испытанные мюриды, и не было, кажется, общества, ни одного аула въ непокоренныхъ еще горахъ, которые не имѣли-бы представителей въ салтинскомъ гарнизонѣ. Внѣшнею оградою укрѣпленія, вооруженнаго двумя орудіями, служила толстая казематированная стѣна, которая фланкировалась построенными въ нѣсколькихъ пунктахъ башнями. Горцы повидимому приготовились къ упорной защитѣ.

Конецъ іюля и начало августа прошли въ устройствѣ батарей и въ расположеніи по позиціямъ войскъ. Осадныя работы велись подъ руководствомъ инженеръ-подполковника Кеслера. По сооруженіи батарей и ложементовъ и по прибытіи къ отряду еще двухъ батальоновъ и акушинской милиціи, былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь. Видя, что русскіе заняли сильныя позиціи и уже приблизились къ аулу, горцы дѣлали вылазку за вылазкою, нападали на русскіе передовые посты, а затѣмъ въ значительномъ числѣ стали показываться днемъ на окрестныхъ высотахъ, а ночью приближаться къ лагерю, для воспрепятствованія траншейнымъ работамъ; попытки эти однако были тщетны; ихъ отбивали и осадныя работы шли впередъ успѣшно.

4-го августа, послѣ рекогносцировки, въ отрядѣ получились свѣдѣнія о нахожденіи вблизи Салтовъ восьми тысячъ конныхъ и пѣшихъ скопищъ, собравшихся противъ лѣваго фланга русской позиціи, въ оврагахъ и ущельяхъ высокихъ горъ, между Кегеромъ, хидатлинскимъ и салтинскимъ мостами, и предводимыхъ Хаджи-Мурадомъ, Кибитъ-Магомой и Даніель-бекомъ.

Князь Воронцовъ рѣшилъ разбить вспомогательныя скопища горцевъ; для этого охраненіе лагеря и осадныя работы онъ поручилъ начальнику штаба, генералъ-лейтенанту Коцебу, а генералъ-лейтенанту князю Аргутинскому-Долгорукову ввѣрилъ подвижную колонну, состоявшую изъ шести батальоновъ, двухъ ротъ стрѣлковъ, дивизіона нижегородскихъ драгунъ, 200 казаковъ и 900 милиціонеровъ, самъ-же, съ шестью горными ору-

діями и ракетной командой, въ ночь на 7-е августа, выступилъ противъ Хаджи-Мурада. Стало разсвѣтать. Авангардъ приблизился къ оврагу, тянувшемуся передъ непріятельской позиціей. Войска кинулись на передовые горскіе пикеты. Воронцовъ направилъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга два батальона, четыре орудія и ракетные станки, а князю Аргутинскому послалъ приказаніе стягиваться къ авангарду всею кавалеріей, которая должна была, перейдя оврагъ, обойти горцевъ съ праваго фланга. Согласно этому приказанію дѣло завязали отважные милиціонеры полковника Бакиханова съ дивизіономъ нижегородцевъ, которые, преодолѣвая чрезвычайныя затрудненія на отвѣсныхъ спускахъ и подъемахъ, обскакали горцевъ съ тыла, а два батальона эриванцевъ съ мингрельцами бросились на завалы съ фланга. Противникъ, отрѣзанный отъ главнаго пути отступленія, не выдержавъ натиска, началъ бросать оружіе, бурки,—все, что только его стѣсняло, и, опережая и давя другъ друга, съ гикомъ и шумомъ кинулся толпами въ кручу съ отвѣсныхъ скалъ между салтинскимъ и хидатлинскимъ мостами. Бѣгущихъ горцевъ русскіе солдаты съ криками «ура» поражали штыками, пулями и камнями... Не менѣе успѣшна была и атака заваловъ на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи, произведенная шестью ротами ширванцевъ и милиціей. Такимъ образомъ, горцы были сброшены въ глубокое ущелье на всей линіи и, не имѣя возможности пробиться къ рѣкѣ Кара-Койсу, пришли въ отчаяніе и разсѣялись въ разныя стороны.

Послѣ этого дѣла Воронцовъ передвинулъ свою колонну на высоты, прилегавшія къ правому флангу позиціи. Войска, поднявшись ночью на эти высоты, къ разсвѣту разсѣяли и здѣсь непріятеля. Одновременно съ этимъ рота дагестанскаго полка овладѣла мысомъ, который находился между двумя глубокими оврагами у праваго фланга траншей, откуда горцы тревожили рабочихъ. Несмотря на перечисленные успѣхи, взять сильно укрѣпленный и хорошо вооруженный аулъ Салты открытою силой не представлялось возможнымъ. Вслѣдствіе этого главнокомандующій рѣшилъ вести правильную блокаду. Батареи и брешь-батареи открыли убійственный огонь и стали громить аулъ; галереи же были подвинуты подъ самыя стѣны. Горцы тоже не оставались праздными и поражали траншеи безпрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Такъ продолжалось изо дня въ день, до половины августа, но горцы не помышляли о сдачѣ. Въ виду этого было приказано тѣснѣе обложить Салты и овладѣть находившимися въ тылу укрѣпленія садами, которые составляли ключъ позиціи. Занятіе этихъ садовъ должно было повлечь за собою паденіе твердыни, а потому можно было заранѣе предвидѣть жестокій бой. Съ этою цѣлью въ ночь съ 22-го на 23-е августа, когда салтинскіе сады покрылись густымъ мракомъ, генералъ-маіоръ Бюрно, съ двумя батальонами ширванскаго и самурскаго полковъ, занялъ сады съ западной стороны аула и такимъ образомъ замкнулъ кругъ осады. Какъ разъ въ это время, для отвлеченія вниманія непріятеля, со всѣхъ батарей былъ открытъ сильнѣйшій огонь по аулу, а два батальона съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «ура» заняли передовыя траншеи. Занятіе садовъ поставило горцевъ въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе чего они задумали взять ихъ обратно и въ ту же ночь бросились на батальоны, но были отбиты. Упорный бой продолжался до разсвѣта. Войска восемь разъ ходили на штурмъ, и восемь разъ приступы были отбиты. Хотя позицію отстояли, но это стоило русскимъ пятнадцати офицеровъ и болѣе трехсотъ нижнихъ чиновъ, т. е. почти половины высланнаго отряда. Несмотря на упорство непріятеля, сады были заняты, и положеніе горцевъ становилось безвыходнымъ.

Осада продолжалась. Насталъ послѣдній и самый рѣшительный періодъ осады: 6-го сентября, по прибытіи мортиръ и легкихъ орудій, начались общая бомбардировка и подготовленіе къ штурму. На другой день снова загрохотали брешь-батареи и былъ заложенъ горнъ подъ большую башню, а 8-го числа, въ шесть часовъ утра, сразу былъ открытъ огонь со всѣхъ батарей. Центральная башня была взорвана и исчезла со стѣнами, а на ея мѣстѣ образовались двѣ огромныя воронки, и все задернулось густою черною тучей. Страшный трескъ пронесся въ ущельяхъ горъ. Два часа земля буквально стонала отъ грохота орудій.

Вслѣдъ за этимъ рѣшено было овладѣть наружною оградою аула. На разсвѣтѣ 9-го числа предполагалось занять штурмомъ южную стѣну аула. По условному сигналу съ батарей былъ

открытъ усиленный огонь. Затѣмъ были двинуты на штурмъ охотники и, подъ командою командира дагестанскаго полка, полковника Евдокимова, четыре батальона отъ дагестанскаго и самурскаго полковъ, быстро овладѣвшія передней линіей непріятельскихъ укрѣпленій. Непріятель изъ траншей открылъ ружейную стрѣльбу, сопровождая ее тучею камней, и все время упорно держался за весьма искусно расположенными верками второй и первой линій; онъ даже предпринималъ смѣлыя вылазки. Дагестанцы и самурцы проявили еще разъ примѣры мужества и стойкости и, отстаивая позиціи, гибли рота за ротой. Раненыхъ уносили, но въ тотъ-же моментъ на ихъ мѣстѣ спокойно выростали новыя фигуры. Примѣромъ для солдатъ были храбрые офицеры. Князь Воронцовъ, наблюдая за ходомъ боя, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этихъ рыцарей.... Уже двѣнадцать часовъ продолжался бой. Солнце садилось за горы. Русскіе и горцы стояли лицомъ къ лицу въ какихъ нибудь сорока шагахъ. Шамиль издали слѣдилъ за ходомъ кроваваго побоища и все время ободрялъ правовѣрныхъ. Начинало темнѣть. Наконецъ были подведены пять орудій, и, послѣ бомбардировки изъ двухпудовой мортиры, обороняющіеся замѣтно стали колебаться, чему много способствовало то обстоятельство, что горцы остались безъ воды, такъ какъ русскимъ удалось испортить протекавшую къ аулу воду. Кромѣ того стояла невыносимая жара, а отъ гніенія неприбранныхъ труповъ заразился воздухъ; въ то-же время совершенно прекращено было сообщеніе съ окрестностями. Все это рѣшило участь гарнизона, который сталъ гибнуть десятками и сотнями.

Несмотря на такія бѣдствія, непріятель готовъ былъ на новыя предпріятія: ночью на 11-е сентября горцы у подножья занятой русскими стѣны зажгли кучу сухого хвороста и кинувшись подъ прикрытіемъ дыма на батарею, овладѣли ею, а затѣмъ бросились на прикрытіе, и хотя были отброшены, но у орудія вся прислуга была перебита. Замѣтивъ это, полковникъ Манюкинъ съ горстью офицеровъ мингрельскаго полка подоспѣлъ и, отважно дѣйствуя не уступилъ занимаемой позиціи. Онъ былъ израненъ нѣсколькими ударами въ лицо и голову; несмотря на это, герой выхватилъ пушку изъ рукъ непріятеля и съ помощью офицеровъ оттащилъ ее назадъ

12-го числа бомбардировка продолжалась: въ этотъ день въ самомъ аулѣ дѣйствовали уже 8 орудій, а на другой день къ ихъ разрушительному дѣйствію прибавился еще сильный огонь съ фланговыхъ батарей.

Аулъ сталъ пустѣть. Оказалось, что горцы попрятались въ подземелья. Положеніе ихъ становилось критическимъ такъ какъ они уже третій день не получали продовольствія, жажда же томила ихъ больше голода. Несмотря на это, Салты еще держались; между начальниками мюридовъ шли совѣщанія: одни находили, что дальнѣйшее упорство послужитъ къ напрасной гибели храбраго гарнизона, другіе, и главнымъ образомъ Умаръ-Деборъ, не соглашались съ мнѣніемъ большинства. Горячій споръ происходилъ до поздней ночи на 13-е число, послѣ чего горцы, не слушая уже приказаній Дебора, начали готовиться къ выступленію изъ аула. Съ разсвѣтомъ 14-го сентября защитники, истощивъ все свое геройство, очистили аулъ, и направились въ разныя стороны. Русскія войска ворвались въ аулъ и завязали на улицахъ кровопролитный бой, въ которомъ ширванцами были отбиты пушка и знамя Умаръ-Дебора.

Вотъ какъ описываетъ историкъ эриванскаго полка ген.-лейт. Бобровскій салтинскій штурмъ: «Диспозиція, данная наканунѣ съ вечера, сводилась къ слѣдующимъ тремъ распоряженіямъ: 1) бомбардированіе, 2) наступленіе охотниковъ и 3) движеніе впередъ штурмовой колонной, состоявшей изъ четырехъ батальоновъ самурцевъ и дагестанцевъ и имѣвшей въ резервѣ батальонъ мингрельскихъ егерей. Для занятія части аула, примыкающей къ оврагу, за часъ до разсвѣта явились въ передовыя траншеи охотники изъ всѣхъ частей отряда въ числѣ 197 человѣкъ и 26 отъ милиціонеровъ, два батальона дагестанскаго, за ними въ первомъ резервѣ два батальона самурскаго, во второмъ-же резервѣ 1-й батальонъ мингрельскаго полковъ. Кромѣ того, впослѣдствіи придвинутъ былъ 1-й батальонъ эриванцевъ, а двѣ роты кн. Варшавскаго полка и чохская аварская милиція построились въ оврагѣ противъ башни № 4, на лѣвомъ флангѣ, гдѣ въ стѣнѣ пробита была брешь, для отвлеченія непріятеля въ эту сторону. Между батареями, вдоль стѣны занятыхъ нами ложементовъ, размѣстились 100 человѣкъ стрѣлковаго батальона. Войсками командовалъ коман-

диръ дагестанскаго полка полковникъ Евдокимовъ, и при немъ находились генералъ-лейтенантъ князь Аргутинскій и генералъ-адъютантъ Коцебу.

Разсвѣло. Грянулъ перекатный залпъ изъ всѣхъ орудій, и полчаса гремѣла оживленная канонада. Затѣмъ, по данному сигналу, охотники бросились къ стѣнѣ; одни выламывали двери, другіе пролѣзали въ амбразуры, третьи въ разныя отверстія, гдѣ могла протиснуться человѣческая фигура, и черезъ пять минутъ поручикъ Прокоповичъ съ другими офицерами во главѣ своихъ командъ двинулся вправо вдоль по берегу оврага; за нимъ слѣдомъ шли двѣ роты дагестанцевъ, а штабсъ-капитанъ Бухаровъ съ другою партіею охотниковъ, въ сопровожденіи двухъ самурскихъ ротъ, бросился влѣво, черезъ площадку, къ блокгаузамъ, составлявшимъ первую линію непріятельской обороны; другія двѣ роты 3-го самурскаго батальона были въ резервѣ. Этими первоначальными дѣйствіями руководилъ самъ Аргутинскій.

Такой-же адскій бой происходилъ и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ во главѣ охотниковъ дѣйствовалъ линейнаго батальона штабсъ-капитанъ Бухаровъ, пока не былъ пораженъ на смерть. Вездѣ непріятель защищался отчаянно, и не легко представить себѣ этотъ лабиринтъ заваловъ, баррикадъ, укрѣпленныхъ саклей, крытыхъ ходовъ и подземелій, которыми непріятель пользовался для пораженія нашихъ войскъ.

Въ самомъ началѣ боя 1-я гренадерская рота самурскаго полка была отправлена къ башнѣ № 1, на правомъ флангѣ, для устройства сообщенія между нею и передовыми саклями, а вслѣдъ за тѣмъ къ батареѣ, сооруженной 9-го числа на стѣнѣ, былъ поставленъ 1-й батальонъ эриванцевъ въ общій резервъ. Всѣ-же части штурмующей колонны поочередно были введены въ бой: однѣ роты смѣнялись другими. Къ полудню гренадерская рота самурцевъ, сильно порѣдѣвшая и изнуренная тягостной работой, была замѣнена 2-ю егерскою ротою эриванскаго полка. Прапорщикъ Калиновскій со своею командою, приводя сообщеніе уже къ концу и слѣдя за непріятельскими выстрѣлами, поражавшими его рабочихъ, замѣтилъ, что они направлены изъ какого то подвала. Обнаружилось, что этотъ подвалъ проходилъ по всему занятому нами въ тотъ день пространству и имѣлъ два выхода: одинъ изъ нихъ былъ заваленъ въ началѣ штурма разрушенною саклею, а другой открывался въ оврагѣ. Для овладѣнія подваломъ были вызваны охотники изъ эриванской роты, которые вмѣстѣ съ саперами, подъ командою инженеръ-поручика Попова, приступили къ выходу и потребовали сдачи засѣвшихъ въ подземельи мюридовъ. Въ отвѣтъ просвистало нѣсколько пуль. Вызваны были охотники изъ артиллеріи съ ручными гранатами. Въ зіяющее отверстіе, по разнымъ направленіямъ, полетѣло до пятнадцати гранатъ, и вслѣдъ за симъ раздались голоса, возвѣщавшіе готовность сдаться. Метаніе гранатъ было пріостановлено, и на свѣтъ Божій стали выползать озлобленные мюриды. Ихъ набралось четырнадцать человѣкъ и столько-же, по ихъ словамъ, осталось въ подвалѣ: они обрекали себя на смерть во имя Аллаха. Снова полетѣли въ подземелье ручныя гранаты, а затѣмъ вбѣжали карабинеры. Осмотрѣвшись, они замѣтили фанатиковъ, забившихся въ отдаленные углы; по нимъ карабинеры открыли огонь, постепенно наступая; мюриды бросились на нихъ съ обнаженными шашками и кинжалами, но пали на сплотившихся штыкахъ....

Пока въ аулѣ происходилъ ожесточенный бой, съ сѣверной стороны появились толпы непріятеля, чтобы черезъ сады прорваться на помощь гарнизону, а Хаджи-Мурадъ съ партіей въ десять тысячъ человѣкъ конныхъ спустился съ высотъ по дорогѣ отъ с. Куппы, угрожая нашему правому флангу; въ то же время другая партія появилась въ тылу нашей позиціи отъ с. Кудали, и съ этой-же стороны отъ Хаджалъ-Махи ожидалось прибытіе въ Салты транспорта съ артиллерійскими снарядами. Генералъ-адъютантъ Коцебу, взявъ изъ боевого резерва двѣ роты эриванскаго карабинернаго полка, одною изъ нихъ съ горнымъ орудіемъ занялъ редуты №№ 12, 13 и 14, на дорогѣ въ Куппу, а съ другою, также при одномъ орудіи, двинулся противъ Хаджи-Мурада; сюда-же поскакали дивизіонъ драгунъ, сотня казаковъ, конная ракетная команда и 50 человѣкъ аварской милиціи. Навстрѣчу-же транспорту правѣе была отправлена особая колонна пѣхоты подъ командою полковника Минквица. Хаджи-Мурадъ, принявъ, вѣроятно, это движеніе за обходъ его отряда, бросилъ свою весьма сильную позицію, перерѣзанную глубокими оврагами, и сталъ отступать съ такою

поспѣшностью за крутую гору, что его не могли нагнать быстроногіе карабинеры. Горцы, провожаемые ракетами и гранатами, скоро скрылись изъ вида...

Рукопашный бой, продолжавшійся семь часовъ, прекратился послѣ трехъ часовъ пополудни. Наши войска овладѣли большимъ пространствомъ, чѣмъ было предположено. Охраненіе занятой нами части аула возложено было на маіора Асѣева съ двумя съ половиною батальонами; прочія войска отведены были въ лагерь, чтобы на утро окончательно вытѣснить упрямыхъ горцевъ изъ непокоренной части аула. Всѣ знали объ отчаянномъ положеніи гарнизона, и не безъ основанія можно было разсчитывать на попытку остатковъ гарнизона, пользуясь покровомъ ночи, бѣжать изъ аула. Въ этихъ видахъ усилены были секреты и выставлены сильные пикеты, а въ удобныхъ мѣстахъ для дѣйствія артиллеріи поставлены орудія.

Когда войска утвердились въ нѣкоторыхъ улицахъ, они продолжали двигаться впередъ и брали саклю за саклей. Къ вечеру почти половина аула находилась уже въ рукахъ русскихъ. Бой былъ пріостановленъ только наступившей ночью, и войска остались ночевать на занятыхъ позиціяхъ.

«Въ девять часовъ вечера,—продолжаетъ Бобровскій,—въ аулѣ замѣчено было необыкновенное движеніе; въ нашемъ лагерѣ въ разныхъ мѣстахъ послышалось вполголоса приказаніе: «Готовься, ребята!». Гдѣ-то раздался одинъ, другой выстрѣлъ, и громко пронеслась по лагерю команда «въ ружье!» Всѣ войска пришли въ движеніе. Горцы толпами двигались къ садамъ, чтобы силою пробиться къ переправѣ. Ихъ встрѣтили роты князя Варшавскаго полка и дружнымъ ударомъ атаковали салтинскихъ защитниковъ. Невѣроятный крикъ съ обѣихъ сторонъ огласилъ воздухъ. Скоро ружейная трескотня перешла въ непрерывный гулъ... Остатки гарнизона, бросившіеся къ рѣчкѣ, были охвачены съ трехъ сторонъ, и началась бойня штыками и прикладами. Только небольшая часть его спаслась подъ покровомъ ночи»....

Салты пали, но штурмъ и взятіе его стоило русскимъ огромныхъ потерь, простиравшихся до тысячи двухсотъ человѣкъ убитыми, ранеными и контуженными; въ томъ числѣ были убиты около ста офицеровъ. Горцевъ при оборонѣ аула было убито тоже громадное число. По дорогѣ къ укрѣпленію лежало болѣе двухсотъ тѣлъ, съ разбитыми черепами, съ пронзенными грудями..... Аулъ представлялъ картину страшнаго разоренія ...

Отдавая должное горцамъ, князь Воронцовъ писалъ военному министру: «При долголѣтнемъ опытѣ мнѣ рѣдко случалось видѣть непріятеля болѣе упорнаго и стойкаго, какъ гарнизонъ укрѣпленія Салты, который составленъ былъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ людей Дагестана. Упрямыя сопротивленія этого гарнизона превосходятъ все, что въ европейской войнѣ можетъ быть извѣстнымъ»....

Паденіе Салтовъ было событіемъ высокой важности, такъ какъ послѣ того всѣ горскія общества и предводители мѣстныхъ племенъ не считали себя безопасными и уже потеряли всякое довѣріе къ стѣнамъ и башнямъ. Немало поколебалось и довѣріе къ имаму, на глазахъ котораго истребленъ былъ храбрый гарнизонъ Салтовъ. Съ другой стороны, паденіе этого укрѣпленнаго аула обезпечивало спокойствіе праваго берега казикумыкскаго Койсу и существованіе Цудахара, связывающаго сѣверный Дагестанъ съ южнымъ.

За блистательные успѣхи храбрецамъ самурскаго и дагестанскаго отрядовъ главнокомандующій въ приказѣ по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 15-го сентября выразилъ слѣдующую признательность. «Неустрашимостью въ бояхъ и въ штыковомъ дѣлѣ, терпѣніемъ и твердостью въ трудахъ и работахъ вы достигли желаемаго предмета: Салты наконецъ въ нашихъ рукахъ. Поздравляю васъ, храбрые воины, съ симъ великимъ успѣхомъ; вы показали себя сынами достойными Россіи, достойными подданными великаго нашего государства; благодарю васъ отъ глубины души моей; представлю о вашихъ подвигахъ государю и отцу нашему и здѣсь немедленно сдѣлаю все, что состоитъ въ моей власти, для вознагражденія отличившихся; это дѣло не легкое, ибо всѣ отличились; каждый изъ васъ показывалъ безпрестанно примѣры неустрашимости, усердія и—что необходимо въ военномъ дѣлѣ,—дисциплины и послушанія. Дай вамъ Богъ, храбрые воины, здоровья и во всемъ довольствія, а на военномъ поприщѣ всегда постоянные успѣхи...»

Фототипія К Месхіева Тифлисъ.

Съ картины Рубо.

Геройская смерть Генералъ-Маіора Слѣпцова въ дѣлѣ съ Чеченцами 10-го Декабря 1851 года.

Геройская смерть генерала-маіора Слѣпцова 10-го декабря 1851 года.

Послѣ даргинскаго похода князь Воронцовъ уже не предпринималъ дальнихъ экспедицій и неосторожныхъ предпріятій; по его приказанію строились только передовыя укрѣпленія, и между ними рубились просѣки да заселялись новыя линіи. Мало-по-малу русскіе подвинулись къ самому подножью Черныхъ горъ. Такимъ образомъ въ 1846 году была заселена Сунженская линія, и все враждебное населеніе или покорилось, или ушло въ горы. Въ 1848 году на всѣхъ наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ продолжались устройство укрѣпленій и расчистка просѣкъ. Въ томъ-же году былъ взятъ Гергебиль, а послѣ пораженія подъ Ахтами Шамиль вынужденъ былъ въ силу обстоятельствъ бѣжать въ Прикаспійскій край и перенести туда свои дѣйствія.

Въ 1851 году извѣстный герой генералъ-майоръ Слѣпцовъ, все время производившій лихіе набѣги, представилъ на благоусмотрѣніе главнокомандующаго планъ покоренія нагорной Чечни, который былъ вполнѣ одобренъ Воронцовымъ. Согласно плану, изъ разныхъ пунктовъ владикавказскаго военнаго округа въ концѣ ноября къ Ачхоевскому укрѣпленію стали стягиваться войска. 2-го декабря былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего летучій отрядъ, получившій названіе гехинскаго и состоявшій изъ пяти батальоновъ пѣхоты, одиннадцати сотенъ, десяти орудій и десяти конныхъ станковъ, двинулся по такъ называемой большой Русской дорогѣ. Первый ночлегъ былъ у рѣки Гехи. На другой день была произведена подробная рекогносцировка Гехинскаго ущелья, и въ одномъ мѣстѣ, у развалинъ бывшаго аула Чермакой, Слѣпцовъ выбралъ мѣсто для лагеря, откуда войска производили рекогносцировки, рубили лѣса и устраивали просѣки. Двинувшись далѣе и миновавъ нурикъ-юртовскую поляну, войска услышали крики людей, лай собакъ, мычаніе рогатаго скота и увидѣли какое то движеніе поспѣшно бѣгущихъ горцевъ, которые, завидя русскихъ, бѣжали въ горы и въ ущелья. Вслѣдъ за этимъ войскамъ приказано было занять оставленный горцами аулъ, расположенный за поворотомъ ущелья. 4-го декабря Слѣпцовъ продолжалъ рубку лѣса, что сопровождалось легкими перестрѣлками и схватками съ небольшими чеченскими партіями.

Такія незначительныя дѣла не удовлетворяли Слѣпцова; его желаніемъ было положить прочное основаніе новой передовой линіи. Но это не легко было выполнить, такъ какъ непріятель не оставался празднымъ и, занявъ на правомъ берегу рѣки Гехи, у подножья Черныхъ горъ, сильную позицію, тоже укрѣплялся; горцы рубили лѣсъ и изъ срубленныхъ деревьевъ устраивали завалы и барикады. 5-го декабря рубка лѣса сопровождалась довольно сильной перестрѣлкой, а черезъ два дня, часа въ три пополудни, горцы выставили одно горное орудіе на опушку лѣса и даже произвели изъ него нѣсколько выстрѣловъ по русскому лагерю. Русскіе не остались въ долгу и немедленно открыли орудійную стрѣльбу, чѣмъ заставили чеченцевъ увезти назадъ пушку.

Начальника отряда не было въ то время въ лагерѣ: онъ ѣздилъ въ укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ. Возвратившись оттуда, Слѣпцовъ узналъ отъ лазутчиковъ, что непріятель намѣревается вновь произвести стрѣльбу по лагерю, и, не желая терять время, рѣшилъ выбить горцевъ изъ заваловъ, 8-го декабря онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: одной колоннѣ, состоявшей изъ спѣшенныхъ казачьихъ охотниковъ и 2-го тенгинскаго батальона, было приказано войти въ лѣсъ, тянувшійся по правому берегу рѣки, и по первому не-

пріятельскому выстрѣлу изъ орудія броситься на путь отступленія чеченцевъ, послѣ чего штурмовать ихъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ Слѣпцова, состоявшая изъ батальона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была быстро пробѣжать подъ обрывомъ праваго берега рѣки Гехи и кинуться на завалы и орудіе. Третьей обходной колоннѣ назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на нурикъ-юртовской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, а въ случаѣ появленія непріятеля съ орудіемъ перейти на правый берегъ и содѣйствовать центральной колоннѣ. 9-е число прошло въ ожиданіяхъ, которыя на этотъ разъ не сбылись думали, что непріятель выставитъ орудіе, но горцы не привезли его. Вечеромъ этого числа Слѣпцовъ, потребовавъ къ себѣ сотника сунженскаго полка Неймана и войскового старшину Предимирова, сказалъ имъ: «Я поручаю вамъ, господа, лихое казацкое дѣло..... Необходимо, чтобы непріятель, когда мы его разобьемъ, не могъ увезти орудіе. Ведите какъ можно тише пѣшихъ охотниковъ, переправьтесь ночью черезъ рѣку, зайдите имъ въ тылъ, засядьте въ лѣсу и ждите. По первому выстрѣлу изъ орудія вы уже будете знать, что дѣлать. Ударьте на нихъ врасплохъ и старайтесь прежде всего захватить орудіе. А я къ этому времени буду съ другой стороны и возьму завалы.»

10-го декабря лазутчики донесли, что въ этотъ день многочисленное непріятельское скопище, около двухъ тысячъ, непремѣнно явится, и чеченцы будутъ стрѣлять изъ орудія по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Въ десять часовъ утра войска находились уже на назначенныхъ мѣстахъ. Непріятель занималъ очень сильную позицію на правомъ берегу рѣки Гехи, которая состояла изъ непрерывныхъ заваловъ, тянувшихся въ окружности на пять верстъ, въ длину до двухъ верстъ и въ ширину на версту; въ серединѣ позиціи находился тоже завалъ, но только круглой формы, въ которомъ оставлено было нѣсколько свободныхъ проходовъ. Въ центральномъ завалѣ, устроенномъ изъ вѣковыхъ деревьевъ, находились шестнадцать хуторовъ, въ которыхъ хранились боевые и продовольственные запасы. Восточнѣе главнаго завала былъ маленькій завалъ, тоже круглой формы, но сдѣланный не такъ тщательно. Вся опушка вырубленнаго подъ завалы лѣса была защищена новыми завалами. Вѣковой лѣсъ окружалъ всю позицію горцевъ.

Слѣпцовъ рѣшился атаковать сборища конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ и въ первомъ часу дня приказалъ колоннѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Генералъ былъ въ большомъ нетерпѣніи. Въ началѣ третьяго часа вдругъ раздался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Услышавъ выстрѣлъ, Слѣпцовъ вскочилъ на лошадь и, кинувшись къ своей кавалеріи, закричалъ: «На конь, на конь» а затѣмъ помчался по правому берегу рѣки, сперва рысью, а затѣмъ пустился вскачь. Двѣ сотни казаковъ неслись за нимъ на полномъ карьерѣ. Проскакавъ версты полторы, Слѣпцовъ былъ уже на одной высотѣ съ колонной, находившейся на лѣвомъ берегу.

Въ то время, когда кавалерія отряда переходила рѣку, скакавшій впереди своихъ казаковъ генералъ крикнулъ: «Господа, кричите ура, кричите ура!» Казаки вынули шашки и, продолжая нестись во весь духъ, какъ вихрь взлетѣли на поляну, поросшую рѣдкими деревьями. Казаки увидѣли непріятеля, который встрѣтилъ русскихъ градомъ пуль. Несмотря на это, чеченцы пришли въ замѣшательство отъ появленія кавалеріи, такъ какъ они никакъ не ожидали именно съ этой стороны казаковъ, и, ошеломленные ея ударомъ, а также услышавъ «ура» охотниковъ, заходившихъ имъ въ тылъ, бросились бѣжать. Казаки съ кавалеріей догоняли и рубили направо и налѣво пѣшихъ чеченцевъ и въ разсыпномъ строѣ перепрыгивали черезъ срубленныя и наваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался страшный грохотъ отъ учащенной перестрѣлки и гремѣло вокругъ «ура.» Пронесшись далѣе, кавалерія остановилась наконецъ передъ центральнымъ заваломъ, чрезъ который трудно было перейти пѣшему. Бѣгущіе чеченцы, прикрываясь заваломъ, открыли оттуда сильный огонь. Въ это время подоспѣли двѣ роты эриванцевъ и три роты навагинцевъ и, занявъ густою цѣпью пространство вокругъ завала, начали по непріятелю стрѣлять.

Одновременно съ этимъ нѣсколько сотенъ кавалеріи спѣшившись раздѣлились на двѣ части: одна заняла интервалы между ротами и присоединила свои мѣткіе выстрѣлы къ убійственному огню пѣхоты, а другая направилась влѣво на сое-

диненіе съ охотниками, зашедшими уже въ тылъ непріятеля и рубившими шашками чеченцевъ центральнаго аула. Непріятель всюду бѣжалъ, но успѣлъ увезти свое орудіе. Лѣсъ былъ покрытъ трупами горцевъ.

Участь боя была рѣшена. Минута была торжественная. Но, къ сожалѣнію, побѣда эта омрачилась неожиданною тяжелою потерею беззавѣтно храбраго начальника отряда, пораженнаго наудалую пущенною пулею. Дѣло въ томъ, что генералъ находился между цѣпью эриванцевъ и кабардинцевъ на своей знаменитой бѣлой лошади, не разъ вывозившей его изъ разныхъ стычекъ. Когда кавалерія остановилась передъ завалами, онъ послалъ приказаніе пѣхотѣ итти какъ можно скорѣе. Черезъ десять минутъ приведенъ былъ батальонъ навагинцевъ. Густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь. При Слѣпцовѣ не находилось въ эту минуту ни одного офицера, такъ какъ всѣ были разосланы съ разными приказаніями. Издали легко можно было различить въ пороховомъ дыму героя по папахѣ съ краснымъ верхомъ, мелькавшимъ какъ мишень для непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ распоряжался и крикнулъ навагинцамъ: «Впередъ, ребята, черезъ завалы!» Какъ разъ въ это время пуля поразила его въ грудь, подъ ложечку, и молодой, еще полный жизни, генералъ вдругъ поблѣднѣлъ, круто повернулъ коня направо, зашатался на сѣдлѣ и, ухватившись за гриву лошади, сказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ: «Конецъ, снимите меня!» —а затѣмъ сталъ валиться съ лошади. Сраженнаго казаки бережно вынесли изъ кровавой сѣчи на буркахъ. Сцена была полная скорби, и у всѣхъ показались слезы. Раненый молчалъ; никто не зналъ, куда онъ раненъ; крови не было видно. Минуты черезъ двѣ Слѣпцовъ шепотомъ воскликнулъ: «Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ. Стоять на мѣстѣ впредь до присоединенія охотниковъ.» Раненаго понесли и, положивъ на землю, стали раздѣвать. Въ это время явился докторъ Луженскій, который, снявъ у раненаго поясъ и разстегнувъ черкеску и бешметъ, увидѣлъ на бѣлой рубашкѣ небольшое кровавое пятно. Опустивъ зондъ въ рану и не ощупавъ пули, онъ вынулъ его и, отойдя въ сторону, шепотомъ сказалъ, что рана смертельна и что безполезно искать пулю. Раненаго понесли далѣе, и въ то время, когда его переносили черезъ рѣку, онъ испустилъ духъ. Докторъ, находившійся при раненомъ до послѣдней минуты его жизни, сообщилъ, что, умирая, Слѣпцовъ спросилъ «Взята ли пушка», а когда ему отвѣтили, что нѣтъ извѣстій, но зато завалы взяты, онъ сказалъ: «Ну, и за то слава Богу!.» Передъ смертью онъ сталъ молиться: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.» Мысль о ввѣренномъ ему отрядѣ не оставляла его до послѣдней минуты: онъ чутко вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, и спрашивалъ: «Соединились ли войска съ колонной охотниковъ? Не велика ли потеря?» Агонія его не была мучительна. Жилъ онъ послѣ раны всего съ полчаса и умеръ не испустивъ ни одного крика и стона изъ устъ. Трупъ его былъ принесенъ казаками въ лагерь.

Между тѣмъ бой длился уже два часа, и послѣ нѣкотораго затишья обратившіеся въ бѣгство чеченцы снова стали пробираться къ полю битвы и начали даже дѣйствовать изъ опушки лѣса, хотя заваловъ уже обратно не занимали. Войска стояли на мѣстѣ боя, пока къ нимъ не присоединились охотники, послѣ чего отрядъ медленно отступилъ за первую линію въ примѣрномъ порядкѣ. Чеченцы, оправившіеся отъ понесеннаго пораженія, увидѣвъ отступавшія колонны, начали всею массою налегать на арріергардъ и боковыя цѣпи, но въ это время изъ четырехъ орудій былъ открытъ огонь, остановившій движеніе непріятеля на послѣдней опушкѣ.

Войска узнали о смерти Слѣпцова въ то время, когда бой уже кончился, при возвращеніи въ лагерь. Горе было всеобщее. Отрядъ возвращался безъ шумнаго веселья, безъ пѣсенъ и плясокъ—замолкъ совершенно. Мертвая тишина царила вокругъ. Люди переговаривались между собою шепотомъ.

Слѣпцовъ умеръ тридцати трехъ лѣтъ, составивъ себѣ имя, громкое въ кавказскихъ войскахъ, грозное для чеченцевъ. Онъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лицо его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые, короткіе усы, бакенбарды, обходившія кругомъ лица, и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягкое и ласковое, но которые, въ минуту одушевленія и гнѣва, сверкали какъ угли,—составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ физіономій, которыхъ нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя однажды. Волосы

его были густые, курчавые и черные какъ смоль; серебро сѣдинъ стало пробиваться въ нихъ. Онъ быстро ходилъ, движенія и жесты его были рѣзки; говорилъ скоро; когда былъ въ волненіи, то немного заикался. Голосъ его былъ пріятенъ, имѣлъ особенный тонъ, въ минуты же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ.

11-го декабря тѣло Слѣпцова повезли изъ лагеря. На другой день печальное шествіе тронулось далѣе. Чтобы понять, какъ любили Слѣпцова на Сунжѣ,—говоритъ очевидецъ,—достаточно было видѣть, что происходило, когда везли его тѣло. Все населеніе высыпало навстрѣчу, и всѣ отъ мала до велика рыдали: плачъ, надрывавшій сердце, стономъ стоялъ въ степи. Слѣпыхъ подводили къ гробу, матери клали на крышку его грудныхъ дѣтей, старики съ укоромъ смотрѣли на казаковъ, окружавшихъ траурную процессію, виня ихъ въ случившемся. Даже коню досталось...«Вишь, волчья сыть! не умѣлъ сберечь, а самъ цѣлъ!» Это былъ тотъ же конь, на которомъ Слѣпцовъ весной испыталъ жестокую неудачу: въ іюнѣ былъ раненъ, а въ декабрѣ—убитъ.

Казаки осиротѣвшаго сунженскаго полка, открыли у себя подписку на сооруженіе памятника, и хотя намѣренію ихъ не суждено было осуществиться, такъ какъ памятникъ поставленъ на счетъ казны, тѣмъ не менѣе оно еще разъ доказываетъ трогательную и совершенно безкорыстную привязанность къ Слѣпцову его достойныхъ сподвижниковъ.

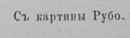
Главнокомандующій почтилъ память Слѣпцова и отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ, приглашавшій всѣхъ раздѣлить общую съ нимъ печаль:

«10-го декабря отрядъ, собранный въ малой Чечнѣ, произвелъ вполнѣ удачную атаку непріятельскихъ заваловъ при входѣ въ долину р. Гехи, гдѣ чеченцы потерпѣли сильное пораженіе и понесли весьма большой уронъ. Съ нашей стороны, по числу убитыхъ и раненыхъ, потеря маловажная, но она невознаградима, потому что въ этомъ дѣлѣ мы лишились храбраго генералъ-майора Слѣпцова, сраженнаго пулею въ грудь. Съ прискорбіемъ извѣщая о томъ войска ввѣреннаго мнѣ корпуса, остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ знали его подвиги и всѣ раздѣлятъ чувство горести, возбуждаемой утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенности сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сдѣлался грозою непріятеля, постепенно изгнаннаго изъ малой Чечни, и въ рядахъ котораго онъ палъ на полѣ чести.»

Въ то же время князь Воронцовъ письмомъ къ военному министру просилъ ходатайства о переименованіи сунженскаго линейнаго казачьяго полка въ Слѣпцово-сунженскій. Императоръ Николай, чтобы увѣковѣчить память о доблестномъ начальникѣ Верхне-Сунженской линіи, повелѣлъ станицу Сунженскую именовать—Слѣпцовскою и воздвигнуть въ ней памятникъ. Мѣстное населеніе, съ своей стороны, въ память своего незабвеннаго начальника наименовало сѣрные источники, находящіеся къ сѣверу отъ Михайловской станицы, Слѣпцовскими минеральными водами. Курганъ къ юго-востоку отъ бывшей Сунженской станицы также названъ Слѣпцовскимъ.

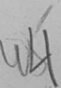
Такимъ образомъ, имя Слѣпцова никогда не умретъ и дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Переходъ отряда Князя Аргутинскаго-Долгорукова черезъ горы изъ Дагестана въ Закаталы въ Августѣ и Сентябрѣ 1853 года.

Переходъ отряда князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукова черезъ горы изъ Дагестана въ Закаталы въ сентябрѣ 1853 года.

Въ лѣтнюю экспедицію 1853 года дагестанскій отрядъ, послѣ трехмѣсячныхъ поисковъ, въ послѣднихъ числахъ августа, сосредоточился на обширномъ плато, на высотѣ около 9-ти тысячъ футовъ, въ Турчидагѣ (гора въ среднемъ Дагестанѣ), и уже готовился идти на отдыхъ въ свои штабъ-квартиры.

Въ это время командующій войсками Прикаспійскаго края генералъ-адъютантъ князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ возвратился въ Темиръ-ханъ-Шуру изъ своей поѣздки на минеральныя воды, куда онъ ѣздилъ лѣчиться. 12-го августа князь уже объѣзжалъ войска. Всѣ были рады пріѣзду Аргутинскаго, этого неустрашимаго вождя, любимца солдатъ, прозваннаго озлобленными горцами «самурскимъ кабаномъ». Солдаты съ восторгомъ привѣтствовали князя; офицеры окружили его и, послѣ нѣкоторыхъ обычныхъ разспросовъ, съ участіемъ замѣтили, что на Турчидагѣ постоянный туманъ, что въ такое время года князю легко простудиться, особенно послѣ лѣченія. Но князь зналъ о планахъ Шамиля, желавшаго вторгнуться въ Джаро-Белоканскій округъ и Нухинскій уѣздъ, въ надеждѣ возбудить общее возстаніе мусульманъ въ такое удобное время, когда дѣлались приготовленія къ передвиженію довольно крупныхъ частей къ турецкой границѣ, въ виду возможной войны съ Портой.

Слухи о близкой войнѣ проникли въ самые отдаленные уголки Кавказа и, разжигая фанатизмъ мусульманъ, возбуждали ихъ къ энергическимъ дѣйствіямъ. Шамиль намѣревался прежде напасть на Кахетію, а затѣмъ на лезгинскую линію, и въ случаѣ сопротивленія жителей Джаро-Белоканскаго округа разорить ихъ селенія, а самихъ переселить въ горы. Все это зналъ Моисей Захарьевичъ и, притворяясь «спящимъ львомъ», чтобы лучше слѣдить за имамомъ, занимался ученіями. Князь расхаживалъ передъ палаткой, въ длинномъ сюртукѣ, въ старинной высокой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ и постоянно съ трубкой-чубукомъ, который, по выраженію солдатъ, одинъ только и зналъ, о чемъ думаетъ князь.

Все время было пасмурно, наконецъ, 2-го сентября, къ удивленію всѣхъ, показалось солнце, и цѣлый день стояла прекрасная погода. Послѣ обѣда, часа въ три, совершенно неожиданно раздался барабанный бой и кличъ: «По возамъ!»—то была тревога. Войска изготовились, и не болѣе какъ черезъ полчаса лагеря уже не существовало: все было уложено въ кавказскіе вьюки, извѣстные своей простой конструкціей, не требующей подмазки колесъ и починки осей, укладка же въ нихъ легка и требуетъ всего нѣсколькихъ минутъ времени. Батальоны построились въ колонны; князь объѣзжалъ линію и, здороваясь, поздравлялъ съ новымъ походомъ. Въ четыре часа пополудни отрядъ, состоявшій изъ пяти батальоновъ пѣхоты ширванскаго и самурскаго полковъ, 12-ти горныхъ орудій, 10-ти ракетныхъ станковъ, двухъ дивизіоновъ нижегородскихъ драгунъ, около 24-хъ сотенъ разной милиціи и двухъ сотенъ донскихъ казаковъ, началъ спускаться съ Турчидага по направленію къ ауламъ Кумуху и Кюрклю.

Только по дорогѣ войска узнали цѣль движенія отряда, которая заключалась въ томъ, чтобы воспрепятствовать замысламъ Шамиля, начавшаго приводить задуманный планъ въ исполненіе.

Извѣстно, что еще 10-го августа Шамиль выступилъ изъ своей резиденціи Ведено; по пути къ нему присоединялись горцы, численность которыхъ достигла до 15-ти тысячъ съ

орудіями. Имамъ сталъ распускать слухъ, что идетъ противъ русскихъ по приказанію турецкаго султана, и призывалъ всѣхъ правовѣрныхъ идти на защиту вѣры и отечества. Въ серединѣ августа Шамиль съ громаднымъ скопищемъ мюридовъ спустился съ горъ Дагестана и, занявъ командующія надъ Закаталами и Алазанской долиной высоты, началъ угрожать грабежами всему грузинскому населенію.

Начальникомъ лезгинскаго отряда въ это время былъ генералъ-маіоръ князь Орбеліани 2-й, который 20-го августа, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о прибытіи скопища горцевъ, хотя и успѣлъ сосредоточить въ Закаталахъ 7 батальоновъ пѣхоты и 5 сотенъ кавалеріи съ 6-ю горными орудіями, но отрядъ его былъ малочисленный и, занимая укрѣпленные пункты, не могъ удержать всю страну, а потому положеніе его становилось довольно критическимъ. Скопища Шамиля стали окружать Закаталы, и 25-го августа разыгрался упорный бой, послѣ котораго горцы были отброшены къ горамъ.

Орбеліани узнавъ о выступленіи Аргутинскаго послѣ сраженія подъ Закаталами, просилъ тревожить непріятеля съ тыла.

Отрядъ князя Аргутинскаго двигался двумя колоннами. На третій день, повернувъ съ Чирахской дороги вправо, къ главному Кавказскому хребту, войска перевалили черезъ снѣжную гору Нусъ-Дагъ и спустились въ ущелье, гдѣ протекаетъ рѣчка Кара-Самуръ. Здѣсь къ отряду присоединились ожидавшіе его два батальона ширванцевъ, которые, по распоряженію князя, вышли навстрѣчу изъ Кусаровъ.

7-го сентября движеніе отряда началось переходомъ черезъ рѣчку, по колѣна въ водѣ. Отрядъ двигался по ущелью вверхъ и къ двумъ часамъ дня дошелъ до самаго края его. Передъ войсками встали со всѣхъ сторонъ совершенно отвѣсныя скалы, и оказалось, что далѣе идти было невозможно. Никто не предполагалъ, чтобы на впереди лежащую гору можно было взобраться не только артиллеріи и обозамъ, но даже и отдѣльнымъ солдатамъ. Къ довершенію всего поднялся сильный вѣтеръ, который сбивалъ съ ногъ людей, и они должны были держаться одинъ за другого, чтобы не снесло ихъ въ пропасть.

Войска отсюда продолжали путь по узкой тропинкѣ. Самъ начальникъ отряда, закутанный въ сѣро-синюю шинель съ длиннымъ капюшономъ, смѣло взбирался на своей любимой лошади по скату горной тропинки, ввѣряя жизнь коню, котораго осторожно велъ подъ уздцы нукеръ.

Вскорѣ послышалась команда: «Рабочихъ! съ шанцевымъ инструментомъ!» Это повторилось еще разъ, и вся колонна, начиная съ передовыхъ батальоновъ, подхватила приказаніе начальства. Когда приказаніе дошло до арьергарда, команды, вооруженныя кирками, мотыгами и лопатами, опередивъ отрядъ, принялись прокладывать тропинку вверхъ, почти по отвѣсному косогору. Черезъ нѣкоторое время авангардъ и первая колонна начали взбираться уже по этой тропинкѣ. Но движеніе продолжалось недолго; рабочіе опять были вынуждены прокладывать дорожку. Офицеры, въ присутствіи князя, дѣлали соотвѣтствующія указанія и распоряженія и всѣми силами старались ускорить работу. Одинъ изъ нихъ, Травинъ, перепрыгивая съ кручи, упалъ въ оврагъ. Во время его паденія земля обвалилась и засыпала его сверху, но онъ быстро выползъ изъ подъ нея, а солдаты въ мигъ связали нѣсколько поясныхъ ремней и, подавъ одинъ конецъ офицеру, вытащили его на тропинку.

Къ вечеру отрядъ расположился на ночлегъ на небольшой площадкѣ. Трудно представить, какая была тѣснота: люди и лошади прижимались другъ къ другу, какъ лучшіе пріятели. Было холодно; морозъ доходилъ до 20-ти градусовъ. Одинъ изъ смѣлыхъ маркитантовъ, находившійся въ хвостѣ колонны, почуя выгодную торговлю, вздумалъ попасть на бивакъ, а такъ какъ тропинка вся была занята войсками и вьюками, то онъ, свернувъ въ сторону, началъ карабкаться внѣ тропинки, по совершенно отвѣсной горѣ, съ лошадью, на которой были уложены всѣ его припасы. Вдругъ лошадь его оборвалась и черезъ головы солдатъ полетѣла внизъ съ ужасающей быстротой. Самъ маркитантъ, увлеченный поводомъ коня, перекувыркнувшись нѣсколько разъ, удержался за каменья и въ висячемъ положеніи завопилъ о помощи; лошадь, продолжая кувыркаться, на послѣднемъ отъ тропинки уступѣ взвилась на воздухъ и пролетѣла черезъ головы идущихъ по тропинкѣ солдатъ. За лошадью летѣли бывшіе на вьюкѣ товары: жестяные шкалики и кружки прыгали по каменьямъ, два бурдюка—одинъ со спиртомъ, а другой съ виномъ,—мчались по тому же направленію,

по которому только что пролетѣла лошадь; они, подобно ей, также взвились черезъ солдатскія головы, но нѣсколько удачно направленныхъ штыковъ подхватили бурдюки и вошли въ нихъ до самаго дула; спиртъ и вино обдали солдатиковъ брызгами, и рота, которая была свидѣтельницей этой сцены, разразилась хохотомъ.

Вокругъ была грозная природа. Взорамъ представлялась грандіозная картина: горы были покрыты снѣгомъ; утесы казались гигантскими волнами, замерзшими въ океанѣ. Не было видно никакого признака жизни или растительности,— синее небо да разжиженный воздухъ, легкимъ движеніемъ котораго передвигались между вершинъ группы облаковъ.

Князь Аргутинскій былъ раздраженъ отъ усталости и распекалъ всѣхъ, кто попадался на глаза. Досталось даже начальнику штаба генералу Индреліусу; но князь никогда не выходилъ изъ границъ приличія. Офицеры, дождавшись своихъ денщиковъ съ вьюками, обрадовались, и всѣ спѣшили напиться чаю и угостить другъ друга «чѣмъ Богъ послалъ». Привычные солдаты, несмотря на усталость и утомленіе, отыскали дрова, состоявшія изъ бурьяна и разныхъ вѣтвей, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ котлы закипѣли. Людямъ роздали по чаркѣ спирта, и они, поѣвъ сухарей, затянули лихія пѣсни.

Съ разсвѣтомъ, 8-го сентября, команды съ шанцевымъ инструментомъ начали разрабатывать дорогу далѣе вверхъ. Съ восходомъ солнца отрядъ продолжалъ свое обычное движеніе и ровно въ полдень всходилъ уже на хребетъ Дульчи-дага, а затѣмъ сталъ спускаться. Въ три часа пополудни авангардъ остановился въ глубокомъ ущельѣ шумной рѣчки Дульчи-чай. На берегу ея нашлась довольно обширная поляна, покрытая мелкой зеленой травой, и войскамъ представился случай расположиться совершенно просторно бивакомъ, а для измученныхъ лошадей оказалось достаточно корма. Зажглись бивачные огни; солдаты, несмотря на усталость, занялись рыбной ловлей на удочки и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ разбитія лагеря, носили уже чудную форель, предлагая ее офицерамъ. Послѣ ужина, сопровождавшагося обычной винной порціей, лагерь оживился: передъ палатками составились кружки, и молодецкія пѣсни громко переливались въ ущельѣ до вечерней зори, послѣ которой водворилась полная тишина, и каждый спокойно уснулъ подъ шумъ неумолкаемаго Дульчи-чая.

Утромъ, 9-го сентября, отрядъ вновь началъ движеніе по узкому и тѣсному ущелью. Вскорѣ опять предстоялъ подъемъ на покрытыя снѣгомъ высоты Кусуръ-дага. Подъемъ этотъ оказался очень труднымъ: на поворотахъ орудія, находившіяся на вьюкахъ, приходилось поддерживать, а иначе, при малѣйшей потерѣ равновѣсія, лошадь могла слетѣть въ пропасть. Съ артиллерійскими орудіями этого, конечно, не случалось, потому что для спасенія ихъ цѣлый батальонъ всегда былъ на готовѣ. Опасные повороты встрѣчались чаще и чаще. Къ довершенію всего погода измѣнилась: сначала пошелъ дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ, а потомъ повалилъ уже одинъ снѣгъ, который засыпалъ глаза людямъ и лошадямъ, такъ что движеніе дѣлалось почти невозможнымъ. Несмотря на бушевавшую погоду, князь, прислонившись къ скалѣ, давалъ наставленія рабочимъ, какъ поддерживать и проводить орудія, и, не заботясь о своей безопасности, былъ доволенъ, когда видѣлъ, что въ опасномъ мѣстѣ находился офицеръ и своими распоряженіями способствовалъ успѣху общаго движенія. И дѣйствительно, офицеры понимали трудность положенія: на тропинкѣ надъ пропастью была видна фигура начальника первой колонны генералъ-маіора Манюкина, немного выше стоялъ начальникъ кавалеріи, полковникъ Агаларъ-бекъ, затѣмъ—начальникъ штаба генералъ-маіоръ Индреліусъ. Каждый изъ нихъ, провожая взоромъ проходившую вьючную артиллерію, какъ бы передавалъ ее подъ надзоръ другому ближайшему наблюдателю. Въ одномъ мѣстѣ, при спускѣ по узкой тропѣ, князь Аргутинскій обогналъ первый батальонъ сурамскаго полка. Вблизи ѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Циммерманъ и разговаривалъ съ другимъ офицеромъ. Этотъ офицеръ, обращаясь къ капитану, сказалъ:—«Нашъ переходъ почище наполеоновскаго черезъ Альпы». Аргутинскій, ѣхавшій позади, вѣроятно, слышалъ его слова; проѣзжая мимо офицера, полнаго безпокойства, чтобы его лошадь какъ нибудь не задѣла князя, онъ внимательно посмотрѣлъ, и потомъ слышно было, какъ, проѣхавъ дальше, спросилъ своимъ пріятнымъ голосомъ:—«Циммерманъ, какъ фамилія этого офицера?» Получивъ отвѣтъ, князь поѣхалъ дальше.

Когда отрядъ спустился въ ущелье, небо заволокло тучами, и началъ идти небольшой снѣгъ. Драгуны затянули пѣсню. Звучно разносилось по ущелью: «Я посѣю свое горе, по чистому полю»..... Враждующая стихія какъ бы силилась столкнуть незванныхъ гостей въ пропасть: вѣтеръ, снѣгъ и мятель перемѣшались вмѣстѣ и валили съ ногъ. Погода эта напоминала войскамъ матушку-Россію. Но ничто не останавливало движенія отряда. Громкія пѣсни раздавались на высотѣ десяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и эхомъ переливались въ ущельяхъ горъ.

Къ вечеру первая колонна подошла къ истокамъ рѣки Самура. Переходъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ, приходилось не разъ падать и скользить какъ на салазкахъ. Здѣсь рѣшено было ночевать, и войска расположились бивакомъ около существовавшаго нѣкогда въ этой недоступной пропасти аула Кусуръ. Вскорѣ труды и усталость были забыты, и солдаты балагурили возлѣ ротныхъ котловъ, въ которыхъ варилась пища.

Что дѣлалось во второй колоннѣ, на попеченіи которой лежало нѣсколько тысячъ вьюковъ, трудно описать. Колонна эта, подобно первой, подымала каждый вьюкъ съ помощью рабочихъ, но, при всей осторожности и предупредительности, не обошлось безъ того, чтобы ихъ около десятка не упало съ лошадьми въ обрывъ. Лошадь одного офицерскаго вьюка, оборвавшись съ кручи, начала обычное кувырканье черезъ голову; вьючные сундуки, принявъ разныя направленія, дѣлали прыжки вверхъ на нѣсколько саженъ, наконецъ надъ самой пропастью одинъ изъ нихъ, ударившись о камень, разбился вдребезги, а вылетѣвшія бумаги, оказавшіяся рукописью, офицера разлетѣлись въ воздухѣ. Болѣе всего терпѣла отъ стужи находившаяся въ аррьергардѣ кавалерія, въ составѣ одного эскадрона нижегородцевъ, сотни казаковъ и двухъ сотенъ милиціи, которая цѣлую ночь была на ногахъ и переходила съ горы на гору. Солдаты мужественно выдержали невзгоды, потерявъ только одного—замерзшимъ. Такъ прошла ночь, и лишь на другой день, 10-го сентября, войска второй колонны, увидѣвъ первую колонну, расположившуюся на бивакѣ, выступили къ ней въ лагерь. Князь, встрѣтивъ колонну, поздравилъ ее благополучнымъ приходомъ: «Рады стараться, ваше сіятельство»,—отвѣтили солдаты въ одинъ голосъ и, пройдя молодцами мимо князя, расположились лагеремъ на указанномъ мѣстѣ.

Здѣсь войскамъ данъ былъ отдыхъ, люди немного просушились и, какъ говорится, отогрѣли душу у огня. Въ этотъ день тоже была отправлена команда съ шанцевымъ инструментомъ вверхъ по ущелью, для разработки дороги. Самъ князь находился все послѣобѣденное время при этой командѣ. Возвратившіеся вечеромъ въ лагерь люди разсказывали, что на слѣдующій день предстоялъ переходъ едва-ли не самый труднѣйшій изъ всѣхъ предшествовавшихъ; несмотря на это, никто не унывалъ, напротивъ, по какому то предчувствію, всѣ увѣряли, что это уже послѣдній по трудности переходъ и что за хребтомъ, на той сторонѣ, долженъ быть Тифлисъ. Въ отрядѣ поговаривали даже, что предстоитъ движеніе прямо на турецкую границу.

11-го числа отрядъ продолжалъ движеніе. Кавалерія полковника Агаларъ-бека, рыская по разнымъ направленіямъ, захватила пять человѣкъ конныхъ лезгинъ изъ скопища елисуйскаго султана Даніель-бека, союзника Шамиля. По словамъ ихъ, Шамиль, узнавъ, что Аргутинскій идетъ прямо ему въ тылъ, началъ отступать со всею многотысячною толпою по разнымъ направленіямъ; кромѣ того, лазутчики сообщили, что глава мюридовъ потерпѣлъ нѣсколько серьезныхъ пораженій, нанесенныхъ ему отрядомъ князя Орбеліани.

Князь Аргутинскій не вполнѣ вѣрилъ этимъ слухамъ. Онъ изъ осторожности приказалъ тремъ батальонамъ сурамскаго полка, подъ командой полковника Ракуза, съ горными орудіями, идти обратно черезъ Кусуръ-дагъ и стать по ту сторону горы, въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія. Этимъ движеніемъ прикрывались тыльные аулы, расположенные около Чираха, если бы скопища Даніель-бека вздумали туда направиться.

Отряду оставалось сдѣлать послѣдній переходъ до Закаталъ, черезъ гору Гудуръ-дагъ.

Обезпечивъ тылъ, Аргутинскій съ остальнымъ отрядомъ къ вечеру спустился въ Закаталы, гдѣ войска князя Орбеліани уже праздновали побѣду. Дѣло въ томъ, что пока отрядъ Аргутинскаго слѣдовалъ въ Закаталы, князь Орбеліани, послѣ боя 25-го августа, преслѣдуя непріятеля остановился на полянѣ, у

которой Шамиль 4-го сентября пытался взять штурмомъ Месельдигерское укрѣпленіе и окружилъ его своими скопищами. Въ укрѣпленіи Месельдигерскомъ находился небольшой русскій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Критскаго, который, приготовляясь выдержать осаду, возвелъ сильныя укрѣпленія. Въ ночь на 6-е сентября муллы три раза призывали правовѣрныхъ къ молитвѣ. По окончаніи молитвы, въ укрѣпленіе посыпались пули и ядра, а затѣмъ непріятель съ гикомъ бросился на осажденныхъ, но былъ отброшенъ съ огромнымъ урономъ. Благодаря геройству двухъ мингрельскихъ ротъ, державшихся тринадцать дней противъ скопищъ горцевъ, предпріятіе Шамиля не удалось, грозныя послѣдствія были предотвращены, и имамъ, испытавъ рядъ неудачъ, ночью же бѣжалъ черезъ Джурмутъ въ горы, оставивъ, вопреки обычаямъ, груду мертвыхъ тѣлъ.

Князь Аргутинскій не былъ доволенъ, что его отряду не пришлось, какъ онъ выразился, «поработать штыками». Говорятъ даже, что когда пріѣхалъ отъ главнокомандующаго, свѣтлѣйшаго князя Воронцова, офицеръ съ поздравленіемъ о побѣдѣ и доложилъ, что его свѣтлость, вполнѣ оцѣнивая «безпримѣрный» походъ дагестанскаго отряда, просилъ представить достойныхъ къ георгіевскимъ крестамъ, то князь Моисей Захарьевичъ сказалъ: «Доложите князю, что его свѣтлости извѣстно, что кавказскій солдатъ беретъ георгіевскіе кресты только штыками», — а затѣмъ добавилъ: «Дагестанскому отряду на этотъ разъ такой случай не представился, но вѣрьте, что онъ себя скоро покажетъ».

Пребываніе дагестанскаго отряда въ Закаталахъ продолжалось недолго, и послѣ дневки князь Аргутинскій выступилъ изъ Закаталъ по лучекской дорогѣ обратно въ Дагестанъ. По прибытіи въ Кумухъ, войска были распущены по своимъ штабъ-квартирамъ вмѣстѣ съ отправленной раньше колонной полковника Ракуза.

Когда князь Аргутинскій прибылъ въ Кумухъ, то онъ какъ будто повеселѣлъ и, разговоривая съ солдатами, спрашивалъ ихъ съ улыбкой: «Достаточно ли было сухарей» и на утвердительный отвѣтъ повторялъ: «Спасибо, братцы». Это дорогое для солдата спасибо было послѣднимъ, потому что князь вскорѣ же по болѣзни долженъ былъ выѣхать изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Тифлисъ.

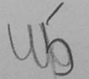
Такъ окончился этотъ славный переходъ черезъ снѣговыя горы отряда генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, «этого легендарнаго героя Кавказа».

Благодаря храбрости войскъ лезгинскаго отряда, мужеству и стойкости месельдигерскаго гарнизона, прибытію отряда князя Аргутинскаго, а также распорядительности начальниковъ обоихъ отрядовъ, замыслы Шамиля были въ самомъ зародышѣ уничтожены, и на лезгинской линіи при самомъ началѣ Восточной войны водворилось полное спокойствіе.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Эпизодъ изъ Кюрукъ-Даринскаго сраженія 24-го Іюля 1854 года.

Кюрюкъ-даринское сраженіе 24-го іюля 1854 года.

Въ жизни русскаго народа было много такихъ моментовъ, когда требовалось полное напряженіе вооруженныхъ силъ, чтобъ отстоять свою независимость и итти къ намѣченнымъ русскими государями историческимъ задачамъ. Самый ростъ и могущество Россіи сопровождались трудной борьбой съ многочисленными врагами, выступавшими въ разное время и въ разныхъ концахъ государства. До Петра Великаго политическая программа Россіи клонилась къ удержанію областей во власти древне-русскихъ княжествъ. Если и были территоріальныя пріобрѣтенія, то они являлись результатомъ счастливо сложившихся обстоятельствъ, или же доставались русскимъ почти безъ жертвъ. Царствованіе Петра Великаго начинаетъ новую эру въ русской исторіи: съ этого времени русскіе монархи стремились поставить Россію на ряду съ другими европейскими государствами. Петромъ были пріобрѣтены входы въ Балтійское море, и на финскихъ болотахъ воздвиглась столица.

Многочисленныя войны за послѣдніе двѣсти лѣтъ имѣли конечнымъ результатомъ пріобрѣтеніе Чернаго моря. Черное море и владѣніе Дарданельскимъ проходомъ служили яблокомъ раздора между европейскими державами. Съ тѣхъ поръ какъ турки появились въ Европѣ на Балканскомъ полуостровѣ, образовалось могущественное магометанское государство. Турки, подчинивъ себѣ многочисленное христіанское населеніе полуострова, начали выказывать нетерпимый фанатизмъ по отношенію къ религіи своихъ подданныхъ христіанъ, руководствуясь тѣмъ, что «исламъ не можетъ существовать рядомъ съ христіанской религіей; турки—мусульмане и не могутъ признавать равныхъ правъ за христіанскими подданными».

Первое вмѣшательство Россіи въ дѣла Турціи началось въ царствованіе Екатерины Великой. Любимая мысль императрицы—изгнать турокъ изъ Европы и образовать самостоятельное христіанское государство—приводила къ столкновенію съ Портой; хотя мысль эта не осуществилась, но первая турецкая война, кончившаяся въ 1774 году кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ, предоставила въ турецкой политикѣ преобладающее вліяніе Россіи. Съ тѣхъ поръ историческимъ призваніемъ русскаго народа сдѣлалось: «освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго и политическаго бытія подъ сѣнью могущественныхъ крылъ русскаго орла.» Покровительство Россіи надъ христіанами, безъ сомнѣнія, вызвало противодѣйствіе европейскихъ державъ. Совокупность вопросовъ, касающихся существованія Оттоманской имперіи, и противоборство дипломатовъ стремленіямъ Россіи составляютъ такъ называемый «восточный вопросъ», конецъ которому трудно даже и предвидѣть. Осложненіе этого вопроса происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что великія державы въ международной политикѣ преслѣдуютъ противоположные интересы.

Какъ извѣстно, въ 1840 году, на основаніи лондонскаго трактата, установленъ надъ Турціей совмѣстный протекторатъ Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Франціи. Не смотря на то, что державы старались воздѣйствовать на Порту въ смыслѣ уравненія правъ христіанскихъ подданныхъ съ подданными изъ магометанъ, христіанскія племена все же не въ равной степени пользовались покровительствомъ турецкихъ законовъ. Находившаяся во владѣніи Турціи Палестина, предметъ общехристіанскаго поклоненія, служила причиной раздора, такъ какъ Турція крайне пристрастно относилась къ двумъ исповѣданіямъ—като-

лическому и православному—въ пользу перваго. Въ 1850 году французское правительство выпросило у султана возвращенiе себѣ нѣкоторыхъ святыхъ мѣстъ въ Iерусалимѣ. Императоръ Николай I протестовалъ противъ подобнаго нарушенiя международнаго права. Этотъ такъ называемый «вопросъ о святыхъ мѣстахъ» и былъ непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ 1853-1856 гг. Безъ сомнѣнiя, этотъ второстепенный вопросъ могъ быть улаженъ, но причины болѣе эгоистическiя со стороны европейскихъ державъ принуждали Россiю къ разрыву. Соперничество въ «восточномъ вопросѣ», желанiе унизить чувство достоинства Россiи, враждебное настроенiе общественнаго мнѣнiя Европы вызвали необходимость взяться за оружiе. Враги Россiи не могли примириться съ могучимъ ростомъ представителей славянскаго племени. Пользуясь такимъ настроенiемъ западныхъ державъ, Турцiя, поставленная между двухъ огней, и, опасаясь угрозъ Европы, особенно стала проявлять фанатизмъ по отношенiю къ христiанамъ Балканскаго полуострова и Малой Азiи.

Русскiй императоръ отправилъ въ Константинополь чрезвычайнаго посланника князя Меньшикова, который письменно долженъ былъ настоять на подтвержденiи цѣлаго ряда прежнихъ договоровъ о святыхъ мѣстахъ. Къ сожаленiю, переговоры не приводили ни къ какимъ существеннымъ результатамъ и даже начали принимать слишкомъ острый характеръ. Въ виду этого весною 1853 года было приказано привести на военное положенiе часть русской армiи. 21-го iюня русскiя войска, переправившись черезъ рѣку Прутъ, двинулись форсированнымъ маршемъ на Бухарестъ и вскорѣ заняли важнѣйшiе пункты по Дунаю. Турцiя заявила, что она объявитъ войну Россiи, если въ теченiе двухъ недѣль русская армiя не приступитъ къ очищенiю занятыхъ дунайскихъ княжествъ. Конечно императоръ Николай не могъ согласиться на такое требованiе и война съ Турцiей возгорѣлась. Все это какъ нельзя болѣе способствовало видамъ Европы и особенно Наполеона III, недовольнаго императоромъ Николаемъ за форму, въ которой русскiй царь призналъ его императоромъ французовъ. Военныя дѣйствiя на Дунаѣ открылись въ половинѣ октября.... Пока происходили первыя стычки, Наполеонъ III усердно настаивалъ на необходимости ввести союзный флотъ въ Босфоръ, что и было выполнено. Одновременно и турецкiй флотъ крейсировалъ въ Черномъ морѣ; по слухамъ онъ готовился поддерживать возстанiя кавказскихъ горцевъ и началъ уже громить прибрежныя селенiя.

Восточная война застала кавказскiя войска неподготовленными, кромѣ того въ Закавказьѣ находилось сравнительно мало войскъ, а потому изъ Крыма были отправлены подкрѣпленiя, которыя начали прибывать въ концѣ 1853 года. Намѣстникъ кавказскiй, свѣтлѣйшiй князь Воронцовъ, по болѣзни не могъ участвовать въ походѣ, и вмѣсто него начальникомъ дѣйствующаго корпуса назначенъ былъ князь Бебутовъ, человѣкъ очень умный и рѣшительный, вся служба котораго прошла въ походахъ и бояхъ на Кавказѣ.

Въ концѣ октября князь Бебутовъ получилъ свѣдѣнiя о движенiи значительныхъ турецкихъ силъ къ Александрополю. Желая провѣрить этотъ слухъ, онъ 2-го ноября выслалъ отрядъ генерала Орбелiани, который у селен. Баяндури наткнулся на главныя силы непрiятельской армiи и, отойдя ночью въ Александрополь, донесъ, что турки, отступивъ, заняли сильную позицiю у Башъ-Кадыкъ-Лара. Противъ Ахалциха тоже сосредоточивались значительныя непрiятельскiя силы, подъ начальствомъ Али-паши, который 14-го ноября, рано утромъ, былъ атакованъ начальникомъ ахалцихскаго отряда княземъ Андрониковымъ и, несмотря на численное превосходство турокъ, русскiя войска, удачно направленныя обходнымъ движенiемъ сбили ихъ съ позицiи и безостановочно преслѣдовали въ безпорядкѣ бѣжавшаго непрiятеля. 19-го ноября александропольскiй отрядъ, въ составѣ десяти тысячъ человѣкъ, при 32 орудiяхъ, двинулся на турокъ, занимавшихъ башъ-кадыкъ-ларскую позицiю. У турокъ было до сорока тысячъ человѣкъ, и они, замѣтивъ приближенiе русской армiи, послали сильныя кавалерiйскiя колонны, но русскiе продолжали наступленiе. Князь Бебутовъ рѣшилъ атаковать правый флангъ турокъ и немедленно двинулъ безстрашныхъ гренадеръ князя Орбелiани, которые ворвались на непрiятельскую батарею и, поддержанные княземъ Бебутовымъ, утвердились на ней. Къ 4 часамъ дня башъ-кадыкъ-ларская позицiя была занята. Турки, крайне изумленные атакой небольшого русскаго отряда, отступили, потерявъ въ бою до шести тысячъ человѣкъ.

Ахалцихская и башъ-кадыкъ-ларская побѣды заставили сразу враждебно настроенныхъ горцевъ Кавказа почувствовать могущество русскихъ и готовившееся въ краѣ общее возстаніе затихло. Таковы были дѣйствія кавказскихъ войскъ въ 1853 году въ то время, когда на европейскомъ театрѣ дѣла осложнялись: Европа становилась на защиту Турціи.

Вице-адмиралъ Нахимовъ, узнавъ, что турецкій флотъ находится въ синопской бухтѣ, 18-го ноября съ эскадрой прибылъ къ Синопу, вступилъ въ бой и послѣ кровопролитнаго сраженія одержалъ блистательную побѣду. Турки нѣсколько разъ переходили на лѣвый берегъ Дуная, грабили жителей и нападали на передовые русскіе посты, но, встрѣчаемые русскими войсками, спѣшно возвращались обратно за Дунай.

22-го декабря въ Черное море вступилъ соединенный англо-французскій флотъ. Это обстоятельство открыло глаза на дальнѣйшія намѣренія союзниковъ, и Россія немедленно прервала дипломатическія сношенія съ Англіей и Франціей, отозвавъ своихъ представителей.

Императоръ Николай, желая выяснить, на кого изъ сосѣдей можно разсчитывать, обратился къ Австріи и Пруссіи съ предложеніемъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ, но обѣ державы, ссылаясь на предшествующіе переговоры всѣхъ первостепенныхъ державъ по восточному вопросу, отклонили отъ себя это предложеніе, а Австрія стала требовать, въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны, очистить княжества и не нарушать цѣлости владѣнія Турціи. Очевидно подобныя условія не могли быть приняты, а когда англичане отъ имени союзныхъ державъ потребовали выхода изъ дунайскихъ княжествъ русскихъ войскъ, то 11-го апрѣля 1854 года послѣдовалъ высочайшій манифестъ, возвѣстившій русскимъ о войнѣ съ Англіей и Франціей.

Такимъ образомъ окончательно выяснилось, что Россія осталась безъ союзниковъ могла разсчитывать только на свои силы. Императоръ Николай принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ возможному увеличенію вооруженныхъ силъ государства: произведено было нѣсколько рекрутскихъ наборовъ, приступлено къ формированію новыхъ войсковыхъ частей и русскія войска на всѣхъ границахъ имперіи спѣшно приводились на военное положеніе.

Къ началу весны 1854 года войска кавказской арміи расположены были такъ: у Александрополя 17 тысячъ, у Ахалциха около 10 тысячъ и въ окрестностяхъ Эривани до 6 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того имѣлись еще отряды въ Гуріи и въ другихъ мѣстахъ Закавказья. Анатолійская армія турокъ числомъ около 60 тысячъ стояла подъ стѣнами Карса; сверхъ того отдѣльные корпусы ея находились въ Батумѣ, Озургетахъ и около Баязета.

Славныя побѣды, одержанныя кавказскими войсками въ 1853 году, повидимому должны были отрезвляюще подѣйствовать на султана Абдула-Меджида, но Блистательной Портой руководили министры, подкупленные иностраннымъ золотомъ; Турція, подъ крыломъ великихъ державъ, ей покровительствовавшихъ, въ самомъ худшемъ исходѣ войны могла выйти почти безъ всякихъ матеріальныхъ потерь, тѣмъ болѣе, что Англія и Франція открыто предложили туркамъ въ случаѣ нужды вооруженную помощь. Такимъ образомъ кампанія 1854 года открылась при чрезвычайно трудной политической обстановкѣ: Россія должна была бороться противъ соединенныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Англіи, Франціи и Турціи. Къ довершенію всего на Кавказѣ продолжалось движеніе мюридовъ, имѣвшихъ во главѣ знаменитаго имама Шамиля въ Дагестанѣ и старавшагося ему подражать Магомеда-Амина на западномъ Кавказѣ. Трудныя были минуты для Россіи: вопросъ заключался по меньшей мѣрѣ въ томъ, чтобы выйти съ достоинствомъ изъ подобной неравной борьбы.

Въ манифестѣ, объявленномъ съ высоты престола, былъ выясненъ образъ дѣйствій враговъ Россіи, и между прочимъ вотъ что было сказано: «... Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціей есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль — обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть ея областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышней десницей...» Призывъ царя ополчиться для защиты единовѣрныхъ христіанъ, терзаемыхъ магометанами, коварная и злонамѣренная политика союзныхъ государствъ, — все это вызвало въ Россіи сильный подъемъ патріотическаго духа, и кампанія 1854 года открылась одновременно въ Крыму и въ Азіатской Турціи.

Военныя дѣйствія на Кавкакѣ начались въ гурійскомъ отрядѣ, гдѣ 4-го іюня князь Андрониковъ быстрымъ наступленіемъ съ 11 тысячами человѣкъ разбилъ турокъ у р. Чолока, въ Гуріи. 17-го іюня на лѣвомъ флангѣ эриванскій отрядъ генерала Врангеля атаковалъ турокъ при Чингильскихъ высотахъ и, опрокинувъ непріятеля, занялъ Баязетъ. Начальникъ александропольскаго отряда князь Бебутовъ, до половины іюня простоявъ въ Александрополѣ, началъ подготовляться къ наступленію на Карсъ. Князь рѣшилъ перейти рѣку Арпачай и, остановившись вблизи Карса, стараться вызвать непріятеля въ открытый бой въ полѣ, такъ какъ съ 18-тысячнымъ отрядомъ трудно было штурмовать крѣпость.

Начальникъ главнаго штаба турецкихъ войскъ Гюйонъ составилъ слѣдующій планъ дѣйствій: прежде всего предполагалось обратиться на фланги стратегическаго фронта—разбить гурійскій отрядъ князя Андроникова и эриванскій барона Врангеля, затѣмъ уже всѣмъ корпусомъ обрушиться на александропольскій отрядъ. Перейдя 15-го іюня рѣку Арпачай, Бебутовъ открылъ наступленіе въ составѣ 18 батальоновъ, 26 эскадроновъ драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, 12 сотенъ конныхъ мусульманъ и 2 грузинскихъ дворянскихъ дружинъ при 72 орудіяхъ. 24-го іюня отрядъ перешелъ за рѣку Арпачай и достигъ селенія Кюрюкъ-дара, расположеннаго на правомъ берегу Карсъ-Чая, въ 18 верстахъ отъ Хаджи-Вали, гдѣ сосредоточивались турецкія войска. Въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ появилось знамя одного изъ магометанскихъ святыхъ, которое турецкіе начальники выдавали за знамя пророка, съ цѣлью возбудить общій фанатизмъ всего мусульманскаго населенія и поднять духъ своихъ войскъ. Расположившись на кюрюкъ-даринской позиціи, князь Бебутовъ старался вызвать карсскій корпусъ изъ хаджи-валинскаго лагеря для того, чтобы нанести ему пораженіе въ полѣ. Турки, наоборотъ, желали заманить русскія войска къ своему лагерю. Такимъ образомъ русскіе и турки оставались лицомъ къ лицу около мѣсяца въ ожиданіи скорой развязки. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, во время котораго происходили неоднократныя стычки съ передовыми войсками мушира анатолійской арміи Зарифъ-Мустафа паши, надежды князя сбылись.

Небезинтересно привести разсказъ очевидца какъ провели войска канунъ знаменитаго дня 24-го іюля. Вотъ что разсказываетъ драгунскій офицеръ: «Едва только начало разсвѣтать, какъ, по обыкновенію, въ полковыхъ караулахъ барабаны забили зорю, и скоро присоединился къ нимъ рѣзкій звукъ кавалерійской трубы, тихо доносившійся къ намъ изъ казачьяго лагеря. Я, по обыкновенію, проснулся рано и вышелъ изъ палатки подышать чистымъ воздухомъ. Утренники стояли довольно холодные, несмотря на іюль. Я сѣлъ возлѣ палатки и смотрѣлъ на лагерь, начинавшій мало-по малу пробуждаться. Въ коновязяхъ показались солдатики, заботливо подкладывавшіе кормъ своимъ лошадямъ; но все это производилось молча и долго еще во всемъ лагерѣ только и слышно было, какъ въ коновязяхъ фыркали и дружно жевали лошади утреннюю дачу сѣна; а, между тѣмъ, огненная полоса близкаго восхода солнца все шире и шире разливалась на востокѣ. И вотъ коновязи опустѣли; длинными черными лентами тянутся эскадроны на водопой, и впереди ихъ ѣдутъ дежурные по дивизіонамъ, наблюдающіе за порядкомъ. Очередной эскадронъ, съ вечера назначенный еще приказомъ на фуражировку, вернувшись съ водопоя, начинаетъ мундштучить, люди надѣваютъ походную амуницію и выводятъ лошадей передъ свои коновязи. Медленно строится эскадронъ, ожидая выхода своего командира, возлѣ палатки котораго давно уже держитъ вѣстовой статнаго коня. Наконецъ выходитъ и онъ, здоровается съ людьми и, проѣхавъ по рядамъ, командуетъ: «Садись»! Эскадронъ, справа по-три, медленно вытягивается по дорогѣ къ общему сборному пункту. Отовсюду тянутся пѣхотные батальоны, артельныя телѣги, деньщики съ вьючными офицерскими лошадьми. Вдали виднѣется казацкая сотня, вѣроятно возвращающаяся съ ночныхъ разъѣздовъ. Прошло утро, яркое солнце поднималось все выше и выше надъ нашими головами. Жара дошла до 37-ми градусовъ. Въ одиннадцать часовъ во всемъ лагерѣ воцарилось глубокое гробовое молчаніе, какъ въ самую глухую полночь. Такъ продолжалось часовъ до шести или семи пополудни. Когда удушливая жара уже совершенно спала, мало-по-малу снова начали показываться офицеры, и на этотъ разъ открылось гулянье по всей линіи офицерскихъ палатокъ. Солнце опустилось уже низко и великолѣпно садилось за

сосѣдними горами, ярко облитыми послѣдними потухающими лучами. Долго мы любовались этою чудною картиною, долго еще ходили потомъ взадъ и впередъ, наслаждались прохладнымъ, короткимъ вечеромъ. Но все это мы дѣлали уже цѣлый мѣсяцъ. «Такъ было вчера, такъ будетъ и завтра» —думалъ я,—но на этотъ разъ ошибся совершенно.

Былъ въ исходѣ одиннадцатый часъ, когда вдругъ прибѣжалъ запыхавшійся вѣстовой отъ графа Нирода.

—Ваше благородіе!—крикнулъ онъ, обращаясь къ адъютанту, —пожалуйте скорѣе къ его сіятельству, очень требуетъ!

—Что? что такое? зачѣмъ?—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

—Не могу знать...

Адъютантъ поспѣшно накинулъ на себя шашку и выбѣжалъ изъ палатки. На дорогѣ онъ столкнулся съ полковымъ командиромъ, который также торопливо шелъ къ бригадному командиру.

Четверть часа прошло въ самомъ томительномъ ожиданіи. «А должно быть что нибудь важное,—думали мы.—Зачѣмъ бы иначе въ такую пору поднимать всѣхъ на ноги?»

Наконецъ мы услышали знакомый голосъ нашего генерала: «Пригласить ко мнѣ гг. эскадронныхъ и дивизіонныхъ командировъ.»

И въ то же время адъютантъ вошелъ въ свою палатку.

—Что такое, что такое?—зашумѣли офицеры.

—Лагерь велѣно снимать. Сейчасъ, господа, въ походъ идемъ.

—Говорятъ, что сраженіе будетъ.

Въ лагерѣ все засуетилось... Скоро закипѣла повсюду дѣятельность изумительная; палатки снимались, укладывались и отправлялись въ вагенбургъ. Темная южная ночь смотрѣла какъ-то таинственно. Тучи бродили по небу, и только нѣсколько звѣздочекъ ярко горѣло высоко-высоко надъ землею...

Многіе замѣчали, какъ нѣкоторые старые солдаты приходили въ коновязь и съ особенною нѣжностью ласкали въ ту ночь коней своихъ и кормили ихъ хлѣбомъ. Понялъ таки солдатъ нашъ въ это время, что конь его лучшій товарищъ, что онъ по братски раздѣлитъ съ нимъ всѣ труды и опасности ожидаемаго сраженія и что многіе, можетъ быть, будутъ обязаны спасеніемъ только быстротѣ, удали и силѣ своего коня. Въ ту же ночь люди замѣтили, что большая часть лошадей въ коновязяхъ отдыхала лежа, и сочли это за вѣрный признакъ приближающагося сраженія. Между тѣмъ, въ ожиданіи похода, офицеры сидѣли или лежали на раскинутыхъ буркахъ небольшими кружками. Вездѣ слышался говоръ, по временамъ раздавался веселый смѣхъ и звонко разливалась военная пѣсня. Всѣ лица были оживлены и какъ-то особенно веселы. Отчего происходила эта веселость, я не могу объяснить; но въ ней не было ничего натянутаго и неестественнаго. Мы желали сраженія и, чтобы судьба ни приготовляла въ будущемъ, ожидали боя съ нетерпѣніемъ...»

Въ часъ ночи на 24-е іюля лазутчики дали знать князю Бебутову, что турки убираютъ свои обозы къ Карсу и предполагаютъ какое то движеніе, но куда,—неизвѣстно. Желая быть готовымъ къ нападенію противника или ударить ему во флангъ, еслибъ онъ дѣйствительно потянулся на Карсъ, князь тотчасъ же приказалъ убрать лагерь и всѣ тяжести въ вагенбургъ. Послѣ этого князь Бебутовъ двинулъ свой отрядъ двумя эшелонами по дорогѣ на Мешко.

По составленной княземъ Бебутовымъ диспозиціи, войска были раздѣлены на авангардъ и на два эшелона, а каждый эшелонъ на двѣ колонны. Авангардъ состоялъ изъ двухъ сотенъ охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова, трехъ сотенъ линейныхъ казаковъ полковника Скобелева и кавказскаго стрѣлковаго батальона. Первый эшелонъ генералъ-майора Кишинскаго имѣлъ въ правой колоннѣ два батальона бѣлевскаго егерскаго полка съ батареей 18-й артиллерійской бригады, батальонъ и двѣ роты эриванскаго карабинернаго полка, а въ лѣвой колоннѣ—два батальона бѣлевскаго егерскаго полка съ батарей той-же бригады, два батальона эриванскаго карабинернаго полка съ батареей кавказской гренадерской бригады. Интервалъ между правою и лѣвою колоннами былъ около 200 шаговъ; 28 зарядныхъ, всѣ патронные ящики двигались позади этихъ колоннъ, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ ряжскаго пѣхотнаго полка, одной сотни донскаго полка и своднаго дивизіона пѣшей артиллеріи. Второй эшелонъ генералъ-майора Фетисова имѣлъ въ правой колоннѣ одинъ батальонъ и двѣ роты грузинскаго гренадерскаго полка съ батареей кавказской гренадерской бригады, два батальона тульскаго егерскаго полка, а въ лѣвой колоннѣ два

батальона грузинскаго гренадерскаго полка съ батарей той же бригады и два батальона тульскаго егерскаго полка. По сторонамъ пѣхотныхъ колоннъ двигалась слѣва конно-мусульманская бригада, справа—сводный линейный казачій полковника Камкова полкъ. Вся остальная кавалерія съ конной артиллеріей шла позади пѣхоты въ слѣдующемъ порядкѣ: нижегородскій и тверской драгунскіе полки, донская № 6 батарея, новоросійскій драгунскій полкъ, дивизіонъ линейной казачьей № 15 батареи, донской № 20 полкъ съ двумя конно-ракетными командами, конвой командующаго корпусомъ, обѣ грузинскія дворянскія дружины и охотники Борчалинскаго уѣзда.

Въ такомъ порядкѣ отрядъ двигался. Ночь была безлунная, небо чистое и звѣздное. Впереди всѣхъ ѣхалъ князь Бебутовъ со свитой. Пройдя отъ лагеря нѣсколько верстъ, передовые разъѣзды дали знать, что непріятель снимается съ хаджи-валинской позиціи и въ огромныхъ силахъ двигается впередъ. Дѣйствительно, предпринятая рекогносцировка убѣдила, что турки находятся въ полномъ наступленіи. Главныя массы ихъ направлены были противъ лѣвой оконечности оставленнаго лагеря. Когда стало разсвѣтать, отрядъ достигъ лощины, которая, начинаясь у горы Караялъ, поворачиваетъ направо и пересѣкаетъ карсскую дорогу. Съ первыми лучами восходящаго солнца на Караялѣ были замѣчены значки турецкихъ башибузуковъ, и въ то же время на лѣвомъ русскомъ флангѣ показались пѣшія и конныя толпы турокъ. Въ теченіе пяти минутъ пришло три донесенія изъ передовой цѣпи. Полковникъ Лорисъ-Меликовъ доложилъ, что большія массы турокъ видны впереди; изъ правой цѣпи прискакавшій казакъ сообщилъ, что турки виднѣются въ большомъ количествѣ слѣва; казачій офицеръ донесъ, что турки видны въ большихъ силахъ по всему полю и что они, подойдя къ самому Караялу, чуть ли не заняли гору.

Князь Бебутовъ остановилъ войска и съ помощникомъ своимъ княземъ Барятинскимъ и свитой поѣхалъ осматривать мѣстность, чтобы выяснить направленіе непріятельскихъ войскъ. Мѣстность между Караяломъ и Хаджи-Вали представляетъ рядъ пологихъ возвышенностей и неглубокихъ лощинъ. Влѣво находится гора Караялъ, заканчивающаяся крутымъ мысомъ, отъ котораго вправо тянется дугою ложбина, около версты шириною; верстахъ въ трехъ правѣе Караяла она расширяется и переходитъ въ небольшую равнину, посреди которой находилось болото, превратившееся отъ дождей въ озеро. За этой впадиной, далѣе къ турецкому лагерю, имѣлись еще другія. На всемъ пространствѣ не было ни одного куста и никакого жилья, не существовало также опорныхъ пунктовъ кромѣ Караяла, который по крутости скатовъ не представлялъ удобствъ для маневрированія. Русскіе занимали сѣверную, а турки южную окраины ложбины и все протяженіе горы. Рекогносцировка, произведенная подъ прикрытіемъ линейцевъ полковника Скобелева, выяснила, что правый флангъ турецкой арміи значительно выдвинутый впередъ, занималъ Караялъ 4-мя батальонами, 4-мя горными орудіями и большими толпами башибузуковъ; отъ горы дугообразно стояли въ двѣ линіи около десяти батальоновъ пѣхоты при 18 орудіяхъ; за горою расположились пѣхотные и кавалерійскіе резервы. Другая значительная масса непріятеля виднѣлась далеко позади и двигалась въ направленіи отъ Хаджи-Вали на Мешко, въ обходъ праваго русскаго фланга. Видя значительную растянутость непріятельской позиціи, князь Бебутовъ рѣшилъ сначала оттѣснить правый флангъ турокъ, затѣмъ прорвать центръ и наконецъ обратиться всѣми силами противъ лѣваго турецкаго крыла.

Въ то время, когда русскій отрядъ вытягивался вдоль кюрюкъ-даринскаго оврага, когда кавалерія становилась позади пѣхотныхъ колоннъ, а въ тылу стягивался въ вагенбургъ обозъ, на высотѣ Караяла показалась непріятельская конная цѣпь, за которой двигался въ боевомъ порядкѣ турецкій корпусъ. Русскія войска сдѣлали захожденіе правымъ плечомъ и начали развертываться въ боевой порядокъ, параллельный непріятельскому, отъ кюрюкъ-даринскаго оврага до Караяла. Бѣлевскій егерскій полкъ и кавказскій стрѣлковый батальонъ съ батареей 18-й артиллерійской бригады составили лѣвое крыло, подъ общимъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго и направлены были для атаки праваго фланга непріятеля. Кавказская резервная гренадерская бригада съ двумя батареями кавказской гренадерской и батареей 18-й артиллерійской бригадъ назначались для прорыва центра. Руководство надъ этими войсками было поручено генералъ-

лейтенанту Бриммеру. Прочія войска были оставлены въ резервѣ до выясненія намѣренія непріятеля. Развертываніе русскихъ войскъ въ боевой порядокъ прикрывала выдвинутая впередъ кавалерія, находившаяся подъ общимъ начальствомъ генерала Багговута, которому приказано было во что бы то ни стало удержать движеніе непріятеля. Багговутъ для обезпеченія вагенбурга направилъ два дивизіона новороссійскихъ драгунъ и дивизіонъ линейной казачьей № 15 батареи, а самъ съ тремя сотнями линейцевъ поскакалъ къ оконечности Караяла, гдѣ противъ конной цѣпи непріятеля разсыпалъ линейныхъ казаковъ. Подъ прикрытіемъ ихъ двигались тверской драгунскій полкъ, три дивизіона нижегородскаго и три сотни донского № 20 полковъ съ двумя конно-ракетными командами и донской № 7 батареей; правый флангъ прикрывалъ сборный линейный полкъ Камкова, а остальная кавалерія была оставлена въ резервѣ.

Въ пять часовъ утра, не доходя оконечности караяльской высоты, тверцы съ нижегородцами и казаками стали въ линію. Турки быстро убрали свою конную цѣпь, разсыпали штуцерныхъ стрѣлковъ на скалистыхъ скатахъ горы и открыли перекрестный огонь изъ орудій, подъ прикрытіемъ котораго начали рѣшительное наступленіе. Чтобъ ослабить дѣйствія непріятельскихъ батарей и задержать противника, русскіе двинули на позицію донскую № 7 батарею. Въ это время генералъ Бѣлявскій со своими войсками прошелъ позади русской кавалеріи и направился лѣвѣе ея въ боевую линію. На этой боевой линіи войска расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на лѣвомъ флангѣ отъ подошвы Караяла и вправо стояли четыре батальона бѣлевскаго и тульскаго полковъ и кавказскій стрѣлковый батальонъ съ легкой батареей 18-й артиллерійской бригады; правѣе ихъ три дивизіона нижегородцевъ, тверской драгунскій полкъ и три сотни донского № 20 полка съ донской № 7 батареей; нѣсколько позже развернулись въ центрѣ 16 орудій кавказской гренадерской бригады и 8 орудій 18-й артиллерійской; на правомъ флангѣ помѣстились 6 эскадроновъ новороссійскаго полка, 9 сотенъ линейныхъ казаковъ Камкова и Скобелева полковъ, мусульманская бригада и 12 конныхъ орудій; въ резервѣ 2 батальона и 12 орудій.

Артиллерійскій и штуцерный огонь турокъ преимущественно былъ направленъ противъ того пункта, гдѣ стояли тверцы. Попытка генерала Бѣлявскаго атаковать штуцерныхъ непріятельскихъ стрѣлковъ не имѣла успѣха; турки, воспользовавшись этой неудачей, смѣлѣе двинулись впередъ, а непріятельская батарея продолжала разрушительное дѣйствіе по русскому лѣвому флангу. Становилось необходимымъ возможно скорѣе прекратить губительный огонь 12-орудійной турецкой батареи. Этотъ подвигъ совершилъ тверской драгунскій полкъ, которому выпала завидная доля блистательно начать кюрюкъ-даринскій бой. Командиръ тверского полка полковникъ Куколевскій развернулъ фронтъ полка въ двѣ линіи и смѣло понесся въ атаку на 12-орудійную батарею. «Драгуны—по словамъ реляціи—кинулись впередъ молча, безъ «ура» равняясь какъ на парадѣ, подъ картечью двухъ батарей, бившихъ ихъ съ лица и съ боку: только строй мѣдныхъ касокъ сверкалъ посреди пыли. Турки не выдержали этой безмолвной атаки; батальоны, прикрывавшіе ихъ батарею, были отброшены, артиллерійская прислуга изрублена, и драгуны были на орудіяхъ».

Затѣмъ были двинуты въ атаку на турецкіе батальоны нижегородцы, которые, наклонивъ пики, послѣ ряда блестящихъ атакъ, принудили непріятельскую пѣхоту и конницу отступить.

Когда на этомъ флангѣ ходъ сраженія достаточно выяснился, кн. Бебутовъ приказалъ генералу Бѣлявскому сблизиться съ центромъ русскихъ войскъ, а генералу Бриммеру атаковать центръ турокъ. Войска центра двинулись впередъ, имѣя въ первой линіи эриванскій карабинерный полкъ съ тремя пѣшими батареями, во второй линіи—грузинскій гренадерскій; въ третьей линіи и въ резервѣ выстроились въ боевой порядокъ два тульскихъ и два ряжскихъ батальона съ батареей. Противъ русскихъ войскъ турки имѣли до 20-ти батальоновъ, построенныхъ въ три линіи, и позади еще нѣсколько линій кавалеріи. Въ верстѣ отъ непріятеля кавказская гренадерская бригада остановилась, и русскія батареи открыли огонь .Турки отвѣчали сильной канонадой изъ батарей. Генералъ Бриммеръ искусно руководилъ огнемъ русской артиллеріи; мѣткіе орудійные выстрѣлы производили сильное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ; артиллерійская канонада продолжалась съ часъ времени. Замѣтивъ у турокъ большое замѣшательство, русскія войска перешли снова въ наступленіе; штурмовыя колонны постепенно подавались впередъ правымъ

плечомъ съ цѣлью прорвать непріятельскій центръ. Въ полуверстѣ отъ фронта турокъ кавказская гренадерская бригада еще разъ остановилась; огонь турецкихъ батарей съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлался болѣе и болѣе убійственнымъ; наконецъ русскія войска подошли на ближайшій картечный выстрѣлъ.

Въ эти торжественныя минуты тысячи снарядовъ бороздили пространство и землю, сопровождая свой полетъ визгомъ, свистомъ, шипѣніемъ, всѣми звуками ада. И смерть быстро летала вокругъ! Но генералъ Бриммеръ, грозный и равнодушный, казалось, не замѣчалъ опасности; онъ внимательно слѣдилъ за дѣйствіемъ артиллеріи и передвиженіемъ непріятеля и предупреждалъ его замыслы. Убѣдившись, что дѣло не можетъ продолжаться въ такомъ положеніи, онъ быстро двинулъ батареи, остановилъ ихъ въ 200-хъ шагахъ отъ непріятеля и осыпалъ его картечью. Дѣйствіе артиллеріи было ужасающее: турки кувыркались на глазахъ отряда, колонны низама рѣдѣли, колебались, но стояли на мѣстѣ, смыкались и снова таяли. Батальоны карабинеровъ и гренадеръ взяли ружья на руку и съ барабаннымъ боемъ, молча ударили въ штыки. Начался рукопашный жестокій бой!....

По словамъ очевидца, «карабинеры боялись потерять право на первенство, пріобрѣтенное на поляхъ Башъ-Кадыкъ-Лара; грузинцы не хотѣли уступить имъ. Трудно было бы перечислить всѣ геройскіе подвиги, здѣсь совершенные; достаточно сказать, что офицеры всѣхъ батальоновъ шли вмѣстѣ съ солдатами, рубились и умирали вмѣстѣ съ ними. Неравнодушно смотрѣли и артиллеристы на рукопашный бой гренадеръ, и по славѣ, и по сердцу имъ нечуждыхъ. Генералъ Бриммеръ, слѣдившій за дѣйствіями батальоновъ взглядомъ воина, давно знакомаго съ боемъ, какъ только они опрокинули первую линію, тотчасъ же направилъ ихъ на вторую, и менѣе чѣмъ въ полчаса все, что не лежало еще на мѣстѣ, отступило въ безпорядкѣ.

Кавалерія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ и утомленная безпрерывными атаками, не принимала участія въ прорывѣ турецкаго центра.

Для связи войскъ центра и лѣваго фланга были выдвинуты дивизіонъ тверского полка и четыре орудія донской № 7 батареи. Дивизіонъ этотъ оказалъ важную услугу во время наступленія гренадерской бригады. Турки, желая разобщить войска центра съ остальными, пытались обойти слѣва карабинеровъ и гренадеръ, но дивизіонъ атаковалъ обходящія турецкія колонны, чѣмъ содѣйствовалъ отраженію непріятеля, который послѣ этого уже отказался отъ своихъ намѣреній.

Такимъ образомъ, въ 9 часовъ утра войска турецкаго центра съ сильной артиллеріей и многочисленной кавалеріей были сбиты съ позиціи, и съ этого момента турки проиграли сраженіе безповоротно.

Настойчиво преслѣдовать непріятеля русскіе не могли, такъ какъ противъ праваго фланга разернулась лѣвая колонна Измаила-паши (Кмети), чтобы рѣшительной атакой на этомъ пунктѣ отрѣзать русскихъ отъ Александрополя. Сложный и несообразный съ данной обстановкой обходный маневръ турокъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ слишкомъ позднее прибытіе на позицію войскъ, ввѣренныхъ Измаилу-пашѣ. Обходнымъ движеніемъ онъ успѣлъ достигнуть назначеннаго ему мѣста на позиціи только къ 8-ми часамъ утра, т. е. въ то время, когда драгуны довершали пораженіе турецкаго праваго фланга, а гренадерская бригада двинулась противъ центра.

Выдвинувъ въ линію два батальона тульскаго егерскаго полка съ одною батареею и дворянскую дружину и, направивъ на оконечность праваго фланга два ряжскихъ батальона, всю бывшую въ резервѣ кавалерію, 12 пѣшихъ орудій и 4 конныхъ, Бебутовъ оставилъ въ резервѣ противъ горы, занятой непріятелемъ, и для прикрытія перевязочнаго пункта, только два тульскихъ батальона и одну пѣшую батарею. Направленіе непріятельскихъ колоннъ заставило его растянуть линію боя почти на пять верстъ; едва войска успѣли занять указанныя имъ мѣста, какъ была открыта сильная канонада съ обѣихъ сторонъ. Вмѣстѣ съ этимъ приказано было правому флангу перейти въ наступленіе. Къ этому времени показались здѣсь нѣсколько тысячъ башибузуковъ и два кавалерійскихъ полка. На этомъ флангѣ развернулись шесть эскадроновъ новороссійскаго драгунскаго полка съ донской № 6 батареей, сводный линейный казачій полкъ полковника Камкова, сотня донского № 4 полка три сотни линейцевъ Скобелева и десять сотенъ мусульманской бригады князя Андроникова. Около 8-ми часовъ стали подъ

ходить пѣхотныя колонны Измаила-паши, который, выдвинувъ четырнадцать орудій, перешелъ въ наступленіе съ намѣреніемъ зайти въ тылъ русскаго праваго фланга. Моментъ былъ критическій. Князь Бебутовъ выслалъ изъ резерва для усиленія праваго фланга войска, а начальнику кавалеріи приказалъ направить съ лѣваго фланга часть кавалеріи. Генералъ Багговутъ подхвативъ третій дивизіонъ тверского полка, три сотни донского № 20 полка и двѣ конно-ракетныя команды быстро направился на правый флангъ. Проскакавъ почти 4 версты мимо всей боевой линіи, онъ прибылъ на правый флангъ, въ то время, когда турки обошли его и продолжали подаваться впередъ; казаки и мусульманскіе полки съ трудомъ удерживались противъ напора многочисленной арабистанской конницы и башибузуковъ. Чтобы сдержать непріятеля, Багговутъ, принявшій начальство надъ войсками праваго фланга, выслалъ впередъ обѣ конно-ракетныя команды, подъ прикрытіемъ трехъ донскихъ сотенъ.

«Шестнадцать огненныхъ змѣй съ шумомъ и трескомъ влетѣли въ толпы башибузуковъ. Три раза повторенное дѣйствіе было удачно: всѣ ракеты до одной пошли совершенно горизонтально и, извиваясь между лошадьми навели ужасъ на непріятеля—башибузуки отхлынули». Непріятель успѣлъ однако окружить мусульманскихъ всадниковъ № 2 полка. Командиръ его, полковникъ Мезенцовъ, прискакалъ къ тверскому дивизіону и просилъ выручить мусульманъ. Въ это самое время кюрюкъ-даринское поле огласилось громкими криками „ура"; то гренадерская бригада торжествовала свою побѣду въ центрѣ! Генералъ Багговутъ, подъ которымъ уже были убиты двѣ лошади, воспользовавшись этимъ моментомъ, обратился къ войскамъ со словами: «Ребята, лѣвый флангъ и центръ побѣдили; очередь за одними нами. Теперь, во славу государя, пойдемъ въ атаку. Ура царю нашему»!

Дивизіонъ тверцовъ въ колоннѣ изъ середины быстро двинулся на выручку мусульманскаго полка. Линейцы этого только и ждали. Драгуны и казаки врѣзались въ толпы башибузуковъ. Рѣшительныя кавалерійскія атаки, поддержанныя пѣхотою, уничтожили всѣ покушенія непріятеля и заставили его искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ еще 7 орудій въ рукахъ русскихъ.

Такимъ образомъ и на своемъ лѣвомъ флангѣ турки потерпѣли полное пораженіе не смотря на выгодныя свойства своей позиціи и превосходство въ силахъ. Какъ на главныя причины пораженія можно указать на отсутствіе въ турецкихъ войскахъ единства въ дѣйствіяхъ, быстроты и рѣшительности; они слишкомъ растянули свою боевую линію, чѣмъ лишили себя выгодъ взаимной поддержки; имѣя, вообще, перевѣсъ въ силахъ, они, въ частности, были слабы на всѣхъ пунктахъ. Что же касается храбрости турецкихъ войскъ, то нужно отдать справедливость—они явили много примѣровъ стойкости и отваги; въ особенности въ этомъ отношеніи отличались арабистанскія конница и пѣхота.

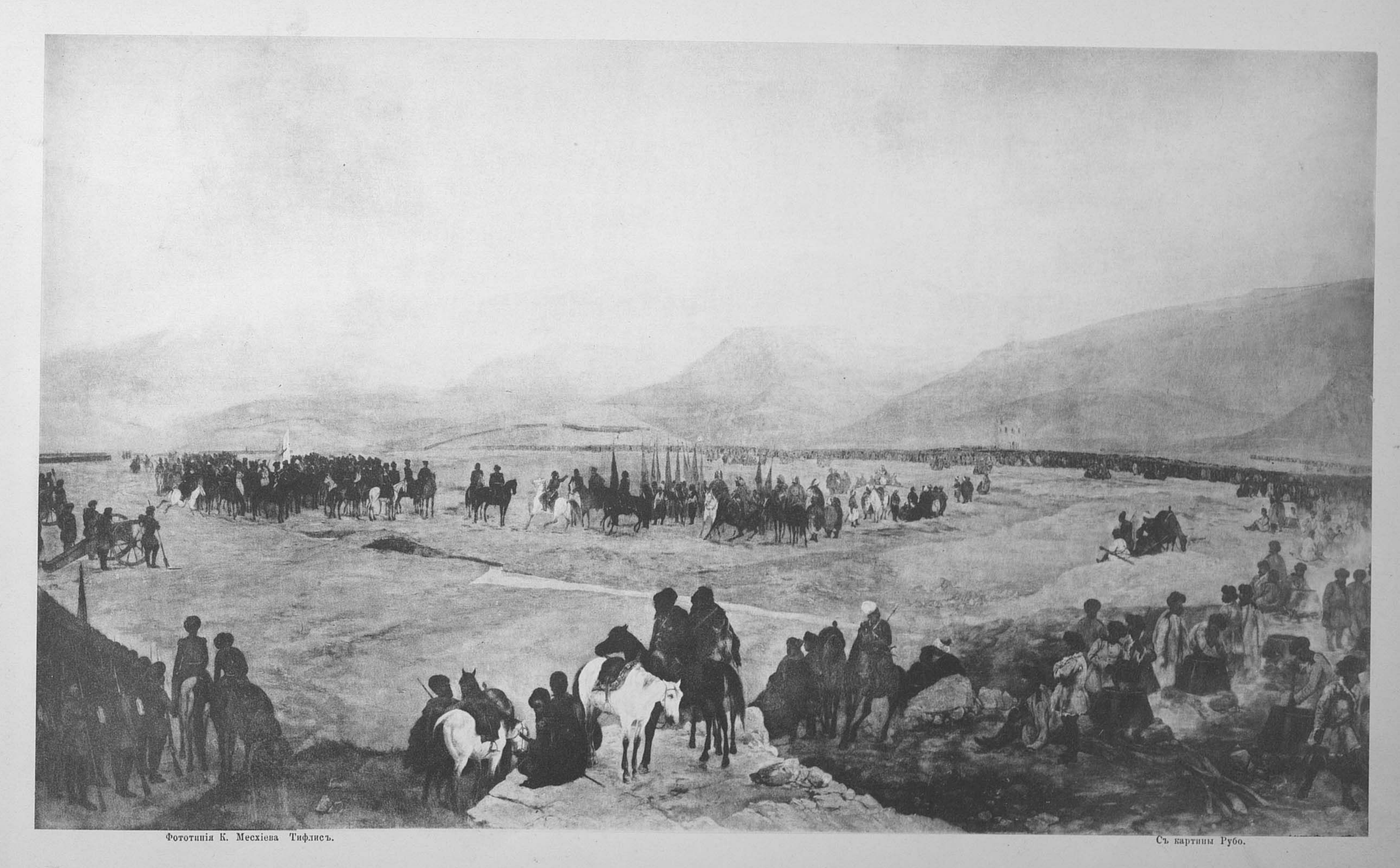
Князю Бебутову оставалось возможно лучше воспользоваться плодами побѣды. Съ этою цѣлью онъ направилъ свой резервъ—два батальона тульскаго полка, обѣ грузинскія дворянскія дружины съ легкою № 1 батареей, подъ начальствомъ кн. Барятинскаго, вправо на сообщенія лѣваго непріятельскаго крыла

Не давая опомниться туркамъ, русскія войска стремительно двинулись впередъ. Въ паническомъ бѣгствѣ непріятель бросалъ оружіе и сдавался въ плѣнъ. Грозная числомъ, но сокрушенная беззавѣтною храбростью и отвагою русскаго солдата, анатолійская армія отступила къ Карсу. По слѣдамъ ея съ барабаннымъ боемъ двигалась русская пѣхота; драгуны, казаки и мусульманскіе полки неслись на плечахъ турокъ около четырехъ верстъ, оставивъ въ рядахъ ихъ кровавую память по себѣ. Въ первомъ часу пополудни князь Бебутовъ далъ отбой, не смотря на просьбы генерала Багговута продолжать преслѣдованіе, такъ какъ князь опасался, чтобы турки не завлекли войска до укрѣпленнаго хаджи-валинскаго лагеря, гдѣ за окопами они могли хотя нѣсколько поправить проигранное сраженіе.

Кюрюкъ-даринскій бой окончился. Медленно потянулись войска къ сборному пункту; прошли поле, недавно покрытое роскошною зеленью, теперь заваленное ранеными и убитыми; повсюду разбросаны окровавленныя и растоптанныя тѣла. «Мы,—говоритъ участникъ и очевидецъ боя,—двигались

молча, подъ впечатлѣніемъ тяжелаго, ошеломляющаго запаха свѣжей крови и пороха: въ ушахъ продолжала отдаваться страшная канонада, смутно чувствовало сердце минувшую опасность. Сама природа смотрѣла невесело».

По возвращеніи войскъ обратно въ Кюрюкъ-Дара, отъ лазутчиковъ было получено свѣдѣніе, что непріятель въ ту же ночь поспѣшно отступилъ къ Карсу, бросивъ почти весь лагерь, который того-же числа утромъ уже былъ занятъ войсками полковника Лорисъ-Меликова.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ.

Съ картины Рубо.

Сдача крѣпости Карса со всею Анатолійскою арміей Генералу Муравьеву 16-го Ноября 1855 года.

Штурмъ и сдача крѣпости Карса 16-го ноября 1855 года.

Послѣ кюрюкъ-даринскаго сраженія и разгрома анатолійской арміи, казалось бы, этотъ успѣхъ долженъ былъ еще болѣе побудить русскихъ къ продолженію наступательныхъ дѣйствій, но князь Бебутовъ, всегда крайне осторожный, и послѣ одержанной побѣды рѣшилъ остаться въ наблюдательномъ положеніи. Наступившіе холода принудили обоихъ противниковъ распустить войска на зимнія квартиры.

Пораженіе при Кюрюкъ Дара удручающе подѣйствовало какъ на турецкую армію, такъ и на самихъ жителей. Англійское правительство, видя, что въ турецкомъ корпусѣ нехватаетъ энергичнаго лица, способнаго руководить всѣми военными дѣйствіями, выпросило у султана назначенія для этой цѣли полковника англійской службы Вильямса, который въ августѣ 1854 года прибылъ въ Карсъ, произвелъ смотръ турецкимъ войскамъ и, найдя въ арміи большія злоупотребленія, отправилъ въ Константинополь подробное донесеніе. Начавъ укрѣплять Карсъ, онъ вывелъ изъ крѣпости лишнія войска, сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, затѣмъ поѣхалъ въ Эрзерумъ, куда также свозилось огромное количество всевозможныхъ припасовъ; по его же проекту въ теченіе зимы вокругъ Эрзерума были воздвигнуты временныя фортификаціонныя постройки. Кромѣ того укрѣплялись Баязетъ и Кепри-Кевъ. Муширъ анатолійской арміи Мустафа-Заридъ-паша былъ смѣненъ за Кюрюкъ-Дара, и на его мѣсто назначили Васифъ-пашу, который, прибывъ въ Карсъ, порадовался, увидѣвъ городъ, приспособленный укрѣпленіями къ продолжительной оборонѣ.

Крѣпость Карсъ отстоитъ въ 346 верстахъ отъ Тифлиса и въ 68 верстахъ отъ гор. Александрополя. Карсъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Карсъ-чая, на высотѣ 6,000 ф., въ скалистомъ ущельи. Время основанія этого города теряется въ области преданій, что же касается самаго названія, то оно возникло со времени водворенія грузинъ въ бассейнѣ Карсъ-чая и произошло отъ грузинскаго слова «кари» (ворота). Послѣ паденія армянскаго царства Карсъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія, пока наконецъ, въ 1579 году, не былъ завоеванъ турецкимъ султаномъ Мурадомъ III. Султанъ этотъ, оцѣнивъ стратегическое значеніе города, построилъ въ немъ сильныя укрѣпленія. Во всѣхъ войнахъ, веденныхъ русскими съ турками, Карсъ служилъ преградой наступательнымъ дѣйствіямъ. Русскія войска до 1855 года штурмовали Карсъ два раза, а именно: 16 марта 1807 года, по приказанію графа Гудовича и подъ начальствомъ генерала Несвѣтаева, неудачная попытка овладѣть укрѣпленіями кончилась отступленіемъ незначительнаго русскаго отряда. Черезъ 21 годъ послѣ того князь Паскевичъ, въ 1828 году, благодаря энергіи и настойчивости, впервые взялъ крѣпость приступомъ.

Ранняя весна 1855 года была горестною для Россіи: 18-го февраля неожиданно скончался императоръ Николай I; наслѣдовавшій ему императоръ Александръ II вступилъ на престолъ среди кровавыхъ драмъ.

Къ веснѣ 1855 года турецкія войска начали сосредоточиваться въ Карсѣ, и здѣсь собралось подъ ружьемъ около 30 тысячъ человѣкъ. Турки, побуждаемые союзниками, вновь подготовлялись для продолженія войны.

Въ свою очередь кавказское начальство ходатайствовало о присылкѣ подкрѣпленій изъ Россіи, но осложненія въ Крыму не позволили ослаблять войска южной арміи, и государь,

назначивъ намѣстникомъ на Кавказѣ генералъ-адъютанта Муравьева, просилъ его обойтись кавказскими войсками. Выборъ государя остановился на Муравьевѣ какъ на человѣкѣ рѣшительномъ, знающемъ Кавказъ по своей продолжительной службѣ на этой окраинѣ.

Въ началѣ мая Муравьевъ прибылъ къ дѣйствующему корпусу; желая лично предводительствовать войсками, онъ поручилъ князю Бебутову управленіе гражданскими дѣлами. Войска ахалцихскаго и ахалкалакскаго отрядовъ были соединены въ одинъ отрядъ подъ командою генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, которому приказано было оперировать на Ардаганъ. Эриванскій отрядъ генералъ-майора Суслова, въ предстоящей кампаніи, долженъ былъ по прежнему охранять лѣвый стратегическій флангъ. На главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій александропольскій отрядъ, состоявшій изъ 16 тысячъ пѣхоты, 5 тысячъ конницы и тысячи артиллеристовъ, предназначался для операціи на Карсъ и Эрзерумъ. Обширная система полевыхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ кругомъ Карса, все болѣе и болѣе убѣждала главнокомандующаго, что анатолійская армія не выйдетъ изъ своего убѣжища, а потому рѣшено было овладѣть Карсомъ. Прежде всего, по мнѣнію Муравьева, нужно было стать на главномъ сообщеніи Карса съ Эрзерумомъ и охватить Карсъ сильными конными отрядами, чтобы или разобщить крѣпость съ базой, или заставить сноситься съ Эрзерумомъ кружными путями, затѣмъ занять крѣпость Ардаганъ и городъ Кагызманъ, такъ какъ черезъ Ардаганъ изъ Аджаріи и Батума доставлялись въ Карсъ запасы хлѣба и резервы, въ Кагызманѣ же соединялись горныя тропы, ведущія въ долину Евфрата и къ Кепри-Кею, лежащему на пути къ Эрзеруму. Необходимо было также уничтожить продовольствія, сложенныя на дорогѣ къ Эрзеруму, и наконецъ быстрымъ движеніемъ съ эриванскимъ отрядомъ нанести пораженіе сосредоточенному у Кепри-Кея отряду Вели-паши. И только послѣ этого Муравьевъ рѣшилъ обратиться къ главной цѣли операціи, т.-е. тѣсной блокадѣ и штурму Карса.

Дѣйствительно укрѣпленія Карса, воздвигнутыя европейцами, представляли собою неприступную твердыню. Крѣпость расположена на возвышеніи праваго берега Карсъ-чая; на западной сторонѣ находилась цитадель, а къ востоку, въ низменной части— предмѣстье Боейрацъ-паша; къ югу—другое предмѣстье,— Орта-Капи, къ западу, но только на другой сторонѣ Карсъ-чая, противъ города,— тоже предмѣстье, Тамиръ-паша; къ югу отъ Карса, на правой сторонѣ Карсъ-чая, лежитъ обширная равнина съ незначительными холмами; къ востоку—крутая гора Карадагъ. Укрѣпленія Карса состояли изъ цитадели, каменной стѣны, отдѣлявшей городъ отъ предмѣстій, изъ окоповъ нижняго лагеря, батарей на высотахъ лѣваго берега Карсъ-чая. Укрѣпленія нижняго лагеря представляли двойную ограду: внѣшняя ограда—это рядъ батарей, соединенныхъ между собой на протяженіи 5 верстъ непрерывнымъ валомъ; на правомъ берегу Карсъ-чая главными укрѣпленіями были Гафизъ-паша-табія и Канлы-табія; на лѣвомъ берегу—Вели-паша-табія, расположенная на высотѣ, командовавшей какъ всей мѣстностью лѣваго берега, такъ и цитаделью и Карадагомъ. Укрѣпленіе Чимъ-табія обстрѣливало доступы къ предмѣстью Тамиръ-паша.

24-го мая 1855 года дѣйствующій корпусъ началъ кампанію. Генералу Ковалевскому было послано приказаніе овладѣть Ардаганомъ, послѣ чего итти на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Это предпріятіе Ковалевскому не стоило труда, потому что турецкія войска, занимавшія Ардаганъ, при появленіи русскихъ отступили изъ крѣпости, и 30-го мая Ардаганъ былъ занятъ безъ боя. Оставивъ въ немъ гарнизонъ, Ковалевскій форсированнымъ маршемъ двинулся къ дѣйствовавшему подъ Карсомъ корпусу, куда прибылъ 3-го іюня. На другой же день Муравьевымъ была предпринята усиленная рекогносцировка карсскихъ укрѣпленій, которая убѣдила главнокомандующаго, насколько этотъ оплотъ Турціи былъ усиленъ европейскимъ искусствомъ. Рекогносцировку 4-го іюня турки приняли за намѣреніе русскихъ штурмовать Карсъ. Объятые паническимъ страхомъ и желая воспользоваться отсутствіемъ Вильямса, находившагося въ это время въ Эрзерумѣ, турки на военномъ совѣтѣ рѣшили даже оставить крѣпость и итти для защиты Соганлугскаго хребта. Это рѣшеніе какъ громомъ поразило возвратившагося Вильямса, и онъ сталъ убѣждать турецкихъ начальниковъ въ полной возможности защищаться за неприступными стѣнами Карса.

Чтобы стать на сообщеніяхъ Карса съ Эрзерумомъ, 6-го іюня

генералъ Муравьевъ произвелъ фланговое движеніе, въ обходъ крѣпости, изъ Аджи-кала къ Магараджику. 15-го іюня главнокомандующій, получивъ извѣщеніе, что корпусъ Вели-паши двигается по долинѣ Евфрата на усиленіе карсскаго гарнизона, предпринялъ съ частью корпуса движеніе къ Соганлугскимъ горамъ. Для наблюденія за Карсомъ было оставлено 11 тысячъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Гагарина, который съ уходомъ Муравьева передвинулъ свои войска на каныкевскую позицію. Турки, зная о выступленіи Муравьева съ половиною корпуса, тѣмъ не менѣе не рѣшались предпринять что-либо противъ генерала Гагарина, несмотря на то, что одинъ изъ лучшихъ турецкихъ военачальниковъ, Керимъ-паша, предлагалъ воспользоваться отсутствіемъ отряда, выступившаго къ Соганлугу. Между тѣмъ движеніе Муравьева имѣло результатомъ уничтоженіе громадныхъ запасовъ продовольствія, сложенныхъ въ Бардусѣ, Енгикевѣ и Караурганѣ; корпусъ-же Вели-паши отступилъ къ горамъ Драмъ-дага. Достигнувъ намѣченной цѣли, Муравьевъ съ отрядомъ вернулся 24-го іюня къ каныкевской позиціи.

Съ возвращеніемъ главнокомандующаго начинается болѣе тѣсное обложеніе Карса, и блокадная война получила нѣкоторое развитіе—предпринимались болѣе часто рекогносцировки, наносились на планъ неосмотрѣнныя еще укрѣпленія, тщательно наблюдались всѣ дороги, ведущія въ Карсъ. Летучіе отряды кружили около крѣпости, нападали на турецкіе транспорты и лишали тѣмъ непріятеля возможности получать запасы по главной дорогѣ изъ Эрзерума. Туркамъ оставались боковыя сообщенія по горнымъ тропинкамъ черезъ Ольты. Корпусъ Вели-паши, отступивъ къ горамъ Драмъ-дага, началъ сосредоточиваться на укрѣпленной позиціи у Кепри-кея. Вели-паша не былъ для русскихъ опасенъ, но, въ виду нравственнаго значенія, которое онъ лично имѣлъ для осажденныхъ въ Карсѣ турокъ, и по надеждамъ, которыя вселялъ его отрядъ, служа какъ-бы кадромъ для сосредоточиванія къ нему войскъ изъ Константинополя, его слѣдовало уничтожить, и Муравьевъ, раздѣливъ свой отрядъ опять на двѣ части, 19-го іюля выступилъ вторично за Соганлугъ, къ кеприкейской позиціи. Однако и на этотъ разъ Вели-паша уклонился отъ боя и отступилъ назадъ за хребетъ Деве-Бойну; отрядъ Муравьева возвратился къ Карсу.

Съ этого времени генералъ Муравьевъ могъ наконецъ приступить къ выполненію главной цѣли операцій—овладѣнію Карсомъ. Обстоятельства дѣйствительно благопріятствовали: Кагызманъ и Ардаганъ были въ рукахъ русскихъ; Вели-паша отступилъ къ Эрзеруму; большая часть запасовъ, заготовленныхъ для карсскаго гарнизона была уничтожена. Съ цѣлью тѣснаго обложенія крѣпости, Муравьевъ раздѣлилъ корпусъ на блокадные отряды; особыя летучія войска безпрестанно тревожили гарнизонъ крѣпости, уничтожая всякіе подвозы къ ней. Подобная бдительность губительно отражалась на осажденныхъ туркахъ.

Въ первыхъ числахъ сентября въ главной квартирѣ было получено свѣдѣніе о десантѣ въ Батумѣ 25-ти тысячнаго корпуса Омера-паши, шедшаго, какъ говорили, на освобожденіе Карса. Немного позже войска узнали другое печальное событіе—паденіе Севастополя. Утромъ 11-го сентября со всѣхъ карсскихъ укрѣпленій раздались пушечные выстрѣлы. Правильная послѣдовательность этой пальбы давала знать, что турки салютуютъ одержанному успѣху, и дѣйствительно на другой день изъ полученныхъ въ главной квартирѣ газетъ узнали, что послѣ 336-ти дневной обороны доблестные заступники Севастополя должны были отступить передъ соединенными силами союзниковъ. Гарнизонъ Карса ликовалъ; турки обольщали себя надеждой, что Муравьевъ сниметъ блокаду Карса и выйдетъ навстрѣчу Омеръ-пашѣ; но главнокомандующій рѣшилъ штурмовать крѣпость. «Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе русскихъ войскъ, духъ оживляющій ихъ негодованіе, порожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и наконецъ всеобщій порывъ къ бою служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ этого предпріятія.»

15-го сентября на военномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовали Муравьевъ, генералы Бриммеръ, Ковалевскій, князь Гагаринъ, Майдель, Броневскій и полковникъ Кауфманъ, было рѣшено штурмовать крѣпость, направивъ главную атаку на Шарахскія и Чахмахскія высоты. Шарахскія высоты простирались на $2^1/_2$ версты; на сѣверномъ концѣ ихъ находилась весьма скалистая и почти неприступная гора Ширшане, прозванная «Башибузукской»; вся мѣстность къ югу отъ этой горы была укрѣ-

плена полевыми батареями. Какъ взаимная оборона шарахскихъ укрѣпленій, такъ и вооруженіе ихъ были очень сильны; высоты эти отдѣлялись ложбинкой отъ Чахмахскихъ, тоже укрѣпленныхъ. Генералъ Муравьевъ, участвовавшій въ осадѣ Карса 1828 года, когда Шарахскія и Чахмахскія высоты были заняты почти безъ сопротивленія, и на этотъ разъ рѣшилъ испытать счастіе, направивъ главную атаку на нихъ. Въ разосланной диспозиціи войска были раздѣлены на слѣдующія колонны: лѣвая, генерала Ковалевскаго—2,850 штыковъ, 1400 коней, 16 орудій и 8 станковъ, правая, генерала Майделя—6,000 штыковъ, 400 коней и 20 орудій, промежуточная между ними, генерала князя Гагарина,—2,200 штыковъ; общій резервъ, подъ начальствомъ генерала Бриммера,—5,000 штыковъ, 500 коней и 22 орудія; для атаки Чахмахскихъ высотъ находилась колонна генерала Базина съ коннымъ отрядомъ генерала Бакланова, всего 2,400 штыковъ съ 2,300 коней, 16 орудій и 8 станковъ, а для демонстраціи назначался генералъ графъ Ниродъ, съ отрядомъ въ 1,500 штыковъ, 1,800 коней и 18 орудій. Штурмъ былъ назначенъ въ 4 часа утра.

Около 11 часовъ ночи 17-го сентября войска выступили изъ своихъ мѣстъ. Лунная ночь позволила соблюсти полный порядокъ въ колоннахъ. Дождались 4-хъ часовъ. Были назначены изъ каждой роты охотники; офицерамъ было приказано итти во главѣ своихъ частей. Въ колоннѣ генерала Ковалевскаго нечаянный выстрѣлъ одного нижняго чина виленскаго полка встревожилъ непріятеля. Вильямсъ вмѣстѣ съ муширомъ Вассифъ-пашою немедленно отправились въ Лелекъ-табію; полковникъ Лекъ поѣхалъ изъ нижняго лагеря сперва въ Чимъ-табію, потомъ въ Вели-пашу-табію. Очевидно турки знали о предполагаемомъ штурмѣ, потому что раздался сигнальный рожокъ, послѣ котораго изъ всѣхъ укрѣпленій загремѣли выстрѣлы. Гранаты и шрапнели лопались въ рядахъ войскъ. Безъ выстрѣла, съ громкимъ крикомъ «ура» бросились штурмовыя колонны, но скалистыя горы утомляли людей, при томъ войска попали подъ перекрестный огонь картечи и ружейныхъ пуль. Подъ генераломъ Ковалевскимъ была убита лошадь, но онъ, двигаясь впереди, воодушевлялъ личною храбростью батальоны виленскаго полка. Вскорѣ Ковалевскій былъ убитъ. Началась суматоха, и въ довершеніе всего русскія заднія линіи стрѣляли въ тылъ переднимъ; эти послѣднія, видя, что попали между двухъ огней, бросились на землю и открыли безпорядочную стрѣльбу. Убѣдясь, что помощи ждать неоткуда, колонны отступали назадъ по скату горы. Войска промежуточной колонны князя Гагарина, согласно диспозиціи, должны были начать атаку немного позже войскъ Ковалевскаго. Оставивъ резервъ въ деревнѣ Шарахъ, князь Гагаринъ, услышавъ первые выстрѣлы съ турецкихъ батарей, двинулъ штурмовыя колонны, которыя, имѣя впереди охотниковъ, быстро устремились впередъ. Лишь только войска достигли высотъ, повторилось то же самое, что и съ колонною генерала Ковалевскаго. Самъ князь Гагаринъ былъ тяжело раненъ двумя пулями; большая часть офицеровъ также выбыла изъ строя. Нѣкоторый успѣхъ батальоновъ рязанскаго полка, которые съ боя овладѣли люнетомъ Ярымъ-ай, не измѣнилъ положенія дѣла, такъ какъ убійственный перекрестный огонь заставилъ очистить его и отступить изъ укрѣпленія. Рязанцы, отступая, очутились не у сборнаго пункта своего резерва, Шараха, а въ правой колоннѣ генерала Майделя. Колонна Майделя и полки гренадерской дивизіи рано утромъ выстроились въ боевой порядокъ около горы Сталъ; двѣ изъ батарей выдвинулись вправо на высоту близъ горы Муха. Въ пятомъ часу раздался съ редута Тахмасъ-табія первый выстрѣлъ, на который двѣ русскія батареи отвѣтили залпами; турецкая пѣхота торопилась занять валы, и черезъ минуту съ Тахмасъ-табіи и прилегавшихъ къ ней окоповъ посыпался градъ картечи и пуль. Генералъ Майдель подвелъ колонны на ружейный выстрѣлъ, приказалъ ударить бой къ атакѣ, и гренадеры очертя голову съ грозными криками «ура» бросились на редутъ и окопы. Эриванцы и мингрельцы овладѣли ретраншементомъ; самъ Майдель съ грузинцами атаковалъ батарею вправо отъ Тахмасъ-табіи. Одинъ редутъ только оставался во власти турокъ, и Майдель уже намѣревался направить всѣхъ гренадеръ для овладѣнія имъ, но въ это время Кметтъ, отбившій нападенія Ковалевскаго и Гагарина, съ 4 ротами турецкихъ гвардейскихъ стрѣлковъ устремился на лѣвое крыло Шарахскихъ высотъ. Здѣсь Майдель былъ раненъ; тогда же были ранены почти всѣ штабъ-офицеры; многіе изъ ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ были убиты.

Главная причина неудачъ была та, что искусно воздвигнутыя англичанами укрѣпленія другъ-друга взаимно обороняли и подвергали атакующаго убійственному огню. Генералъ Вильямсъ, видя полный успѣхъ, двинулъ къ Шарахскимъ высотамъ свѣжіе батальоны, послѣ чего русскія колонны въ безпорядкѣ отступили къ сборнымъ пунктамъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о дѣйствіяхъ колонны генерала Базина, которому предписано было овладѣть Чахмахскими высотами въ то время, когда вниманіе непріятеля будетъ уже отвлечено атаками на прочихъ пунктахъ. Къ двумъ часамъ пополуночи отрядъ подошелъ къ подножію Чахмахскихъ высотъ. Когда раздались первые выстрѣлы и главныя русскія колонны вступили въ дѣло, войска Базина начали подниматься на высоты; выстроившись въ боевой порядокъ, колонны чрезвычайно быстро двинулись на лѣвую непріятельскую батарею; охотники подъ начальствомъ самого Базина ринулись впередъ. Турки бездѣйствовали, выжидая приближенія русскихъ на картечный выстрѣлъ. Вдругъ раздалась страшная канонада; пѣхота, несмотря на убійственный огонь, занявъ редутъ, захватила орудія. Турки отступили въ правую батарею, но и отсюда были вытѣснены; заняли третій люнетъ, но на короткое время, и наконецъ отошли къ четвертому укрѣпленію—Вели-паша-табія. Предписанная диспозиціей задача колонны генерала Базина была исполнена; оставалось взять только Вели-паша-табію. Къ главнокомандующему было послано извѣщеніе объ успѣхѣ на Чахмахскихъ высотахъ и съ просьбой помощи для овладѣнія укрѣпленіемъ, но войска другихъ колоннъ въ это время безпорядочно отступали, и плоды одержанной побѣды на Чахмахскихъ высотахъ пришлось уступить туркамъ обратно. Войска генерала Базина покинули занятыя укрѣпленія.

Причина неудачи пятичасового штурма 17-го сентября заключалась въ выборѣ сильнѣйшей линіи обороны для главной атаки Тахмасъ-табіи и укрѣпленій Шарахскихъ высотъ; самъ-же Муравьевъ говоритъ: «штурмъ не удался оттого, что всѣ начальники колоннъ и большая часть полковыхъ, батальонныхъ и ротныхъ командировъ, шедшихъ во главѣ своихъ частей, были убиты или ранены при самомъ началѣ боя, отчего части разстроились и утратили порядокъ, который уже трудно было возстановить. Прапорщикъ, коему удалось бы невредимымъ вскочить на валъ, могъ бы перемѣнить весь ходъ дѣла и обратить неудачу въ успѣхъ».

Турки ликовали, надѣясь, что Муравьевъ сниметъ блокаду Карса, но главнокомандующій, несмотря на неудачу, твердо рѣшилъ продолжать блокаду, чтобы не принести въ напрасную жертву чрезмѣрные труды и огромныя потери, понесенныя русскими войсками. Кромѣ того такая настойчивость Муравьева была вызвана тѣмъ, что неуспѣхъ штурма нисколько не улучшилъ бѣдственнаго положенія карсскаго гарнизона. Русскіе блокадные отряды получили приказаніе усилить наблюденіе за крѣпостью. Такъ прошло еще два мѣсяца, и положеніе осажденныхъ сдѣлалось невыносимымъ; голодъ и болѣзни вызывали ропотъ и неповиновеніе гарнизона своимъ начальникамъ. 12-го ноября Вильямсъ прислалъ въ русскую главную квартиру парламентера, съ предложеніемъ свиданія, а на другой день пріѣхалъ онъ самъ, и предварительныя условія сдачи крѣпости и военноплѣнныхъ были обусловлены.

16-го ноября совершилась сдача Карса. Утро было пасмурное. Съ разсвѣтомъ въ лагерѣ у турокъ началось необыкновенное движеніе. Непріятель оставлялъ оружіе, двигался по направленію къ селенію Гюмбетъ и сосредоточивался у развалинъ древней христіанской церкви. Впереди выстроилась регулярная пѣхота; около нея, безъ всякаго порядка, расположились лазы и башибузуки, одѣтые въ красные плащи, за пѣхотой стали военноплѣнные анатолійскаго и арабистанскаго корпусовъ, стрѣлковые батальоны, смѣшанные кавалеристы и артиллерійскій полкъ. Съ зарею этого дня русскія войска тоже стали выстраиваться въ нижнемъ и верхнемъ лагеряхъ и стройными линіями, имѣя впереди заряженныя пушки съ дымящимися фитилями, двинулись на равнину рѣки Карсъ-чая. Пѣхота стала на лѣвой сторонѣ рѣки; кавалерія князя Дондукова-Корсакова расположилась на лѣвомъ крылѣ, а на правомъ, по другую сторону рѣки, выстроилась кавалерія графа Нирода съ конными батареями. Солдаты были одѣты въ полушубки, офицеры же были въ сюртукахъ. Боевая линія образовала собою полукругъ. Въ началѣ второго часа къ мѣсту сдачи прибыли всѣ турецкія войска. Главнокомандующій анатолійской арміей Васифъ-па-

ша вмѣстѣ съ Вильямсомъ и англійскими офицерами явились къ Муравьеву и доложили, что все готово къ сдачѣ. «Настала великая, торжественная минута—плодъ, взрощенный кровью сколькихъ храбрыхъ, легшихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ на бранныхъ поляхъ Башъ-Кадыклара, Кюрюкъ-Дара, на валахъ Шараха». И дѣйствительно грозенъ былъ видъ русской арміи; на лицахъ каждаго солдата видны были и радость, и полное торжество. Муравьевъ, окруженный блестящею свитою, сопровождаемый муширомъ, подъѣхалъ къ войскамъ. Поздравивъ съ торжествомъ, главнокомандующій остановился у мостика, черезъ который должны были проходить турки. Вскорѣ началась самая церемонія сдачи. Изъ турецкихъ рядовъ одновременно вышли 12 рослыхъ офицеровъ, которые несли по одному шелковому знамени съ надписями изъ корана. Знамена были приняты 12 русскими унтеръ-офицерами. Загремѣла музыка, въ рядахъ русской арміи раздалось могучее «ура», и подъ эти звуки знамена были отнесены къ ставкѣ главнокомандующаго. Послѣ этого двинулись черезъ мостикъ, живописною лентою, мимо Муравьева отпущенныя на родину регулярныя турецкія войска. Главнокомандующій, пропустивъ ихъ мимо себя, пригласилъ къ столу старшихъ турецкихъ генераловъ.

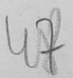
Съ паденіемъ Карса, на стѣнахъ котораго взвился русскій орелъ, исчезла 30-тысячная анатолійская армія, изъ которой 8 тысячъ сдались военно-плѣнными, 6 тысячъ редифа и ополченія отпущены домой, 8 тысячъ погибло во время блокады, 2 тысячи перебѣжало къ русскимъ.

Восточная война окончилась. По повелѣнію императора Александра II въ Парижѣ 18-го марта 1856 года былъ подписанъ мирный договоръ, который для русскихъ былъ крайне невыгоденъ, такъ какъ было отмѣнено русское покровительство надъ христіанами православнаго исповѣданія въ Турціи. Черное море объявлено нейтральнымъ и всѣ завоеванія на азіатскомъ театрѣ войны возвращены обратно туркамъ; такимъ образомъ, плоды трехлѣтнихъ побѣдъ, жертвъ и трудовъ были вырваны изъ русскихъ рукъ. Турція же попала подъ опеку европейскихъ державъ.

Съ картины Айвазовскаго

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Взятіе русскими матросами турецкой кочермы съ плѣнными дѣвушками Кавказа.

Взятіе русскими матросами турецкой кочермы съ плѣнными дѣвушками Кавказа.

Послѣ блистательно законченной Турецкой кампаніи 1829 года, по адріанопольскому миру, весь восточный берегъ Чернаго моря, со всѣми укрѣпленіями и обитавшими вдоль берега горскими племенами, былъ присоединенъ навсегда къ Россіи.

Племена, живущія по побережью, уже съ давнихъ временъ вели торговлю съ турками, причемъ предметомъ ввоза служили—соль, порохъ, свинецъ и другіе мануфактурные товары, вывозили же невольниковъ и особенно невольницъ, которыхъ горцы или покупали у лицъ спеціально этимъ занимающихся, или же попросту устраивали цѣлыя засады и нападенія на казачьи станицы; въ особенности удобное время для такихъ дѣйствій было лѣто, когда женщины и дѣвушки во время полевыхъ работъ оставались беззащитными. Торгъ невольницами былъ настолько выгоднымъ, что многіе изъ пашей, напримѣръ синопскій и трапезундскій, сами участвовали въ немъ. Транспорты съ похищенными дѣвушками, прибывъ въ турецкіе порты, были встрѣчаемы откупщиками, которые, купивъ дѣвушекъ, оставляли нѣкоторое время, такъ сказать, для выдержки, наряжали ихъ въ богатыя платья, сортировали по красотѣ, и затѣмъ уже приглашали покупателей на смотрины.

При склонности турокъ къ женскому полу торговля эта приносила промышленнику громадную выгоду, и дѣвушки, навсегда разлученныя съ родиной, съ роднымъ кровомъ, попадали въ гаремы пашей и другихъ богатыхъ турокъ, чтобы послѣ свободы томиться гаремной затворнической жизнью. Въ особенности высоко цѣнились: въ древности, извѣстныя своей классической красотой, гурійки, мингрелки и имеретинки, а въ болѣе позднее время—казачки кубанскихъ станицъ.

Русское правительство обратило серьезное вниманіе на этотъ постыдный торгъ въ частности и вообще на контрабандное снабженіе кавказскихъ горцевъ боевыми припасами. Для этой цѣли необходимо было положить прочное утвержденіе на береговой линіи. Сначала было предположено достигнуть этого успѣха покореніемъ натухайскихъ горцевъ и тѣмъ установить прямое сообщеніе отъ Кубани до Геленджика. Была составлена экспедиція подъ начальствомъ генерала Вельяминова; экспедиціи этой въ 1834 году удалось устроить кордонную линію отъ Кубани до Геленджика, однако конечной цѣли военныя дѣйствія эти не достигли потому, что, кромѣ Геленджика, было много другихъ удобныхъ пунктовъ для высадки турецкихъ судовъ и кочермъ.

Послѣ личнаго осмотра императоромъ Николаемъ I береговой линіи кавказскому начальству была намѣчена государемъ другая программа дѣйствій: было предложено прочно занять восточный берегъ Чернаго моря отъ Анапы до Гагръ—посредствомъ постройки укрѣпленій и фортовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были удобныя пристани для высадки судовъ. Воля государя исполнена и въ скоромъ времени по всему восточному побережью воздвиглась система укрѣпленныхъ пунктовъ, получившихъ общее названіе **Черноморской береговой линіи.** Всѣ эти укрѣпленія снабжались небольшимъ гарнизономъ; фортификаціонныя постройки ихъ и вооруженіе, хотя и не представляли изъ себя что нибудь надежное для борьбы съ большимъ десантомъ, но во всякомъ случаѣ они могли препятствовать контрабандной торговлѣ и, въ особенности, не допускать привоза огнестрѣльныхъ припасовъ въ полупокоренныя горскія племена. Несмотря однако на устройство Черноморской береговой линіи турки, въ виду громадной выгоды представляемой торго-

влей невольницами и огнестрѣльными припасами, рискуя жизнью, продолжали свое прибыльное ремесло.

Во время восточной войны 1853—1856 года составилась цѣлая коалиція иностранныхъ державъ, вмѣшавшихся въ борьбу Россіи съ Турціей; союзный флотъ ихъ появился въ Севастополѣ; Англія употребляла всѣ мѣры, чтобы подорвать престижъ и вліяніе Россіи на политику Европы, тогда особенно сильно проявилась смѣлость турецкихъ контрабандистовъ. Да и сама Англія посылала ихъ въ побережья съ большими транспортами пороху, снарядовъ и свинцу; горцы жадно бросались на этотъ драгоцѣнный товаръ; для нихъ это было проблескомъ надежды къ свободѣ, къ той свободѣ, которая была отнята утвержденіемъ русской власти на берегу. Разные европейскіе агитаторы и искатели приключеній своимъ примѣромъ сильно воодушевляли горцевъ, разжигали ихъ страсти и не удивительно, что эти дѣти природы, взамѣнъ пороху и свинцу, доставляли скупщикамъ живого товара и турецкимъ контрабандистамъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ.

На картинѣ альбома представленъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ увоза турецкой кочермой дѣвушекъ. Въ 1856 году анапскому воинскому начальнику лазутчики дали знать, что турецкіе кочермы, на которыхъ изъ Турціи были привезены орудія, ружья и порохъ, сдавъ свой грузъ горцамъ, получили цѣлую партію дѣвушекъ. Кочермы уже отплыли отъ берега. Въ погоню за кочермами былъ снаряженъ баркасъ съ нѣсколько десятками линейныхъ казаковъ и матросовъ. Дружныя усилія гребцовъ настигли бѣглецовъ, открывшаяся перестрѣлка продолжалась не долго; турки, видя превосходство въ силахъ, просили пощады. Кочермы были взяты на букcиръ и баркасъ возвратился къ пристани.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Штурмъ Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля 25-го Августа 1859 года.

48

Штурмъ Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля 25-го августа 1859 года.

Несмотря на занятіе, въ іюнѣ 1859 года, русскими войсками Ведено, а вслѣдъ за тѣмъ и всей Чечни, Шамиль рѣшился продолжать обороняться за трудно-переходимою рѣкою Андрійскимъ Койсу, по правому берегу которой приказалъ возвести сильные завалы. Самъ онъ поселился въ аулѣ Килятль, доступы же въ нагорный Дагестанъ съ востока и юга были заграждены укрѣпленіями.

Предыдущіе блестящіе успѣхи кавказскихъ войскъ въ Чечнѣ дали главнокомандующему князю Барятинскому право полагать, что дни власти повелителя горъ сочтены и энергическое наступленіе въ глубь дагестанскихъ трущобъ положитъ конецъ войнѣ. Оставалось только организовать самый походъ такъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній. Исполненіе этой подготовительной работы было возложено на начальника главнаго штаба кавказской арміи генералъ-адъютанта Милютина. Все было предусмотрѣно и подготовлено, не было даже недостатка въ денежныхъ средствахъ, широко отпущенныхъ волею Монарха.

Князь Барятинскій, находясь еще въ Петербургѣ, лично доложилъ государю планъ предстоящей лѣтней экспедиціи и, получивъ одобреніе, съ блестящею свитой выѣхалъ изъ столицы въ чеченскій отрядъ.

Для нанесенія окончательнаго удара имаму, по приказанію князя Барятинскаго, были двинуты въ горный Дагестанъ три отряда: чеченскій, состоявшій изъ $13^1/_2$ батальоновъ, двухъ эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ, 13 сотенъ и 10 орудій, который началъ наступать съ запада, отъ озера Ретло; затѣмъ— дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, въ составѣ 14 батальоновъ, 4 эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ, $27^1/_2$ сотенъ и 12 орудій, слѣдовалъ съ востока отъ Буртуная и, наконецъ,—лезгинскій, подъ начальствомъ князя Левана Ивановича Меликова, въ числѣ 8 батальоновъ, $12^1/_4$ ротъ, одного эскадрона нижегородскихъ драгунъ, $20^1/_2$ сотенъ при 16 орудіяхъ, двигался съ юго-запада, со стороны Закавказья.

Начавъ движеніе въ половинѣ іюля, преодолѣвъ неимовѣрныя природныя препятствія и всюду нанося пораженія горцамъ, отряды къ 1-му августа вступили, наконецъ, въ нагорный Дагестанъ, для соединенія между собою у Андрійскаго Койсу. Такимъ образомъ, охватывая горы кольцомъ и направляясь къ центру, русскія войска какъ бы затягивали края мѣшка, въ которомъ, по предположеніямъ, долженъ былъ оказаться Шамиль. Чтобы не дать имаму ускользнуть въ Персію, были приняты необходимыя мѣры къ загражденію всѣхъ путей. Шамиль, видя полную невозможность держаться на Андрійскомъ Койсу, бросилъ укрѣпленныя здѣсь позиціи и бѣжалъ на Гунибъ, гдѣ собралъ партію въ 400 человѣкъ при четырехъ орудіяхъ, а затѣмъ сталъ его укрѣплять, портить доступы и заграждать завалами всѣ тропы, идущія къ Кара-Койсу и въ ближайшіе аулы.

Гунибъ—это магическое слово приводитъ въ трепетъ каждаго, кому пришлось побывать тамъ, гдѣ разыгралась борьба, покрывшая славой кавказскихъ героевъ, частью уже сошедшихъ въ могилу, частью же еще живыхъ свидѣтелей, которымъ принадлежитъ честь овладѣнія неприступнымъ гнѣздомъ отважнаго главы мюридовъ. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ закончилась кровавая драма, завершившаяся паденіемъ послѣдняго оплота Шамиля!.....

Гунибъ представляетъ собою неприступную гору въ нагорномъ Дагестанѣ, лежащую между рѣками Аварской и Ка-

ра-Койсу, возвышающуюся до четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Эта историческая гора походитъ на усѣченный конусъ съ крайне крутыми, до 45 градусовъ, скатами; верхняя площадь, имѣющая видъ котловины, занимаетъ около 100 квадратныхъ верстъ, окружность подошвы до 50 верстъ. Гунибъ, мѣтко прозванный кавказскими солдатами горой-гитарой, имѣетъ дѣйствительно видъ этого инструмента, но только безъ шейки, и стоитъ совершенно уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, господствуя надъ ними. На самой вершинѣ расположены аулъ, нѣсколько хуторовъ, мельницы, березовая роща, пастбища и пахотныя поля,—все, что нужно для жизни человѣка.

10-го августа дагестанскій отрядъ барона Врангеля обложилъ Гунибъ 20-ю батальонами, 7-ю сотнями, имѣя въ резервѣ 6¼ батальоновъ, 4 эскадрона, 6 сотенъ и 14 орудій, расположившихся лагеремъ у аула Кегеръ.

Къ этому времени высоты Гуниба были уже окружены сплошнымъ кольцомъ русскихъ войскъ съ артиллеріей. Шамилю былъ совершенно запертъ выходъ. Передъ нимъ лежало на выборъ: или умереть геройскою смертью, или сдаться военноплѣннымъ, а потому онъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи, не зная, на что рѣшиться. Окружавшіе его, вѣрные ему до послѣдней минуты, мюриды были твердо убѣждены, что имамъ погибнетъ во славу проповѣдываемаго имъ корана съ оружіемъ въ рукахъ, но они забыли, что Шамиль уже былъ не тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1843 году, когда передъ нимъ въ нѣсколько мѣсяцевъ пало двѣнадцать русскихъ укрѣпленій, съ артиллеріей, снарядами, патронами, гдѣ потери русскихъ достигли слишкомъ трехъ тысячъ человѣкъ. Вся его энергія пропала безслѣдно, онъ состарился, но, несмотря на это, имамъ, какъ бы утѣшая себя, отдалъ приказъ своей артиллеріи стрѣлять по виднѣвшемуся русскому лагерю.

18-го августа въ дагестанскій отрядъ прибылъ главнокомандующій. Принявъ начальствованіе войсками, онъ началъ переговоры о сдачѣ, которые однако не привели ни къ чему, такъ какъ Шамиль разсчитывалъ удержаться здѣсь въ надеждѣ, что позднее время года заставитъ русскихъ отступить отъ Гуниба, и на предложеніе князя Барятинскаго старый предводитель мюридовъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Гунибъ—гора высокая; я сижу на ней. Надо мной, еще выше,—Богъ. Русскіе стоятъ внизу—пусть штурмуютъ!»

Въ переговорахъ прошло много времени: Шамиль то соглашался на требованія русскихъ, то, снова обдумавъ, отвергалъ ихъ

«20-го августа,—пишетъ Зиссерманъ въ исторіи кабардинскаго полка,—былъ посланъ отъ главнокомандующаго ультиматумъ слѣдующаго содержанія: «Вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились русской державѣ, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи; чтобы избѣжать новаго кровопролитія, для водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія и благоденствія, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое приказаніе, то я, именемъ государя, торжественно объявлю ему со всѣми находящимися теперь при немъ на Гунибѣ полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства—жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собой. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля, Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ. Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ императора всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей»......

На этотъ ультиматумъ 22-го августа былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами. Мы просили отъ васъ только свободнаго пропуска дороги по извѣстному уже условію—(т. е. въ Мекку.) Если на это будетъ согласіе, то хорошо, если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, который выше и сильнѣе всего; на этомъ основаніи сабля наострена и рука готова».

Послѣ такого дерзкаго отвѣта упрямаго старика дальнѣйшіе переговоры были немыслимы, и оставалось прибѣгнуть къ силѣ оружія. Былъ произведенъ подробный осмотръ доступовъ

на вершину Гуниба. Осмотръ показалъ, что восточный скатъ горы хотя и былъ слабѣйшимъ и доступнѣйшимъ по условіямъ мѣстности, но въ то же время представлялъ значительныя препятствія для атаки, такъ какъ тропинки преграждались искусными загражденіями и бдительно охранялись мюридами.

23-го августа начальникомъ передовыхъ войскъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Кесслеръ, который приказалъ войскамъ готовиться къ штурму и подвигаться впередъ.

Было рѣшено постепеннымъ наступленіемъ со стороны восточнаго ската, при помощи осадныхъ работъ, все время отвлекать сюда вниманіе непріятеля, а нападеніе произвести съ какого либо другого фаса. Для осады и штурма были заготовлены всѣ матеріалы, а блокирующія войска усилены двумя батальонами и четырьмя горными орудіями.

Въ ночь на 24-е августа стрѣлки ширванскаго полка двинулись къ укрѣпленіямъ восточнаго фаса, а на слѣдующую ночь войска приблизились и къ скалистымъ обрывамъ сѣвернаго фаса. Непріятель обстрѣливалъ ширванцевъ изъ своихъ орудій и велъ довольно жаркую перестрѣлку.

Въ отрядѣ было объявлено, что первые трое, вошедшіе на Гунибъ, имѣютъ право на знакъ отличія военнаго ордена второй степени. Такая высокая награда невольно заставляла храбрецовъ, не думавшихъ о предстоящей опасности, горѣть желаніемъ первымъ взойти на вершину, чтобы заслужить достойную подвига награду—Георгія. И не у одного офицера въ пылкомъ и вполнѣ понятномъ воображеніи рисовался бѣлый крестъ.

Батальоны апшеронскаго полка, при которыхъ находилась охотничья команда въ составѣ двухъ офицеровъ, шести юнкеровъ и сотни нижнихъ чиновъ этого же полка, сформированная на случай штурма Гуниба, стояли лагеремъ близъ селенія Куяда. Отъ этого селенія террасами гордо поднимался грозный Гунибъ, на вершинѣ котораго, какъ въ орлиномъ гнѣздѣ, пріютился знаменитый старикъ.

Въ атаку первыми двинулись апшеронцы. Ночь на 25-е августа была очень темна. Въ лагерѣ, кромѣ сторожевой цѣпи, все спало крѣпкимъ сномъ.

«Баринъ, баринъ, вставайте,—вдругъ раздался возлѣ одного офицера чей то голосъ,—сейчасъ идемъ брать Гунибъ».

Слово «Гунибъ» сразу подняло его на ноги, и онъ, проснувшись, спросилъ стоявшаго ефрейтора: «А что охотники?»—«Выстраиваются, баринъ»,—отвѣтилъ онъ и направился къ командѣ, которая уже подготовлялась къ штурму.

Черезъ нѣсколько минутъ команда охотниковъ апшеронскаго полка, обутая въ чувяки, чтобы не слышно было движенія, и взявшая съ собою лѣстницы, крючья, веревки и фашины, стала подниматься на крутизны Гунибъ-дага.

Дороги никто не зналъ. Только днемъ, передъ штурмомъ, войска замѣтили, что напротивъ, на высотѣ, надъ обрывомъ, виднѣлась караулка, охраняемая горцами, и она то, вѣроятно, защищала доступъ на вершину. Охотники держались направленія къ караулкѣ. Путь лежалъ по скату; всюду попадались громады оторвавшихся скалъ. «Ишь какъ ее оборвало!»—слетѣло почти шепотомъ съ губъ одного изъ охотниковъ. «И ноги то негдѣ поставить»,—прошепталъ другой, всматриваясь въ плоскіе камни. «А что, парни,—подхватилъ унтеръ-офицеръ,—не подставить-ли намъ лѣсенку?»... «Нѣтъ лѣсенки не надо-ть, а мы вотъ какъ: Илья, упрись на мушкетъ да выгни спину». «Во-на, нешто въ чехарду?» Послышался сдержанный смѣхъ. «Не балагурь, становись-ка скорѣе, а то къ шамилевскому обѣду не поспѣемъ, безъ насъ откушаетъ»....

До половины пути впереди шелъ начальникъ охотниковъ Скворцовъ, а затѣмъ пошли юнкера Сресули и Теріевъ. Слѣдуя по тропинкѣ, на одномъ изъ поворотовъ войска увидѣли какую то фигуру, двигавшуюся вдали. Оказалось, что это былъ всадникъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, который возвращался изъ окрестной деревни и, не найдя своего полка, направлялся тоже на штурмъ. «Моя кунакъ»—сказалъ онъ тихо по-русски и, сбросивъ бурку, показалъ красные погоны.—«Пойдемъ, я знаю дорогу на Гунибъ,—будемъ бить душманъ»,—добавилъ онъ.

Тихо, неслышными шагами поднималась команда....

Передъ разсвѣтомъ охотники поднялись довольно высоко по вьющейся змѣйкой горной тропинкѣ, но вдругъ тропинка пропала, и солдаты стали искать другой, какъ услышали голоса надъ собой: «Ля-Иль-Ля-Иль-Алла!» Боясь быть обнаруженными, охотники мгновенно припали къ землѣ и замерли на мѣстѣ. Но вотъ голосъ смолкъ, и наступила снова мертвая тиши-

на. Оказалось, что смѣльчаки подошли уже подъ самую шамилевскую караулку.

Настала минута, отъ которой зависѣло все. Тишина не прерывалась. Всѣ озирались кругомъ съ замирающимъ сердцемъ. Надъ охотниками высилась первая терраса. Рядовой Молодыхъ первый укрѣпилъ подъ террасу веревочную лѣстницу и полѣзъ вверхъ; онъ быстро поднялся по ней и, карабкаясь по отвѣсной скалѣ, сталъ хвататься за кусты. «Слѣзай, Молодыхъ!» — крикнулъ ему кто то. «Нѣтъ, братъ, не уступлю», отвѣтилъ онъ, и длинная фигура его поползла вверхъ еще смѣлѣе. За нимъ поднялись юнкера Теріевъ и Сресули; затѣмъ поднялись другіе. Они какъ кошки цѣплялись руками за камни, обрывая себѣ ногти и локти.

Какъ разъ въ это время густое бѣлое облако стало спускаться съ вершины Гуниба, мало-по малу затягивать окружавшую мѣстность и, наконецъ, закрыло ее совершенно. Когда три смѣльчака поднялись еще выше, то передъ ихъ глазами находилась уже вторая терраса. Здѣсь они укрѣпили веревку за дерево и сбросили ее внизъ къ идущей командѣ охотниковъ. До сихъ поръ все благопріятствовало, но когда храбрецы стали подниматься на вторую террасу, вдругъ затрещали надъ ихъ головами частые ружейные выстрѣлы; вскорѣ пули перестали визжать, и видно было, что выстрѣлы были направлены въ поднимавшихся снизу солдатъ батальона апшеронскаго полка.

Дѣло въ томъ, что, передъ разсвѣтомъ, 25-го августа, въ то время, когда охотники были уже впереди, командиръ апшеронскаго полка, полковникъ Тергукасовъ, командовавшій войсками противъ южнаго фаса, направился на Гунибъ съ 1-мъ батальономъ своего полка и охотниками 21-го стрѣлковаго батальона. Подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ движенія за густымъ туманомъ, командиръ 1-го батальона апшеронскаго полка, подполковникъ Егоровъ, рѣшился двинуться далѣе на вершину. Приходилось подниматься на три подъема, каждый въ 8—10 саженъ, возвышавшіеся одинъ надъ другимъ подобно стѣнамъ. Считая ихъ вполнѣ недоступными, горцы ограничились только небольшимъ карауломъ. Апшеронцы подошли какъ разъ въ то время, когда команда охотниковъ поднималась на вторую террасу, и, услышавъ тревогу, поднятую непріятелемъ, стали тоже подниматься на террасу. Имѣя во главѣ охотниковъ, батальонъ апшеронцевъ, подсаживая другъ друга, при помощи лѣстницъ, въ совершенной тишинѣ, началъ взбираться. Впереди находились рядовые Афанасьевъ, Шмилевъ, унтеръ-офицеры Деминъ, Чернышевъ, и которые вмѣстѣ съ другими образовали команду человѣкъ въ тридцать. При подъемѣ на вторую террасу охотники были обнаружены карауломъ, открывшимъ огонь. Не дожидаясь приказанія, они бросились съ крикомъ «ура!» къ самой караулкѣ, окружили караулъ, частью перебили его, въ томъ числѣ и трехъ вооруженныхъ женщинъ, частью взяли въ плѣнъ, послѣ того раздѣлившись на двѣ партіи, храбрецы очутились уже на третьей, послѣдней террасѣ, гдѣ захватили до тысячи штукъ барановъ, а затѣмъ сбили стерегущихъ пастуховъ, которые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по русскимъ, бросились бѣжать внизъ, прыгая какъ козы по уступамъ горъ.

Въ это время стало болѣе разсвѣтать, и взорамъ уже ясно видна была вся впереди лежавшая мѣстность.

Мюриды, застигнутые врасплохъ, приготовились къ отчаянной борьбѣ. Началась стрѣльба. Охотники, во главѣ съ юнкеромъ Сресули, были уже около шамилевской башни, изъ которой выбѣжалъ съ кинжаломъ въ рукахъ юноша лѣтъ пятнадцати, съ намѣреніемъ дорого отдать свою жизнь, но тутъ же, подъ ударомъ штыка Сресули, упалъ раненымъ на землю. Вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ другой горецъ съ обнаженной шашкой и, замѣтивъ направившагося къ нему командира охотниковъ капитана Скворцова, бросился на него. Вторичный мѣткій ударъ храбраго юнкера Сресули, бросившагося на горца, повергъ и этого головорѣза на землю убитымъ.

Къ 6 часамъ утра путь вездѣ былъ очищенъ, и на вершинѣ грознаго Гуниба находился 1-й батальонъ апшеронскаго полка, къ которому вскорѣ присоединился 4-й батальонъ того же полка, съ командиромъ полка, полковникъ Тергукасовъ, во главѣ. Войска двинулись къ аулу. Тѣмъ временемъ 21-й стрѣлковый батальонъ взобравшись правѣе апшеронцевъ и овладѣвъ съ боя завалами примкнулъ къ апшеронцамъ.

Одновременно съ этимъ войска сѣвернаго фаса, верстахъ въ 15-ти отъ апшеронцевъ, произвели ночью на 25-е число фальшивую атаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ. Когда каменный градъ утихъ, командовавшій этимъ фасомъ генералъ-маіоръ князь Тархановъ направилъ свою колонну вверхъ къ прорыву; такимъ образомъ и войска сѣвернаго фаса одновременно поднялись на Гунибъ, а шедшій во главѣ батальонъ грузинскаго полка былъ отправленъ въ обходъ аула, къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ укрѣпленіямъ восточнаго фаса.

Немного спустя, съ западной стороны взобрался полковникъ Радецкій съ двумя батальонами дагестанскаго полка. Войска съ барабаннымъ боемъ стали окружать аулъ.....

Защитники Гуниба были озадачены появленіемъ русскихъ со всѣхъ сторонъ и въ безпорядкѣ бросились бѣжать въ разныя стороны, падая одинъ за другимъ подъ ударами солдатъ. Часть же мюридовъ во главѣ съ Шамилемъ ускакала въ аулъ Гунибъ и засѣла по саклямъ, сбросивъ въ кручи свои орудія.

Вслѣдъ за бѣжавшими двинулся съ западной стороны командиръ ширванскаго полка, полковникъ Кононовичъ, съ двумя батальонами и четырьмя горными орудіями.

Партія мюридовъ приблизительно въ 100 человѣкъ, отрѣзанная отъ аула, бросилась въ шашки и, послѣ жаркой рукопашной схватки, была вся истреблена. Шамиль, окруженный семьей, еще оставался въ аулѣ.

Когда войска устремились къ аулу, то генералъ-маіоръ Кеслеръ, согласно приказанію главнокомандующаго, желавшаго взять Шамиля живымъ, остановилъ ихъ передъ самымъ ауломъ, и имаму послано было предложеніе сдаться, не подвергая женъ и дѣтей ужасамъ штурма. Въ это время къ мѣсту боя прибылъ князь Барятинскій, который приказалъ прекратить все еще продолжавшуюся перестрѣлку.

Начались переговоры, тянувшіеся два часа, послѣ которыхъ показалась толпа горцевъ, и среди нея, верхомъ на лошади, красовался во всеоружіи Шамиль. «Ура» потрясло воздухъ... Напуганные горцы оторопѣли и остановились; видно было, что этотъ побѣдный крикъ оглушилъ Шамиля, надрывалъ его сердце... Успокоившись, онъ направился далѣе къ березовой рощѣ, находящейся въ верстѣ отъ аула, гдѣ сидя на камнѣ ожидалъ его князь Барятинскій. Подъѣхавъ шаговъ на тридцать къ рощѣ, Шамиль слѣзъ съ коня и, убитый горемъ, растерянный, что то лепеча себѣ подъ носъ, подошелъ къ главнокомандующему, окруженному блестящей свитой. Ожидая, что его встрѣтятъ словами: «Что, донгузъ (свинья), гдѣ твоя шашка, которую ты мнѣ предлагалъ взять самому?»—и потребуютъ отдачи оружія, Шамиль рѣшился тотчасъ же заколоть себя, если-бъ это ожиданіе исполнилось. Но когда съ нимъ заговорили ласково, онъ сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, поблѣднѣлъ и приготовился было сказать рѣчь, но слова замерли у него на губахъ, а языкъ не повиновался... Барятинскій, сдѣлавъ шагъ впередъ, громко сказалъ: «Шамиль!... Ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло,—и она рѣшила его въ нашу пользу....» Послѣ этой рѣчи знаменитый плѣнникъ взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ: «Сардарь! Я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой уздень тридцать лѣтъ дравшійся за религію; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, наибы мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбою».

Такимъ образомъ, Гунибъ очутился въ русскихъ рукахъ...

Было уже три часа пополудни, когда князь Барятинскій возвратился въ лагерь, куда подъ особымъ прикрытіемъ былъ доставленъ и Шамиль. Успокоившись, онъ просилъ позволенія вызвать съ Гуниба свое семейство.

При штурмѣ было взято въ плѣнъ около 100 мюридовъ и 4 орудія. Потеря русскихъ заключалась въ 9 офицерахъ, 162 нижнихъ чинахъ и 9 милиціонерахъ убитыми, ранеными и контуженными. Занятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля закончился рядъ геройскихъ подвиговъ кавказскихъ войскъ, повединхъ къ окончательному покоренію восточнаго Кавказа. 26-го августа было отслужено торжественное молебствіе и произведенъ парадъ войскамъ, которымъ былъ объявленъ слѣдующій локоническій приказъ: «Шамиль взятъ, поздравляю кавказскую армію», а въ столицу была отправлена такая депеша: «Гунибъ взятъ; Шамиль

въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ». На нее Барятинскій получилъ отвѣтъ отъ императора, Александра II, въ которомъ между прочимъ вотъ что было написано: «Слава тебѣ, Господи; и честь, и слава тебѣ и всѣмъ нашимъ кавказскимъ молодцамъ».

По возвращеніи главнаго виновника этихъ достопамятныхъ событій въ Тифлисъ, грузинское дворянство поднесло князю Барятинскому поздравительный адресъ слѣдующаго содержанія: «Сіятельнѣйшій князь! Народы закавказскіе привыкли встрѣчать своихъ героевъ-военачальниковъ, возвращающихся съ побѣдными лаврами; но событіе, которому мы теперь свидѣтелями, безпримѣрно въ лѣтописяхъ Кавказа. Европа съ удивленіемъ услышитъ о совершившемся великомъ подвигѣ, она оцѣнитъ дѣянія ваши на пользу всего человѣчества и приметъ съ любовью въ среду свою сотни тысячъ народа, доселѣ жившаго внѣ законовъ гражданственности и признававшаго одно право—силу меча и произвола! Россія съ гордостью запишетъ имя ваше на ряду съ доблестными именами, прославившими исторію ея и честь русскаго оружія; воздастъ съ восторгомъ дань справедливой благодарности виновнику великаго подвига, сохраняющаго дорогую для отечества жизнь сыновъ, нещадившихъ себя для священнаго дѣла. Умиротвореніемъ Чечни и Дагестана, сіятельнѣйшій князь, вы исполнили обязательство, данное Россіею передъ цѣлымъ міромъ и высказанное въ манифестѣ блаженной памяти Александра I, въ 1801 году, 12-го сентября, когда Грузія, опустошенная, изнуренная нашествіемъ сильныхъ враговъ со стороны Персіи, Турціи и Дагестана, поступила въ подданство Россіи съ теплою вѣрою въ могущество скипетра русскаго царя, дабы пріобрѣсти въ отечествѣ своемъ миръ и спокойствіе. Сколько скромна была доля политическаго въ мірѣ вліянія грузинскаго царства, столько велико предназначеніе его въ нравственномъ развитіи человѣчества. Провидѣніе сохранило Грузію, среди тысячи опасностей, какъ-бы разсадникъ христіанства въ Закавказскомъ краѣ; проникнутая теплою вѣрою къ ученію Спасителя, Грузія одна, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, боролась противъ фанатиковъ, принявшихъ исламизмъ. Нынѣ безсмертнымъ подвигомъ вашимъ совершилось святое предназначеніе Грузіи: вѣковая борьба прекращена, тысячи людей, увлеченныхъ въ разное время въ плѣнъ, возвращаются въ свои семейства; миръ и спокойствіе прочно водворяются тамъ, гдѣ искони вѣковъ для земледѣльца плугъ былъ неразлученъ съ оружіемъ.

Съ чувствомъ глубокой благодарности, любви и удивленія привѣтствуемъ васъ, сіятельнѣйшій князь: благодать Промысла, осѣняющаго правителя, есть вѣрный залогъ счастія народа, управленію вашему ввѣреннаго, и преуспѣянія всѣхъ тѣхъ высокихъ предначертаній ко благу нашему, коими занята мысль ваша. Въ ознаменованіе великаго подвига, глубоко напечатлѣннаго въ сердцѣ каждаго изъ сыновъ Грузіи, ваше сіятельство, удовлетворяя желанію всѣхъ сословій, не откажете предстательствовать предъ лицемъ августѣйшаго императора о дозволеніи учредить народный праздникъ въ воспоминаніе объ этомъ событіи и грядущимъ поколѣніямъ!»

Шамиль со всей семьей былъ отправленъ въ Петербургъ черезъ Харьковъ, откуда потребованъ къ императору Александру II въ Чугуевъ, гдѣ государь смотрѣлъ войска. Въ концѣ сентября имамъ прибылъ въ столицу, оттуда водворенъ со своимъ семействомъ на жительство въ Калугѣ, гдѣ находился сначала подъ присмотромъ пристава, а затѣмъ губернскаго воинскаго начальника. Въ 1870 году, по климатическимъ условіямъ, Шамиль и его семейство были переведены на жительство въ Кіевъ, а затѣмъ ему было разрѣшено ѣхать въ Мекку; умеръ же онъ въ Мединѣ въ 1871 году.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ

Съ картины Занковскаго.

Взятіе крѣпости Ардагана 5-го Мая 1877 года.

49

Штурмъ и взятіе крѣпости Ардагана 5-го мая 1877 года.

После парижскаго конгресса въ политической жизни Европы стало пробуждаться стремленіе къ національной обособленности, подъ вліяніемъ котораго произошло объединеніе Италіи, созданіе Германской имперіи. То-же движеніе охватило и находившіяся въ подданствѣ турецкаго султана христіанскія народности Балканскаго полуострова, первые признаки броженія которыхъ обнаружились лѣтомъ 1873 года.

Къ 1875 году смуты въ Босніи и Герцеговинѣ приняли весьма серьезные размѣры; изъ этой страны возстаніе быстро перешло въ Болгарію, охватило Сербію и Черногорію. Смуты эти были вызваны, какъ и всегда, жестокимъ обращеніемъ турокъ съ подданными христіанами. Само собою разумѣется, что владычество одного народа надъ другимъ не можетъ быть прочно, если оно основано исключительно на грубой силѣ и притѣсненіи. Турки же въ своемъ ослѣпленіи не только не хотѣли понять этой истины, но, наоборотъ, гнетомъ и нетерпимостью неоднократно доводили своихъ подданныхъ до возстаній, такъ часто потрясавшихъ основы турецкаго государственнаго строя. Въ Турціи еще недавно каждый христіанинъ, уплатившій подать, получалъ въ видѣ квитанціи бумагу такого содержанія: «Предъявитель сего христіанинъ, уплатившій поголовную подать, имѣетъ право носить въ теченіе года голову на плечахъ».

Развившееся въ Герцеговинѣ лѣтомъ 1875 года возстаніе къ августу приняло такіе обширные размѣры, что вмѣшательство европейскихъ державъ сдѣлалось неизбѣжнымъ. Снова «восточный вопросъ» появился на горизонтѣ. Вопросъ этотъ, возникшій еще въ 1453 году, когда турки, овладѣвъ столицею Византіи—Константинополемъ, образовали грозную имперію османовъ, по сложности своихъ политическихъ, экономическихъ и національно-религіозныхъ интересовъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе. Уже болѣе четырехъ столѣтій онъ не сходитъ со сцены европейской политики, по временамъ то затихая, то снова пробуждаясь къ жизненной дѣятельности; не смотря на давность происхожденія, онъ не теряетъ своего остраго характера и постоянно волнуетъ заинтересованныя въ немъ державы. При первомъ герцеговинскомъ возстаніи представители шести державъ совмѣстно съ Россіей обсуждали мѣры относительно вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи, но вмѣсто принятія рѣшительныхъ мѣръ вступили на путь дипломатической переписки—какъ между собою, такъ и съ Турціей. На первыхъ же порахъ выяснилось разногласіе между членами международной комиссіи, и одна только Россія настойчиво требовала принудить Порту урегулировать свои законы по отношенію къ христіанамъ. Представители же Англіи и Австріи медлили энергичнымъ протестомъ турецкому правительству. Несолидарностью державъ пользовались турки, и звѣрства надъ герцеговинскими христіанами проявились еще съ большей силой.

Въ 1876 году дворцовая революція низвергла съ престола султана Абдулъ-Азиса и возвела на его мѣсто Мурада V. Въ то же время вновь возгорѣлось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, а Сербія и Черногорія, открыто вооружившись, приготовились итти на помощь своимъ угнетаемымъ братьямъ. Въ Болгаріи происходила страшная, поголовная рѣзня: христіанская кровь текла ручьями; маленькія народности эти не въ состояніи были выдержать борьбу, а потому сербскій король Миланъ просилъ великія европейскія державы о посредничествѣ съ цѣлью прекращенія военныхъ дѣйствій. Однако даже самыя умѣренныя

требованія Портой были отвергнуты и восточный вопросъ все болѣе и болѣе разгорался. Ясно было, что дѣло безъ войны не обойдется. Тогда Россія одна заговорила языкомъ болѣе вразумительнымъ и взяла на свои плечи это святое дѣло.

На ряду съ этимъ и общественное мнѣніе русскаго народа вызвало братское сочувствіе къ единовѣрнымъ по Христу братіямъ и много русскихъ добровольцевъ появилось въ Сербіи, Болгаріи и Черногоріи.

Въ октябрѣ генералъ Игнатьевъ именемъ государя представилъ Портѣ ультиматумъ, которымъ заявилъ, что выѣдетъ изъ Константинополя, если въ продолженіе 48 часовъ турецкое правительство не заключитъ съ Черногоріей и Сербіей перемирія. Порта вняла требованіямъ благоразумія и обѣщала свое согласіе на это предложеніе. Въ Константинополѣ собралась международная конференція, которая выработала программу для обсужденія. Въ циркулярной нотѣ англійскаго министра лорда Дерби отъ 4-го ноября были выставлены слѣдующія умѣренныя предложенія: 1) независимость и неприкосновенность территоріи Оттоманской имперіи; 2) декларація о томъ, что ни одно изъ государствъ не будетъ искать торговыхъ выгодъ или исключительнаго вліянія; 3) сохраненіе status quo для Сербіи и Черногоріи; 4) обязательное для Порты введеніе въ Босніи и Герцеговинѣ системы мѣстной или административной автономіи и 5) подобныя же гарантіи должны были быть предоставлены Болгаріи противъ дурного управленія. Не смотря на совѣщанія и переговоры съ Портой, члены конференціи, къ сожалѣнію, не могли притти къ единодушному соглашенію, чѣмъ воспользовались турки, и, къ удивленію всей Европы, 20-го января 1877 года конференція закончилась полнѣйшимъ фіаско европейской дипломатіи. Не смотря на то, что требованія державъ дошли въ своихъ уступкахъ до крайняго предѣла, султанъ отвергъ всѣ предложенія. Все же русское правительство еще медлило и разослало державамъ циркуляръ, въ которомъ спрашивало, что намѣрены онѣ дѣлать послѣ такого небывалаго поведенія Турціи. Но Англія, глава всей тогдашней политики, въ отвѣтныхъ депешахъ увѣдомляла уклончиво и пускалась въ ненужныя теоретическія разсужденія. Императоръ Александръ II, истощивъ тогда всѣ средства водворить на Востокѣ миръ, высочайшимъ манифестомъ отъ 12-го апрѣля 1877 года объявилъ Турціи войну и повелѣлъ сообщить великимъ европейскимъ державамъ ея причины и цѣли. Въ самый день объявленія войны русская армія перешла границу и двинулась къ Дунаю.

Не упоминая о военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи, обратимся къ операціямъ кавказской арміи поступившей, по представленію Великаго Князя Михаила Николаевича, подъ начальство генералъ адъютанта Лорисъ-Меликова. На кавказско-турецкой границѣ было собрано 43 батальона пѣхоты, 86 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, при 150 орудіяхъ, всего около 50 тысячъ человѣкъ. Кавказскія войска были раздѣлены на слѣдующіе отряды: 1) ахалцихскій генералъ-лейтенанта Девеля, въ который входили полки 153-й бакинскій и 156-й елисаветпольскій и 3-й кавказскій саперный батальонъ; кавалеріи было 10 сотенъ при 24 орудіяхъ; 2) эриванскій генералъ-лейтенанта Теръ-Гукасова состоялъ изъ полковъ—73-го крымскаго, 74-го ставропольскаго, 3-го стрѣлковаго батальона, одной роты саперъ, 24-хъ сотенъ при 32 орудіяхъ и 3) александропольскій, составлявшій главныя силы корпуса, подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова, въ составъ котораго вошли полки кавказской гренадерской дивизіи; полки: 154-й дербентскій, 155-й кубинскій и 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ; кавалеріи было 12 эскадроновъ и 36 сотенъ при 96 орудіяхъ.

12-го апрѣля кавказскія войска, перейдя турецкую границу, двинулись въ глубь непріятельскихъ владѣній., а 15-го апрѣля главныя силы безпрепятственно дошли до Кюрюкъ-Дара.

Муширомъ анатолійской арміи былъ назначенъ Мухтаръ паша, человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и знающій. Силы турецкой арміи находились: въ Карсѣ до 20-ти тысячъ человѣкъ; на лѣвомъ флангѣ въ Ардаганѣ 8 тысячъ человѣкъ; въ батумскомъ санджакѣ до 20-ти тысячъ человѣкъ; кромѣ того турецкія войска находились на лѣвомъ флангѣ въ Алашкертѣ, Караклисѣ и въ Эрзерумѣ; ожидали еще прибытія резервовъ; всего непріятельскихъ войскъ было около 70 тысячъ человѣкъ. Собранная черкесская кавалерія

была вручена Мусѣ-пашѣ Кундухову (русскій генералъ) и Гази-Махметъ-пашѣ (сыну Шамиля). Комендантомъ крѣпости Карса былъ назначенъ Гуссейнъ-Хами паша.

Малочисленность войскъ не позволяла приступить къ осуществленію плана военныхъ дѣйствій составленнаго еще въ мирное время, а потому пришлось отказаться отъ инициативы, выжидая разъясненія обстановки.

Какъ и въ 1855 году, русскимъ нужно было прежде всего пресѣчь прямое сообщеніе Карса съ Ардаганомъ, взять Ардаганъ и Кагызманъ. Съ этою цѣлью войска 19-го апрѣля двинулись къ селенію Енгикею, въ сѣверовосточныхъ окрестностяхъ Карса. Расположившись въ окрестныхъ деревняхъ, они дѣйствительно прервали сообщеніе Карса съ Ардаганомъ. На основаніи опыта прежнихъ войнъ Мухтаръ-паша справедливо предположилъ, что русскіе съ переходомъ границы постараются завладѣть Соганлугскимъ хребтомъ, черезъ который проходили главные пути изъ Карса къ Эрзеруму. По этимъ причинамъ онъ съ частью карсскаго гарнизона направился къ Соганлугу, гдѣ занялъ позицію на мѣстности Хункіаръ-дизю. Пущена была для развѣдокъ кавалерія генерала кн. З. Чавчавадзе, который настигъ Мухтара у д. Кечяка. Для поддержанія кавалеріи была послана колонна ген. Геймана; узнавъ объ этомъ Мухтаръ снялся съ позиціи и быстро отступилъ. Войсками эриванскаго отряда безъ выстрѣла былъ занятъ Баязетъ, а 24-го апрѣля, тоже безъ боя, былъ взятъ летучимъ отрядомъ Кагызманъ, расположенный къ югу отъ Карса. Но самый важный успѣхъ былъ достигнутъ войсками Ахалцихскаго отряда. Предметомъ дѣйствій его былъ укрѣпленный городъ Ардаганъ.

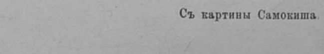
Городъ Ардаганъ, расположенный на обоихъ берегахъ рѣки Куры, лежитъ у подножія горъ, замыкающихъ собою съ востока возвышенную Ардаганскую равнину, которая посредствомъ колесныхъ путей, переваливающихъ черезъ окружающія горы, связывается съ Батумомъ, Ахалцихомъ, Карсомъ и Эрзерумомъ. Въ прежнее время укрѣпленія Ардагана состояли изъ старой цитадели и были ничтожны; но передъ послѣдней войной турки, оцѣнивъ значеніе мѣстности, при содѣйствіи инженеровъ, обратили Ардаганъ въ сильную крѣпость, вооруженную орудіями большого калибра. Ключемъ крѣпости служили: Гелявердынскія высоты, лежащія къ востоку отъ нея, съ фортомъ Эмиръ-оглы и передовыми укрѣпленіями на двухъ вершинахъ восточнѣе послѣдняго, и фортъ Рамазанъ-табія, къ сѣверу отъ крѣпости. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ двѣнадцати батальоновъ, подъ начальствомъ Гасана-паши.

Ахалцихскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Девеля, прибывъ къ Ардагану, произвелъ рекогносцировку, выяснившую важность гелявердынскихъ укрѣпленій и трудность овладѣть Рамазанъ-табіей. Для содѣйствія ахалцихскому отряду изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса была отправлена колонна, состоявшая изъ 8 батальоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, при 28 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана. Рѣшено было начать дѣйствія съ Гелявердынскихъ высотъ, со взятіемъ которыхъ надѣялись поколебать нравственный духъ турокъ; затѣмъ предполагалось дѣйствовать съ южной и восточной сторонъ. На 4-е мая отдана была диспозиція, на основаніи которой предписано: войскамъ генерала Геймана ночью возвести батареи для дѣйствій противъ Гелявердынскихъ высотъ и съ разсвѣтомъ открыть огонь, а колоннѣ генерала Девеля предписывалось атаковать укрѣпленіе Эмиръ-оглы. Въ ночь на 4-е мая, съ наступленіемъ темноты, саперы и рабочіе отъ полковъ съ шанцевымъ инструментомъ, а за ними артиллерія выступили на свои мѣста.

Для обезпеченія праваго фланга и привлеченія вниманія турокъ къ Рамазанъ-табіи въ сторону этого форта направлена была колонна генерала Ореуса, состоявшая изъ одного батальона бакинскаго полка съ батареею и казачьимъ полкомъ. Для атаки гелявердынскихъ высотъ въ распоряженіи генерала Девеля оставались весь елисаветпольскій полкъ и двѣ роты бакинскаго полка съ $1\frac{1}{2}$ пѣшими батареями и дивизіономъ конной. Войска эти были раздѣлены на три колонны: правая, подъ начальствомъ полковника кн. Амираджиби, направлена на правое передовое укрѣпленіе и фортъ Эмиръ-оглы; лѣвая—лѣвѣе; резервъ оставленъ близъ лагеря. Наступленіе начато до открытія огня съ батарей, открывшей стрѣльбу послѣ пущенной ракеты, только въ девятомъ часу. Полковникъ кн. Амираджиби, построивъ батальоны елисаветпольскаго полка по-ротно, двинулся къ подъе-

му подъ покровительствомъ огня артиллеріи 39-й артиллерійской бригады и 5-й конной кубанской батареи. Лишь только войска князя тронулись и вошли въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ, какъ были встрѣчены изъ траншей сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Не смотря на градъ пуль, они медленно, шагъ за шагомъ, поднимаясь по крутому подъему, подошли къ первому ложементу. Уже раздались крики «Аллахъ», и нѣкоторые турецкіе офицеры вскочили на бруствeръ, поощряя своихъ солдатъ къ рукопашной схваткѣ, но, при видѣ безостановочно приближавшихся елисаветпольцевъ во главѣ съ доблестнымъ начальникомъ, турки не выдержали и бросили первый ложементъ; за нимъ, подъ тѣмъ же губительнымъ огнемъ, былъ взятъ и второй, а къ одиннадцати часамъ елисаветпольцы выбили непріятеля изъ послѣдней длинной траншеи и заняли Гелявердынскія высоты, пройдя подъ огнемъ крутой полутораверстный подъемъ. Здѣсь генералъ Девель приказалъ войскамъ отдохнуть и приготовиться для атаки лагеря. Послѣ десятиминутной остановки, одушевленныя первыми успѣхами, войска князя Амираджиби съ крикомъ «ура» бросились впередъ и взяли лагерь. Турки поспѣшно отступили частью въ Ардаганъ, частью въ укрѣпленіе Эмиръ-оглы, до котораго оставалось около версты. Къ этому времени огонь изъ укрѣпленія ослабъ; верки во многихъ мѣстахъ были разрушены, но, не смотря на это, находившійся въ крѣпости отважный комендантъ съ оставшейся частью гарнизона рѣшился упорно защищать фортъ, для чего сосредоточилъ огонь преимущественно на плато, занятомъ елисаветпольцами. Для противодѣйствія этому огню выдвинуты были на плато сначала кубанскій дивизіонъ, потерявшій въ самомъ непродолжительномъ времени почти всю свою прислугу, а затѣмъ—полубатарея третьей батареи 39-й артиллерійской бригады, которая, преодолѣвъ мѣстныя препятствія и выѣхавъ на позицію, открыла огонь. Въ началѣ перваго часа пополудни къ войскамъ прибыли по два батальона эриванцевъ и бакинцевъ. Прибытіе этихъ частей, совпавшее съ замѣтнымъ ослабленіемъ огня турокъ, послужило елисаветпольцамъ сигналомъ къ атакѣ. Полковникъ Амираджиби двинулъ свои батальоны впередъ и съ громкимъ крикомъ «ура» бросившись на укрѣпленіе Эмиръ-оглы, завладѣлъ имъ. Первыми взошли на брустверъ генералъ-лейтенантъ Девель, полковникъ кн. Амираджиби, майоръ Скосаревскій и прапорщикъ Пузино. Съ занятіемъ этого форта участь Ардагана была рѣшена, и дальнѣйшую атаку предположено было произвести съ южной, болѣе открытой стороны. Въ ночь на 5-е мая на занятыхъ высотахъ были построены батареи, а къ утру отрядъ генерала Девеля передвинутъ на лѣвый берегъ Куры, къ Рамазанъ-табіи, на его же мѣсто стали эриванскій и бакинскій полки съ двумя батареями. Тифлисскій полкъ и третій саперный батальонъ расположились на склонахъ Алагеза, за построенными здѣсь батареями; у селенія М. Чингуры, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, находилась кавалерія подъ начальствомъ генерала Шереметева. 5-го мая, въ три часа дня, русскими батареями разомъ была открыта канонада; успѣшныя дѣйствія артиллеріи оказали свое вліяніе, и въ укрѣпленіи стали замѣчаться суета и безпорядокъ. Въ то же время генералъ Шереметевъ прислалъ донесеніе о томъ, что непріятель часть своего гарнизона увелъ изъ-подъ огня. Тогда не смотря на то, что былъ уже вечеръ, рѣшено было въ 6 часовъ штурмовать Ардаганъ съ южной стороны тифлисцами и саперами, а съ востока—колонною генерала Геймана. Пользуясь балками и лощинами, спускающимися съ Гелявердынскихъ высотъ, генералъ Гейманъ повелъ свою пѣхоту незамѣтно для непріятеля. Подъ жесточайшимъ огнемъ, съ распущенными знаменами и съ музыкой, густою цѣпью наступали эриванцы, бакинцы и саперы. Артиллерія замолкла когда войска подошли на 400 шаговъ отъ крѣпости и заняли небольшія высоты противъ укрѣпленія Сингеръ, при чемъ войска, засѣвъ за гребнемъ возвышенности, открыли по укрѣпленію бѣглый огонь, а затѣмъ мужественно бросились въ штыки подъ сильными непріятельскими выстрѣлами. Турки, видя рѣшительное наступленіе гренадеръ и бакинцевъ, дрогнули, стрѣльба ихъ ослабѣла, они не выдержали и бѣжали къ постамъ на рѣкѣ Курѣ. Одновременно съ этимъ войска лѣваго фланга произвели наступленіе и, ворвавшись въ городъ совмѣстно съ кавалеріей Шереметева, рубили турокъ, столпившихся въ тѣсныхъ улицахъ, выбивая непріятеля изъ домовъ. Въ 8 часовъ вечера все было кончено: сильное укрѣпленіе Кая-баши и цитадель находились

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ.

Съ картины Самокиша.

Эпизодъ изъ Авліарскаго боя 3-го Октября 1877 года

50

Авлiарское сраженiе 3-го октября 1877 года.

Сраженiе 20, 21 и 22 сентября сильно разстроило армiю Мухтара-паши, а потому онъ долго не могъ держаться на занятыхъ позицiяхъ и, по необходимости, думалъ, какъ-бы безнаказано отступить къ Саганлугу. До вечера 26-го сентября Мухтаръ никому не открывалъ своего намѣренiя, но едва наступили сумерки, какъ турецкiй главнокомандующiй отдалъ приказанiе осторожно свозить артиллерiю, тяжести и затѣмъ сниматься войскамъ съ позицiй. Уходя въ горы турки оставили огоньки и костры, чтобы скрыть свое отступленiе.

Генералъ Гейманъ съ цѣлью удержать отступленiе Мухтара-паши приказалъ отряду своему двигаться по дорогѣ къ Суботану, но едва войска подошли къ этой деревнѣ какъ увидѣли, что непрiятеля и въ ней не было. Перейдя на правый берегъ суботанскаго ручья грузинцы заняли гору, а эриванцы выдвинулись къ Хаджи-Вали; кавалерiя же Шереметева прикрывала правый флангъ русскихъ войскъ со стороны Аладжи и Большихъ Ягновъ.

Мухтаръ-паша сосредоточивался съ цѣлью отбросить русскихъ отъ Александрополя, или же намѣревался, подъ прикрытiемъ своихъ передовыхъ частей, отступить къ Карсу. Утромъ 27-го сентября девять непрiятельскихъ батальоновъ спустились на нижнюю террасу Аладжи и, расположившись за камнями и скалистыми обрывами, открыли изъ своихъ батарей по русскимъ войскамъ учащенную стрѣльбу. Русскiя батареи отвѣтили туркамъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки непрiятель перешелъ въ наступленiе; грузинцы ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ, послѣ чего турки повернули назадъ и скрылись за укрѣпленiями, изъ которыхъ возобновили огонь, прекратившiйся лишь къ вечеру.

Занявъ аладжинскiя высоты, Мухтаръ-паша расположилъ свои войска сосредоточенно. Боевая сила его корпуса состояла изъ 62-хъ баталiоновъ, 45-ти сотенъ при 60-ти орудiяхъ, включая въ это число и карсскiй гарнизонъ.

Аладжа имѣетъ болѣе шести тысячъ футовъ превышенiя надъ уровнемъ моря; восточные скаты круты, сѣверные, сравнительно, пологи и спускаются двумя террасами къ ручью Маврякъ-чаю. Окружающая мѣстность совершенно открыта и не препятствуетъ обозрѣнiю на громадное разстоянiе. На конусообразной горѣ Авлiарѣ были воздвигнуты траншеи съ тремя батареями на три орудiя; у Визинкева, въ укрѣпленiяхъ Чифтъ-Тапаси и на высотахъ Налбанта находились массы турецкихъ войскъ. Авлiаръ былъ тактическимъ ключемъ непрiятельской позицiи; съ его вершины, какъ на ладони, открывалось обширное пространство, на которомъ расположены были русскiя войска.

Генералъ Гейманъ, зная превосходныя качества полковъ Кавказской гренадерской дивизiи, предлагалъ овладѣть Авлiаромъ, не ожидая появленiя колонны генерала Лазарева, посланнаго въ обходъ непрiятелю, но такъ какъ подобная атака могла стоить громадныхъ жертвъ, то было предписано не начинать военныхъ дѣйствiй до особаго приказанiя. Такимъ образомъ успѣхъ предстоящаго боя обусловливался общностью дѣйствiй двухъ колоннъ. Ожидая прибытiя Лазарева, артиллерiя Геймана ежедневно вела перестрѣлку съ турецкими батареями; войска постоянно находились въ сферѣ непрiятельскаго огня. 1-го октября изъ Хаджи-Вали заговорили большiя двѣнадцати-дюймовыя осадныя пушки, посылая на Авлiаръ свои чудовищные снаряды. Въ этотъ день турки сдѣлали нападенiе на Большiя Ягны, но

дойдя до траншей занятыхъ тифлисцами, были встрѣчены губительнымъ огнемъ и принуждены были отступить. Наступившая темнота не дала возможности преслѣдовать турокъ.

Между тѣмъ Лазаревъ, 30-го сентября достигнувъ Дигора, послѣ дневки 2-го октября, овладѣлъ орлокскими высотами, находящимися надъ Базарджикомъ. Съ занятіемъ этихъ высотъ легко было одновременно атаковать Авліаръ и съ фронта и съ тыла. Лазаревъ донесъ, что съ разсвѣтомъ необходимо начать рѣшительныя дѣйствія со стороны главныхъ силъ, дабы отрѣзать армію Мухтара-паши отъ Карса. Была составлена диспозиція, по которой войска въ ночь съ 2-го на 3-е октябра были расположены слѣдующимъ образомъ:

1) Отрядъ Геймана, состоящій изъ 24-хъ батальоновъ, 140 орудій, 18-ти эскадроновъ и сотенъ, занималъ позицію на Большихъ-Ягнахъ, у Хаджи-Вали и Суботана; 2) отрядъ Роопа, силой въ 9 батальоновъ, 32 эскадрона и сотенъ и 36-ти орудій расположился на позиціяхъ впереди Кизилъ-Тапы и у Кабахъ-Тапы; 3) колонна Дена составляла общій резервъ и находилась у Кюль-Верана и 4) въ колоннѣ Лазарева у Базарджика и Дигора было 23 батальона 26 эскадроновъ и сотенъ и 78 орудій. Боевая сила всѣхъ войскъ доходила до 65-ти батальоновъ пѣхоты, 81 эскадрона и сотенъ кавалеріи при 248 орудіяхъ.

Послѣ спокойно проведенной ночи, настало прекрасное солнечное утро. Съ $6^1/_2$ часовъ утра ростовцы, эриванцы и грузинцы начали одновременно наступленіе по всей линіи на Авліаръ. Артиллерія была двинута впередъ и, открывъ стрѣльбу, стала громить вершину Авліара. Громъ орудій слился въ одинъ адскій гулъ, прерываемый только пронзительнымъ разрывомъ снарядовъ. Неумолкаемый ревъ массы пушекъ производилъ потрясающее впечатлѣніе. Непріятель тоже не оставался въ долгу и изъ своихъ дальнобойныхъ орудій съ высотъ Авліара, Визинкева и Керъ-Хана встрѣтилъ русскую артиллерію жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Стрѣльба русской артиллеріи была до того мѣткой, что почти каждый выстрѣлъ причинялъ страшное опустошеніе на площадкѣ и въ траншеяхъ Авліара. Вслѣдствіе такого подавляющаго перевѣса огня турецкая артиллерія почти на всѣхъ позиціяхъ скоро замолкла. Подъ покровительствомъ огня артиллеріи эриванцы, грузинцы и ростовцы безостановочно подвигались къ Авліару, откуда цѣлый градъ выстрѣловъ летѣлъ въ ихъ ряды, но стойкіе гренадеры несмотря на крутые скаты, занимая позицію за позиціей, приближались къ своей цѣли. Было около 11 часовъ утра когда войска, оцѣнивъ гору у самой подошвы, залегли на ней въ ожиданіи дальнѣйшаго продолженія штурма. Артиллерія, руководимая генераломъ Губскимъ, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и искусствомъ мѣняя позиціи, сближалась съ непріятелемъ; къ этому времени она уже находилась въ верстѣ отъ Авліара, дѣйствуя картечной и шрапнельной стрѣльбой.

Подготовивъ такимъ образомъ штурмъ огнемъ артиллеріи Гейманъ отдалъ приказъ итти въ атаку на Авліаръ. Началась учащенная оружейная стрѣльба: густыя цѣпи эриванцевъ, грузинцевъ и пятигорцевъ двинулись впередъ на приступъ и стали кучками взбираться на вершину съ трехъ сторонъ Войска спѣшили развязкой и, мстя туркамъ за Зивинъ, твердо рѣшились побѣдить или умереть. Около двухъ часовъ по полудни орудійный громъ по Авліару смѣнился гробовою тишиною; даже ружейный огонь турокъ не былъ слышенъ; непріятель началъ перебѣгать изъ нижнихъ окоповъ въ верхніе. Это указало Гейману на своевременность удара и онъ двинулъ всю свою боевую линію впередъ. Кононада на Авліарѣ смолкла и вскорѣ войска услышали крики «ура»—это четвертый батальонъ эриванцевъ, съ своимъ храбрымъ командиромъ Кн. Микеладзе, ворвавшись въ турецкія укрѣпленія, возвѣщалъ о побѣдѣ. Турки были сильно озадачены и побросавъ на Авліарѣ три орудія, множество оружія и боевыхъ припасовъ, въ безпорядкѣ, въ паническомъ страхѣ, бѣжали, не дождавшись «штыковой работы». Съ этого момента побѣда была въ рукахъ русскихъ. Гренадеры заняли Авліаръ и, оглашая восторженными криками «ура» боевое поле, водрузили на вершинѣ горы пять распущенныхъ знаменъ.

Бѣжавшіе съ Авліара турки спѣшили безпорядочными толпами къ верхне визинкевской позиціи; Гейманъ, немедля ни минуты, рѣшился преслѣдовать непріятеля и, оставивъ на Авліарѣ незначительный гарнизонъ, направилъ свои войска за бѣгущими. Двигаясь впередъ войска услышали въ тылу верхне визинкевскихъ высотъ крики «ура», то передовыя колонны генерала Ла-

зарева, двигаясь на встрѣчу войскамъ Геймана, сбивали турокъ съ верхне-визинкевскихъ позицій.

Около шести часовъ вечера окончился ожесточенный бой; разгромъ непріятельской арміи былъ полнѣйшій. Вскорѣ къ великому князю Михаилу Николаевичу, находившемуся на визинкевскихъ высотахъ, прискакалъ ординарецъ съ донесеніемъ, что турецкія войска, въ числѣ трехъ дивизій, сдаются военно-плѣнными. У восточнаго подножья Чифтъ-тенесли горѣлъ костеръ, у котораго сидѣли генералъ Гейманъ со свитой и турецкіе генералы Омеръ и Гасанъ-Кіязилъ. Командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, прибывъ къ этому мѣсту, принялъ турецкихъ генераловъ ласково и далъ согласіе на сохраненіе военно-плѣннымъ оружія. При свѣтѣ огарка въ 11 часовъ ночи былъ написанъ актъ о сдачѣ.

Послѣдствія Авліарской побѣды были черезвычайно важны и еслибы русскіе устремились-бы по слѣдамъ разстроенныхъ остатковъ турецкихъ войскъ во главѣ съ Мухтаромъ бѣжавшихъ въ Карсъ, то навѣрно взяли бы эту крѣпость почти безъ потерь, такъ какъ гарнизонъ крѣпости находился въ полномъ разстройствѣ и деморализаціи. Но, къ сожаленію, Гейманъ не воспользовался плодами Авліарской побѣды и штурмъ Карса былъ отсроченъ на неопредѣленное время и зависѣлъ отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Фототипія К. Месхіева въ Тифлисѣ

Съ картины Рубо.

Штурмъ и взятіе крѣпости Карса 6-го Ноября 1877 года.

Взятіе крѣпости Карса 6-го Ноября 1877 года.

Взятіе крѣпости Ардагана имѣло большое значеніе въ общемъ ходѣ войны, такъ какъ послѣ этого ахалцихскій отрядъ могъ быть направленъ къ Карсу для совмѣстныхъ дѣйствій съ главными силами.

Относительно дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій высказывались различные взгляды, и между прочимъ предполагалось, не обращая вниманія на Карсъ, двинуться къ Соганлугу, разбить армію Мухтара-паши и овладѣть Эрзерумомъ. Планъ этотъ могъ быть выполненъ при условіи, если бы тотчасъ-же послѣ взятія Ардагана стремились-бы осуществить его, но этого не было сдѣлано. Другое мнѣніе, защитникомъ котораго былъ генералъ Гейманъ, заключалось въ томъ, чтобы немедленно приступить къ осадѣ Карса. Великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ это время находившійся около Сухума, предоставилъ рѣшить этотъ вопросъ военному совѣту, который съ мнѣніемъ генерала Геймана согласился, послѣ чего къ Карсу были направлены всѣ осадные парки и орудія. 2-го іюня былъ назначенъ штурмъ Карса на форты Арабъ и Карадагъ. Согласно разосланной диспозиціи, осадныя батареи должны были утромъ начать усиленную бомбандировку, а штурмовымъ колоннамъ вмѣнялась атака названныхъ фортовъ. Къ сожалѣнію, благодаря темнотѣ ночи, нераспорядительности, незнанію частными начальниками своихъ мѣстъ, все было перепутано, и осадная диспозиція не была выполнена.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это событіе: «Къ генералу Девелю стали стекаться самыя неблагопріятныя извѣстія: то строителей нѣтъ, то рабочихъ нѣтъ. Войска присылаютъ узнавать: гдѣ батареи, спрашиваютъ нумера, а всѣ нумера перепутались.... Отъ осаднаго парка прислали сказать, что нѣкоторыя батареи даже не сдвинуты съ мѣста. Къ довершенію бѣды какое-то наше прикрытіе, ни кѣмъ не останавливаемое, дошло чуть не до стѣнъ укрѣпленія; секретъ по немъ открылъ огонь; наши не отвѣчали, такъ какъ строго было запрещено. Несмотря на это, непріятель съ просонья открылъ сильную стрѣльбу. По всѣмъ мѣстамъ полетѣли казаки, адъютанты, ординарцы: кто ищетъ Девеля, кто строителей, кто корпуснаго. Никто ничего не можетъ найти. Ночь зги Божіей не видно....»

Штурмъ былъ отмѣненъ, что вселило туркамъ смѣлость, и они 3-го Іюня произвели дерзкую вылазку изъ Карса къ Шарохскимъ высотамъ. Объ этомъ было послано къ генералу Гейману донесеніе, но онъ не выходя изъ палатки, дѣлалъ видъ, что не слышитъ ничего. Видя такое спокойствіе въ лицѣ начальника отряда, войска перестали думать объ опасности и даже расположились обѣдать, какъ вдругъ цѣлый дождь снарядовъ началъ сыпаться въ лагерь. Тогда, не дожидаясь приказанія, частные начальники, быстро изготовившись, двинулись на выстрѣлы. Командиръ грузинскаго полка полковникъ Рыдзевскій направилъ свой полкъ, который вмѣстѣ съ эриванцами и саперами устремился на Аравартанскія высоты; здѣсь разыгрался аравартанскій бой, принудившій турокъ отступить къ Карсу.

Послѣ аравартанскаго дѣла въ главной квартирѣ появились тревожные слухи объ эриванскомъ отрядѣ генерала Теръ-Гукасова; говорили даже, что онъ окруженъ непріятелемъ въ Кара-Дербентскомъ проходѣ. Эти причины заставили перемѣнить первоначальный планъ дѣйствій, и Гейманъ представилъ докладную записку, въ которой утверждалъ, что «до тѣхъ поръ пока не будетъ уничтоженъ злокачественный нарывъ (армія Мухтара-паши), взятіе Карса едва-ли возможно». Съ этимъ мнѣніемъ

въ главной квартирѣ согласились, и Гейману, съ отрядомъ изъ 17-ти баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 34-хъ сотенъ при 64-хъ орудіяхъ приказано было двинуться къ Соганлугу; другая половина войскъ, генерала Девеля, была оставлена для наблюденія за Карсомъ.

9-го іюня отрядъ Геймана выступилъ по назначенію; на пути у Мелюдиза получились свѣдѣнія, что силы Мухтара-паши сосредоточены на Дели-бабскихъ высотахъ и что другой турецкій отрядъ, Исмаила паши, въ составѣ 14-ти батальоновъ, 6 сотенъ и 18 орудій, находится въ Медженгертѣ (Зивинская позиція). Необходимо было рѣшиться на штурмъ этой позиціи, такъ какъ отъ этого облегчалась блокада Карса съ южной стороны, а потому Гейманъ 13-го іюня предпринялъ штурмъ Зивинской позиціи, который, несмотря на храбрость кавказскихъ войскъ, былъ неудаченъ. Послѣ этого Гейманъ отступилъ къ Карсу, а Мухтаръ-паша началъ преслѣдованіе, и когда первый присоединился къ главнымъ силамъ, второй достигъ с. Бегли-Ахмета. Подобная энергія турокъ принудила русскихъ снять осаду Карса, такъ какъ трудно было расчитывать на двойной успѣхъ: отразить непріятеля въ полѣ и продолжать подготовленія къ штурму.

Такимъ образомъ, въ первый періодъ войны, за исключеніемъ Ардагана, кавказскія войска отступили на всѣхъ пунктахъ; кромѣ того испытали серьезную неудачу подъ Зивиномъ. Тѣмъ временемъ предпріимчивый Мухтаръ подошелъ къ зеранъ-Кала, лежащему всего въ 15 верстахъ отъ Карса и даже намѣревался прорваться въ предѣлы Кавказа.

Отступившія русскія войска расположились у д. Кюрюкъ-Дара и Паргета; занимая эти мѣста, они желали предупредить противника въ активныхъ дѣйствіяхъ. 4-го Іюля Мухтаръ, вызвавъ изъ Карса часть войскъ и образовавъ отрядъ въ составѣ 53-хъ батальоновъ, 42-хъ эскадроновъ при 56-ти орудіяхъ, на другой день занялъ Аладжинскія высоты и началъ ихъ укрѣплять; на Аладжѣ вскорѣ былъ воздвигнутъ укрѣпленный лагерь; кромѣ того ожидались значительныя подкрѣпленія изъ Эрзерума. Въ виду такого сосредоточенія, положеніе дѣлалось затруднительнымъ, а потому командующій корпусомъ просилъ главнокомандующаго о присылкѣ подкрѣпленій. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи въ составъ дѣйствующаго корпуса: 76-го кубинскаго, 150-го таманскаго, 151-го пятигорскаго полковъ, двухъ стрѣлковыхъ батальоновъ и батарей 19-ой и 38-ой артиллерійскихъ бригадъ. Къ концу іюля прибыла еще 40-я дивизія и другія подкрѣпленія, послѣ чего попытки турокъ устроить переправы черезъ Арпачай для движенія въ Закавказье дѣлались слишкомъ трудными.

Въ началѣ августа были присланы на усиленіе новыя подкрѣпленія. Войска, оставшіяся у Кюрюкъ-дара, приступили къ укрѣпленію высотъ Кизилъ-Тапа, справедливо опасаясь, что Мухтаръ можетъ воспользоваться ослабленіемъ силъ. Дѣйствительно, въ ночь съ 12-го на 13-е августа, турки атаковали занятыя высоты; до 4-хъ часовъ пополудни русскія войска удерживали напоръ непріятеля, но къ вечеру должны были уступить противнику Кизилъ-Тапу и отступить обратно къ Кюрюкъ-Дара. На одну изъ причинъ неудачи подъ Кизилъ-Тапой можно указать на то, что отрядъ Девеля, выступившій на усиленіе войскъ Теръ-Гукасова, долженъ былъ возвратиться обратно къ главнымъ силамъ, но, по большому разстоянію, къ дню боя Девель не успѣлъ подойти. Извѣстіе о взятіи Кизилъ-Тапинскихъ высотъ обрадовало турокъ; Султанъ наградилъ Мухтара титуломъ «гази» и утѣшалъ себя надеждой, что новый «гази» не замедлитъ выказать въ дальнѣйшемъ такую же дѣятельность. Но, несмотря на побѣду, Мухтаръ не рѣшался двинуться въ русскіе предѣлы, такъ какъ истощеніе запасовъ и развившіяся болѣзни не позволяли ему исполнить это предпріятіе. Кромѣ того онъ ожидалъ Исмаилъ-пашу, который долженъ былъ вторгнуться черезъ Сурамскій участокъ и итти на подкрѣпленіе Мухтара.

Къ концу сентября изъ Россіи были стянуты новые резервы, и войска кавказскія вновь могли перейти въ наступленіе. Можно было предположить, что Мухтаръ, узнавъ объ усиленіи войскъ, оставитъ Аладжинскія высоты и отойдетъ въ Карсъ, но онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о прибытіи полковъ первой гренадерской дивизіи и 20, 21 и 22-го сентября принялъ бой на Аладжинскихъ высотахъ; трехдневный бой этотъ хотя и не далъ рѣшительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ вліяніе на упадокъ нравственнаго духа турецкихъ войскъ и былъ прелюдіей къ окончательному пораженію непріятельской арміи 3-го октября при Авлiарѣ. Случилось это такъ: 22-го сентября Мухтаръ толь-

ко и думалъ. какъ-бы безнаказанно уйти опять къ Соганлугу. Ночью 26-го сентября турки оставили свою позицію, такъ что на разсвѣтѣ въ главной квартирѣ съ удивленіемъ замѣтили исчезновеніе непріятеля; присланное донесеніе разъяснило, что турки, отступая, заняли позицію на Авліарѣ. Начался бой. Благодаря энергичной атакѣ штурмовыхъ колоннъ, часть арміи Мухтара-паши, состоящая изъ 27-ми батальоновъ, сдалась военноплѣнными. Изъ турецкихъ войскъ спаслись въ Карсъ 13 батальоновъ и 14 орудій. Самъ Мухтаръ, не дождавшись окончанія боя, отступилъ. Это пораженіе произвело въ крѣпости большую панику. Мухтару оставалось послѣ этого спасти свою операціонную линію, и онъ съ этой цѣлью, на другой же день, съ 8 батальонами, двумя сотнями башибузуковъ и 10 горными орудіями, двинулся по эрзерумской дорогѣ, желая достигнуть укрѣпленной зивинской позиціи.

Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было покончить съ Карсомъ. Всѣ войска раздѣлены были на два отряда: соганлугскій—генерала Геймана и карсскій—генерала Лазарева; въ составъ послѣдняго вошли 34 батальона, 34 эскадрона и сотни и 126 орудій. Гейману приказано было преслѣдовать Мухтара и совмѣстно съ эриванскимъ отрядомъ имѣть главную цѣль дѣйствія—Эрзерумъ; Лазареву-же поставлено задачею блокировать Карсъ. Съ10-го октября приступили къ тѣсному обложенію крѣпости. Для усиленія блокады генералъ Лорисъ-Меликовъ потребовалъ часть ардаганскаго отряда. Началась блокада, которая на осажденныхъ турокъ дѣйствовала удручающе. Жители Карса толпами собирались къ коменданту Гусейну-пашѣ и просили его не подвергать ихъ бѣдствіямъ осады. Но онъ увѣрялъ всѣхъ, что изъ Трапезунда и Батума ожидаются подкрѣпленія, съ прибытіемъ которыхъ онъ надѣялся отбросить русскихъ къ Арпачаю. Гарнизонъ и жители Карса были деморализованы, зная, что никакихъ подкрѣпленій нельзя ждать; наоборотъ, Мухтаръ-паша просилъ выдѣлить для усиленія своихъ войскъ часть карсскаго гарнизона.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ, зная о такомъ настроеніи осажденныхъ, послалъ въ крѣпость парламентера, князя Тарханъ-Моуравова, который предложилъ Гуссейну-пашѣ выгодныя условія; но тотъ ихъ отвергъ. Послѣ этого въ главной квартирѣ начали обсуждать вопросъ: съ какой стороны вести осадныя дѣйствія. На военномъ совѣтѣ была предложена слѣдующая программа штурма: такъ какъ гарнизонъ нагорныхъ укрѣпленій свое довольствіе получалъ изъ цитадели, а воду изъ Карсъ-чая и что самый городъ обстрѣливается лучше всего изъ низменныхъ укрѣпленій, то рѣшили направить усилія для овладѣнія городскихъ укрѣпленій—Сувари, Канлы, Фези-паша и Хафисъ.

20-го октября войска ардаганскаго отряда подъ начальствомъ генерала Комарова прибыли къ главнымъ силамъ, а 23-го числа получено было радостное извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ за Соганлугскимъ отрядомъ надъ соединенными силами Мухтара и Исмаила пашей при Деве-бойну.

Убѣдясь, по личному опыту въ 1855 году, какое значеніе имѣло на результатъ штурма незнаніе колонными начальниками мѣстности противъ занимаемыхъ мѣстъ, Лорисъ-Меликовъ приказалъ ежедневно высылать охотничьи команды, которыя подъ руководствомъ офицеровъ осматривая подступы, перехватывали одиночныхъ людей и залпами изъ ружей, преимущественно ночью, тревожили гарнизоны укрѣпленій. Дѣйствія этихъ командъ, поступившихъ подъ общее завѣдываніе генерала Граббе, были такъ удачны, что каждую ночь, по фальшивой тревогѣ турки выбѣгали въ ружье, ожидая штурма. Черезъ недѣлю утомленный гарнизонъ пересталъ обращать вниманіе на тревоги охотниковъ, предоставляя своимъ ночнымъ постамъ слѣдить за ихъ движеніями, самъ же погружался въ глубокій сонъ. Этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше воспользовались русскіе при штурмѣ. Турки оставались въ полномъ невѣдѣніи—съ какой стороны русскіе предполагаютъ вести главную атаку. Судя же по распоряженіямъ Гуссейна-паши, который не задолго до штурма приказалъ минировать укрѣпленія Карадахъ, Мухлисъ и Тохмасъ, турки ждали штурма съ этой стороны. Эти свѣдѣнія передалъ одинъ турецкій дезертиръ, артиллерійскій унтеръ-офицеръ, убѣжавшій за нанесенные ему тяжкіе побои и оказавшій въ качествѣ проводника большія услуги въ ночь 6 ноября.

Къ концу октября наступили холода. Рѣшено было не от-

кладывать штурма; днемъ штурма назначенъ былъ разсвѣтъ 2-го ноября. Диспозиція, составленная начальникомъ штаба арміи генераломъ Павловымъ, была лично передана 1-го ноября начальнику блокаднаго отряда генералу Лазареву. По этой диспозиціи: 1) главный ударъ должны были произвести 21¹/₄ батальона съ 48 орудіями въ трехъ колоннахъ—графъ Граббе и генералъ Алхазовъ—на форты Хафисъ, Канлы и Сувари; 2) для демонстраціи противъ Карадага и Араба назначены 5 батальоновъ съ 24 орудіями подъ начальствомъ генерала Шатилова; 3) для демонстраціи противъ нагорныхъ укрѣпленій, съ западной стороны, 10¹/₄ баталіоновъ съ 24 орудіями подъ начальствомъ генерала Роопа; и 4) на кавалерію возложена развѣдывательная и партизанская служба.

Съ утра 1-го ноября сталъ моросить дождь, къ полудню перешедшій въ мокрый снѣгъ. Вся почва покрылась грязью, а къ вечеру густой туманъ заволокъ землю, такъ что въ самомъ близкомъ разстояніи нельзя было разобрать предметовъ. Генералъ Лазаревъ, по совѣщаніи съ колонными начальниками, пришелъ къ заключенію, что предпринимать штурмъ нѣтъ никакой возможности, а потому штурмъ былъ отложенъ на 6-ое ноября.

Въ эту ночь полная луна, освѣщавшая окрестности, позволила соблюсти примѣрный порядокъ, и утромъ блокадные отряды направились къ сборнымъ пунктамъ. Охотничьи команды, знавшія окружающую мѣстность, подошли къ фортамъ. Въ 8¹/₂ часовъ изъ Канлы грянулъ первый выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ засверкали сплошныя огненныя линіи изъ непріятельскихъ укрѣпленій. Генералъ Граббе во главѣ съ охотниками 1-го кавказскаго стрѣлковаго батальона и ставропольскаго полка, за которыми слѣдовали роты стрѣлковаго батальона и два батальона Перновскаго гренадерскаго полка, послѣ кровопролитной схватки съ бою овладѣли редутами. Здѣсь былъ наповалъ убитъ Граббе. Начальство надъ колонной принялъ командиръ Перновскаго полка полковникъ Бѣлинскій, который съ перновцами и севастопольцами спустился внутрь укрѣпленій и правый редутъ былъ очищенъ непріятелемъ и занятъ русскими; въ лѣвомъ редутѣ шелъ въ то время не менѣе ожесточенный бой. Полковникъ Вождакинъ, по диспозиціи двигавшійся правѣе колонны Граббе, къ 9-ти часамъ вечера приблизился къ лѣвому фасу укрѣпленія Канлы. Во главѣ двухъ батальоновъ имеретинцевъ и охотниковъ севастопольскаго полка, Вождакинъ двинулся на приступъ и уже вблизи отъ непріятельскихъ траншей услышалъ побѣдные крики «ура»—то войска Граббе исполнили заданную имъ задачу. Тогда Вождакинъ, воодушевивъ войска, повелъ на штурмъ лѣваго редута, защитники котораго ожесточенно отстаивали валы. Въ числѣ первыхъ вскочилъ на брустверъ подпоручикъ Ходаковскій съ имеретинскими и севастопольскими охотниками. Борьба за обладаніе редутомъ продолжалась полъ часа, послѣ чего турки отступили къ казематированной казармѣ, приспособленной къ двухъ-ярусной оборонѣ, замыкавшей горжу главнаго укрѣпленія и составлявшей редюитъ ее. Ярусный огонь убійственно опустошалъ ряды войскъ. Полковникъ Бѣлинскій, видя кругомъ себя смерть и сотни жертвъ, вывелъ войска изъ редута, причемъ расположившись на кронѣ бруствера, послалъ просить поддержки. Ободренные временнымъ успѣхомъ турки снова появились внутри укрѣпленія. Скоро показался генералъ-лейтенантъ кн. Чавчавадзе; видя войска, тѣснимыя изъ Канловъ, онъ спѣшилъ двѣ сотни казаковъ и двинулъ ихъ на турокъ, а остальныя войска, удачно распредѣливъ, направилъ во флангъ непріятеля. Это возстановило порядокъ въ разстроенныхъ колоннахъ и около часу ночи всѣ три укрѣпленія Канлы были въ рукахъ русскихъ.

Для овладѣнія фортомъ Сувари по диспозиціи была назначена колонна подполковника кн. Меликова, изъ трехъ батальоновъ и команды саперъ; по овладѣніи Сувари кн. Меликовъ долженъ былъ перейти на лѣвый берегъ Карсъ-чая и присоединиться къ генералу Комарову, которому предписано было атаковать Чимъ. Кн. Меликовъ овладѣлъ Сувари почти безъ всякихъ жертвъ: осторожно стали подходить сначала охотники, турки не обратили на нихъ вниманія, думая, что это обычный маневръ войскъ, тревожившихъ ихъ каждую ночь; введя, такимъ образомъ, въ заблужденіе кн. Меликовъ подвелъ свои батальоны и бросился съ фланговъ и съ фронта на укрѣпленіе. Ошеломленные турки, покинувъ Сувари, бѣжали частью

въ городъ, частью къ Чиму. Выполнивъ первую половину своей задачи, кн. Меликовъ быстро перешелъ на лѣвый берегъ Карсъчая и хотѣлъ было направиться къ Чиму, какъ былъ встрѣченъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Положеніе колоннъ сдѣлалось весьма критическимъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе Комарова у Чима могло повліять на достигнутый уже успѣхъ въ Сувари.

Генералъ Комаровъ съ четырмя батальонами и 16-ю орудіями долженъ былъ овладѣть Чимомъ. Выжидая разъясненія обстановки противъ фортовъ Сувари и Канлы, Комаровъ, достигнувъ восточной стороны Шарохскихъ высотъ, услышалъ выстрѣлы. Предположивъ, что турки не желаютъ допустить его до Чима, причемъ думая что непріятель спустилъ съ Тохмаса часть гарнизона для нападенія на колонну кн. Меликова съ тыла, Комаровъ съ отрядомъ поднялся на скаты Тохмаса. Такимъ образомъ, потерявъ время и не выполнивъ предписаннаго въ диспозиціи заданія, онъ очутился совершенно въ противоположной сторонѣ, а когда послѣ того двинулъ свои войска для овладѣнія Чимомъ, то былъ встрѣченъ такимъ огнемъ, что пришлось отвести колонну назадъ; до конца штурма колонна эта болѣе не принимала участія въ общемъ ходѣ боя.

Обратимся къ дѣйствіямъ войскъ генерала Алхазова, которому было предписано атаковать фортъ Хафисъ. Предпріятіе это Алхазовъ выполнилъ, раздѣливъ колонну на двѣ части: полковникъ Фадѣевъ съ кутаисцами долженъ былъ атаковать справа, а маіоръ Урбанскій съ двумя батальонами Владикавказскаго полка слѣва. Не успѣли войска лѣвой колонны приблизиться къ Хафису, какъ по направленію Карадага послышалась сильная орудійная стрѣльба. Это полковникъ Фадѣевъ съ кутаисцами атаковалъ и занялъ фортъ, ошибочно взявъ направленіе слишкомъ вправо отъ Хафиса; турки отступили къ форту Арабъ. По овладѣніи Карадагомъ полковникъ Фадѣевъ извѣстивъ о томъ Алхазова, тотчасъ же попытался собственными силами овладѣть Арабомъ. Охотники, подъ начальствомъ прапорщика Поливанова, встрѣченные залпами, отступили назадъ въ Карадагъ, по слѣдамъ ихъ и турки, покинувъ Арабъ, повели въ свою очередь атаку на Карадагъ. Кутаисцы упорно выдержали три приступа; турки, видя непоколебимое мужество защитниковъ Карадага. снова отступили къ Арабу.

Генералу Рыдзевскому было назначено руководить дѣйствіями отряда Шатилова, состоящаго изъ пяти батальоновъ и 24-хъ орудій; отрядъ этотъ имѣлъ задачею демонстрацію противъ Карадага. Какъ только раздались противъ Фадѣева первые выстрѣлы съ Карадагскихъ укрѣпленій, Рыдзевскій началъ усиленную бомбандировку, но такъ какъ снаряды долетали плохо, то началъ медленно подвигать свой отрядъ на новую позицію, откуда открылъ стрѣльбу. Турки думая, что ведется атака съ этой стороны, ожидали подхода штурмующихъ; но какъ оказалось Фадѣевъ взялъ Карадагъ съ противоположной стороны. Такимъ образомъ Рыдзевскій, выполнивъ удачно демонстрацію, способствовалъ Фадѣеву въ успѣхѣ. Получивъ на разсвѣтѣ извѣщеніе о завладѣніи всѣхъ карадагскихъ укрѣпленій, и что оставалось только штурмовать Арабъ, Рыдзевскій немедленно началъ приближаться къ траншеямъ, приказавъ командѣ охотниковъ подъ начальствомъ Тхоржевскаго ударить на Арабъ съ тыла, батальонамъ же Абхазскаго полка поддерживать атаку. Турки, занятые стрѣльбой, не замѣтили приближенія колоннъ Рыдзевскаго и Арабъ тоже былъ взятъ. Большая часть турокъ отступила къ Мухлису, черезъ Карсъчай; самъ комендантъ Карса, Гуссейнъ-паша, видя полное пораженіе, ночью бѣжалъ въ Эрзерумъ. Въ 7 часовъ утра былъ занятъ самый городъ, вслѣдъ за этимъ пала и цитадель.

Отрядъ генерала Роопа, имѣвшій цѣлью демонстрировать противъ нагорныхъ укрѣпленій, въ общемъ ходѣ штурма выполнилъ также блестяще свое назначеніе, все время отвлекая вниманіе турокъ.

Такъ окончился знаменательный штурмъ Карса—этой всегдашней преграды наступательнымъ дѣйствіямъ кавказскихъ войскъ. Но на этотъ разъ онъ навсегда остался за русскими.

Потеря, сравнительно съ достигнутымъ успѣхомъ, была не велика; она заключалась: въ 1-мъ убитомъ генералѣ, 17-ти штабъ и оберъ-офицерахъ и 470 нижнихъ чинахъ; раненыхъ было: генералъ—1, штабъ и оберъ офицеровъ—5 и нижнихъ чиновъ—1726.

Съ паденіемъ крѣпости Карса обезпечивался тылъ русскихъ войскъ, начавшихъ наступленіе къ Эрзеруму, въ которой заперлись остатки турецкой арміи, потерявшей почти всю свою полевую артиллерію и большую часть войскъ во время пораженія на Авліарѣ, Деве-бойну и Карсѣ. Правда неутомимому Мухтару-пашѣ удалось притянуть къ Эрзеруму нѣкоторыя подкрѣпленія, но не было сомнѣнія, что скоро будетъ нанесенъ туркамъ окончательный ударъ.

Несмотря на то что наступила зима съ снѣжными мятелями и морозами, рѣшено было продолжать военныя дѣйствія и отряды были двинуты къ Эрзеруму и Батуму. Въ началѣ декабря войска генерала Геймана заняли селенія къ сѣверу отъ Эрзерума, по ольтинской дорогѣ, затѣмъ взяли с. Илиджа, лежащее на трапезундскомъ пути, а въ концѣ декабря подошли къ Эрзеруму Тридцать тысячъ турецкихъ войскъ, съ Измаиломъ-пашею во главѣ, были заперты въ этомъ городѣ и совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра.

Наступилъ новый 1878 годъ. Морозы усилились и войска перешедшія соганлугскій перевалъ «налегкѣ» несли страшныя бѣдствія и крайнюю нужду: начался голодъ, развились болѣзни, особенно тифъ, уничтожавшій большую массу жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Явилась надежда, что въ скоромъ времени многочисленное населеніе и громадный гарнизонъ Эрзерума пожелаютъ сдаться добровольно, но объ сдачѣ не было и рѣчи до 23 го января, когда получилось приказаніе о прекращеніи блокады, вслѣдствіе состоявшагося въ Андріанополѣ перемирія.

Эрзерумъ былъ сданъ 9-го февраля.—Война окончилась. По Берлинскому конгрессу 13-го іюля 1878 года, Сербія, Румынія и Болгарія получили автономію, а Россія пріобрѣла Карсскую и Батумскую области, имѣющія громадное стратегическое значеніе при дальнѣйшемъ наступательномъ движеніи Россіи въ глубь Малой Азіи.

Фототипія К. Месхіева. Тифлисъ.

Съ картины Рубо.

Взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-Тепе Генераломъ Скобелевымъ 12 го Января 1881 года.

51

Взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-Тепе 12-го Января 1881 года.

Послѣ Ахалъ-текинской экспедиціи въ 1879 году и штурма крѣпости Геокъ-Тепе, русскіе должны были отступить и готовиться къ новому походу: болѣе подготовленному, съ большимъ числомъ войскъ, при лучшемъ снабженіи ихъ продовольствіемъ.

Неудачный походъ этотъ вселилъ въ текинцахъ такую самоувѣренность, что они начали производить дерзкіе набѣги на пограничныя русскія владѣнія и захватывать мирныхъ жителей для продажи на мервскомъ рынкѣ. Всему этому, рано или поздно, нужно было положить предѣлъ, чтобы предоставить новымъ русскимъ подданнымъ: туркменамъ, іомутамъ, солорамъ, атабаямъ и джафарбаямъ спокойно заниматься мирнымъ трудомъ.

Въ 1880 году была предпринята новая экспедиція въ Ахалъ-Теке; на этотъ разъ покореніе Туркменіи было поручено М. Д. Скобелеву. Начались приготовленія къ походу: на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а именно въ Красноводскѣ, Чекишлярѣ и въ Михайловскомъ заливѣ устраивались склады продовольствія и боевыхъ припасовъ; сюда же стали сосредоточиваться войска, а вглубь страны прокладывали желѣзную дорогу.

Въ оазисъ русскія войска двинулись по двумъ дорогамъ. Занявъ постепенно, одно за другимъ, текинскія селенія, въ концѣ ноября 1880 года, войска взяли укрѣпленіе Егіанъ-Батырь-кала, переименованное въ «Самурское» и избранное опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій; здѣсь же были устроены интендантскіе и артиллерійскіе склады.

Въ составъ ахалъ-текинскаго отряда вошли: весь крымскій полкъ, по два батальона апшеронцевъ, ширванцевъ и самурцевъ, по батальону дагестанскаго, ставропольскаго и крымскаго пѣхотныхъ полковъ, кавказская саперная рота и желѣзнодорожный батальонъ; кавалерійскій отрядъ состоялъ: изъ сводно-кавалерійской бригады, куда входилъ дивизіонъ тверскихъ драгунъ и шесть сотенъ отъ полтавскаго, таманскаго и оренбургскаго казачьихъ полковъ. Артиллерія состояла изъ семидесяти пяти орудій, десяти подвижныхъ батарей и сводной мортирной батареи. Всего въ отрядѣ было 6 тысячъ пѣхоты и 2 тысячи кавалеріи и артиллеріи.

Въ «Самурскомъ» лагерѣ были устроены укрѣпленія съ глубокими рвами и высокими брустверами; войска со штурмовыми лѣстницами обучались подходить къ рву, переходить черезъ него, и быстро влѣзать на брустверъ; саперы занимались вязаніемъ туровъ и фашинъ. Генералъ Скобелевъ жилъ среди аула въ кибиткѣ, вблизи которой была раскинута бухарская палатка; въ эту палатку къ обѣду собирались офицеры, штабные чины и ординарцы. Каждое утро лагерь пробуждался хорами музыки, игравшими зорю, молитву и затѣмъ штурмовой маршъ, подъ звуки котораг войска должны были впослѣдствіи идти на приступъ къ Геокъ-Тепе; по захожденію солнца, музыка играла вечернюю зорю и заканчивала ее тѣмъ же маршемъ.

Изъ «Самурскаго» ясно виднѣлось на высокомъ, кругломъ холмѣ, четырехугольное укрѣпленіе Геокъ-Тепе, до котораго было около четырнадцати верстъ, рядомъ съ нимъ лежалъ другой аулъ Янги-кала, окруженный садами. Занятіе его имѣло важное значеніе для дальнѣйшихъ дѣйствій, такъ какъ онъ находился всего въ пяти верстахъ отъ Геокъ-Тепе и тутъ же протекала рѣчка съ отличною водою, а потому мѣсто было удобное для расположенія войскъ лагеремъ. Во взятомъ аулѣ устроили укрѣпленный лагерь, куда перевозили артиллерій-

скіе снаряды, патроны и довольствіе; послѣ этого рѣшено было правильною осадою взять Геокъ-Тепе.

21-го декабря, подъ начальствомъ генералъ-маіора Петрусевича, для рекогносцировки Геокъ-Тепе, была послана сводно-кавалерійская бригада полковника Арцишевскаго въ составѣ: дивизіона тверскихъ драгунъ, двухъ сотенъ таманскаго казачьяго полка, по одной сотнѣ полтавскаго и лабинскаго полковъ и конно-горный артиллерійскій взводъ; по окончаніи осмотра приказано было обойти крѣпость съ сѣверной стороны, съ которой текинцы все время поддерживали сношеніе съ своими партіями, укрывавшимися въ пескахъ и затѣмъ направиться къ Самурскому укрѣпленію. При этомъ отрядѣ находился главный военный инженеръ подполковникъ Рутковскій.

Замѣтивъ отрядъ генерала Петрусевича, текинцы вышли большими пѣшими и конными массами и стали сильно насѣдать, особенно въ то время, когда онъ шелъ по сѣверному фасу ихъ укрѣпленія. Казачьимъ сотнямъ неоднократно приходилось спѣшиваться и давать залпы, чтобы остановить налеты дерзкихъ наѣздниковъ, открывшихъ перестрѣлку. Услыхавъ стрѣльбу, генералъ Скобелевъ, взявъ подкрѣпленіе, состоящее изъ батальона самурскаго полка, сотни оренбургскихъ казаковъ, четырехъ орудій третьей батареи 19-й артиллерійской бригады, направился по западному фасу укрѣпленія; вскорѣ оба отряда, соединившись на кладбищѣ, находящемся въ концѣ западнаго фаса, открыли огонь, заставившій непріятеля быстро скрыться въ укрѣпленіе.

Въ эту же ночь Скобелевъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было начать правильную осаду и затѣмъ уже штурмовать крѣпость. Подполковникомъ Рутковскимъ былъ составленъ планъ осадныхъ работъ, по которому предполагалось сначала занять передовыя укрѣпленія (калы). Эти калы были взяты полковникомъ Куропаткинымъ; первая изъ нихъ названа —«Ольгинское», а вторая—«Правофланговое». Послѣ взятія этихъ двухъ калъ подполковникъ Гогоберидзе занялъ и третью, лежавшую къ сѣверу отъ нихъ

Во время этого дѣла ширванцы замѣтили вблизи большіе запасы фуража. Такъ какъ кавалерія отряда нуждалась въ фуражѣ, то было рѣшено воспользоваться запасами и 23-го декабря снова, подъ начальствомъ генерала Петрусевича, посланъ былъ кавалерійскій отрядъ въ составѣ: дивизіона тверскихъ драгунъ, по одной сотнѣ таманскаго, полтавскаго и лабинскаго казачьихъ полковъ, при двухъ горныхъ пушкахъ. Одновременно съ движеніемъ отряда предполагалось заложить первую параллель, а потому отряду поручалось еще отвлечь вниманіе непріятеля отъ осадныхъ работъ. Мѣстность, гдѣ находился складъ фуража, была пересѣченная: вокругъ калы виднѣлись сады и засѣянныя поля, обнесенныя не высокими стѣнками, около самой калы стояли нѣсколько двориковъ, огороженные высокими стѣнками. Былъ густой туманъ; пользуясь этимъ текинцы подпустили отрядъ почти на двадцать шаговъ и совершенно неожиданно изъ садовъ и калъ встрѣтили смертоноснымъ ружейнымъ залпомъ; немедленно былъ спѣшенъ одинъ эскадронъ тверскихъ драгунъ, который открылъ по непріятелю стрѣльбу. Во время спѣшиванія у тверцовъ былъ убитъ командиръ эскадрона маіоръ Булыгинъ и нѣсколько человѣкъ драгунъ. Спѣшившись, тверскіе драгуны съ казаками, бѣгомъ направились черезъ довольно узкія ворота въ садъ Вслѣдъ за ними въѣхалъ туда же генералъ Петрусевичъ съ свитою; но въ эту самую минуту, изъ воротъ другого сада, выскочила пѣшая партія текинцевъ, человѣкъ въ триста; впереди находился туркменъ высокаго роста, замѣчательной красоты, въ красномъ халатѣ, который всѣми распоряжался. Текинцы открыли частую пальбу по тверцамъ и таманскимъ казакамъ. Одною изъ первыхъ пуль пораженъ былъ въ грудь генералъ Петрусевичъ, сейчасъ-же упавшій съ лошади. Тутъ же былъ убитъ есаулъ Ивановъ, командиръ первой таманской сотни. Драгуны и казаки были вытѣснены со двора.... Командиръ полтавскаго казачьяго полка, полковникъ князь Эристовъ, принялъ командованіе отрядомъ и, во главѣ спѣшенныхъ тверцовъ, бросился на калу. Размѣстивъ драгунъ и казаковъ по стѣнкамъ сада, онъ приказалъ открыть огонь залпами, а конно-горному взводу—сняться съ передковъ, и обстрѣлять шрапнелью непріятеля, находившагося въ садахъ и выходившаго изъ крѣпости на помощь своимъ. Текинцы, узнавъ въ убитомъ Петрусевичѣ главнаго начальника, кинулись на него, но князь Эристовъ съ драгунами и казаками бросился въ штыки и шашки; началась отчаянная схватка: тѣло переходило

изъ рукъ въ руки, пока наконецъ остервенѣвшимъ драгунамъ не удалось вырвать изъ рукъ непріятеля тѣло храбраго генерала.

Послѣ смерти Петрусевича начальство надъ его кавалерійскимъ отрядомъ принялъ полковникъ Арцишевскій, который, несмотря на сильный непріятельскій огонь, привелъ отрядъ въ порядокъ. На выручку кавалеріи быстро подошла пѣхота. Подобравъ раненыхъ и убитыхъ, драгуны и казаки отошли къ «Правофланговой» калѣ. Медленно, понуря головы, отступилъ отрядъ обратно въ лагерь, везя на коняхъ трупы начальниковъ и товарищей и неся на рукахъ раненыхъ.

Бой 23-го декабря отвлекъ вниманіе текинцевъ: въ это время была заложена подъ руководствомъ инженера Рутковскаго первая параллель, упиравшаяся флангами въ два укрѣпленія: въ «Правофланговую» калу—справа и въ «Опорное»—слѣва. Къ вечеру того же дня въ этой параллели возведено было нѣсколько батарей. На батареѣ, находившейся въ серединѣ параллели, во время залпа произведеннаго въ непріятельскую крѣпость при погребеніи убитыхъ, былъ поднятъ Императорскій штандартъ и батарея эта получила названіе «Штандартной».

Послѣ такого горячаго дѣла ясно было, что текинцы главную свою крѣпость не сдадутъ безъ сопротивленія; они рѣшили на глазахъ своихъ женъ и дѣтей еще съ большей храбростью защищаться въ Геокъ-Тепе, за его высокими и глинобитными стѣнами, окруженными широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою; его длинные фасы (восточный и западный), доходившіе до семисотъ сажень длины, въ стѣнахъ которыхъ были устроены по нѣсколько входовъ, прикрытыхъ длинными траверсами, давали большую надежду непріятелю въ неприступности. Текинскимъ войскомъ начальствовалъ храбрый и умный Тыкма-Сардарь, онъ подѣлилъ свое войско по четыремъ племенамъ и, поручивъ каждому племени защиту одной крѣпостной стороны, запретилъ вывозить семейства изъ крѣпости, такъ какъ сознавалъ, что только при этомъ условіи текинцы будутъ болѣе храбро оборонять свое родное гнѣздо. До конца декабря русскія войска заняты были преимущественно осадными работами, хотя въ эти же дни по дорогѣ къ Асхабаду производились фурожировки, дававшія возможность пополнять запасы для лошадей отряда. 28-го декабря непріятель особенно настойчиво мѣшалъ осаднымъ работамъ, дѣлая отчаянныя вылазки. Наступила темная ночь и текинцы, числомъ до шести тысячъ, перейдя ровъ съ ужаснымъ крикомъ «Алла, Магометъ, Алла!...» бросились на правый флангъ осадныхъ работъ прямо на саперъ, вырѣзали почти все прикрытіе, проникли въ первую параллель и пытались обойти «Правофланговую» калу, чтобы атаковать осадныя работы съ тыла.

Войска, находившіяся въ лагерѣ, немедленно были направлены на подкрѣпленіе; со всѣхъ орудій открыли сильную стрѣльбу какъ противъ атакующихъ, такъ и противъ Геокъ-Тепе. Въ траншеяхъ шелъ жестокій бой; непріятель насѣдалъ на пушки и лѣзъ прямо въ жерло; подошли подкрѣпленія; текинцы, не выдержавъ огня артиллеріи, начали отступать, при чемъ захватили одно горное орудіе, знамя 4-го батальона Апшеронскаго пѣхотнаго полка, довольно много ружей и значительное количество патроновъ. Въ этомъ ночномъ дѣлѣ въ числѣ убитыхъ были: полковникъ князь Магаловъ, артиллеріи подполковникъ Мамацевъ и почти вся четырнадцатая рота апшеронцевъ, до послѣдней капли крови оборонявшая врученную святыню. Скобелевъ, успокоивъ войска въ траншеяхъ отъ неожиданнаго погрома, приказалъ музыкѣ играть, роботы въ траншеяхъ возобновить.

На другой день взятое непріятелемъ знамя развѣвалось на высокомъ холмѣ въ Геокъ-Тепе; на эту военную трофею текинцы смотрѣли съ гордостью. Чтобы охладить это рвеніе и поколебать духъ непріятеля, Скобелевъ, 29-го декабря въ три часа пополудни, приказалъ полковнику Куропаткину штурмовать калы, находящіяся вблизи главнаго укрѣпленія. Полковникъ Куропаткинъ, двинувшись въ атаку съ музыкой и распущенными знаменами, быстро взялъ ихъ. Успѣху дѣла много способствовала усиленная стрѣльба артиллеріи, открывшая огонь съ двухъ часовъ дня по этимъ каламъ, получившимъ названіе «Великокняжескихъ». Въ ночь на 30-е декабря текинцы вновь предприняли вылазку огромными массами, сдѣлавъ нападеніе на лѣвофланговый редутъ, который и былъ занятъ ими, но вскорѣ же взятъ обратно; здѣсь непріятель захватилъ еще одно горное орудіе и взялъ въ плѣнъ 21-й артиллерійской бригады бомбардиръ-наводчика Агафона Никитина, котораго хотѣлъ заставить стрѣ-

лять по русскимъ войскамъ изъ взятыхъ орудій, но когда онъ отказался исполнить ихъ требованіе, то текинцы начали сдирать съ спины кожу, отрубили пальцы и положили его на землю ногами въ костеръ; несмотря на страшныя мученія, Никитинъ всѣ пытки вынесъ и умеръ героемъ, свято выполнивъ долгъ присяги.

Несмотря на безпрестанныя вылазки за послѣдніе дни 1880 года осадныя работы подвигались впередъ. Первый день новаго 1881 года ознаменовался неожиданнымъ событіемъ: по донесеніямъ лазутчиковъ текинская каваллерія, въ числѣ около пяти тысячъ коней, подъ начальствомъ Тыкма-Сардаря, выйдя изъ Геокъ-Тепе, направилась по дорогѣ въ Мервъ; въ рядахъ ихъ были и мервскіе всадники, прибывшіе къ нимъ на подкрѣпленіе. Очевидно текинцы болѣе уже не надѣялись на успѣхъ и сочли благоразумнымъ удалиться. Съ выходомъ изъ Геокъ-Тепе непріятельской каваллеріи въ этой крѣпости остались только самые ярые фанатики, рѣшившіе ни въ какомъ случаѣ не сдаваться, а умереть въ родномъ убѣжищѣ—всѣмъ до послѣдняго.

Въ русскомъ отрядѣ сдѣлали новое распредѣленіе какъ войскъ, такъ и траншейныхъ работъ. 2-го и 3-го января осадныя работы спѣшно продолжались, особенно около Великокняжеской калы, гдѣ находилась главная квартира полковника Куропаткина. Подъ вечеръ 4-го января часовые наблюдательныхъ постовъ дали знать, что непріятель въ большихъ массахъ, перейдя черезъ ровъ и сосредоточившись впереди его, стремительно бросился на лѣвый флангъ осадныхъ работъ и особенно на мортирную батарею. Батальонъ ставропольцевъ, выйдя изъ траншей, открылъ стрѣльбу въ упоръ; этотъ мѣткій залпъ въ рядахъ текинцевъ произвелъ страшное опустошеніе; до траншей дошли только самые отчаянные храбрецы, которые были подняты на штыки ставропольцами. Непріятель, побросавъ оружіе, бѣжалъ и, скрывшись въ Геокъ-Тепе, открылъ стрѣльбу по передовымъ русскимъ войскамъ. Послѣдствія этой вылазки были довольно важны, такъ какъ уже на другой день комендантъ «Правофланговой» калы доносилъ, что и остальные текинцы поспѣшно перевозятъ изъ укрѣпленія пожитки и въ значительномъ количествѣ перегоняютъ въ пески скотъ. Поэтому осадныя работы усилились: построены были мортирная и брешь батареи; въ центрѣ осадныхъ работъ сдѣланъ былъ минный спускъ и начата минная галлерея, а въ ночь на 8-ое января устроили редутъ, названный «Саперным». Желая предотвратить послѣдствія штурма, русскіе офицеры начали уговаривать текинцевъ сдаться, но тѣ рѣшительно отвѣтили, что будутъ драться до послѣдней возможности и до послѣдняго человѣка. Послѣ такого отвѣта, на другой же день утромъ брешь-батарея, находившаяся на лѣвомъ флангѣ, для пробитія бреши въ крѣпостной стѣнѣ, открыла стрѣльбу противъ юго-восточнаго угла крѣпости и не прошло и 2-хъ часовъ, какъ глиняная стѣна обвалилась на протяженіи 10-ти сажень, обнаруживъ верхушки текинскихъ кибитокъ. Несмотря на довольно сильный огонь русскихъ орудій, текинцы быстро исправили поврежденіе. Въ два часа пополудни того же дня Скобелевъ, подъ прикрытіемъ эскадрона тверскихъ драгунъ и сотни казаковъ, произвелъ рекогносцировку «Мельничной» калы, расположенной не въ далекомъ разстояніи отъ западнаго фаса крѣпости. Весь слѣдующій день брешь-батарея усиленно дѣйствовала по юго-восточному углу крѣпости и, когда пробитая ею брешь была достаточно расширена, она начала стрѣлять разрывными снарядами. Къ этому времени всѣ траншейныя и саперныя работы были совершенно окончены, а къ вечеру 11-го января инженеръ Рутковскій донесъ, что и мина готова и заряжена 72-мя пудами пороха.

Для нанесенія окончательнаго удара непріятелю штурмъ Геокъ-Тепе назначался съ трехъ сторонъ. Колоннѣ полковника Куропаткина приказано было двинуться въ атаку изъ Великокняжеской калы и направиться черезъ брешь, которая должна была образоваться отъ взрыва мины. Второй штурмовой колоннѣ, полковника Козелкова, предназначалось взять брешь, пробитую артиллерійскимъ огнемъ. Третья колонна, подполковника Гайдарова, назначалась для овладѣнія, такъ называемой, «Мельничной» калы, расположенной на ручьѣ, протекавшемъ въ двухстахъ саженяхъ отъ крѣпости. Общій резервъ, подъ личнымъ начальствомъ Скобелева, расположенъ былъ у ставропольскаго редута и долженъ былъ, смотря по надобности, поддерживать ту или другую изъ трехъ штурмовавшихъ колоннъ. Колонна пол-

ковника Куропаткина состояла: изъ шести ротъ ширванскаго полка, трехъ туркестанскихъ ротъ, полуроты саперъ, команды охотниковъ и рабочихъ, казачьей сотни, горныхъ взводовъ—туркестанскаго и шестой батареи 21-й артиллерiйской бригады, двухъ картечницъ, двухъ туркестанскихъ ракетныхъ станковъ и одного гелiографнаго станка. Въ колонну полковника Козелкова входили: по одному батальону ставропольскаго и апшеронскаго полковъ, взводъ саперъ, команда охотниковъ и рабочихъ, взводъ шестой батареи 21-й артиллерiйской бригады, одна картечница, два ракетныхъ станка и одинъ гелiографный станокъ. Въ составъ колонны подполковника Гайдарова вошли: одинъ батальонъ самурскаго полка, команды охотниковъ и рабочихъ, взводъ саперъ, взводъ четвертой батареи 19-й артиллерiйской бригады, одна картечница, пять ракетныхъ станковъ, полторы сотни таманскаго казачьяго полка, конногорный взводъ и гелiографный станокъ. Общiй резервъ состоялъ: изъ ротъ крымскаго полка, двухъ ротъ апшеронскаго полка, одного батальона дагестанскаго полка, двухъ ротъ ширванскаго полка, одной роты самурскаго батальона, желѣзнодорожной роты, по три взвода третьей и четвертой батарей 19-й артиллерiйской бригады, четвертой батареи 20-й и полубатареи 21-й артиллерiйскихъ бригадъ, спѣшеннаго трехротнаго дивизiона тверскихъ драгунъ, сотни полтавскихъ казаковъ и гелiографнаго станка.

12-го Января, въ шесть часовъ утра, всѣ штурмующiя колонны были совершенно готовы къ атакѣ. Въ семь часовъ утра колоннѣ Гайдарова приказано было начать наступленiе противъ «Мельничной» калы. Смѣло, карьеромъ, выскочила на позицiю четвертая батарея 19-й артиллерiйской бригады и начала осыпать своими снарядами мельницу и окружавшiя ее строенiя. Самурскiй батальонъ, по-ротно, въ двѣ линiи, выстроился по обѣимъ сторонамъ батареи, а лѣвѣе батальона стали полторы сотни казаковъ съ горнымъ взводомъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ батальона, такъ какъ изъ укрѣпленiй Геокъ-Тепе начали показываться текинскiе всадники. Одновременно съ движенiемъ колонны подполковника Гайдарова, со всѣхъ батарей началась сильная стрѣльба по непрiятельскимъ укрѣпленiямъ, а брешь-батарея продолжала разбивать и уширять пространство, пробитое ею въ стѣнѣ. Одна часть артиллерiи направила свои выстрѣлы противъ передового юго-восточнаго угла укрѣпленiй, а другая стрѣляла по внутренности крѣпости, особенно къ сѣверному ея фасу, гдѣ ожидалось сосредоточенiе главныхъ силъ противника. Несмотря на сильный артиллерiйскiй и ружейный огонь, текинцы держались на стѣнахъ и исправляли производимыя снарядами поврежденiя. Въ 11 часовъ 20 минутъ дня густой дымъ и сильный гулъ возвѣстили отряду, что мина взорвана и что путь для колонны полковника Куропаткина въ крѣпость проложенъ. Земля, поднятая взрывомъ, долетала до самыхъ работъ. Не успѣло еще облако земли разсѣяться, какъ полковникъ Куропаткинъ стремительно двинулъ свою колонну на штурмъ къ образовавшейся бреши. Колонна его раздѣлена была на три части: во главѣ слѣдовалъ маiоръ Сивинисъ съ тремя ротами ширванскаго полка, командою охотниковъ Воропанова и полуротою саперъ. Поддержкою этой части колонны служила рота 13-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона штабсъ-капитана Фока съ 3-мя горными орудiями 21-й артиллерiйской бригады и одною морскою картечницею. Въ резервѣ этихъ двухъ отрядовъ находился подполковникъ Гуляевъ съ ротою 5-го туркестанскаго батальона, съ тремя ротами ширванцевъ, со спѣшенною сотнею туркестанскихъ казаковъ и однимъ горнымъ орудiемъ. Смѣло двинулся маiоръ Сивинисъ съ ширванцами и охотниками на штурмъ миннаго обвала. Пораженные неожиданнымъ взрывомъ мины, текинцы быстро оправились и, какъ только колонна маiора Сивиниса поднялась на брешь, встрѣтили ее холоднымъ оружiемъ. Схватка была такъ ожесточенна, что для подкрѣпленiя нужно было выдвинуть стрѣлковъ штабсъ-капитана Фока. Изъ ближайшаго редута, на помощь къ войскамъ, сражавшимся на обвалѣ, бросилась по собственному почину полусотня спѣшенныхъ уральцевъ; брешь была взята, но вслѣдъ затѣмъ пришлось еще брать штурмомъ траверсъ, построенный въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ бреши. Текинцы были вытѣснены изъ траверса; 9-я рота ширванскаго полка вошла въ связь съ лѣвой стороны съ штурмовою колонною полковника Козелкова, которая къ тому времени уже успѣла овладѣть брешью пробитой артиллерiей.

Колонна полковника Козелкова шла на штурмъ, имѣя во главѣ охотниковъ апшеронцевъ, съ музыкою, съ барабаннымъ

боемъ, съ распущенными знаменами и съ криками «ура». За ними двигался апшеронскій батальонъ, въ резервѣ слѣдовали ставропольскій батальонъ съ 2-мя горными орудіями 21-й артиллерійской бригады. Брешь была быстро занята. Первымъ вскочилъ подпоручикъ апшеронскаго батальона Поповъ.

Между тѣмъ третья колонна, подполковника Гайдарова, взяла штурмомъ, еще около 8-ми часовъ утра, «Мельничную» калу съ прилегавшими къ ней зданіями, а затѣмъ двѣ самурскія роты изъ этой колонны быстро пробѣжали разстояніе, отдѣлявшее калу отъ крѣпости и, при помощи штурмовыхъ лѣстницъ, перелѣзли черезъ валъ въ саженяхъ 250-ти отъ бреши, атакованной полковникомъ Козелковымъ.

Такимъ образомъ, всѣ три колонны были внутри крѣпости и въ общей связи между собою; продолжая сражаться, онѣ направились къ сѣверному форту укрѣпленій. Текинцы въ большинствѣ бѣжали; но нѣкоторые отчаянно защищались въ своихъ кибиткахъ и ямахъ. Подвигаясь по тѣснымъ улицамъ мимо кибитокъ, русскія войска достигли холма Денгиль-Тепе, гдѣ собирались послѣдніе храбрые защитники Геокъ-Тепе, не желавшіе отдать безъ сопротивленія русскимъ своего священнаго холма. Но и здѣсь не долго продолжался бой и текинцы были опрокинуты; цитадель Денгиль-Тепе была взята въ три часа пополудни ставропольцами и ширванцами. Тотчасъ-же подняли на вершинѣ холма знамя 3-го батальона ширванскаго полка, извѣстившее объ окончательномъ паденіи текинской твердыни. Вслѣдъ за этимъ, по приказанію Скобелева, знамя это было замѣнено Императорскимъ штандартомъ.

Кавалерія отряда, гдѣ находились тверскіе драгуны, послѣ штурма, рысью была двинута къ сѣверному фронту укрѣпленій, откуда непріятель спасался бѣгствомъ въ пески. Князь Эристовъ настойчиво преслѣдовалъ бѣжавшихъ на разстояніи почти пятнадцати верстъ. При преслѣдованіи тверскіе драгуны съ казаками перебили массу непріятеля.

Потери текинцевъ были значительны: однихъ убитыхъ при штурмѣ Геокъ-Тепе доходило болѣе шести тысячъ; русскихъ было убито тоже много. Войска сильно утомились дневнымъ боемъ и преслѣдованіемъ непріятеля по пескамъ, а потому къ вечеру вернулись на тѣ самыя позиціи, гдѣ еще такъ недавно происходила ожесточенная битва. Скобелевъ приказалъ укрѣпить это мѣсто, которое было выбрано какъ опорный пунктъ. Здѣсь же образованъ гарнизонъ изъ шести ротъ пѣхоты, двухъ мортиръ, двухъ четырехфунтовыхъ и двухъ горныхъ орудій; комендантомъ крѣпости назначенъ полковникъ Арцишевскій.

Жалкій видъ представляла крѣпость послѣ штурма: ея извилистые проходы между кибитками, входы въ землянки, валы и внутренній ровъ, усѣянны были трупами, умирающими, ранеными, а вблизи находились женщины съ дѣтьми, молившія о спасеніи. Кое-гдѣ еще, на аванпостахъ, между кибитками, въ которыхъ успѣли скрыться во время дневнаго боя текинцы, раздавались ружейные выстрѣлы.

Геокъ-Тепе было взято. Генералъ Скобелевъ, не желая дать опомниться непріятелю отъ впечатлѣнія произведеннаго погромомъ 12-го января, приказалъ отряду полковника Куропаткина черезъ два дня двинуться на Асхабадъ, который 18-го января былъ занятъ безъ боя. Отсюда кавалерія князя Эристова, будучи направлена въ пески по направленіюна Аннау и далѣе, прошла до 350-ти верстъ.

Въ день занятія Асхабада отъ нѣкоторыхъ текинскихъ почетныхъ старцевъ Скобелевъ получилъ слѣдующее заявленіе: «Да будетъ извѣстно всѣмъ сардарямъ и генераламъ Бѣлаго Царя, что текинскіе жители, не имѣя понятія о своей слабости, оказывали сопротивленіе противъ воли могущественнаго Бѣлаго Царя, за что подвергнуты теперешнему наказанію. Теперь бѣдные жители желаютъ изъявить свою покорность, для жилья не имѣютъ кибитокъ, а для жизни не имѣютъ припасовъ. Если милостиво возвратите мѣста и жилища, то нѣсколько человѣкъ явятся къ вамъ для принятія подданства подъ присяжнымъ условіемъ. Въ настоящее время они боятся васъ. Если въ отвѣтъ на это пришлете письмо о томъ, чтобы жители не боялись, а явились, то тогда они въ скоромъ времени соберутся ...».

Скобелевъ тотчасъ-же разослалъ текинцамъ слѣдуюущую прокламацію: «Объявляю всему ахалъ-текинскому населенію, что силою войскъ Великаго моего Государя, крѣпость ваша Геокъ-Тепе взята и защитники ея перебиты, а семейства, какъ

ихъ, такъ и тѣхъ, которые бѣжали изъ крѣпости, находятся въ плѣну у побѣдоносныхъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ; поэтому приглашаю все оставшееся населеніе Ахалъ-Теке повергнуть свою судьбу на безусловное милосердіе Государя Императора, причемъ поставляю въ извѣстность, что жизнь, семейства и имущество, изъявившихъ покорность, будутъ въ полной безопасности, какъ и всѣхъ прочихъ подданныхъ Его Величества, Бѣлаго Царя. Напротивъ того, всѣ сопротивляющіеся Его побѣдоноснымъ войскамъ и отнынѣ продолжающіе упорствовать въ безразсудномъ сопротивленіи, будутъ истреблены, какъ разбойники и преступники.»

Въ концѣ января текинцы въ большомъ числѣ стали возвращаться въ оазисъ, изъявляя покорность и принимая присягу на вѣрность Бѣлому Русскому Царю.

Со времени геокъ-текинскаго штурма прошло двадцать лѣтъ, и 23-го апрѣля 1901 года у бывшей крѣпости Геокъ-Тепе, на братской могилѣ, состоялось торжество открытія памятника и военно-историческаго музея въ память ахалъ-текинской экспедиціи, положившей прочное основаніе къ дальнѣйшему утвержденію русской власти въ Средней Азіи.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ.

Генералъ-адъютантъ

Князь Александръ Михайловичъ **ДУНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ**, Главноначальствующій на Кавказѣ 1882—1890 гг.

Фототипія К. Месхіева Тифлисъ

Съ картины Рубо.

Бой при рѣкѣ Кушкѣ 18-го Марта 1885 года.

Бой при рѣкѣ Кушкѣ 18-го марта 1885 года.

Блистательные успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи вызвали тревожныя опасенія Англіи за дальнѣйшую будущность ея индійскихъ владѣній. Боясь появленія русскихъ близъ границъ Индостана, «британское правительство зорко слѣдитъ за политическими событіями и вѣроятно имѣетъ какія-нибудь указанія на готовящіяся болѣе крупныя событія. Быть можетъ оно и само рѣшило создать эти событія».

Какъ извѣстно, еще въ 1869 году, англичане предложили образовать между Индіей и русскимъ Туркестаномъ особую нейтральную полосу: для предохраненія этихъ странъ отъ всякаго между собою прикосновенія. Предложеніе Англіи было принято сочувственно и нейтральнымъ поясомъ долженъ былъ служить Афганистанъ, но тогда-же возникли недоразумѣнія относительно сѣверной и сѣверо-восточной границъ Афганистана. Въ 1873 году эти недоразумѣнія были устранены и граница была опредѣлена на Ваханъ и Бадашханъ, а отъ мѣстности Хаджа-Сала на Аму-Дарьѣ граница, идя на западъ, охватывала слѣдующіе округа, входящіе въ составъ Афганистанскаго Туркестана: Ахчу, Сарыпуль, Маймене, Шибирханъ и Андхой, причемъ этотъ послѣдній пунктъ признанъ былъ пограничнымъ афганскимъ владѣніемъ, такъ какъ пустыня къ западу отъ него принадлежала независимымъ туркменскимъ племенамъ.

По занятіи русскими Ахалъ-Текинскаго оазиса и по просьбѣ мервскихъ туркменъ, къ предѣламъ имперіи въ 1884 году присоединенъ Мервъ, послѣ чего независимые туркмены: сарыки и салоры, обитающіе къ югу отъ этого оазиса, также обратились съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Просьба ихъ была уважена, и въ составъ новообразованной Закаспійской области вошли еще два новыхъ округа: Іолатанскій и Сарахскій.

Въ 1880 году судьба Афганистана перешла въ руки Абдурахмана, который съ первыхъ-же дней проявилъ необычайную энергію по разнымъ вопросамъ и между прочимъ пожелалъ расширить предѣлы своего ханства; эта мысль была осуществлена въ 1884 году занятіемъ независимыхъ провинцій по верховью Аму-Дарьи: Шурогана и Романа, а также Пендійскаго оазиса, на рѣкѣ Мургабѣ. Занятіе афганцами этихъ пунктовъ не обратило на себя серьезнаго вниманія русскаго правительства, такъ какъ провинціи эти не представляли для насъ особаго политическаго интереса; но захватъ Пенде, принадлежащаго русскимъ подданнымъ сарыкамъ, вынудилъ обратиться къ англійскому кабинету съ предложеніемъ отправить на границу комисаровъ, которые точно опредѣлили бы линію отдѣляющую Пенде отъ Афганистана. Англійское правительство командировало съ этой цѣлью генерала Лемсдена.

Одновременно съ этимъ Абдурахманъ снарядилъ довольно сильный отрядъ, занявшій не только Пенде, но и нѣкоторые другіе пункты Туркестанской степи. Такое положеніе дѣлъ и особенно занятіе афганцами моста на рѣкѣ Кушкѣ, какъ разъ находящагося противъ Мургаба, этого безспорнаго пункта, принадлежащаго сарыкамъ, вынудило русское правительство, въ свою очередь, сформировать особый Мургабскій отрядъ, который могъ бы, въ случаѣ нужды, воспрепятствовать дальнѣйшимъ захватамъ афганцами не принадлежащей имъ территоріи и служить противовѣсомъ афганскому вліянію.

6-го марта 1885 года Мургабскій отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками Закаспійской области, генералъ-лейте-

нанта Комарова, состоящій изъ восьми ротъ пѣхоты, четырехъ сотенъ кавалеріи и четырехъ орудій собрался въ урочищѣ Имамъ-Баба, распололженнаго на рѣкѣ Мургабѣ; черезъ два дня отрядъ передвинулся въ урочище Аймакъ-Джаръ, находящійся также на рѣкѣ Мургабѣ, куда были перевезены продовольственные запасы и устроена хлѣбопекарня. 12 го марта отрядъ ночевалъ въ урочищѣ Урушъ-Думанъ и на другой день, двинувшись къ афганской позиціи у Ташъ-Керпи, остановился близъ русскаго передового поста, носящаго названіе Кизилъ-Тепе. Этотъ постъ находится всего въ пяти верстахъ отъ афганскаго лагеря. Мѣсто это было выбрано для того, чтобы не возбуждать въ афганцахъ ложной тревоги и привести въ исполненіе указаніе о занятіи Ташъ-Керпи мирнымъ согласіемъ. Оказалось, что афганцы немедленно-же послѣ появленія русскихъ войскъ на равнинѣ сѣвернѣе Ташъ-Керпи, поспѣшили выслать на лѣвый берегъ рѣки Кушки сильный отрядъ кавалеріи, къ которой потомъ присоединили небольшую часть пѣхоты и два орудія. Тогда были приняты мѣры для охраненія русскаго бивуака: стали ежедневно высылать на передовые посты полуроту пѣхоты и взводъ казаковъ. Стоянка лицомъ къ лицу съ афганскимъ отрядомъ еще болѣе усилила натянутость отношеній. Къ довершенію всего афганцы приступили къ фортификаціоннымъ работамъ на непринадлежащей имъ территоріи и даже позволили себѣ охватить постами расположеніе рускаго лагеря.

Члены англійской миссіи по разграниченію все время старались завязать переговоры миролюбиваго характера: 14-го марта генералъ Комаровъ получилъ отъ англійскаго капитана Иэта письмо, въ которомъ сообщалось, что начальникъ афганскихъ войскъ, Наибъ Салоръ, желаетъ видѣться съ русскимъ генераломъ. Въ этотъ-же день на свиданіе былъ отправленъ подполковникъ генеральнаго штаба Закржевскій; англичане особенно настойчиво добивались узнать о намѣреніяхъ русскихъ, на что Закржевскій отвѣчалъ уклончиво, заявляя что не имѣетъ никакихъ полномочій отъ своего начальства. На другой день капитанъ Иэтъ прислалъ письмо съ приложеніемъ копіи съ телеграммы лорда Гранвилля генералу Лемсдену о соглашеніи между Россійскимъ и Британскимъ кабинетами: на это письмо было отвѣчено, что русскіе не думаютъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, но что, во избѣжаніе столкновенія, необходимо отодвинуть назадъ слишкомъ выдвинувшіеся въ послѣдніе дни афганскіе посты. 16-го марта капитанъ Иэтъ опять просилъ свиданія для переговоровъ объ улаженіи вопроса о передовыхъ постахъ.

Во время переговоровъ афганцы еще болѣе выдвинули свои посты впередъ и даже направили массы кавалеріи на лѣвый берегъ рѣки Кушки, гдѣ усиленно начали возводить укрѣпленія. Это обстоятельство вынудило генерала Комарова еще 15-го марта послать къ лѣвому берегу рѣки Кушки, по направленію на Кала-и-Моръ, подполковника Алиханова съ сотней Мервской милиціи, а на правый берегъ Мургаба съ ротой стрѣлковъ капитана Просолова. На встрѣчу сотнѣ Мервской милиціи выѣхалъ съ нѣсколькими сотнями своей кавалеріи Джарнейль-Госъ-Эдинъ-ханъ, съ которымъ Алихановъ вступилъ въ дружественный разговоръ. Встрѣча обошлась благополучно: соперники ѣхали рядомъ почти до Ташъ-Керпи, гдѣ, однако, Джарнейль просилъ Алиханова удалиться, иначе высказывалъ необходимость прибѣгнуть къ оружію.

Въ отвѣтъ на высылку роты стрѣлковъ на правый берегъ Мургаба афганцы отправили къ находившемуся на этой рѣкѣ посту подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ. Подойдя къ русской ротѣ, схватили урядника милиціи, и стали наносить ему оскорбленія, и отпустивъ сказали: «что они готовы встрѣтить русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ». Къ 16 марта афганцы протянули свою цѣпь такъ далеко, что даже охватили съ обѣихъ сторонъ не только линію русскихъ передовыхъ постовъ, но и самый бивуакъ.

Дерзость афганцевъ все болѣе и болѣе росла и они не упускали случая высказывать: «убирайтесь отсюда, здѣсь не мервцы, здѣсь вамъ не туркмены, здѣсь все афганцы, бивали мы не разъ англичанъ и васъ побьемъ если не уйдете».

Такая дерзость афганцевъ, очевидно поддерживаемая соотвѣтствующими инструкціями изъ Англіи, привела русскій отрядъ въ крайне возбужденное состояніе, а потому генералъ Комаровъ рѣшилъ предпринять рѣшительную мѣру и 17-го марта отправилъ письмо къ начальнику афганскихъ войскъ Наибъ-Салору съ категорическимъ требованіемъ: въ теченіе дня убрать свои

посты съ лѣваго берега Кушки и праваго берега Мургаба; отвѣта на это письмо не послѣдовало, но за то на лѣвомъ берегу Кушки съ лихарадочною дѣятельностью продолжались работы по возведенію укрѣпленій и прибыли новыя подкрѣпленія. Тогда генералъ Комаровъ, все еще не теряя надежду на мирное соглашеніе, приказалъ подполковнику Закржевскому выѣхать на свиданіе съ капитаномъ Иэтомъ, который заявилъ, что совершенное удаленіе афганскихъ постовъ за рѣку Кушку будетъ равносильно оставленію позиціи, занятыхъ афганцами на основаніи соглашенія между заинтересованными кабинетами. На это Закржевскій отвѣтилъ, что русскія войска имѣютъ право занимать лѣвый берегъ Кушки на основаніи того же соглашенія, о которомъ говорится въ телеграммѣ лорда Гранвилля, а наступательныя дѣйствія афганскихъ постовъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ этими условіями; на просьбу англичанъ—указать до какого именно пункта русскія претендуютъ на лѣвый берегъ Кушки, Закржевскій отвѣтилъ, что генералъ Комаровъ требуетъ очищенія афганскими постами мѣстности на лѣвомъ берегу рѣки Кушки собственно противъ русскихъ постовъ, только у Ташъ-Кепри.

Генералъ Комаровъ, выслушавъ докладъ подполковника Закржевскаго, увидѣлъ, что ни переговоры, ни категорическія требованія не привели ни къ чему, все же написалъ частное письмо Наибъ Салору, въ которомъ заявилъ, что отвѣтственность за послѣдствія столкновенія падаетъ исключительно на него, такъ какъ онъ, генералъ Комаровъ, всевозможными мѣрами старался о сохраненіи дружественныхъ отношеній. Въ этотъ же день 17-го марта были созваны начальники частей Мургабскаго отряда, которымъ была отдана дизпозиція для атаки непріятеля на лѣвомъ берегу Кушки.

Афганцы, въ числѣ около четырехъ тысячъ человѣкъ, при 8-ми орудіяхъ, занимали на лѣвомъ берегу Кушки и сзади, на ея правомъ берегу, двѣ почти параллельныя одна отъ другой позиціи. Лѣвый флангъ ихъ позиціи, впереди моста Ташкентской крѣпости на бугрѣ, былъ занятъ кавалеріей болѣе тысячи коней, ротою пѣхоты при четырехъ орудіяхъ; на правомъ флангѣ, уступомъ, стояли нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты съ тремя орудіями, которыя были прикрыты окопами съ бойницами и амбразурами для пушекъ. На второй позиціи были выстроены остальныя афганскія войска; правый флангъ ихъ упирался въ сильно укрѣпленный курганъ Ак-Тепе. Кромѣ того, какъ оказалось впослѣдствіи, Джемшидскій Элантажъ-ханъ съ частью кавалеріи охранялъ афганскій лагерь съ тыла отъ ожидаемаго нападанія сарыковъ.

Согласно диспозиціи, правой колоннѣ въ составѣ: 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона и четырехъ орудій 6-ой горной батареи 21-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ полковника Казанцова, предписывалось выступить съ бивуака 18-го марта въ четыре часа утра и, слѣдуя песчанными буграми, обойти передовую афганскую позицію съ лѣваго фланга, чтобы оттиснуть непріятеля на противоположный берегъ рѣки Кушки. Кавалеріи, состоящей изъ трехъ сотенъ 1-го Кавказскаго казачьяго полка и сотни Мервской туркменской милиціи, при которой находились туркменскіе ханы и почетные старшины съ ихъ свитою, подъ общимъ начальствомъ подполковника Алиханова, назначалось выступить одновременно и способствовать дѣйствію правой колоннѣ. Лѣвой колоннѣ, въ составѣ двухъ ротъ 3-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго батальона, подъ начальствомъ полковника Никшича, предписывалось двинуться тоже въ четыре часа утра и пріостановиться за бугромъ Кизиль-Тепе. Для охраненія лагеря былъ оставленъ караулъ и часть нестроевыхъ, всего 50 человѣкъ.

18-го марта, въ четыре часа утра, отрядъ выступилъ съ бивуака согласно диспозиціи. Конница Алиханова нѣсколько уклонилась влѣво отъ назначеннаго ей направленія, пошла болѣе прямой дорогой и, опередивъ туркестанцевъ, въ началѣ шестого часа поднялась на Ташъ-кепринскій бугоръ, а затѣмъ, подойдя шаговъ на 500 къ центру передовой афганской позиціи, выстроила противъ ея фронтъ и стала выжидать подхода туркестанцевъ. Сводный Закаспійскій батальонъ для поддержанія кавалеріи, въ строю по-ротно, двинулся впередъ. Аванпосты обѣихъ сторонъ къ разсвѣту уже были сняты и отошли къ своимъ частямъ. Съ русской стороны для наблюденія за флангами были высланы: на правый флангъ разъѣздъ изъ джигитовъ, а на лѣвый флангъ постъ изъ трехъ казаковъ на Ярымъ-Тепе. Въ ис-

ходѣ шестого часа подошли Туркестанцы, къ нимъ, по занятіи боевой позиціи, была присоединена горная полубатарея.

Вскорѣ къ передовой кавалерійской массѣ афганцевъ подъѣхалъ самъ Наибъ Салоръ, привѣтствовавшій своихъ людей словами: «подвизайтесь во славу Божью». На это афганцы отвѣчали троекратнымъ крикомъ, призывая Аллаха и крича, что будутъ сражаться во имя Господне. Подполковникъ Алихановъ, ожидая, что за этими возгласами послѣдуетъ немедленная атака, спѣшилъ всѣ три сотни казаковъ и до 20-ти человѣкъ джигитовъ имѣвшихъ ружья; въ сомкнутомъ конномъ строю остались только остальные джигиты. Наступила гробовая тишина: огня ни съ русской ни съ афганской стороны еще не открывали; непріятель не рѣшался нарушить тишину, а русскимъ было воспрещено открывать огонь первымъ. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ послѣ объѣзда Наибъ-Салора, раздались съ афганской стороны первые выстрѣлы по русской кавалеріи. У казака была ранена лошадь и когда подполковнику Алиханову объ этомъ доложили, онъ приказалъ всѣмъ тремъ спѣшеннымъ сотнямъ дать залпъ.

Начался бой. Афганцы со всѣхъ своихъ линій отвѣтили артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; въ отвѣтъ на это со стороны русскихъ послѣдовала усиленная стрѣльба, заставившая непріятельскую пѣхоту спрятаться въ траншеи. Непріятельская кавалерія, немного поколебавшись, отхлынула назадъ, но затѣмъ снова начала готовиться къ атакѣ, отправивъ около трехсотъ всадниковъ въ обходъ, которые, спустившись съ бугра, стали заскакивать въ тылъ русской кавалеріи. Видя это Алихановъ направилъ на нихъ въ атаку сотню Меврской милиціи и открылъ огонь съ коня коноводами, а полковникъ Никшичъ, сдѣлалъ двумя ротами по непріятельской кавалеріи три залпа; одновременно съ этимъ двѣ роты Туркестанцевъ открыли огонь по этой же кавалеріи. Не выдержавъ такого дружнаго огня, афганцы бросились къ рѣкѣ Кушкѣ въ полномъ разстройствѣ и, толпясь густыми массами у брода, быстро начали переправляться на правый берегъ, гдѣ понесли большія потери отъ мѣткаго огня Туркестанцевъ. Джигиты, пущенные Алихановымъ въ атаку противъ афганцевъ, заскакавшихъ въ тылъ русской кавалеріи, во главѣ съ командующимъ сотней прапорщикомъ Баба-ханомъ, врубились въ ряды афганцевъ. Алихановъ, подскакавъ къ джигитамъ, крикнулъ: «умрите всѣ тутъ или истребите ихъ». И сотня дружно бросилась въ сабли. Туркестанцы въ это время для поддержки коноводовъ удлинили свой лѣвый флангъ; тогда и послѣдніе остатки афганцевъ бросились бѣжать съ Ташъ-Кепринскаго бугра за рѣку Кушку, покрывъ весь бугоръ трупами, бросивъ четыре орудія и знамя, взятое съ боя урядникомъ Мервской милиціи Аманъ-Клычемъ. Полковникъ Никшичъ, видя бѣгство непріятеля съ Ташъ-Кепринскаго бугра, приказалъ своей колоннѣ итти въ атаку на траншеи лѣваго участка передовой афганской позиціи. Афганцы, не выдержавъ штыковаго удара, бросились бѣжать за рѣку Кушку, покрывъ свои траншеи трупами и оставивъ на этомъ участкѣ позиціи три орудія и знамя, взятое унтеръ-офицеромъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго батальона Кобылкинымъ.

Непріятель, расположенный на правомъ берегу Кушки, видя пораженіе своихъ на передовой позиціи, открылъ артиллерійскій огонь съ Акъ-Тепе и, выстроившись впереди и правѣе своего главнаго лагеря, силился поддержать своихъ, но мѣткій огонь полубатареи отвѣчавшей непріятельской артиллеріи и губительный огонь Туркестанцевъ, а затѣмъ быстрое наступленіе и переходъ на правый берегъ Кушки всѣхъ русскихъ войскъ, отняли у афганцевъ всякую мысль и возможность дальнѣйшаго сопротивленія.

Генералъ Комаровъ, желая доказать въ паническомъ страхѣ бѣжавшему непріятелю, что цѣлью его было только исполненіе требованія объ очисткѣ лѣваго берега Кушки, не приказалъ преслѣдовать бѣгущихъ и двигаться въ Пенде; онъ даже не остался ночевать въ афганскомъ лагерѣ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ боя русскій отрядъ былъ переведенъ на лѣвый берегъ Кушки и тамъ расположился бивуакомъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній изъ Петербурга, оставивъ лишь караулъ въ Акъ-Тепе въ нѣсколько человѣкъ, чтобы обезопасить бивуакъ отъ возможной неожиданности.

Пораженіе афганцевъ было полное: обѣ ихъ позиціи, окопы и траншеи были покрыты трупами; русскимъ, помимо орудій и знаменъ, достался весь лагерь, огромный бунчукъ Джар-

нейля, множество значковъ, продовольственные и боевые запасы и верблюжій транспортъ.

Потеря русскихъ въ кушкинскомъ сраженіи заключалась въ одномъ убитомъ оберъ-офицерѣ: прапорщикѣ Сейдъ Назара Юзбаши, семи человѣкъ нижнихъ чиновъ и одномъ джигитѣ; раненыхъ было два оберъ-офицера и 18-ть нижнихъ чиновъ. Афганцы потеряли: 500 убитыми, въ числѣ ихъ нѣсколько начальствующихъ лицъ, много раненыхъ и 24 плѣнныхъ. Въ числѣ раненыхъ былъ самъ Наибъ-Салоръ.

Послѣ славнаго боя генералъ Комаровъ выслалъ вслѣдъ афганцамъ развѣдчиковъ, которые, вернувшись черезъ нѣсколько дней, донесли, что главная масса ихъ направилась на Бала-мурьабъ и только немногіе на Кала-и-моръ, что афганцы вмѣстѣ съ находившимися англичанами бѣгутъ безъ оглядки къ Герату. 19 го марта къ генералу Комарову явились депутаціи во главѣ со старшинами отъ независимыхъ пендинскихъ сарыковъ и эрсаринцевъ съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Просьба сарыковъ была уважена, а эрсаринцевъ генералъ Комаровъ просилъ обождать до распоряженія высшаго начальства.

Изъ земель, очищенныхъ афганцами послѣ кушкинскаго боя, учрежденъ Пендинскій округъ, который былъ врученъ временно сарыку Овезъ-бею—человѣку, преданному Россіи. Граница съ Афганистаномъ была точно опредѣлена и фактически установлена русскими и англійскими делегатами въ концѣ января 1888 года.

Побѣда на берегу Кушки еще разъ показала доблесть русскихъ войскъ, начальники коихъ выказали превосходный духъ храбрости, а нижніе чины служили примѣромъ исполнительности своего долга.

Послѣ кушкинскаго сраженія прошло болѣе 15-ти лѣтъ и въ память этого боя, съ соизволенія Государя Императора, 18-го марта 1900 года, состоялось открытіе и освященіе памятника, построеннаго у Ташъ-Кепри, на р. Кушкѣ, на мѣстѣ боя. При освященіи памятника присутствовали части войскъ, принимавшія участіе въ бою и офицеры-участники сраженія. Командиромъ корпуса генералъ-лейтенантомъ Боголюбовымъ была отправлена военному министру слѣдующая телеграмма: «Представители 2-го туркестанскаго армейскаго корпуса, собравшись у подножія вновь освященнаго памятника кушкинскаго боя, просятъ повергнуть къ стопамъ обожаемаго Монарха заявленіе своей непоколебимой преданности и горячей готовности беззавѣтно исполнить по примѣру славныхъ предшественниковъ всякое предначертаніе своего Верховнаго Вождя».

На это донесеніе была получена слѣдующая отвѣтная депеша: «Государь Императоръ изволилъ выразить удовольствіе по случаю открытія памятника кушкинскаго боя и благодарность за выраженныя представителями 2-го туркестанскаго армейскаго корпуса вѣрноподданническія поздравленія.» «Куропаткинъ“.